

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА :
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 10 2017 (октябрь)

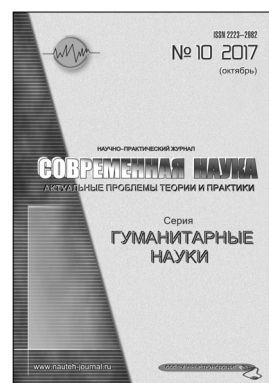
Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Редационный совет

- В.Л. Степанов – д.и.н., профессор, Институт экономики РАН
 Ю.Б. Миндлин – к.э.н., доцент, МГАВМиБ им. К.И. Скрябина
 П.В. Акульшин – д.и.н., проф., РГУ им. С.А. Есенина
 Э.Н. Алиева – д.филол.н., доцент, независимый эксперт
 А.Ю. Ватлин – д.и.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 Г.И. Воронина – д.п.н., проф., Гуманитарно-социальный институт
 Е.Е. Вяземский – д.п.н., проф., МПГУ
 Н.А. Герасименко – д.филол.н., проф., МГОУ
 Е.Б. Евладова – д.п.н., г.н.с., ИИДЦВ РАО
 А.Э. Котов – д.и.н., доцент, С-Петербургский ГУ
 С.К. Лебедев – д.и.н., С-Петербургский институт истории РАН
 П.В. Лизунов – д.и.н., проф., Сев. (Арктический) Федеральный
 университет им. М.В. Ломоносова
 А.П. Миньяр-Белоручева – д. филол.н., проф., МГУ
 им. М.В. Ломоносова
 М.В. Михайлова – д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 Я.М. Нейматов – д.п.н., проф., Президент фонда развития
 инновационных технологий РФ
 Н.О. Осипова – д. филол.н., проф., Московский гум. университет
 В.В. Петрусинский – д.п.н., проф., РАНХ и ГС при Президенте РФ
 Т.А. Печенёва – д.п.н., Белорусский ГУ
 Н.Л. Пушкарева – д.и.н., проф., Институт этнологии и
 антропологии РАН
 А.Н. Рыжов – д.п.н., проф., МПГУ
 А.И. Савостьянов – д.п.н., проф., МПГУ
 А.С. Сенявский – д.и.н., г.н.с., Институт российской истории РАН,
 рук. Центра "Россия, СССР в истории XX века"
 М.Ю. Сидорова – д.филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 А.М. Сморгчов – д.и.н., проф., РГГУ
 О.Ю. Стрелова – д.п.н., проф., Хабаровский краевой институт
 развития образования
 В.И. Тюпа – д. филол.н., проф., Институт филол. и истории РГГУ
 Н.М. Щедрина – д. филол.н., проф., МГОУ
 С.Н. Ханбалаева – д. филол.н., преподаватель, МГИМО МИД РФ
 Н.В. Юдина – д. филол.н., проф., ректор Владимирского филиала
 Финансового университета при Правительстве РФ

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел./факс: 8(495) 755-1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
http://www.nauteh-journal.ru
http://www.vipstd.ru

Scientific and practical journal

В НОМЕРЕ:
ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯЖурнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в
сфере массовых коммуникаций, связи
и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Журнал издается с 2011 года

Редакция:

Главный редактор

В.Л. Степанов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

VIP Studio ИНФО (www.vipstd.ru)

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» – 80015В течение года можно произвести
подписку на журнал непосредственно в редакции.Авторы статей
несут полную ответственность за точность
приведенных сведений, данных и дат.При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ-ПРИНТ»

тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 30.10.2017 г.

Формат 84x108 1/16

Печать цифровая

Заказ № 0000

Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

ИСТОРИЯ

Л.В. Блонский – Жилищный вопрос эпохи НЭПа в советском городе и попытки его решения (на примере Саратова)
L. Blonsky – Housing question of the NEP in the soviet city and the attempts at the solution (on the example of Saratov) ... 4

Ван Фань – Технологические инновации в разработке первой советской баллистической ракеты Р-1
Wang Fang – Technological Innovations in The Research And Development of The Soviet Union's First Type of Ballistic Missile P-1 7

А.Г. Викторов – Влияние общественно-политической организации "Комитет советских женщин" (КСЖ) на формирование положительного общественно-политического климата в СССР 1965–1985 гг

A. Viktorov – Influence of the public-political organization "the Committee of soviet women" (KSZH) on the formation of the positive public-political climate in the USSR in 1965–1985 12

А.Г. Викторов – Экономическо-политические аспекты общественно-политической жизни СССР 1965–1985 гг
A. Viktorov – Economic and political aspects of social and political life of the USSR of 1965–1985 15

В.Г. Зубарев, С.Л. Сmealov, С.В. Ярцев – Исследования археологических памятников урочища Аджиэль в 2017 г
V. Zubarev, S. Smekalov, S. Yartsev – Studies of archaeological sites of the Adzhel tract in 2017 18

А.Э. Котов – Консервативные публицисты на страницах дневника А.В. Богданович
A. Kotov – Conservative publicists on the pages of A.V. Bogdanovich's diary 24

А.Е. Перебейнос, Т.Г. Пташко – Молодежный алкоголизм – негативный факт обыденной жизни населения Урала. Власть, церковь и образование – организаторы борьбы с социальным недугом (конец XIX – начало XX в.в.)
A. Perebainos, T. Ptashko – Youth alcoholism is the negative fact of the life of the Ural population. Power, church and education – organizers of activity for overcoming the negative social phenomenon (end of XIX and the beginning of XX century) 31

В.И. Сопов – К вопросу о характеристике "режима дахий" в Белградском пашалыке на рубеже XVIII – XIX вв
V. Sopov – On the problem of the character of the "state of the Dahijas" in the Pashaluk of Belgrade at the turn of 18th–19th centuries 35

В.Л. Степанов – С.Ю. Витте – наследник Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградского
V. Stepanov – S.Yu. Witte as the successor of N.Kh. Bunge and I.A. Vyshnegradsky 38

Р.Ю. Степанов – Здоровьесбережение в России, история его развития
R. Stepanov – Health saving in Russia, history of its development 43

А.А. Сулейманов – Научное изучение социально-экономического положения номадов Якутии в 1950–1980-е гг.
A. Suleymanov – Scientific study of the socio-economic situation of the nomads of Yakutia in the 1950s–1980s 46

Е.Н. Хабалева – Разработка и реализация проекта всеобщего обучения в Российской империи (на примере Орловской губернии)
E. Khabaleva – Development and implementation of the project of general education in the Russian empire (on example of Oryol governorate) 51

В.В. Ярыгин – Бенджамин Гаррисон: президент, внук президента
V. Yarygin – Benjamin Harrison: the president, the president's grandson 55

ПЕДАГОГИКА

Л.Ю. Афанасьева, Е.И. Ясюкевич – Обучение иностранному языку для специальных целей в России и за рубежом на примере обучения английскому языку в области нефтяной промышленности
L. Afanasieva, I. Yasiukevich – Foreign language training for specific purposes in Russia and abroad based on the example of teaching English in the oil industry 59

А.В. Васильева – Использование интерактивных методов обучения иностранному языку при реализации обучающих функций языковой среды (краткосрочные курсы русского языка)
A. Vasileva – The usage of interactive methods of teaching foreign language in the implementation of training functions of language environment (short-term Russian language courses) 65

А.Д. Волошинова – Пассивные участники педагогической коммуникации в социальных медиа: общая характеристика, особенности поведения, классификация
A. Voloshinova – Passive participators of pedagogical communication in social media: general characteristics, behaviour peculiarities, classification 70

О. Григорьева – Эстрадный танец в системе профессиональной подготовки будущего педагога-хореографа
O. Grigorieva – Pop dance in the system of professional training of future teacher-choreographer 75

А.Н. Иконникова, Н.В. Белоцерковская, Т.Н. Пермякова – Обучение иностранным языкам как одно из главных условий развития языкового образования в Республике Саха (Якутия)
A. Ikonnikova, N. Belotserkovskaya, T. Permyakova – Teaching foreign languages as one of the main conditions for the development of language education in the Republic of Sakha (Yakutia) 78

М.О. Коростелева – Воспитание как фактор совершенствования культуры личности
M. Korosteleva – Education as a factor of improvement culture of personality 84

Е.В. Криницына – Методология формирования и развития личности в молодежном общественном объединении
E. Krinitsyna – Methodology of personality formation and development in a youth public association 88

М.В. Кузмичева – Изучение композиционной категории "единство – целостность" на примере анализа произведений искусства для художников-дизайнеров
M. Kuzmicheva – Studying of composite category "unity-integrity" on the example of the analysis of works of art for graphic designers 91

М.В. Кузмичева – Вхутемас: его роль в развитии дизайна XX–XXI века
M. Kuzmicheva – Higher Art and Technical Studios (Vkhutemas): its role in design development of XX–XXI centuries 96

Л.А. Ларионова, Т.А. Жданко – Профессиональные ценности: проблемное поле, интерпретация
L. Larionova, T. Zhdanko – Professional values: problem ground, interpretation 100

А.К. Лукина, Ю.С. Шепелева – Межкультурная толерантность специалиста как условие социальной интеграции в многокультурном обществе
A. Lukina, Ju. Shepeleva – Cross-cultural tolerance of the expert as a condition of social integration in multicultural society 106

Л.А. Паршутина, Н.А. Заграничная – Включение научного метода познания в обновленное содержание учебных предметов биологии и химии
L. Parshutina, N. Zagranichnaya – Inclusion of the scientific method of cognition in the updated content of subjects in biology and chemistry 111

О.Н. Пинигина – Профессиональная подготовка менеджеров социально-культурной сферы деятельности в контексте культурной политики Республики Саха (Якутия)
O. Pinigina – Professional training for managers of socio-cultural field in the context of the cultural policy of the Republic of Sakha (Yakutia) 115

Н.А. Семешко – Теория и методика профессионального музыкального образования
N. Semeshko – Theory and methodology of professional music education 119

А.И. Хомченко – Актуальность обобщенной модели формирования профессионального опыта курсантов военного ВУЗа в процессе практической подготовки
A. Homchenko – Relevance of the generalized model of formation of professional experience of cadets of military higher education institution in the course of practical preparation 122

ФИЛОЛОГИЯ

Р.Р. Алимова – Миграционный кризис 2015–2017 гг. и его языковая проекция в испанском политическом дискурсе
R. Alimova – Migration crisis 2015–2017 and his language projection in the Spanish political (media) discourse 127

С.П. Анохина – Перлокутивный эффект в речевых актах-запросах
S. Anokhina – Perlocutionary effect in "inquiry" as speech act 132

З.А. Вдовина – Развитие концепта "профессия" в русской языковой картине мира
Z. Vdovina – The development of the concept of profession in the Russian language picture of the world 138

А.В. Гончарова – Микроконтекстуальный анализ стилистических приемов для достижения экспрессивности в речи в английском языке (на примере создания эффекта иронии)
A. Goncharova – Microcontextual analysis of stylistic receptions to achieve expressiveness in speech in English (on the example of creation of the ironian effect) 141

Ли Исинь – Репрезентация концепта "глупость" в русском языковом сознании (на материале русских народных и авторских сказок)

Yixin Li – Representation of the concept "foolishness" in Russian linguistic consciousness (on the material of Russian national and author's fairy tales) 144

Г.Г. Лопатина – Номинативные предложения как прием экспрессивного синтаксиса в поэме в прозе Р.М. Рильке "Песнь о любви и смерти корнета Кристофа Рильке"

G. Lopatina – Nominative proposals as the reception of the expressive syntax in the poem in the prose of R.M. Rilke "A song of love and death of cornet Christophe Rilke" 148

А.Б. Мурза, Т.Л. Алферова – Художественный текст: восприятие и интерпретация

A. Murza, T. Alferova – Artistic Work: Its Perception and Interpretation 151

А.И. Новикова – К вопросу о специфике коммуникативных взаимодействий в условиях антикризисного территориального брендинга в Московской области в 2012–2016 гг

A. Novikova – On the issue of the specifics of communicative interactions in conditions of anti-crisis territorial branding in Moscow region in 2012–2016 157

О.В. Токарева – Особенности актуализации категорий одушевленности и гендера в англоязычном тексте в аспекте перевода

O. Tokareva – Animacy and gender assignment in English texts as a translation issue 162

Цай Хунянь – Сравнительный анализ китайского словаря "Море слов" и "Русского энциклопедического словаря" под редакцией И.Н. Березина

Cai Hongyan – Comparative analysis of the Chinese dictionary "The sea of words" and "The Russian encyclopedic dictionary" edited by I.N. Berezina 168

З. Чукуева – Новый характер традиций документализма в отечественной литературе конца XX и начала XXI веков

Z. Chukueva – The new character of the of documentalism in Russian literature end of the twentieth and the beginning of the XXI centuries 172

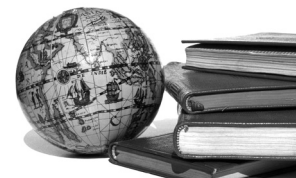
Чань Лифан – Структурно-семантические средства создания комического эффекта в русских народных сказках

Lifang Chen – Structural-semantic means of creating comic effect in Russian folk tales 177

ИНФОРМАЦИЯ

Наши Авторы / Our Authors 182

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале 184

№ 10 2017 (октябрь)

CONTENTS

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС ЭПОХИ НЭПА В СОВЕТСКОМ ГОРОДЕ И ПОПЫТКИ ЕГО РЕШЕНИЯ (на примере Саратова)

Л.В. Блонский

*К.и.н., доцент, Российская
открытая академия транспорта Российского
университета транспорта, г. Москва*

HOUSING QUESTION OF THE NEP IN THE SOVIET CITY AND THE ATTEMPTS AT THE SOLUTION (on the example of Saratov)

L. Blonsky

Annotation

The article examines the phenomenon of the housing crisis in the Soviet city of 1920-ies. The problem of the housing problem and the attempts at resolution are considered on the example of one of the major regional centres of Soviet Russia – the city of Saratov. Residents of Saratov, not only survived the horrors of the Civil war, but also the catastrophic famine of 1921–1922., with full felt the effects of these social upheavals. One of those consequences is becoming a housing crisis that has engulfed the city during the course of the NEP. Implemented from the second half of the 1920s. the plan of housing cooperatives in Saratov, was the real program of an exit from the protracted housing crisis.

Keywords: Soviet state, the Volga region, the 1920-ies, the housing crisis, Saratov, Saratov province, housing construction, housing co-operatives.

Аннотация

В статье исследуется феномен жилищного кризиса в советском городе 1920-х годов. Проблема возникновения жилищного вопроса и попытки его разрешения рассматриваются на примере одного из крупных региональных центров Советской России – города Саратова. Жители Саратова, пережившие не только ужасы Гражданской войны, но и катастрофический голод 1921–1922 гг., со всей полнотой ощутили последствия этих социальных катаклизмов. Одним из таких последствий становится жилищный кризис, захлестнувший город в период реализации курса НЭПа. Реализуемый со второй половины 1920-х гг. план жилищной кооперации в Саратове, стал реальной программой выхода из затянувшегося жилищного кризиса.

Ключевые слова:

Советское государство, Поволжье, 1920-е годы, жилищный кризис, Саратов, Саратовская губерния, жилищное строительство, жилищная кооперация.

1920-е годы в истории нашей страны, традиционно связывают с восстановлением, разрушенного после Первой мировой и Гражданской войн, народного хозяйства. Из всех проблем, связанных с восстановлением разрушенного хозяйства и быта, одной из главных для горожан становится – жилищная проблема. Основной причиной, спровоцировавшей жилищный кризис 1920-х годов, являлась запущенность строительного дела в связи с войнами и революциями. В Саратове, являвшемся крупным городом и центром губернии и находящемся на пересечении важных стратегических направлений Советской России, в полной мере ощущалась вся динамика социальных и экономических проблем, характерных для страны.

Комфортабельных жилищ в Саратове было мало и до октябрьской революции 1917 года. Последующие годы нанесли непоправимый вред всему жилому фонду местного губкоммунотдела. Если в 1916 году в Саратове на одного жителя приходилось в среднем около 18 кв. аршин (12,7 кв. м) жилой площади, то 1923 году – около 13 кв. аршин (9,2 кв. м.) 6, с. 20. В 1916 году в Саратове

числилось 14496 домовладений с 39879 квартирами, с площадью до 1050000 кв. м. На начало 1924 года 30 % из них нуждались в текущем ремонте, 50 % в среднем, 17 % в капитальном и 3 % в полном 7, с. 22. Кроме этого, в Саратове, начиная с 1924 года наблюдался демографический рост (численность населения к середине 1920-х гг. приближалось по численности к довоенному уровню), что, также, усугубляло жилищный кризис в городе.

В августе 1923 года Саратовский губкоммунотдел, в целях ослабления жилищного кризиса в Саратове издал следующее постановление: "Предложить всем гражданам как муниципализированных, так и немунципализированных домов, занимающих площадь свыше установленной нормы, на основании постановления ВЦИК и СНК от 13 июня сего года самоуплотниться в двухнедельный срок; по истечении же данного срока Жилподотделу ГКО производить уплотнение принудительно. Примечание: Норма жилья на одного человека принимается за 4,2 кв. м. и для лиц имеющих право на дополнительную площадь в размере не свыше 14,2 кв. м сверх общей нормы" 1, д. 1064, л. 10.

Все жилые постройки в Саратове делились на муниципализированные и частновладельческие. Общая площадь частновладельческих домовладений равнялась 380205 кв. м, (31 кв. м. на одно домовладение). Общая площадь муниципализированных домовладений была равна 571383 кв. м. (231 кв.м. на одно домовладение) 7, с. 23. В количественном же соотношении преимущество оставалось за частновладельческими домовладениями (в их распоряжении находилось 12070 домовладений, а в распоряжении муниципалитета 2368) 7, с. 25. Существенная разница в метраже, в пользу муниципализированных домовладений объяснялась тем, что муниципалитет оставлял за собой в основном двухэтажные и многоэтажные здания. Одноэтажные здания, в основном, оставались за частными владельцами. В процентном соотношении количество зданий выглядело следующим образом: 1) одноэтажных зданий – 84,5 %; 2) двухэтажных – 14,9 %; 3) многоэтажных – 0,5 %. Из 571283 кв. м., оставшихся за муниципализированными домовладениями, полезной площади имелось 422541 кв. м., или 74 % 2, д. 193, л. 7.

По размерам жилой площади муниципализированные домовладения можно было, условно, разделить на три категории: 1) мелкие – до 105 кв. м.; 2) средние – от 105 кв. м. до 210 кв. м.; 3) крупные – свыше 210 кв. м. Из 2368 муниципализированных домовладений выделялось 5412 жилых строений. Эти жилые строения делились на каменные – 2290 (42,3 %); деревянные – 2823 (52,1 %); смешанные – 299 (5,5 %). Состояние домовладений было следующим: а) в хорошем состоянии – 472 (19,9 %); б) в удовлетворительном 1312 (55,4 %); в плохом 584 (24,6 %). Преобладающим типом квартир была двухкомнатная квартира. По данным переписи 1923 года на одну семью приходилось только 0,7 квартиры в Саратове 2, д. 193, л. 8.

Резкое снижение всех видов строительства в городе начало происходить ещё в период Первой мировой войны. В условиях чрезмерной скученности населения и отсутствия топлива, разрушительные процессы в жилищном хозяйстве, в 1920–е годы стихийно прогрессировали. В цифрах по Саратову это выразилось следующим образом: 1) норма жилья на одного саратовца в квадратных метрах в 1916 году – 9 кв.м.; 2) в 1923–1924 гг. – 6,9 кв.м.; 3) в 1924–1925 гг. – 6,6 кв.м.; 4) в 1925–1926 гг. – 6,3 кв.м.; 5) в 1926–1927 гг. – 6,0 кв.м 2, д. 193, л. 8. По обследованию на 1924–1925 гг., в Саратове удовлетворялись исключительно низкой нормой от 2 до 4 кв.м. – 19 % от общей массы населения (около 37000 человек). И это при том, что условным минимумом жилья в РСФСР считался 8,1 кв. м. на одного жителя 5, с. 56.

Таким образом, жилищный кризис глубоко проник в повседневную жизнь саратовцев. Необходимо было предпринимать определённые меры, чтобы его ослабить. Проблему пытались решать радикально, в духе первых лет советской власти. Как уже было отмечено выше, в августе 1923 года Саратовским губкоммунотделом был из-

дан указ о принудительном уплотнении. В бывшие квартиры и дома богатых людей вселяли новый привилегированный советский класс – пролетариат.

Управление муниципализированным жилым фондом в Саратове сосредотачивалось в жилищном подотделе, который учитывал и распределял всю жилую площадь в городе и вообще осуществлял все мероприятия по жилищному фонду. Для непосредственного обслуживания домов учреждался институт управляющих домами со штатом конторщиков, счетоводов и дворников 2, д. 76, л. 19. Кроме этого, распространённой формой объединения жильцов становятся в этот период жилищные товарищества. Члены жилтовариществ владельцами жилья не являлись, так как недвижимость в городах находилась в собственности городских Советов, в состав исполкомов которых входили коммунальные отделы 3, с. 55. И домкомы, и жилищные товарищества были выборными организациями, состав которых определяли сами жильцы. Во главе их стояли председатели. Домкомы и жилтоварищества являлись первичными организациями жилищного подотдела губкоммунотдела по эксплуатации муниципализированных домовладений. Их главной обязанностью являлась обеспечение нормального функционирования домов и квартир. По данным на 1923 год в Саратове: 1) дома, находящиеся в ведении домкомов, составляли – 45,78 %; 2) дома, находящиеся в ведении учреждений – 40,59 %; 3) дома, находящиеся в ведении жилищных товариществ – 3,7 %; 4) дома, находящиеся в ведении жильцов – 8,8 % 2, д. 76, л. 20.

Организация домкомов и жилтовариществ помогала решить многие организационные вопросы, в частности сбор квартплаты. При этом квартплата определялась дифференцированно (в зависимости от социального статуса жильца). Такой подход полностью отвечал принципам нового социалистического уклада, при котором выделялись социально близкие классы (рабочие и крестьяне) и социально чуждые слои ("нэпманы"). Так, например, при определении платы за воду на заседании Президиума Саратовского Губплана от 10 ноября 1924 года, было принято что "рабочие будут платить по 25 коп. за 100 ведер воды, а частные предприниматели, владельцы и соучастники частных промышленных и торговых предприятий всякого рода; владельцы ресторанов, пивных, кафе, столовых, пекарен, постоянных дворов; мелких торговцев подрядчиков; лица без определённых занятий; члены частных торговых объединений по 2 руб. за 100 ведер" 2, д. 261, л. 7.

Жилищно-бытовые условия саратовца, получавшего шанс вселиться в новую квартиру, должны были отвечать самым необходимым параметрам. Описание жилищной обстановки того времени представлено в ведомственном саратовском журнале 1920–х годов "Коммунальная жизнь": "В настоящее время за счёт особого кредита по общественным работам техстроем приспособляются под квартиры рабочих шесть крупных каменных домов из категории полуразрушенных в различных районах города

Саратова. Общая полезная площадь этих домов около 1000 кв. м. Эта площадь будет разбита на небольшие квартиры в две, три жилые комнаты и кухню, причём две квартиры будут состоять из одной комнаты и кухни. Каждая квартира будет иметь небольшой отдельный сарайчик для дров с поленницей. Каждая квартира будет достаточно изолированной и иметь два входа – парадный и чёрный. Отапливаться квартиры будут посредством голландских печей. Все дома будут соединены с водопроводной и канализационной сетью, но в большинстве их отдельных проводов в сами квартиры не будет: будет устроен водопроводный кран во дворе, а также общие клозеты и помойные ямы. Электричество будет проведено по мере возможности. Вообще основным принципом устройства таких квартир будет наибольшая экономия средств и простота. Отделка квартир будет самая простая: оштукатуренные и выклеенные стены и потолки, крашенные деревянные полы, окна и двери" 4, с. 14 .

В целях решения жилищной проблемы, советская власть предпринимала вполне определённые меры. И саратовские власти, шли в фарватере новых мер советской власти по ликвидации жилищного кризиса 1920-х годов. Так, в Саратове стали реализовывать строительную программу, которая включала в себя планы выполнения двух основных задач по жилстроительству: 1) восстановление и реконструкция существующих жилищ; 2) строительство новых жилищ. Средняя стоимость постройки одного квадратного метра жилья в Саратове определялась в 120 рублей 9, с. 112–113 .

Из приведённых данных мы видим, что наибольшую сумму на строительство новых и реконструкцию и восстановление старых зданий предполагалось найти с помощью реализации жилищной кооперации. 16 мая 1924 года ЦИК и СНК СССР издаёт "Постановление о содействии кооперативному строительству рабочих жилищ", в котором определялись цели, задачи и условия строитель-

ства жилого фонда в рамках жилищной кооперации 10 . Постановлением было определено три вида кооперации: арендная, строительная и общегражданская. При этом реальное распространение получили только две её формы – арендная и строительная. Общегражданская кооперация, как недостаточно субсидируемая, развития в условиях Саратовской губернии не получила 8, с. 96 .

Количественный рост жилищно-арендных кооперативов (ЖАКтов) по городу Саратову за период времени с 1 октября 1925 года по 1 октября 1926 года можно охарактеризовать следующими данными: на 1 октября 1925 года было зарегистрировано 377 ЖАКТов; на 1 октября 1926 года их количество увеличилось до 783 8, с. 97 . За год количество ЖАКТов возросло более чем на 100 %. В 1924–1925 строительном году жилкооперация не столько строила вновь, сколько восстанавливала площадь из фонда разрушенных домовладений. В 1925–1926 году жилкооперация вошла в новую фазу своего развития – в её рамках началось строительство новых домов. Такая строительная программа дала конкретные результаты: если в 1923 году на одного жителя в среднем приходилось около 9,2 кв. м. жилой площади, то по данным на 1927 год эта норма увеличилась до 12,1 кв. м. 2, д. 82, л. 12 .

Итак, в 1920-е годы одной из главных проблем советских городов становится жилищный вопрос. Жилищно-бытовые условия горожан резко ухудшились после разрушительных последствий Первой мировой и Гражданской войн. В Саратове – крупном нижневолжском городе и центре одноимённой губернии, остро ощущалась нехватка жилья и снижение темпов строительства в начале 1920-х годов. Начиная с середины 1920-х годов, ситуация меняется в лучшую сторону. Большую роль в этом сыграли меры, принятые как советским руководством в целом, так и активной позицией местной власти по реализации плана жилищной кооперации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 456 (Отдел управления исполнительного комитета Саратовского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1918 – 1928 гг.). Оп. 1.
2. ГАСО. Ф. 466 (Плановая комиссия при исполкоме Саратовского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов – "губплан" (1918 – 1928 гг.). Оп. 1.
3. Кириллова Е.А. НЭП и новая жилищная политика: от домкомбедов к жилтовариществам (Петроград, начало 1920-х гг.) // Вестник РГГУ. Серия: История, Филология, Культурология, Востоковедение. 2014. № 19(141). С. 53–65.
4. Коммунальная жизнь. Орган Саратовского губернского коммунального отдела. 1923. № 4.
5. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города 1920/1930 гг. СПб., 1999. 320 с.
6. Нижнее Поволжье. Орган Нижне-волжской областной и саратовской губернской плановых комиссий. 1925. № 3.
7. Нижнее Поволжье. 1925. № 4.
8. Нижнее Поволжье. 1927. № 3.
9. Нижнее Поволжье. 1927. № 7.
10. СЗ СССР (Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик). 1925. № 26. Ст. 178.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В РАЗРАБОТКЕ ПЕРВОЙ СОВЕТСКОЙ БАЛЛИСТИЧЕСКОЙ РАКЕТЫ Р-1

Ван Фань

К. ест. н., с. н. с.,

*Институт истории естествознания
Китайской академии наук*

TECHNOLOGICAL INNOVATIONS IN THE RESEARCH AND DEVELOPMENT OF THE SOVIET UNION'S FIRST TYPE OF BALLISTIC MISSILE P-1

Wang Fang

Annotation

The thesis elaborates on the difficulties in the research and development of the Soviet Union's first type of ballistic missile, and it details technological improvements and innovations in different batches of P-1 missiles. On the basis of that, the author points out that the successful production of P-1 missiles is an unprecedented breakthrough of the Soviet Union in a brand new field. It not only means the birth of the Soviet Union's first ballistic missile, but it also embodies the capability of the Soviet Union to inherit and digest German's missile technologies.

Keywords: The Soviet Union, P-1 missile, technological innovation.

Аннотация

Эта статья достаточно подробно рассматривает трудности, с которыми столкнулся Советский Союз при разработке баллистической ракеты Р-1, а также описывает технические доработки и инновации каждой серии ракет Р-1. На этой основе автор делает вывод, что успешный запуск в производство баллистических ракет Р-1 стал первым технологическим прорывом Советского Союза. Производство ракет Р-1 было не просто рождением первой советской ракеты, но и важным свидетельством того, что Советский Союз смог освоить немецкие ракетостроительные технологии и продолжить их развитие.

Ключевые слова:

Советский Союз, ракета Р-1, технологические инновации.

Ракета Р-1 (индекс ГРАУ – 8А11, код по классификации НАТО – SS-1) – первая ракета советской разработки, созданная на базе восстановленных советскими учеными технологий немецкой ракеты Фау-2. Ракета Р-1 представляла собой видоизмененную Фау-2, максимально адаптированную к производству из советских материалов; производство было развернуто с середины 1947-го года.

Эта ракета запустила процесс освоения немецких ракетостроительных технологий в Советском Союзе; в производстве ракеты участвовало 13 научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро, а также 35 производственных площадок [2, с. 172].

Р-1 нередко описывается как простое "восстановление" или копия Фау-2, но на самом деле организация производства было сложным процессом: в течение нескольких лет все силы советских ученых-ракетостроителей были отданы этому проекту. Многочисленные проблемы, возникшие в процессе копирования технологий, требовали от специалистов глубокого понимания технологических процессов на всех этапах производства; специалисты предлагали собственные варианты разрешения возникающих проблем [2, с. 177].

1. Первая серия ракет Р-1 и ее экспериментальные пуски

Разработка Р-1 с самого начала столкнулась с рядом проблем, в особенности в связи с переходом на советские материалы, повлиявшем на все разработку всех систем. В Германии при производстве ракет Фау-2 использовали 86 марок и сортов стали, советская промышленность в 1947 году способна была заменить аналогичными по свойствам только 32 марки; в Германии использовали 59 марок цветных металлов, СССР мог найти у себя только 21. Самыми "трудными" материалами оказались неметаллы: резины, прокладки, уплотнения, изоляции, пластмассы и т.д.: требовалось иметь 87 видов неметаллов, а советские заводы и институты способны были дать только 48 [10, с. 125]. Для того, чтобы обеспечить разработку новых материалов, Сталин отдал приказ привлечь к производству Р-1 большое количество научно-исследовательских институтов.

Советские инженеры проанализировали недостатки, выявленные при экспериментальных запусках Фау-2, и внесли соответствующие коррективы в конструкцию Р-1. Ракета Р-1 состоит из 4-х частей: головная часть, приборный отсек, топливный отсек и хвостовая часть. По

сравнению с Фау-2, в Р-1 были увеличены хвостовая часть и приборный отсек, что привело к увеличению общей длины ракеты до 14,27 м. В хвостовой части была предусмотрена специальная отсека, позволявшая менять рулевые машины не снимая всю хвостовую часть. Дальность ракеты – 270 км, на 20 км больше оригинальной Фау-2; для увеличения дальности на 215 кг был увеличен объем жидкого топлива (спирта), а также проведены соответствующие баллистические перерасчеты.

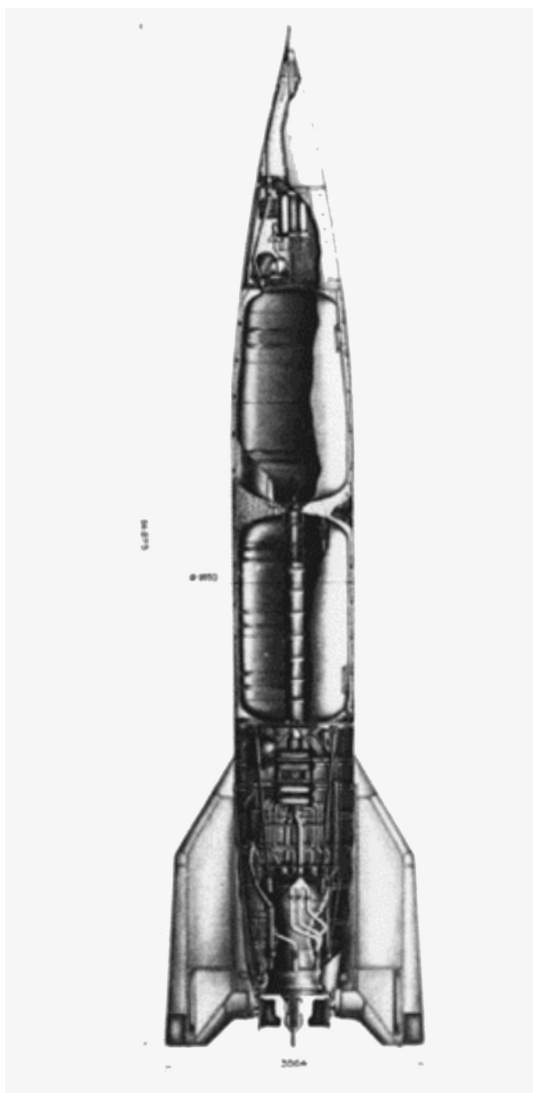

Рисунок 1. Схема ракеты Р-1 [7]

Разработка двигателя – ключевое звено производства Р-1. Этот участок работы велся на заводе 456 при министерстве авиационной промышленности (Зд-456-МАП) под руководством В.П. Глушко. Советская копия двигателя Фау-2 получила название РД-100, в качестве топлива использовался спирт в смеси с жидким кислородом. Для Советского Союза существенную трудность представляла сварка деталей большой камеры сгорания. На заводе 88 под руководством Л.А. Мордвинцева была разработана новая технология сварки,

ставшая важным элементом производственного процесса. Определенные трудности были связаны с подбором неметаллических материалов для уплотнений, различными резинометаллическими деталями и обеспечением герметичности всех пневматических и гидравлических стыков. Кроме того, в РД-100 были реализованы некоторые конструкционные улучшения: упростились контакты между основными деталями турбонасоса, что позволило улучшить циркуляцию; лабиринтное уплотнение сопла подачи топлива было заменено на плоское, чтобы избежать ослабления резьбовых соединений[1].

Производство системы управления в основном было возложено на НИИ-885 и НИИ-20 Министерства промышленности средств связи (МПСС), а также НИИ-10 Министерства судостроительной промышленности. Система управления Р-1 состоит из гироскопических приборов: гиروهоризонта, гировертиканта и интегратора продольных ускорений. Инженеры из НИИ-10 Кузнецов В.И. и Цециор З.М., детально изучив Фау-2, смогли существенно повысить уровень производства гироскопических приборов в СССР. Инженер НИИ-20 Дегтяренко Г.И. доработал немецкую телеметрическую систему "Мессина", создав восьмиканальную систему "Бразилионит", повысив объем передаваемой информации на один порядок. Фильтры, примененные Хансом Хохом и доктором Куртом Магнусом при экспериментальных запусках Фау-2, были интегрированы в систему управления Р-1.

В процессе разработки ракеты Советский Союз был вынужден использовать некоторые детали немецкого производства, поскольку они не могли быть произведены в стране. К примеру, качество резины для сервопривода было ниже необходимого, и для обеспечения герметичного соединения применялась немецкая резина; промышленность не могла предоставить все специальные сплавы цветных металлов для производства электрических выпрямителей с оксидом меди, поэтому работа по переносу их производства в СССР не велась[5]. Стоит обратить внимание, что поскольку графитовые материалы были широко доступны, производство газовых рулей шло гораздо успешнее, чем в Германии во время войны.

Еще одна сложность, с которой столкнулось производство Р-1 – управление заводами, качество и технические навыки персонала. Больше всего сложностей возникло с обучением персонала техническим процессам производства ракет. Производство двигателей продвигалось очень медленно в связи с недостатком рабочих, прошедших профессиональное обучение. Вплоть до октября 1947 года, заводы могли произвести менее половины всех деталей, которые использовались при производстве моделей [2, с. 173]. Подобные проблемы возникли на всех участках производства ракеты.

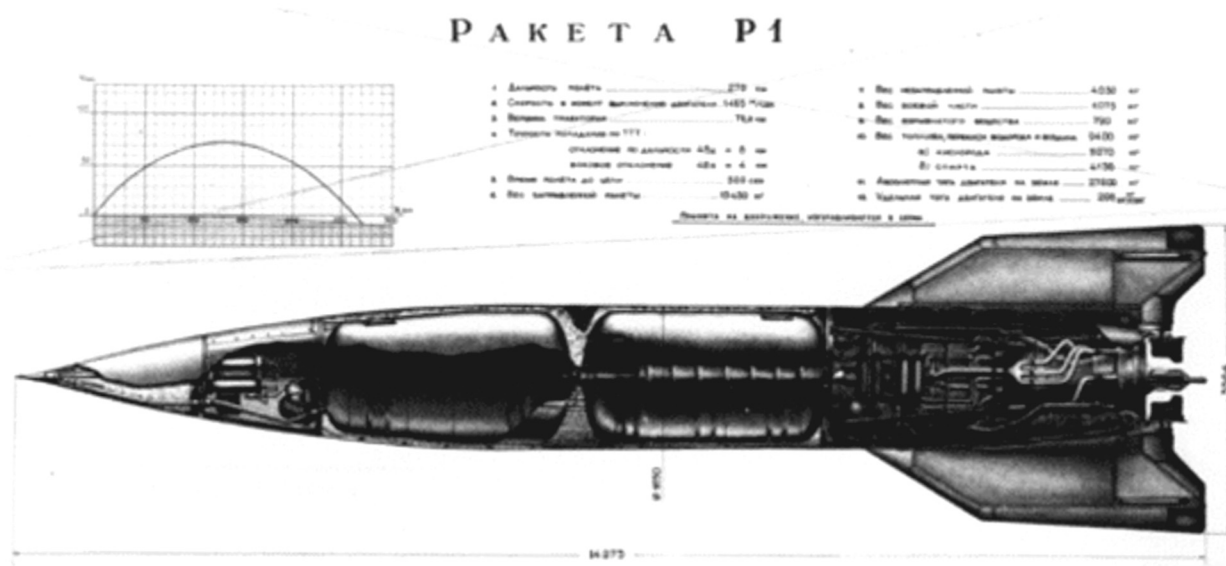

Рисунок 2. Схема ракеты Р-1 [8]

С сентября по ноябрь 1948 года на полигоне "Капустин яр" СССР провел летные испытания первой серии ракеты Р-1. Основная цель испытаний – проверка общей конструкции ракеты, обнаружение и исправление имеющихся недостатков, получение реальных данных о пусках ракет. В этот раз немецкие специалисты уже не участвовали в испытаниях. Для испытания первой серии Р-1 было подготовлено 12 ракет, на 10 из которых была установлена советская телеметрическая система "Бразиолит". Во время испытаний 3 ракеты были отправлены обратно на производства в связи с возникшими техническими проблемами и недостаточной мощностью двигателя [10].

В конечном итоге, в летных испытаниях было запущено 9 ракет.

В процессе испытаний было выявлено две основных проблемы: хлопки (микровзрывы топлива) и сбросы электрической схемы. Для советских специалистов эти проблемы оказались неожиданными [2, с. 175]. По результатам расследования, специалисты пришли к выводу, что основная причина подобного – низкое качество комплектующих, недостаточная надежность. Для решения проблемы сброса схемы, главный конструктор А.М. Гольцман спроектировал специальную пружину, призванную повысить надежность контакта между наземными кабелями и пусковой установкой ракеты.

Рисунок 3. Доставка жидкого кислорода на стартовую позицию (1948г.) [3]

Результаты пусков Р-1 показали [4], что ее летные характеристики отвечали техническим требованиям, из 9-ти запущенных ракет 8 достигли целевого района, и только первая ракета сошла с траектории из-за поломки. По сравнению с немецкими Фау-2, советские инженеры успешно повысили надежность Р-1, но точность попадания ракеты была все еще низкой: только одна ракета попала точно в целевой круг радиусом 10 км.

2. Доработки во второй серии ракет Р-1

Вторая серия ракет Р-1 во многом уже не была копией технологий Фау-2, для повышения точности было внесено много радикальных изменений в конструкцию. По предложению С.П. Королева, основные доработки концентрировались на двух направлениях: повышение качества производства и дальнейшее ведение НИОКР. Он уточнил, что НИИ-885, отвечавшее за систему управления, и ОКБ-456, отвечавшее за производство двигателя, назначаются основными ответственными за повышение точностных характеристик; НИИ-88 отвечает за введение заводских инструкций, производственной культуры, повышение надежности сервопривода, а также осуществляет контроль за работой НИИ-885 и ОКБ-456.

В то же время на заводах, участвовавших в производстве Р-1 активно шло обновление, вводились новые технологические процессы. НИИ-88 стало активнее участвовать в управлении цехами, а также установило связь с С.А. Лавочкиным и отправили свыше 50-ти технологов и рабочих на авиационный завод для изучения процессов гибки, штамповки и сварки алюминиевых сплавов. Новые технологии, требующие цветного литья, большого объема медницких, клепальных и сварочных работ, осваивались с большой неохотой.

Что касается НИОКР, работы велись в нескольких направлениях. Большим техническим успехом того периода можно назвать создание телеметрической системы нового типа "Дон" группой под руководством Е.Я. Богуславского в НИИ-885. Новая система упростила обнаружение ошибок и получение данных о технических характеристиках ракеты. В комплект к ней была построена наземная приемная станция, позволявшая вести наблюдение за ракетой в реальном времени. ОКБ-456 активно изучала причины микровзрывов топлива; хотя изначально причина не была определена, специалисты провели дополнительный ремонт системы зажигания, а также повысили качество производимых двигателей. Была обновлена вся сеть наземных кабелей, а также усилена хвостовая часть ракеты. В целом, каждая организация, принимавшая участие в производстве Р-1, сделала множество технических усовершенствований, повысив надежность и точность ракеты.

В августе 1949 года была завершена доработка второй серии ракеты Р-1, и в сентябре-октябре того же года

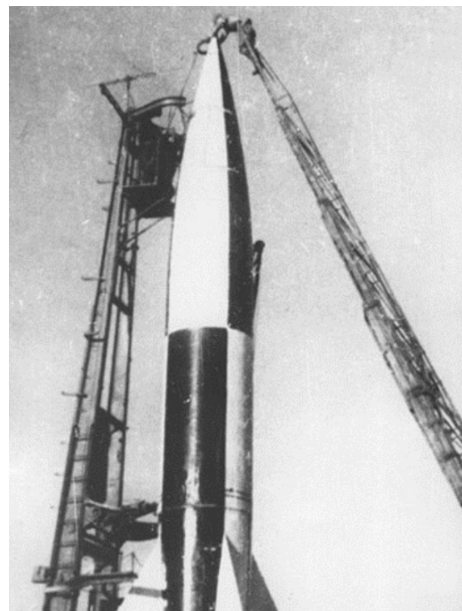

Рисунок 4. Установка ракеты Р-1 на стартовой позиции (1948г.) [8]

были проведены тестовые пуски. Всего в процессе испытаний была запущено 21 ракета, из которых одна была использована для огневых испытаний двигателя. На всех ракетах была установлена новая телеметрическая система "Дон", пришедшая на замену предыдущей системе "Бразилолит". До того, как ракеты привозились на полигон, в 39-м цехе НИИ-88 производились горизонтальные испытания. Из 20 запущенных ракет, 16 достигли запланированного района размером 16x8 км [4]. Из 4-х ракет, пуск которых был признан неудачным, 2 не достигли цели из-за поломки интегратора, а 2 другие загорелись при заправке из-за нарушения герметичности топливпровода вследствие микровзрывов топлива. При этом, в этой серии испытаний не возникло ни одной ситуации, когда двигатель не мог быть запущен из-за сброса электрической схемы.

Испытания подтвердили, что ракета Р-1 привела к нескольким техническим прорывам, и она, обладая схожими с Фау-2 характеристиками, добилась более высокой надежности [2, с.176]. Команда под руководством главного конструктора С.П. Королева в основном достигла заданных целей; система "Дон" в процессе испытаний показала хорошие результаты и получила благосклонные отзывы – она начала применяться на всех последующих моделях ракет советского производства, вплоть до появления более современной системы для первых межконтинентальных ракет. В результате, при поддержке Госплана, советские производители и разработчики Р-1 предложили принять ракеты на вооружение в действующей армии СССР.

Тем не менее, представители Красной армии считали, что возникшие в ходе испытание проблемы с микровзрывами топлива достаточно серьезные, и только после уст-

ранения недостатков ракету можно принять на вооружение. Поскольку мнение военных практически не поддавалось обсуждению, производители и разработчики ракеты вынуждены были согласиться. На филиале № 2 НИИ-88 были проведены многочисленные наземные испытания, внесено более 400 изменений – только после этого военные дали "добро" на серийное производство [2, с.177].

3. Доработки и улучшения в последующих сериях

С 29 января по 2 февраля 1951 года на полигоне "Капустин Яр" прошли испытания третьей серии ракет Р-1. В этот раз было запущено 5 ракет, и помимо проверки общей конструкции также проводилось испытание функционирования ракеты в условиях 26-тиградусного мороза. В июне того же года проводились испытания четвертой серии Р-1, было запущено 11 ракет. Эта серия испытаний считалась тестовыми испытаниями для серии, запущенной в производство на заводе в Днепропетровске. Все ракеты обеих серий достигли запланированного района, упав в запланированном прямоугольнике 16x8 км, с максимальным отклонением в работе системы управления не более 5,5 км.

Хотя в конструкции Р-1 было сделано множество улучшений, основной недостаток ракеты так и не был преодолен. Этот дефект был присущ еще немецкой Фау-2: на нисходящей траектории, при входе в плотные слои атмосферы, ракета деформировалась. Говоря точнее, тот факт, что советские ученые не могли понять причину микровзрывов топлива в головной части ракеты, был продолжением одной из тех трудностей, с которыми немцы столкнулись во время войны. Из 10 пусков Р-1, в 1–2 случаях возникали такие проблемы [2, с.157]. Только в 1954 году, когда разрабатывались ракеты с ядерными

боеголовками, эта проблема была наконец решена. Причины взрывов – нагревание топлива, приводящее повышению давления в герметичной капсуле головной части ракеты; в случае если корпус головной части не мог выдержать давления, срабатывал взрыватель и происходил взрыв.

ВЫВОД

Советский Союз успешно перенял технологии немецкой Фау-2 и наладил производство собственной Р-1 – это стало первым прорывом страны в сфере высоких технологий, имеющим важное историческое значение. Производство ракет Р-1 было не просто рождением первой советской ракеты, но и важным свидетельством того, что Советский Союз смог освоить немецкие ракетостроительные технологии и продолжить их развитие. Рекордным до настоящего времени является общее число пусков ракет, произведенных для отработки и проверки: общее число испытательных пусков А-4 и Р-1 на территории СССР превышает 200 [10, с.157]. Подобные крупные проекты, вовлекающие специалистов различных дисциплин и использующие богатую технологическую базу, дал ценнейший опыт подготовки собственной рабочей силы, создания собственной исследовательской и производственной базы.

Пример Р-1 показывает, что к началу 50-м годов Советский Союз сравнялся с Германией по ракетным технологиям, и по сути дела начал улучшать немецкие разработки, добавляя собственные инновации. Хотя в 1950-х годах система Р-1 была уже неактуальна и не могла удовлетворить современные потребности армии, но благодаря ей Правительство СССР создало первую дивизию особого назначения, а также начало работы над тактическими и стратегическими планами применения нового оружия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Przybilski O H. The Germans and the Development of Rocket Engines in the USSR. Journal of the British Interplanetary Society, 2002(55): 404-427.
2. Uhl M. Stalins V-2: Der Technologietransfer der deutschen Fernlenkwa – ffentechnik in die UdSSR und der Aufbau der sowjetischen Raketenindustrie 1945 bis 1959. Bonn: Bernard & Graefe-Verlag, 2001.
3. Доставка жидкого кислорода на стартовую позицию. 1948г. РГАНТД. Ф.35 оп. 3 д. 42. http://vystavki.rgand.ru/korolev/pics/012_002.jpg.
4. Ивкин В И, Сухина Г А. Задача особой государственной важности. Из история создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1945–1959 гг). Москва: РОССПЭН, 2010. 999–1000.
5. Из постановления Совета Министров СССР № 647–254 "Об изготовлении из отечественных материалов ракет дальнего действия Р-1 первого варианта (типа Фау-2) и итогах проведения заводских летных испытаний". Ивкин В И, Сухина Г А. Задача особой государственной важности. Из история создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1945–1959 гг). Москва: РОССПЭН, 2010. 176.
6. Краткая справка-доклад заместителя начальника ГАУ ВС генерал-майора инженерно-артиллерийской службы Соколова о результатах испытаний на ГЦП МВС ракет Р-1 №№ 7, 4, 3 и 8 по предварительным данным технического руководства испытаниями. Ивкин В И, Сухина Г А. Задача особой государственной важности. Из история создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1945–1959 гг). Москва: РОССПЭН, 2010. 166.
7. Схема ракеты Р-1. РГАНТД. Ф.107 оп. 2 д. 67. http://vystavki.rgand.ru/korolev/pics/012_017.jpg.
8. Схема ракеты Р-1. РГАНТД. Ф.107 оп. 2 д. 66. http://vystavki.rgand.ru/korolev/pics/012_019.jpg.
9. Установка ракета Р-1 на стартовой позиции. 1948г. РГАНТД. Ф.35 оп. 3 д. 35. http://vystavki.rgand.ru/korolev/pics/012_009.jpg.
10. Черток Б Е. Ракеты и люди. Подлипки-Капустин Яр-Тюратам. Москва: Издательство РТСофт, 2011.

ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ "КОМИТЕТ СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН" (КСЖ) НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КЛИМАТА В СССР 1965-1985 гг.

INFLUENCE OF THE PUBLIC-POLITICAL ORGANIZATION "THE COMMITTEE OF SOVIET WOMEN" (KSZH) ON THE FORMATION OF THE POSITIVE PUBLIC-POLITICAL CLIMATE IN THE USSR IN 1965-1985

A. Viktorov

Annotation

The article provides analysis of the activities of the political organization "the Committee of Soviet women," attempts to address the main stages of the development and establishment of public organizations and social movements in General. Considers the line of socio-political interaction with various domestic and foreign public organizations.

Keywords: The Committee, women Union, 1965, 1985, the social and political life.

Викторов Александр Геннадьевич
Аспирант,
Астраханский Государственный
Университет, г. Астрахань

Аннотация

В статье приводится анализ деятельности общественно-политической организации "Комитет советских женщин", делается попытка рассмотреть основные этапы развития и становления общественной организации и общественного движения в целом.

Рассматривается линия общественно-политического взаимодействия с различным отечественными и зарубежными общественными организациями.

Ключевые слова:

Комитет, женщины, СССР 1965, 1985, общественно-политическая жизнь.

Комитет советский женщин – общественная организация, объединяющая советских женщин, созданная для усиления и укрепления позиций женщин в СССР и зарубежных странах в организации общей борьбы за мир, всеобщее равенство, права женщин и безопасность народов.

Общественное движение было образовано в сентябре 1941 г., как Антифашистский комитет советских женщин.

После разгрома немецких сил под Москвой в 1942 г., работа Антифашистского комитета советских женщин (АКЖ) активизировалась, в состав комитета вошли государственные и общественные деятельницы, ученые, работницы сфер искусства и народного хозяйства.

К тому времени в комитете насчитывалось 24 человека.

Среди них были депутаты верховного совета СССР Т. В. Федорова, П.Н. Пичугина, генерал-директор тяги З.П. Троицкая, член-корреспондент АН СССР Л. Н. Штерн, председатель райисполкома Краснопресненского района Н.В. Попова, народный художник СССР В. М. Мухина,

народная артистка СССР, солистка Большого театра В.В.Барсова, заслуженная артистка РСФСР балерина Большого театра О. П. Лепешинская, директор шелкопрядильной фабрики М. М. Макарова.

Возглавила АКЖ Валентина Степановна Гризодубова.

Ответственным секретарем, стала Татьяна Михайловна Зуева.

Основная цель АКЖ состояла в установлении тесных связей с женскими зарубежными организациями, чтобы способствовать их активизации в борьбе с фашизмом, вести агитацию и пропаганду, обеспечивать иностранную печать статьями и другими материалами, рассказывающими правду о героизме советских людей на фронте и в тылу.

Свои цели АКЖ реализовывали различными способами:

- ◆ всесоюзными митингами женщин;
- ◆ осуществлением рассылки материалов женским зарубежным организациям в иностранную прессу и на радио;

◆ путем индивидуальных переписок с представительницами женских зарубежных организаций в разных странах.

В первые годы войны активизировалось внешнеполитическое и общественно-политическое взаимодействие АКСЖ с Международной федерацией женщин с университетским образованием. 13 ноября 1942 года ответственный секретарь АКСЖ т.Зуева отправила в Лондон телеграмму с предложением о сотрудничестве.

В 1956 г., общественное движение сменило название на Комитет советских женщин.

В обновлённый комитет вошли представители республик, областей и городов СССР, представители профсоюзных и корпоративных общественных и общественно-политических организаций страны. [1]

Руководящим органом общественно-политической организации был признан пленум Комитета советских женщин, который созывался ежегодно.

Основными ключевыми направлениями деятельности комитета были:

- ◆ Взаимодействие с различными общественными организациями;
- ◆ Популяризация деятельности комитета и привлечение общественности к основным проблемам советских женщин;
- ◆ Объединение региональных комитетов по направлению деятельности советских женщин;
- ◆ Формирование положительного общественно-политического климата в СССР.

Данные цели были определены ключевыми задачами общественно-политического развития международного демократического женского движения. [2]

Комитет советских женщин являлся одним из учредителей и активных членов общественной организации Советский фонд Мира, который в 1945 г., был включен в Международную Демократическую Федерацию Женщин.

Данное направление общественно-политического взаимодействия можно объяснить тем, что через комитет советских женщин активистки выражали свое стремление к миру и взаимопомощи между народами, пропагандировали солидарность с женщинами зарубежных стран против различных актов агрессии, выступали за сотрудничество с активистами общественных и социальных движений, которые боролись за демократический и социальный прогресс, что в последствии могло положительно сказаться на внутреннем общественно-политическом климате СССР, активистки призывали

оказывать помощь женским организациям развивающихся стран в их общественно-политической, социально-политической, массово-политической, социальной и массовой деятельности, по всем направлениям. [3]

Таким образом, Комитет советских женщин имел чёткие общественно-политические связи с женскими организациями более чем 120 стран мира.

Председателями комитета в разные годы были:

- ◆ В.С. Гризодубова (1941–1945)
- ◆ Н.В. Попова (1945–1968)
- ◆ В.В. Николаева–Терешкова (с 1968)
- ◆ Э.П. Пухова (1987–1991)
- ◆ А.В. Федуллова (с 1991 г)

В 1973 г., общественная организация "Комитет Советских Женщин" была награждена орденом дружбы народов. [4]

Комитет советских женщин располагался в здании на углу Пушкинской улицы и Пушкинской площади.

В регионах так же существовали отделения общественной организации, деятельность которых корректировалась центральным отделением.

Совместно с ВЦСПС комитет издавал журнал "Советская женщина", который выходил на 10 языках в разных странах мира.

Издание было признано во всем мире, как женский общественно-политический и литературно-художественный журнал.

Он был основан в 1945 г., в Москве.

Его учредителем и издателем выступал Комитет советских женщин при поддержке ВЦСПС и коллектива, который впоследствии составил редакцию журнала.

Работа комитета носила не только общественно-политический, но и идеологический характер. [6]

Одной из целей его работы и активного сотрудничества с другими общественными организациями было подтверждение истинности тезиса о том, что советская женщина успешно сочетает в себе ключевые для общественно-политического взаимодействия на высоком уровне показатели.

Согласно данной "идеологии" общественной организации советская женщина должна была "успешно сочетать обязанности матери, труженицы и гражданки", что с общественно-политической точки зрения носило первостепенное значение.

В августе 1991 г., общественная организация, как и вся административно–командная система, переживала ярко выраженный общественно–политический кризис. [7]

Это выразилось в постепенном разочаровании общественности в деятельности советских общественно–политических организаций, что привело к кризису идеологии, а затем и всей административно–командной системы.

Таким образом, чтобы сохранить внутреннюю обще–

ственно–политическую структуру Комитет советских женщин СССР был преобразован в общественно–политическую организацию Союз Женщин России, которая с течением времени трансформировалась в современный вариант общественной организации Женщины России.

Данная общественно–политическая трансформация обусловлена в первую очередь важнейшими общественно–политическим и социально–политическими явлениями, характерными для политической ситуации данного периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айвазова С.Г. История женского движения России // Общественные науки и современность. 1995. № 4.
2. Воронина О.А. Женщина и социализм: опыт феминистского анализа // Феминизм: Восток, Запад, Россия. М., 1993.
3. Константинова В.Н. Женщина и проблемы политического лидерства // Женщины и социальная политика: гендерный аспект. М., 1992.
4. Краац С. Взгляд женщин–парламентариев России на "женский вопрос" // Женщины и социальная политика: гендерный аспект. М., 1992.
5. ГАРФ Ф. 7928 Оп 5 Д 10927 Л 4
6. <http://cendomzn.ucoz.ru/index/0-23538> [URL: 05.09.17]
7. <http://www.a-z.ru/women/texts/genssrr-e.htm> [URL: 06.09.17]

© А.Г. Викторов, (amsis@inbox.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ЭКОНОМИЧЕСКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СССР 1965-1985 гг.

ECONOMIC AND POLITICAL ASPECTS OF SOCIAL AND POLITICAL LIFE OF THE USSR OF 1965-1985

A. Viktorov

Annotation

The article provides an analysis of the socio-political situation in the USSR in the period 1965–1985. The scientific novelty of this study lies in the fact that this is the first comprehensive study in regional historical scholarship, which presents the social and political life of the population studied socio-political, socio-political, mass-political mood of the residents, identified the most significant factors influencing the formation of such attitudes. The relevance of this topic is determined by its insufficient knowledge of the presence of the historiographical lacunae.

Keywords: USSR, 1965. 1985, socio-political life, socio-political climate of reform, the Communist party.

Викторов Александр Геннадьевич
Аспирант,
Астраханский Государственный
Университет, г. Астрахань

Аннотация

В статье приводится анализ общественно-политической ситуации в СССР в период 1965–1985 гг. Научная новизна данного исследования заключается в том, что это первое комплексное исследование в региональной исторической науке, в котором представлена общественно-политическая жизнь населения, изучены социально-политические, общественно-политические, массово-политические настроения жителей, выявлены наиболее существенные факторы, влияющие на формирование таких настроений. Актуальность данной темы определяется ее недостаточной изученностью наличием историографических лакун.

Ключевые слова:

СССР, 1965. 1985, общественно-политическая жизнь, социально-политический климат, реформы, КПСС.

На октябрьском пленуме ЦК КПСС в 1964 г., генеральным секретарем коммунистической партии стал Л.И. Брежнев, председателем совета министров был избран А.Н. Косыгин, который предложил меры по экономическому преобразованию страны, в основе предложенных методов лежали основные положения, входящие в ключевые этапы планирования новых принципов экономического и политического стимулирования ключевых отраслей.

Важнейшая хозяйственная реформа разрабатывалась группой экономистов, во главе которой стоял А.Л. Либерман. [1. с. 12–19.]

На первых этапах своего становления и развития реформа смогла показать положительную динамику, что позволило зафиксировать соответствующие результаты. Восьмая пятилетка по ее итогам стала самой успешной за весь послевоенный период.

Объемы производства выросли в 1,5 раза, что позволило построить и ввести в эксплуатацию 1900 крупных предприятий.

В 1972 г., основные средства от легкой промышленности стали отправляться на развитие оборонного комплекса.

Делались попытки внедрения качественно новых, передовых методов работы, таких как бригадный подряд и т.д. Для улучшения экономических показателей наряду с рабочей силой использовалось и новое высококачественное оборудование для достижения положительной динамики в развитии экономических показателей.

Однако, для успешного продолжения новых реформ требовались концептуально новые подходы, а большинство партийных лидеров того периода не могли перестроить административно-командные методы управления по новым векторам. [2. с. 414]

Что стало одной из ключевых причин скорого свертывания преобразований.

Существующий на тот период механизм хозяйствования, так же нуждался в скорейшем внедрении передовых достижений науки и техники, хотя на практике и противодействовал инновационным течениям.

Таким образом, срок освоения технических инноваций растягивался на десятилетия, что стало причиной нарастания дефицита в государственном бюджете, а как следствие и внешних финансовых догов и заимствований.

Данные негативные тенденции особым образом сказывались на непосредственном процессе реформирования и претворении реформ в жизнь.

В 70-е годы приток "нефтедолларов" сглаживал провалы в экономическом развитии, это позволяло оставлять в неприкосновенности систему директивного управления.

В дальнейшем падение спроса на природные ресурсы и топливо привело к резкому падению цен на нефть и газ, что стало серьезным ударом по развитию советской экономики. [3. с. 270]

Руководство страны предпринимало усилия по стабилизации общественно-политического и социально-экономического положения в стране, упор планировалось сделать на ключевые аспекты сельского хозяйства.

Перераспределение национального дохода в пользу села и списание долгов с населения, а так же повышение закупочных цен, в совокупности с комплексной механизацией, химизацией и мелиорацией земель позволило сделать ставки на агропромышленную интеллигенцию – кооперирование колхозов и совхозов в Агропромобъединения с обслуживанием их отраслями промышленности.

Для достижения выше заявленной цели в 1985 г., был создан Госагропром. Однако, не смотря на все усилия сельское хозяйство во многом отставало от других отраслей и считалось слабой отраслью экономики, требующей дополнительного стимулирования в развитии.

К середине 80-х, экономическая и политическая стагнация в СССР стала очевидна, это было вызвано внешнеполитическими и внутриполитическими аспектами, которые во многом тормозили реформирование страны.

В апреле 1985 г., новый генеральный секретарь ЦК КПСС – М. С. Горбачев объявил о начале "перестройки и ускорения". [4. 112–130]

Однако, у руководства страны, на тот период, не было четкого плана структуризации и ускорения реформирования.

Отсутствие четкого вектора развития в крупных вопросах стимулирования развития страны, привело к перегибам и появлению проблемных зон.

Был легализован бизнес, под видом кооперативов, однако государство облагало данные виды деятельности чрезмерным налогом, поскольку они часто "отмывали" деньги криминальным способом для соответствующих

структур, что так же не несло идеологической пользы, как и экономических улучшений.

Однако, данная тенденция привела к созданию и политических и экономических предпосылок для складывания аспектов расширения самостоятельности предприятий, что привело к частичному ослаблению централизации в системе, хотя она и без данного дестимулирования теряла командные высоты и работоспособность. [5.с. 42–53.]

Таким образом, отложенное создание и промедление в последующем развитии привело к кризисным явлениям, которые в свою очередь вылились в системный кризис, приводящий к тотальному краху экономических и общественно-политических векторов, все это привело к распаду страны.

В 1989 г., был созван Съезд народных депутатов СССР, избранный на альтернативной базе (прежде выдвигался только один кандидат).

В ходе выборов возникли и начали набирать политические силы антикоммунистические движения, такие как "Демократическая Россия", объединяющие сторонников переустройства страны по европейскому образцу, того времени.

Подобные преобразования первыми поддержали представители интеллигенции.

Последующие преобразования в экономических и общественно-политических направлениях привели к исчезновению из главного государственного документа – Конституции фразы о руководящей роли КПСС, что так же стало идеологическим ослаблением позиций действующей власти.

Власть стала постепенно переходить от партийных органов и структур к избранным народом советам, однако они так же не смогли улучшить общественно-политическую и социально-экономическую обстановку.

Не редко главами советов на местах становились бывшие руководители партийных органов и структур, подобные политические преобразования и "перестановки" не могли поднять общественно-политическую заинтересованность населения в "большой" политике.

Подводя итог, можно сделать вывод о тесной связи экономических, социально-политических и общественно-политических аспектов в формировании положительного общественно-политического климата.

Взаимодействие власти и общества по направлениям центральная власть – местная власть – народ является

ся ключевым аспектом в формировании общественно – политических настроений.

Однако, идеологический и экономический аспект оказались не готовыми к изменению политического вектора развития СССР, что привело к ослаблению внутривластных связей между властью и обществом, что вывелось в свою очередь в серьезный общественно–политический кризис.

Совокупность экономических, общественно–политических и идеологических кризисов привели к краху всей административно–командной системы, подводя страну к полному системному кризису и смену общественно–политической формации.

Таким образом главной проблемой замедления политического и экономического курса развития общества стали перегибы в радикализации преобразований системы.

Одним из факторов косвенно тормозящих развитие прогресса в экономике, политике и общественно–политической мысли стало усиленно давление цензуры.

В 1966 г., за публикацию "антисоветских произведений" были осуждены такие известные личности, как А.П. Бутенко (философ), А.Д. Синявский (писатель) и т.д.

Была распущена редакция "Нового Мира", а А.Т. Твардовский был снят с должности главного редактора.

Начало новому курсу было положено апрельском (1985) Пленуме ЦК КПСС, на пленуме речь шла о необходимости создания положительного общественно–политического климата для стимулирования всестороннего развития общества.

Подобные политическо–общественные преобразования было решено начать с политики гласности, что стало положительным аспектом при отрицательном векторе развития данного инновационного вейния.

Цензура со временем была ослаблена, что привело к издания большого количества идейно новых газет.

XIX Всесоюзная партийная конференция прошедшая в июле 1988 г., стала одной из ключевых площадок для выступлений сторонников и противников выбора нового общественно–политического курса в развитии страны.

В изучаемый исторический период выбор курса развития страны был наиболее актуальным, поскольку прошлые общественно–политические тенденции не могли в полной мере удовлетворять потребности широких масс общественности, а новые тенденции общественно–политического и социально–экономического развития не были в полной мере сформированы.

Идеологический кризис в совокупности с экономическим стали двумя важнейшими аспектами полного и тотального краха системы.

Системность данного кризиса можно проследить с середины 1984 г., когда основные постулаты и позиции общественно–политических аспектов и идеологических советских догм стали входить в прямую конфронтацию с реалиями существования советского общества, показав свою несостоятельность система стала себя изживать, что стало еще одним витком кризисных явлений, что в свою очередь привело к неизбежному на тот период идеологическому краху, разочарование населения в "большой политике" было вызвано в первую очередь именно этим, таким образом население и его широкие массы потеряло веру в сущность структуризации новых изменений и последующие положительные тенденции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валлерстайн И., Дерлугьян Г. История одного падения // Эксперт. 2012. №1. С. 12–19.
2. Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. – М, М.: Политиздат, 1987. – 510 с.
3. Кабытов П.С. Судьба–Эпоха: автобиография историка. – Самара, Изд–во "Самарский университет", 2008. С 352
4. Лапин Н.Ю. Трансформация советской политической элиты // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2005. №1. С. 112–130
5. Сельцер Д.Г. Перестройка и дестабилизация номенклатурной организации власти // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. №1. С. 42–53.

ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ УРОЧИЩА АДЖИЭЛЬ В 2017 г.*

* Работа выполнена в рамках НИР "Археологические и геофизические изыскания на археологических памятниках Аджиэльской балки для проверки гипотез о характере антропогенного воздействия в период голоцена" в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого (задание Минобрнауки России, № 33.6496.2017/БЧ).

STUDIES OF ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE ADZHIEL TRACT IN 2017

V. Zubarev
S. Smekalov
S. Yartsev

Annotation

The publication provides a comparison of information on archaeological sites of the Adzhel tract in the Eastern Crimea, obtained from literary data, old and modern maps, aerial and space imagery with the results of pedestrian archaeological surveys carried out by the authors. The study of the territory is performed on the squares of a topographic map of scale 1:100000.

Keywords: Crimea, Kerch Peninsula, Adzhel tract, Bosphorus kingdom, Belinskoe settlement, archeology, antiquity, geoinformations systems, old maps, satellite imagery.

Зубарев Виктор Геннадьевич
Д.ист.н., профессор,
ТГПУ им. Л.Н.Толстого, г. Тула
Смекалов Сергей Львович
К.ист.н., с.н.с.,
ТГПУ им. Л.Н.Толстого, г. Тула
Ярцев Сергей Владимирович
Д.ист.н.,
ТГПУ им. Л.Н.Толстого, г. Тула

Аннотация

В публикации приводятся сопоставление сведений об археологических памятниках урочища Аджиэль в Восточном Крыму, полученных на основании литературных данных, данных старых и современных карт, аэро и космической съемки с результатами выполненных авторами пешеходных археологических разведок. Изучение территории производится по квадратам топографической карты масштаба 1:100000.

Ключевые слова:

Крым, Керченский полуостров, урочище Аджиэль, Боспорское царство, городище Белинское, археология, античность, геоинформационные системы, старые карты, космическая съемка.

Урочище Аджиэль является одним из районов Восточного Крыма, игравшем важную роль в древности. На современных и старых картах используются несколько отличающиеся, или даже разные названия для этой местности. В литературе чаще используется слово "Аджиэль". Поселение, с которым связано название балки на карте – конца XIX века масштаба 1:42000 (далее – карта – "верстовка"), обозначено как "Аджиэли", на карте масштаба 1:25000 50-х гг. XX века (далее – карта 1:25000), обозначено как "Державино" (переименовано в 1948 г. В.Ф. Саржановец, Н.А. Рак в [1, с. 206]). Часть урочища "Аджиэль" обозначена карте 1:25000 как "урочище Державино", сама балка называется "Аджелская", на карте масштаба 1:100000 80-х гг. XX века (далее – карта 1:100000) – урочище "Державино" и балка "Аджиэльская". Можно отметить и расхождения в написании для других названий "Ново-Отрадное" у И.Т. Кругликовой [4] и "Новоотрадное" на карте 1:100000 и др. с чем и связаны расхождения в тексте данной работы. Балка Аджиэль, идущая, по направлению северо-западного-восток труднопроходима, отгораживает значитель-

ную часть Керченского полуострова, и является одним из естественных защитных рубежей Восточного Крыма. Силами гарнизонов находившихся здесь укрепленные поселения и, в первую очередь, крупного античного городища Белинское, могли контролироваться наиболее проходимые места, где в древности шли, по-видимому, кратчайшие пути миграции населения от материка через Крым на Тамань.

Таким образом, эта территория, вероятно, играла стратегическую роль в системе обороны Боспорского Царства, а само городище Белинское являлось, возможно, и локальным политическим центром.

В данной публикации авторы продолжают изложение результатов исследований археологических памятников урочища Аджиэль, начатых ими в 2014 гг. В 2014–2016 гг. работа проводилась в рамках НИР "Структурно-пространственное изучение памятников как парадигма археологического исследования истории конкретного региона (на примере урочища "Аджиэль" и го-

родища "Белинское") в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого (задание № 2014/389 Минобрнауки России, № НИР 1799).

Изучение территории проводится, в соответствии с принятым участниками подходом, по квадратам координатной сетки проекции Гаусса–Крюгера листов топографической карты L-37-85, L-37-97 масштаба 1:100000. Первоначально проводилось обобщение литературных и архивных сведений об известных на данный момент археологических объектах, выделялись, на основании этих сведений, а также информации, представленной на старых и современных картах, аэро и космических снимках, места расположения известных объектов и возможные места расположения памятников ранее неизвестных. Далее проводились пешеходные археологические разведки.

Для отображения и анализа собираемой информации был подготовлен фрагмент геоинформационной системы, включающий следующие основные слои: карта масштаба 1:126000 1865–1876 гг., на карта – "верстовка", карта 1:25000, карта 1:100000, слой аэрофотоснимков 70–

х гг. XX в., слой современных космических снимков ресурса Google Earth, слой известных археологических памятников, координаты которых имеются в создаваемой авторами базе данных [5].

В 2014–2016 гг. было проведено обследование квадратов 2672, 2674, 2870, 2872, 2874, 3070, 3072, 3270, 3274, (рис. 1) через которое проходит основной отрезок балки и ее главные притоки [2, 3, 6]. В 2017 г. проведен предварительный анализ наличия археологических объектов и пешеходные археологические разведки в квадратах 2676, 2678, 2680, 2876, 3470 (рис. 1).

Вместе с квадратами, исследованными в 2014–2016 гг. данные квадраты охватывают территорию большую часть урочища Аджиэль за исключением его самой южной части, обследование которой планируется провести позднее.

Приведем далее результаты, полученные для отдельных квадратов в 2017 г. Разведки проводились в июле 2017 г.

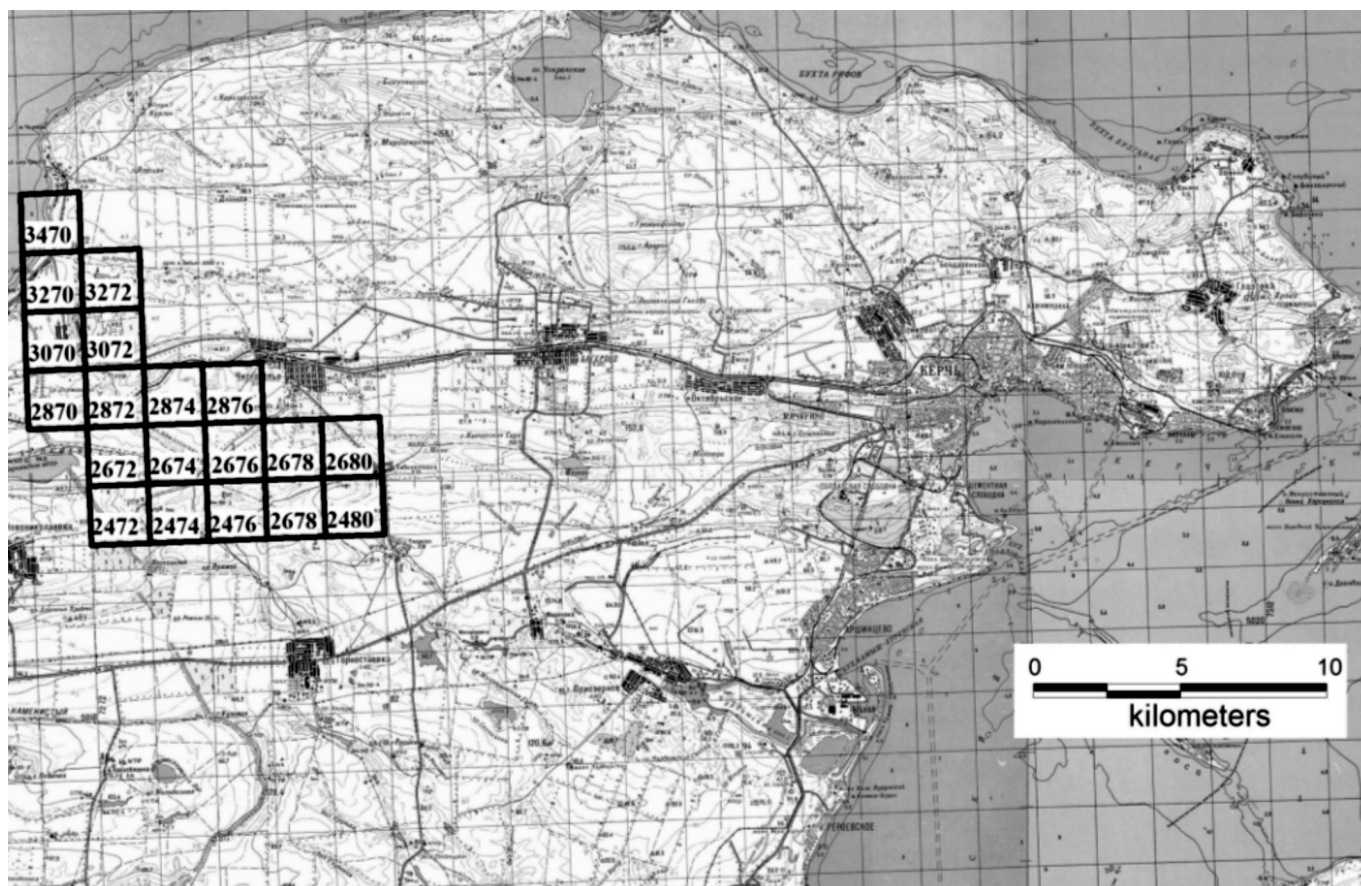
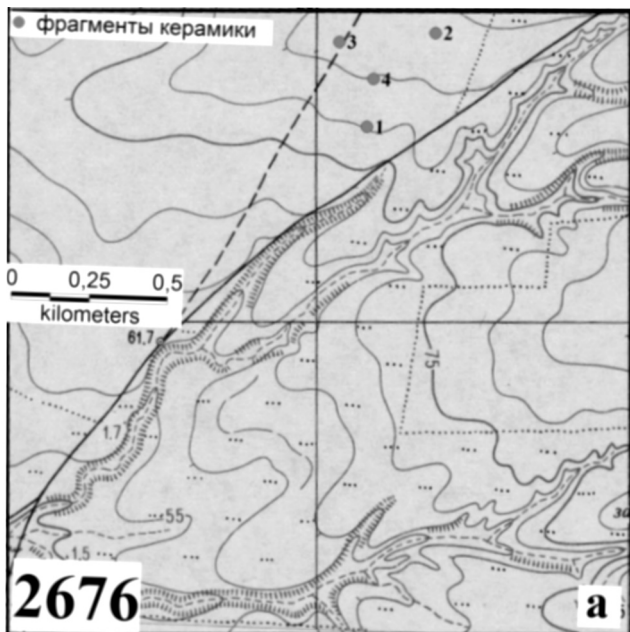

Рисунок 1. Расположение изучаемой территории на карте Керченского полуострова.

Квадрат 2676 (рис. 2а).

Квадрат 2678 (рис. 2б).

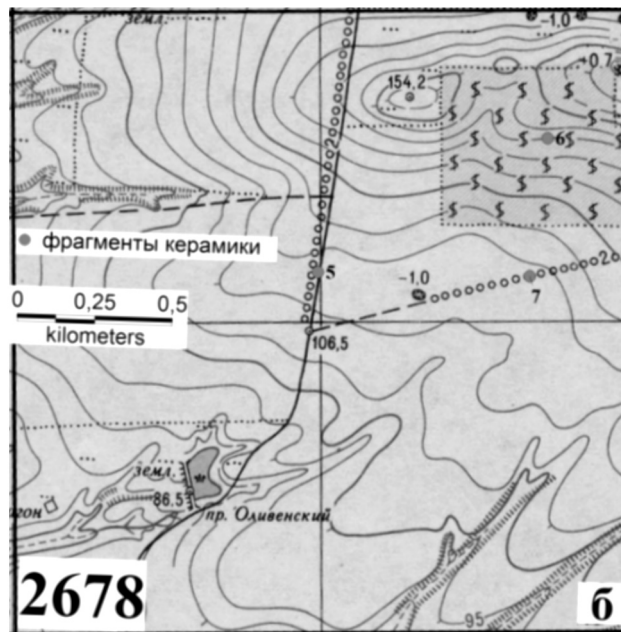

Рисунок 2. Археологические объекты в квадратах 2676 (а) и 2678 (б).

Почти по диагонали, с северо-востока на юго-запада квадрат пересекает дорога от с. Чистополье к селам Горностаевка и Николаевка. Северо-восточный угол квадрата примыкает к с. Чистополье. Южнее дороги располагаются глубокие разветвленные рукава балки Аджиэль. По данным литературных источников каких-либо археологических объектов в квадрате не известно. На "верстовке" обозначен одиночный курган близ середины северной границы квадрата. На момент разведки, часть квадрата севернее вышеупомянутой дороги занимало свежевспаханное поле. Территория к югу от дороги, между рукавами балки была покрыта травянистой растительностью высотой до полуметра вблизи и по склонам рукавов балки. По северному рукаву протекал ручей, заполнявший пруд на пересечении рукавов балки.

Результаты, полученные для квадрата 2676 в ходе предварительного обследования и пешеходной разведки, показаны на рис. 2. В табл. 1 приведен перечень обнаруженных предметов и объектов, имеющих археологическое значение (для данного и последующих квадратов).

На распаханном поле севернее дороги обнаружено значительное скопление фрагментов керамики XIX–XX вв., рассеянной на площади до 10 га. Встречались как обломки посуды, так и строительных изделий – кирпич, черепица. Вероятно, что это распаханые остатки строений. Явных следов строений обнаружить не удалось. Места нахождения некоторых фрагментов обозначены точками 1–4. Каких-либо других артефактов, которые могут иметь археологическое значение, в квадрате не выявлено.

В северо-восточной четверти квадрата расположено два холма – отметки "154,2" и "164,5" на карте 1:25000, господствующие над местностью. Северо-западный, юго-западный и юго-восточный углы квадрата занимают рукава балки Аджиэль. По данным литературных источников каких-либо археологических объектов в квадрате не известно. Отметка "164,5" в северо-восточном углу квадрата обозначена на карте 1:25000 как курган, однако, на "верстовке" просто как возвышенность.

На момент разведок большую площадь квадрата, за исключением северо-восточного и юго-западного углов занимали возделываемые поля, частично убранные. Не возделываемые участки покрыты невысокой травянистой растительностью.

Результаты, полученные для квадрата 2678 в ходе предварительного обследования и пешеходной разведки, показаны на рис. 2. Каких-либо археологических объектов в пределах квадрата не обнаружено. В районе высоты "164,5" находятся остатки каких-то, вероятно гидротехнических сооружений XX, так что, курган, даже если он там находился, был полностью уничтожен при строительстве. Каких-либо археологических объектов в ходе разведок не выявлено.

Отдельные фрагменты стенок античных амфор обнаружены в точке 6 близ седловины холмов и в точках 5 и 7 на современных сельских дорогах. Возможно, это говорит о том, что дороги использовались и в древности.

Таблица 1.

Перечень обнаруженных предметов и объектов, имеющих археологическое значение
(координаты приведены в системе WGS-84).

№ п.п	Широта, град. с.ш.	Долгота, град. в.д.	Номер квадрата	Описание
1	45,34766	36,15503	2676	Фрагменты керамики XIX-XX вв. на распаханном поле
2	45,35043	36,15772	2676	Фрагменты керамики XIX-XX вв. на распаханном поле
3	45,35008	36,15378	2676	Фрагменты керамики XIX-XX вв. на распаханном поле
4	45,34904	36,15524	2676	Фрагменты керамики XIX-XX вв. на распаханном поле
5	45,34408	36,17857	2678	5 фрагментов амфор античного времени распределенные вдоль грунтовой дороги.
6	45,34816	36,18788	2678	Фрагмент стенки светлоглиняной амфоры античного времени
7	45,34415	36,18731	2678	2 фрагмента стенок разных светлоглиняной амфоры античного времени на расстоянии около 5 м
8	45,33552	36,19836	2680	Небольшой фрагмент стенки эллинистич. амфоры
9	45,33479	36,19867	2680	Фрагмент ручки эллинистич амфоры
10	45,33404	36,19917	2680	Небольшой фрагмент стенки эллинистич. амфоры
11	45,35415	36,16145	2876	Фрагменты керамики XIX-XX вв. на распаханном поле
12	45,35334	36,16077	2876	Фрагменты керамики XIX-XX вв. на распаханном поле
13	45,35349	36,16065	2876	Фрагменты керамики XIX-XX вв. на распаханном поле
14	45,41183	36,07673	3470	Два фрагмента стенок античных светлоглиняных амфор
15	45,41426	36,08012	3470	Фрагменты ручек амфор эллинистического времени 10 шт. из них 7 красноглиняных 3 светлоглиняных, одна светлоглиняная с клеймом - Синопа
16	45,41388	36,07921	3470	См. выше
17	45,41377	36,07922	3470	См. выше
18	45,41343	36,07919	3470	См. выше
19	45,41356	36,07995	3470	См. выше
20	45,41223	36,07882	3470	См. выше
21	45,41264	36,07534	3470	Фрагмент стенки античной светлоглиняной амфоры
22	45,41279	36,07615	3470	Фрагмент стенки античной светлоглиняной амфоры
23	45,413	36,07486	3470	Фрагмент стенки античной светлоглиняной амфоры
24	45,41561	36,08519	3470	Курган h=2 м, d=30 м
25	45,41521	36,08404	3470	Курган h=1 м, d=15 м
26	45,41482	36,0829	3470	Возможно распаханый курган h<0,2 м
27	45,41496	36,08233	3470	Курган h=0,5 м, d=15 м
28	45,41418	36,08149	3470	Возможно распаханый курган h<0,2 м

Квадрат 2680 (рис. 3а).

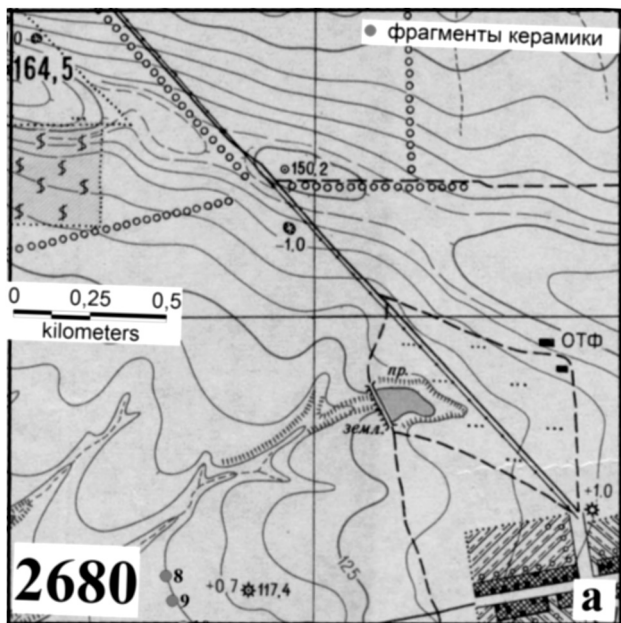

Рисунок 3а. Археологические объекты в квадрате 2680 (а).

Северо-восточный угол квадрата занимает склон холма высота "164,5" квадрата 2678 по карте 1:25000. Южная часть склона, ранее, судя по карте, была занята виноградником. Почти по диагонали квадрата с северо-запада на юго-восток проходит дорога с. Чистополье – с. Либкнехтовка. Большую часть юго-западного угла квадрата занимают рукава балки Аджиэль. В юго-восточном углу расположена северо-западная окраина с. Либкнехтовка. Близ середины южной границы квадрата на карте 1:25000 обозначена как курган высота "117,4", однако на "верстовке" этот курган не отмечен. На момент разведок большую часть квадрата, в том числе часть склонов балок занимали возделываемые поля, большей частью убранные и перепаханные. Виноградник в северо-западном углу квадрата заброшен. В юго-западном углу гектара около 14 га занимало поле подсолнечника, однако малорослого, и подсолнечник не мешал проведению обследования. Часть территории не возделывается, покрыта невысокой травянистой растительностью. Пруд, обозначенный на карте 1:25000 у истока одного из рукавов балки Аджиэль, был пересохшим на момент обследования.

Близ южной границы участка в точках 8, 9, 10, в поле подсолнечника найдены фрагменты стенок и фрагмент ручки амфор эллинистического времени. Каких-либо иных археологических объектов в квадрате не обнаружено. Высота "117,4", обозначенная на карте 1:25000 как курган является лишь перепадом в рельефе.

Северо-восточный угол квадрата примыкает к с. Чистополье. Квадрат пересекают глубокие разветвленные рукава балки Аджиэль. По данным литературных источников в северо-восточной четверти квадрата в 1–1,2 км к югу от западной окраины д. Чистополье расположено средневековое поселение [1, с. 177, № 671]. На "верстовке" в северо-восточной четверти квадрата обозна-

Квадрат 2876 (рис. 3б).

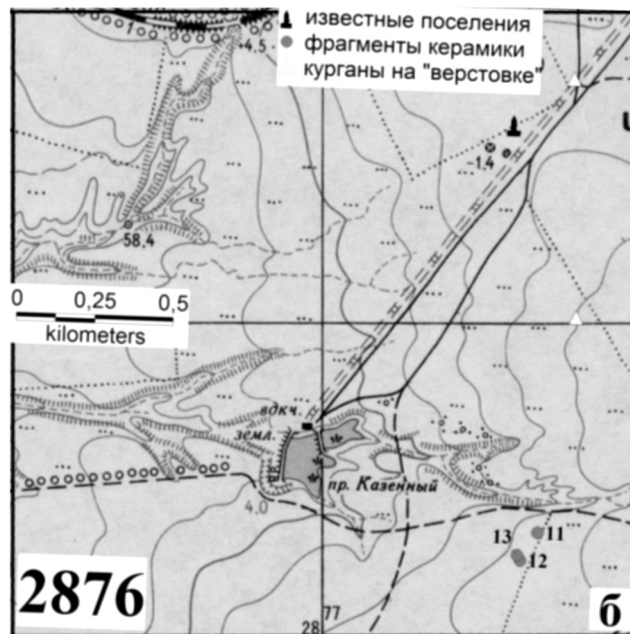

Рисунок 3б. Археологические объекты в квадрате 2876 (б).

чено два кургана. На момент разведки большую часть квадрата занимали невозделываемые поля, покрытые невысокой травянистой растительностью. Исключение составляла южная часть квадрата, которую занимало свежераспаханное поле. Примерно в середине южной половины квадрата один из рукавов перегороджен запрудой, формирующей пруд "Казенный", который был пересохшим на момент обследования.

Результаты, полученные для квадрата 2876 в ходе предварительного обследования и пешеходной разведки, показаны на рис. 4. Большая часть территории, где предположительно располагалось средневековое поселение занято современной свалкой, каких-либо следов поселения не обнаружено. В местах предполагаемого расположения курганов также не обнаружено никаких объектов. Вероятно, курганы полностью уничтожены распашкой. На распаханном поле в южной части квадрата обнаружено значительное скопление фрагментов керамики XIX–XX вв., рассеянной на площади около 2 га. Места нахождения некоторых фрагментов обозначены точками 11–13.

Западную половину квадрата занимает Азовское море. К северной границе квадрата примыкает с. Золотое, бывш. Чегене. Некоторые из строений которого заходят и в пределы квадрата. В прибрежной низине расположены отдельные курортные строения, относящиеся административно к с. Ново-Отрадное.

По данным литературных источников в пределах квадрата в 1,1–1,3 км северо-восточнее окр. с. Ново-Отрадное на плато мыса расположено поселение IV–I вв. до н.э. [1, с. 161, № 523]. На "верстовке" в северо-восточной четверти квадрата обозначена группа из шести курганов и один одиночный курган, расположенный примерно на 250 м севернее группы. Один из этих курганов, близ восточной границы квадрата обозначен как высота

Квадрат 3470 (рис. 4).

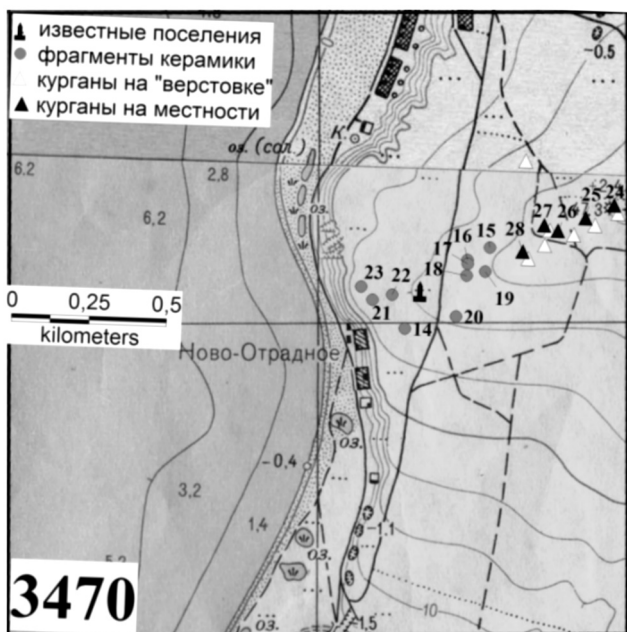

Рисунок 4. Археологические объекты в квадрате 3470.

"47,3" также и на карте 1:25000. Некоторые из курганов просматриваются на космических снимках Google Earth. Данная группа курганов продолжается на восток за пределами границ рассматриваемого квадрата. На момент разведки большую часть квадрата занимали ранее распахиваемые, но теперь невозделываемые поля, используемые лишь как пастбища, покрытые невысокой травянистой растительностью.

Результаты, полученные для квадрата 3470 в ходе предварительного обследования и пешеходной разведки, показаны на рис. 6. Точками 14–23 показан разброс фрагментов античной керамики на площади около 5 га. Наиболее интенсивное скопление фрагментов, включая профилированные части амфор эллинистического времени, расположено к востоку от шоссе. Область к западу от дороги по описанию соответствует упомянутому выше поселению № 523 по В.В. Веселову [1, с. 161, № 523]. Здесь же выявлено большое количество камней мелких и средних размеров, оказавшихся на по-

верхности, по-видимому, в результате распашки.

Одиночный курган, расположенный к северу от курганной группы, на местности не выявлен. Вероятно, он полностью уничтожен распашкой. В группе из 6 курганов явно сохранилось три (точки №№ 24, 25, 27 на рис. 6). Объекту 24, вероятно, соответствует курган высота "47,3". Эти три кургана просматриваются и на космическом снимке Google Earth. Еще о двух курганах можно говорить предположительно. В точках №№ 26 и 28 видны небольшие, до 0,2 м возвышения в рельефе. Общая геометрия расположения точек 24–28 примерно соответствует конфигурации 5 из 6 курганов, обозначенных на "верстовке", однако абсолютная ошибка координат составляет 25–50 м, что примерно соответствует суммарной погрешности старых карт и возможным ошибкам спутникового приемника. Примерно такая же ошибка между положением курганов, отмеченных на "верстовке" и на карта 1:25000, имеет место для продолжения цепочки на восток. Следует также отметить, что курганная группа расположена на небольшом естественном хребте. Возможно, на него свозились камни с прилегающих полей. Эта область покрыта наиболее высокой травянистой растительностью по сравнению другими частями квадрата. Все это затрудняет однозначную локализацию курганов без детальной микротопографической съемки.

В заключение можно отметить следующее. В ходе работ не выявлено памятников, ранее неизвестных. Отдельные найденные фрагменты античных керамических изделий, скорее всего, попали в места обнаружения случайным образом. Однако уточнена локализация и примерная площадь античного поселения в квадрате 3470, состояние курганной группы в том же квадрате, а также отсутствие на местности некоторых курганов, как будто бы обозначенных на старых картах. В доступных авторам литературных источниках имеется лишь информация об обнаруженных памятниках, однако отсутствует информация о территории, где таковых нет, т.е. нет указаний на координаты территорий, которые были обследованы. Проведенная авторами работа позволяет предположить, что и предыдущими исследователями территории, представленные в данной статье, были изучены полностью и результаты, а именно, отсутствие других памятников, кроме обозначенных, совпадают.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веселов В.В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. // Древности Боспора (Suppl. II.). М.; Тула: ИПП Гриф и К, 2005. 266 с.
2. Зубарев В.Г., Смекалов С.Л. Предварительное изучение археологических памятников урочища Аджиэль // Таврические студии. Исторические науки. Симферополь: КУКИ и Т, 2014. № 6. С. 106–111.
3. Зубарев В.Г., Смекалов С.Л., Ярцев С.В. Ландшафтная география археологических памятников центральной части урочища Аджиэль // Боспорские исследования / отв. ред. В.Н.Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2016. Т. XXXIII. С.110–136.
4. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. 300 с.
5. Смекалов С.Л. Археологическая карта Крыма. Режим доступа: URL: <http://www.archmap.ru> (дата обращения 28.08.2017)
6. Zubarev, Smekalov, Jartsev, 2015. Zubarev V. G., Smekalov S.L., Jartsev S.V. Map of Archaeological Sites Tracts Adzhel in the Eastern Crimea, According to Different Sources // Modern Applied Science. Canadian Center of Science and Education. 2015. Vol. 9. No. 3. P. 184–191.

КОНСЕРВАТИВНЫЕ ПУБЛИЦИСТЫ НА СТРАНИЦАХ ДНЕВНИКА А.В. БОГДАНОВИЧ*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-01-00021

CONSERVATIVE PUBLICISTS ON THE PAGES OF A.V. BOGDANOVICH'S DIARY

A. Kotov

Annotation

The article is devoted to the images of Russian conservative publicists on the pages of the diary of A.V. Bogdanovich. This diary is one of the most important sources on the history of the capital's social life of the second half of the XIX century. The evolution of the A.V. Bogdanovich relationship to the editors of the most famous conservative newspapers (P.P. Tsitovich, V.P. Meshchersky and M.N. Katkov) is analyzed. Particular attention is paid to the role of the Katkov in the dismissal of E.V. Bogdanovich from official service, as well as A.V. Bogdanovich's perception of the heritage of M.N. Katkov.

Keywords: Katkov, Meshchersky, Tsitovich, Bogdanovich, salon, propaganda, journalism, journalism, conservatism.

Котов Александр Эдуардович
Д.ист.н., доцент, Санкт-Петербургский
государственный университет

Аннотация

В статье рассматриваются образы русских консервативных публицистов на страницах дневника А.В. Богданович – одного из важнейших источников по истории столичной общественной жизни второй половины XIX в. Анализируется эволюция отношений А.В. Богданович к редакторам наиболее известных консервативных изданий – П.П. Цитовичу, В.П. Мещерскому и М.Н. Каткову. Особое внимание уделяется роли М.Н. Каткова в увольнении Е.В. Богдановича с государственной службы, а также восприятию автором наследия М.Н. Каткова.

Ключевые слова:

Катков, Мещерский, Цитович, Богданович, салон, пропаганда, публицистика, журналистика, консерватизм.

Дневник А.В. Богданович – один из ценнейших документов своей эпохи. Осведомленность и связи генеральши, её пусть не глубокий, но живой ум, – всё это позволило набросать целый ряд динамичных "карандашных" набросков-иллюстраций столичной общественной жизни. В отличие от более серьезных и умных мемуаристов, Александра Викторовна доверчиво воспроизводила различные сплетни и слухи – далеко не всегда достоверные, но так или иначе ценные для понимания контекста значимых исторических событий. Сама генеральша отмечала, что "наша жизнь нас сталкивает все с оригинальными субъектами, которые так и просятся под перо" [5, л. 52 об]. Под это перо не могли не угодить и ведущие консервативные публицисты. Собственно, к их числу принадлежал и муж генеральши – Е.В. Богданович, но его патриотические брошюры и многочисленные газетные заметки, ни по таланту, ни по воздействию на читателя не были сопоставимы с публицистикой постоянных посетителей его же салона: А.С. Суворина, В.А. Бильбасова, В.П. Мещерского и, конечно же, М.Н. Каткова и "катковцев" – Н.А. Любимова, И.Ф. Циона, С.С. Татищева и пр. Бывали в салоне Богдановичей и менее известные редакторы – В.В. Комаров и П.П. Цитович.

"Звездный час" последнего пришелся на конец 1870-х – 1880-й гг. Нашумевшие антинигилистические брошюры Цитовича [15] были хорошо известны Александре Викторовне и в марте 1880 г. она соглашалась с А.С. Сувориным в том, что "много толков и беспорядков вызвали эти брошюры, якобы написанные с разрешения правительства" [1, л. 5]. Впрочем, позднее, когда Цитович был вызван министром внутренних дел Л.С. Маковым в Петербург для издания проправительственной газеты "Берег", отношение к нему переменилось. Причиной этой перемены был не только здоровый прагматизм, но и более близкое знакомство с воззрениями самого Цитовича (бывшего, конечно же, не таким чудовищем, каким его изображала демократическая печать) и его сотрудников. Так, в июле Богданович с интересом прочла "Кружковщину" сотрудничавшего в редакции "Берега" А.А. Дьякова-Незлобина [2, л. 67 об]. В октябре того же года "Берег" оповещает столичную общественность "о пробе, сделанной Е[вгением] В[асильевичем] над печением хлеба" [2, л. 102 об]. Впрочем, скандальное закрытие "Берега" и фактическое бегство П.П. Цитовича за границу [14] никак не отразилось в дневнике и в дальнейшем незадачливый борец с нигилизмом на его страницах больше не появлялся.

Супруги Богданович хорошо понимали всё значение прессы в политической жизни страны. Не случайна сделанная в 1881 г. запись: "То-то газеты – с ними надо знать, что можно говорить и когда помолчать – это опасный народ. [Евгений] В[асильевич] к ним привык и я тоже" [3, л. 12 об]. Активно взаимодействуя с "безыдейным" "Новым временем" и относительно либеральным "Голосом", Евгений Васильевич и Александра Викторвна и по положению, и по общественно-политическим взглядам принадлежали скорее к целевой аудитории "Московских ведомостей" и "Гражданина". Благорасположение автора дневника к В.П. Мещерскому удивительным образом сочеталось с крайней неприязнью к покровителю последнего – Т.И. Филиппову. Тщательно фиксируя негативные отзывы о "епитропе Гроба Господня", А.В. Богданович сочувственно цитировала слова И.И. Кольшко о том, что Т.И. Филиппов – "злой гений" Мещерского и, наверное, подведет князя, который при всем своем "отвратительном характере" представлялся им "ужасно легковверным" и "всегда готовым каяться в ошибках" [7, л. 100]. Никогда не углубляясь в темные дебри идейно-политической полемики, Александра Викторвна высоко ценила Мещерского-редактора: "Я нахожу, что его газета бывает иногда очень интересна, что довольно прочесть "Гражданин" и знаешь все, что делается в П[етер]бурге" [4, л. 12 об]. Позже она прибавляла к этому: "Вообще, я нахожу, что в Мещерском много хорошего, много души" [4, л. 50]. Вспоминая же в конце 1888 г. двухлетней давности обед "у Бобриковых с митрополитом Платоном", отметила и следующую трогательную подробность: "Первым к ним пришел Мещерский ("Гражданин"): нежно с ним встретилась, его трогают наши ласки Кольшкам, которых он очень любит. Рука у него на перевязи, он себе ее поранил омаром и не может теперь писать" [4, л. 53 об].

Со своей стороны, редактор "Гражданина" отвечал Богдановичам взаимностью. Так, к январю 1888 г. относится следующая трогательная запись о первой публикации юного Н.Е. Богдановича: "В Корпусе был сегодня государь с императрицей, пажей распустили на 3 дня, они очень довольны. Коля написал об этом посещении заметку, Евг[ений] Вас[ильевич] сказал по телефону Мещерскому, не желает ли он ее получить для "Гражданина", он отвечал: "Убедительнейше прошу". Завтра Коля ему ее отвезет – его мечта быть репортером и зарабатывать копейку" [4, л. 31]. Не оставил Мещерский Богдановичей и в трудную минуту – когда после своего скандального увольнения со службы Е.В. Богданович обратился к князю за помощью в редактировании своей покаянной записки Александру III: "Был он [у] Мещерского, кот[орый] обещал прочесть прошение и его, если окажется нужно, поправить. Ему так часто приходится их писать царю. Евг[ений] Вас[ильевич] очень был доволен его сердечностью" [5, л. 239].

Впрочем, иллюзий относительно князя Александра Викторвна не питала и тогда, отмечая очевидную ангажированность публикаций "Гражданина": "Мещерский яро отстаивает в своей газете все то, что теперь вырабатывает министерство внутренних дел" [7, л. 128]. В декабре 1891 г. в дневнике появляется упоминание и о сверхъестественных наклонностях В.П. Мещерского: "[Евгений] В[асильевич] сказал, что [А.Н.] Муравьев развратил Мещерского и Мосолова, которые затем развратили пол-Петербурга своей постыдной страстью" [10, с. 161]. Почти год спустя Богданович со злобой напишет: "В Мещерском, в его "Гражданине" видят силу; все знают, что за грязная личность этот князь, все волнуются, что нет человека открыть глаза царю, который принимает его и беседует с ним" [10, с. 178].

Схожую эволюцию претерпело отношение Александры Викторвны и к главному русскому консервативному публицисту – М.Н. Каткову. К концу 1870-х гг. между "московским громовержцем" и Е.В. Богдановичем было полное взаимопонимание. Катков регулярно посещал салон последнего во время своих приездов в Петербург [2, л. 41], делился с генералом своими впечатлениями от "выходок" других газет [1, л. 6], активно "лоббировал" идеи Богдановича о железнодорожном строительстве и печатал его корреспонденции [12], в частности, июльскую "депешу" 1880 г. из Тюмени, куда Евгений Васильевич "прибыл проверить и прислушаться к общественному мнению насчет южного направления Сибирской дороги, что там развелось пароходство в огромных размерах, что будь рельсовый путь, можно было доставлять вглубь Сибири все водяным путем, и людей, и продовольствие" [2, л. 68 об].

Несколько дней спустя Богданович сам захотел написать передовицу о необходимости строительства Сибирской железной дороги [2, л. 74]. М.Н. Катков не доверил генералу столь ответственное задание и прислал к нему своего сотрудника Н.В. Васильева, которому Евгений Васильевич и "сделал обстоятельный, очень интересный доклад о своем путешествии" в Сибирь [2, л. 74 об]. Текст Васильева, как было принято в редакции газеты, прошел серьезную правку самого Каткова. В результате 14 августа 1880 г. "Московские ведомости" "напечатали прелестную передовую о Сибирской дороге" [2, л. 78]. В статье указывалось на то, что "дорога не принадлежит к числу тех, относительно коих нужно доказывать, что их действительно следует строить и рассуждать, какому направлению должно быть отдано предпочтение". Все это было уже утверждено "высочайшею властью" и вопрос стоял лишь о сроках. "Московские ведомости" сообщали о многочисленных ходатайствах, "идуших от представителей экономических интересов важнейших пунктов, лежащих по ее утвержденному направлению" и о "тяжелом впечатлении", произведенном официальным

ответом министерства путей сообщения на подобное ходатайство тюменцев. В ответе указывалось, что строительство будущего Транссиба начнется при наличии трех условий: достаточного финансирования, приведения в порядок уже функционирующих железных дорог и "когда будет окончено сооружение тех линий, которые настоятельно требуются нуждами отечественной торговли, промышленности и земледелия" [16]. Все эти отговорки газета подвергла энергичной критике. Сразу по получении номера Александра Викторовна получила от супруга поручение оперативно переслать эту статью по телеграфу в Международное телеграфное агентство А.А. Краевского: "Получила депешу моего Е[вгения] В[асильевича] поздно, закипела работа, к 10 часам депеша была готова и послана, оказалось 500 слов. Желаю, чтобы Е[вгений] В[асильевич] остался доволен, трудно было составить, статья вышла прелестная, трудно было решить, что передать, что выпустить" [2, л. 78].

На страницах же "Московских ведомостей" и далее появлялись публикации о необходимости ускорить строительство Сибирской дороги [3, л. 81], печатались и сообщения о выступлениях Е.В. Богдановича [2, л. 83]. Впрочем, в личности Каткова Александре Викторовне нравилось далеко не все: "Был сегодня в Москве Катков, приехал накануне – были именины Долгорукова и Катков, который терпеть не может московского московского воеводу – приехал его поздравить из деревни – это я нахожу очень низко" [2, л. 67]. Не любила генеральша и С.П. Каткову: "Вечером была Каткова, какая она странная женщина, как будто она недоделана. Такое производит впечатление" [3, л. 60].

Серьезное недовольство вызывало у автора дневника и поведение Каткова после январской катастрофы 1881 г. – прежде всего, его борьба с гр. М.Т. Лорис-Меликовым. В этой ситуации генеральша безусловно встала на сторону либеральной прессы: "Газеты разбирают передовую Каткова, где он пишет, называя, что время управления Лорисом Россией одна газета год тому назад называла "диктатурой сердца", все время глумится над этим временем и кончает, что если бы продолжилось это правление, то мы были бы в полной революции. "Новое время", "Порядок" и, отчасти, "Голос" очень хорошо отвечают на эту грязную статью. Не понимаю, до чего может дописаться вражда" [3, л. 72]. Впрочем, к обиде за близившегося к падению высокопоставленного друга семьи примешивалась и личная обида: "Обедал Маркевич, говорили про Каткова, и этот боится, чтобы не сказали, что он находится под влиянием Е[вгения] В[асильевича]. Вот, право, какое самолюбие у людей" [2, л. 76].

Окончательный разрыв между двумя консерваторами произошел незадолго до смерти Каткова – в 1887 г.

Они поссорились из-за поездки Е.В. Богдановича в Париж, следствием которой стало личное распоряжение Александра III от 17 мая: "генерал-майор Богданович суется не в свои дела, всему этому есть предел, уволить же его завтра" [17, л. 3]. Причиной подобной суровости стали "дошедшие до его величества по министерству внутренних дел сведения о том, что названный генерал во время пребывания в Париже в конце 1886 или в начале 1887 г. входил в переговоры с тамошними политическими деятелями с целью практического осуществления появившегося в то время в России нового течения общественной мысли о пользе политического сближения с Францией. Это течение, вполне отвечая предначертаниям ... государя, было негодно его величеству в своих тогдашних проявлениях, так как открытая агитация, во главе которой стоял Катков, резко критиковала деятельность нашего министерства иностранных дел и подвергала ожесточенным нападкам дружественное и союзное нам в то время германское правительство" [17, л. 1–1 об].

Богдановичу приписывалось авторство брошюры "Alliance Franco-Russe, par un general russe", вызвавшей крайнее недовольство германского правительства, а также посредничество между Катковым и Шарлем Флоке – председателем французской палаты депутатов, в своё время скомпрометировавшим себя здравицей Польше в присутствии Александра II, а теперь стремившимся к дружбе с Россией. Сам Евгений Васильевич в своей записке Александру III, переданной государю Д.А. Толстым в начале 1888 г., изо всех сил доказывал, что во Францию он поехал для консультации с местными окулистами, и лишь из-за чрезмерной настойчивости старого знакомого, парижского губернатора генерала Ф.-Г. Сосье, вынужден был встретиться с президентом Ж. Гриви, чрезвычайно заинтересовавшимся книгой Богдановича о Наваринском сражении. Предложение Гриви передать через него письмо самому императору Богданович, по собственным словам, отклонил [11, л. 2–2 об]. Отдельно Евгений Васильевич счел необходимым оговорить следующее: "Если верить городским толкам, на меня взведено также обвинение, будто бы в последнюю мою поездку за границу, я действовал как агент редактора "Московских ведомостей", М.Н. Каткова, и выполнял какую-то миссию, возложенную им на меня. По долгу совести, я должен засвидетельствовать, что с Катковым у меня существуют давние и добрые отношения, что по многим вопросам о наших внутренних делах я вполне разделял воззрения "Московских ведомостей" и нередко посылал им по таким вопросам сообщения, равным образом, многие статьи "Московских ведомостей" по вопросам внешней политики, для меня менее знакомым и доступным, возбуждали мое сочувствие. Но далее этого я никогда не шел в моих сношениях с редакцией "Московских ведомостей", с содержанием статей

знакомился, как и все, уже по печатным номерам ее и явиться агентом Каткова в каком бы то ни было деле или вопросе, я не мог ни по свои летам, ни по своему общественному положению, ни по своим служебным занятиям" [11, л. 6].

Чтобы исправить ситуацию, чета Богдановичей задействовала все свои ресурсы и связи. Александра Викторовна даже пошла на примирение с презируемым ей К.П. Победоносцевым, а Евгений Васильевич отправил обер-прокурору письмо, в котором "много правды ему разоблачил о Каткове, который его сильно ругал после совещания в Ропше по поводу университетского устава и всюду кричал, что Победоносцев есть "дух злобы и ненависти". Потом, помирившись с ним, кадил ему в глаза, чтобы тот отправлял его записки государю. Это был низенький человек, в этом я теперь вполне убедилась" [4, л. 51 об]. Впечатленный этим письмом Победоносцев принял генеральшу и "тоже сказал, что Катков был человек крайний, который в ту минуту, когда сердился, говорил о всех ему неприятных в данное время людях самые невозможные вещи, площадно их ругал" [4, л. 64].

Вскоре генерал был возвращен на службу – правда, "по поводу этих служебных перемен Богданович лишился военного мундира и стал получать на 4 тысячи руб. меньше содержания, так как за время его отставки один из получавшихся им окладов по состоянию его членом управления каз[енных] ж[елезных] дорог был отдан другому лицу" [17, л. 2 об]. Е.М. Феоктистов позднее оценивал эту историю таким образом: "Вообще трудно было разобраться в этой истории; мне кажется даже, что и Катков очень хорошо знал, что Богданович ездил в Париж вовсе не в качестве только любознательного путешественника, но, во всяком случае, Богдановича давно уже следовало выгнать из службы за мошенничество, а отнюдь не за какую-то политическую пропаганду" [19, с. 255]. Советский историк Г.С. Фридланд считал, что Богданович действовал именно как представитель Каткова и "выполнял определенную политическую миссию в Париже" [20, с. 74–75].

Современный исследователь истории салона Богдановичей лишь мельком упоминает этот эпизод, ссылаясь только оправдания самого генерала [18, с. 127]. Нам же в данном случае интересна позиция самого Каткова, также находившегося в тот момент под угрозой опалы. Умиравший от рака публицист нашел в себе силы написать К.П. Победоносцеву следующее: "Почему-то думают, что Богданович уволен за приписываемую ему брошюру "Alliance Franco-Russe". Моренгейм, решительно отрицая всякое отношение Богдановича к этой брошюре, сообщил своему собеседнику [Н.В. Щербаню – А.К.] интересные о ней сведения. Я ничего не знаю о причинах отставки Богдановича, но могу, как и Моренгейм, с пол-

ною уверенностью утверждать, что не Богданович автор брошюры и что он ни в каком отношении к ней не находится. Это очевидно уже из самого содержания брошюры. В ней, между прочим, превозносятся лица, с которыми Богданович находился в открытой вражде. Богданович получил от издателя от издателя этой брошюры форменное удостоверение, в его к ней неприкосновенности. Богданович прислал мне это удостоверение, в котором я не нуждаюсь, но которое он очень желал довести до Вашего сведения. Прилагаю его к сему письму. Еще два слова о Богдановиче. Я протестую против толков о какой-то моей солидарности и интимности с ним, но не потому, чтобы считал его в политическом отношении неблагонамеренным. Но я и не имею с ним ничего общего ни в умственном, ни в нравственном складе. Мы люди совершенно разных миров. И сотрудником моим он никогда не был, и только из снисхождения к нему печатались его телеграммы о нем самом. Он изо всего делал себе рекламу и этим более всего вредил себе в мнении серьезных людей. Но я считаю его совершенно не способным к чему-либо, не согласному с долгом верноподданного. Богданович повредил себе своими рекламами. Ему придали серьезное политическое значение, какого он ни в коем случае не имел и иметь не может" [13, с. 276–277].

К сожалению, не располагая дневником А.В. Богданович за 1887 г., мы не можем судить, только ли это стало причиной разрыва. Но на страницах дневника за следующие, 1888-й год, Каткову припомнили все – от умения произносить речи до сомнительных богословских высказываний. Так, в разговоре с настоятелем Казанского собора священником Лебедевым Александра Викторвна "рассказала, что Катков, прочтя эту книгу, нашел, что в ней много нигилизма" [7, л. 10]. Это свидетельство, – по всей вероятности, достоверное – представляется весьма ценным для понимания отношений Каткова с христианством. Дальнейшие упоминания о нем в дневнике пропитаны обидой и враждебностью.

Так, недобрым словом помянула покойного редактора "Московских ведомостей" Александра Викторвна в разговоре с вдовой Б.М. Маркевича. Генеральшу поразила "сильная привязанность" собеседницы к Каткову, "несмотря на его низкое поведение относительно ее мужа во время его грустной истории": "Маркевич тоже, когда ему простил и помирился с ним Катков, подобострастно на него смотрел и бросился к нему с благоговением. Умел же этот человек внушать даже оскорбленным им людям такую собачью преданность. Она говорит, чтобы мы не верили, если нам говорят, что Катков в последнее время враждебно относился к Евг[ению] Вас[ильевичу], что это неправда. Видимо ее желание, чтобы Евг[ений] Вас[ильевич] не разоблачал этого негодяя. Я уверена, что это и без него будет. Я согласна с ней, что недостой-

но мстить врагам, особенно умершим. Сегодня 1/2 года, что он умер. Умри он раньше, всего этого бы не было, но знать это – воля Божия" [4, л. 20]. Зато оскорбленные чувства Богданович нашли понимание у М.А. Георгиевской: "она говорит, что давно поняла этого эгоиста, что ей не раз говорили, что ему платят жида, чтобы он их не бранил в своей газете, но она об этом молчала, зная, что это будет неприятно мужу [соратнику Каткова А.И. Георгиевскому – А.К.], если она будет говорить. Рассказала очень пикантный анекдот. Однажды ей Каткова сказала, что у мужа ее было одно неприятное дело, что он с одним человеком не хотел сам говорить, а просил [П.М.] Леонтьева выдти к нему для переговоров в соседнюю комнату, а сам Катков сел против замочной скважины, чтобы смотреть и подслушивать их разговор. Георгиевская посоветовала Катковой никому не повторять этот рассказ, она же обиделась на этот дружеский совет" [4, л. 32].

Посвященные Каткову публикации также вызывали у Александры Викторовны сильный эмоциональный отклик. Так, читая "Гражданин", она отметила: "Меня неприятно поразила статья в "Записной книжке", где говорится о людях и деятелях умерших, как Аксаков, Катков, Герцен и Бакунин, что будто они жили, деливши мысли друг с другом, что бывали размолвки, но они проходили, а живая связь всегда оставалась между ними. Кто знал, как мы, Каткова, в этом может вполне усомниться. Катков не терпел противоречий и никого никогда не любил, кроме себя, и никого никогда не признавал. Он делил людей на ему нужных и ненужных" [6, л. 10 об.]. Заинтересовала А.В. Богданович и вышедшая в том же году книга С. Неведенского (С.Г. Щегловитова) "Катков и его время". Впрочем, судила она об издании скорее по рецензии из либеральных "Новостей": "Модестов зло разбирает книгу, написанную якобы почитателем Каткова, который приводит в ней письма Каткова к Краевскому, где Катков называет его своим благодетелем и откровенно сознается, что потерял веру в будущее и его единственная мечта устроиться у какого-нибудь туза или тузика, по особым поручениям. Затем говорится, как Катков менял свои убеждения, не терпел противоречий, был оппортунистом в полном смысле этого слова. Когда я читала вслух эту статью Е[вгению] В[асильевичу], я чувствовала что у меня еще не улеглось чувство неприязни к этому человеку. Он стал, как живой, передо мной. Как часто я его видела искательным с теми, кто был ему нужен, а когда переставал быть ему нужен, тот же самый человек видел в нем равнодушного холодного слушателя, который изредка его достаивал его ответа на горячую речь. Умел Катков быть любезным, когда этого хотел, особенно когда это ему это было нужно. Он не прощал Е[вгению] В[асильевичу], что он был в хороших отношениях с "Голосом". Помню, когда однажды Лорис во дни своего величия обедал у нас с Краевским, Катков, когда узнал об этом, очень разгорячился и стал упрекать

Е[вгения] В[асильевичу], что он эту дрянь принимает, но Е[вгений] В[асильевич] тогда его оборвал и сказал, что он не скрывал своих отношений к "Голосу" так же, как свои отношения к нему. Это была бурная сцена, но Катков, чувствуя, что Е[вгений] В[асильевич] ему нужен, и видя, что он не добьется его разрыва с Краевским, укротил свой гнев. По-прежнему, несмотря на угрозу, что не будет у нас бывать, приходил к нам ежедневно" [6, л. 21–21 об.].

Возмущали Александру Викторовну и апологетические публикации о Каткове "Московских ведомостей". Так, передовица, посвященная годовщине его смерти, стала поводом для следующих размышлений и воспоминаний: "Читающий усматривает в этой статье, что было бы все умнее сделано, будь он жив, я думаю, что будь он жив, многое было бы им запутано, испорчено, а может быть, мы бы теперь уже воевали, или были бы накануне войны, если бы слушали его бредни. Они в статье говорят, что Франция показала огромное сочувствие во время смерти Каткова. Кому он обязан, что было это сочувствие – моему Е[вгений] В[асильевич], – который ему передал свои впечатления, приехавши из-за границы. Катков в последнее время, как выяснилось, больше занимался коммерческими делами, проводил свои делишки, но все это умел скрывать под видом горячего патриота. Е[вгений] В[асильевич] сумел так вызвать фактами сочувствие Каткова к Франции, что он написал ряд статей, которые и были поводом к венкам и телеграммам оттуда. – Катков видел, что общественное мнение сочувствует Франции. Шуваловым в последнее время был не доволен, знал, что государь за французов, всего этого было достаточно, чтобы стоять за эту нацию, но убеждения у Каткова не было. Гирса он ненавидел, Гирс был за дружбу с Германией. Помню, как однажды у нас Каульбарс сказал Каткову, что русская армия в худшем состоянии, чем австрийская, что французская тоже хуже австрийской, что у нас обозу нет и проч. Разговор этот продолжался более часа и после ухода Каульбарса, Катков начал ходить по кабинету и говорить, что из этого видно, что Гирс ведет правильно дело, что надо кланяться немцам и проч., Е[вгений] В[асильевич] тогда ему сказал, что удивляется, что он может так скоро приходиться в уныние. Обещал ему получить все подробные сведения о состоянии обеих армий и тут же в этот день вечером написал [...] к Сосье, который и прислал желаемые сведения и оказалось, что французы не уступают австрийцам. В нашей армии, правда, обоза не оказалось со слов Велички, но что сумеем постоять за себя, в этом он ручался. Е[вгений] В[асильевич] хотел устроить у нас свидание Каткова с Величкой, но последний уклонился, а все сведения охотно дал Е[вгений] В[асильевич]. Этот факт доказывал стойкость убеждений Е[вгения] В[асильевича] и как уже плохо мыслил Катков" [6, л. 36 об. – 37].

Бестактным показалось Александре Викторовне и сделанное священником катковского лицея сравнение "московского громовержца" с пророком Илией: "Илия держал своим словом Израильский народ, руководил им, а Катков подобно ему держал и руководил русским" [6, л. 37 об.]. Зато одобрила генеральша ответ В.П. Мещерского на некролог "Русского дела", написанный, очевидно, мечтавшим о роли нового Каткова С.Ф. Шараповым: "Там говорится, что будто Каткову печать обязана свободным словом. Мещерский это опровергает и говорит, что Катков сумел только лучше других пользоваться этой свободой. Тоже говорит, что Катков всегда стоял за русскую промышленность. Мещерский опровергает и это также и говорит, что последнее время он стоял за жидов. Можно сказать, еще нет года и 6 недель, а престиж Каткова сильно, сильно упал. Что значит эгоизм? Он его погубил, друзей он не оставил, последних перед смертью возмутил своими выходками. Но Бог с ним. Было время, что я его от всей души любила и недостатков его старалась не замечать" [6, л. 46].

Любопытны суждения автора дневника о качестве "Московских ведомостей" после смерти знаменитого редактора. В июне 1888 г. Александра Викторовна отметила: "Е[вгений] В[асильевич] доволен статьями "Московских ведомостей", он говорит, что газета не хуже, чем была во времена Каткова, нашел, что статья о сенате написана очень ловко. Вообще он очень доволен тоном и содержанием этой газеты" [6, л. 16]. Год спустя отношение к газете переменилось, и ее качество стало новым поводом помянуть Каткова: "Иногда просматриваю "Московские ведомости", но так они пусты и бесцветны, полны только пустой болтовней. Даже вид свой они переменили. В каждом номере есть два фельетона, чего при Каткове никогда не было. Правда, эта газета всегда была скучна, задорные были только иногда статьи Каткова, направленные против кого-либо из министров, который не сумел, а может, не захотел дать место протее Каткова, или вовремя ему покарать" [8, л. 83об.].

Находилось место на страницах дневника и "птенцам гнезда Каткова". Часто бывал у Богдановичей и переехавший в Петербург alter ego Каткова, Н.А. Любимов – "тонкий, хитрый человек, у него всегда останавливался Катков, когда у сыновей не мог остановиться. Осторожен он до крайности, лишнего слова не скажет. Говорят, что статьи против "Гражданина" в "Моск[овских] вед[омостях]" писаны Любимовым, он теперь оказывается главным советчиком и Петровского" [4, л. 26 об.]. В 1887–1888 гг. Богдановичи сближаются с самым скандальным из катковцев, И.Ф. Цином – также во многом замешанным в скандал вокруг неофициальных русско-французских контактов. Но, поддерживая и ободряя Е.В. Богдановича, Циюн не осуждал и Каткова: "Циюн рассказывал, что ему передали, будто Энгельгард, зять Каткова,

говорил, что государю было показано письмо собственноручное Каткова к Флоке и что государь, прочитав его, сказал, что теперь видит, что Катков был изменник. Циюн на это рассказал, что есть один человек, который служил у парижского Катакази, фамилия его Sevigny, кажется так, который умеет подделывать свой почерк, что он самого Sevigny так прижал к стене, что тот во всем сознался и что все доказательства у него есть. Что, верно, это опять заговорили о прошедшей истории, а если это письмо вновь написано задним числом и поднесено государю, что это несомненно из того же источника. Что этот господин служил несколько лет тому назад в редакции Каткова, видел, даже имеет его письма и очень талантливо их подделывает. Что отец этого Sevigny тоже этим был известен. Хорошее ремесло, нечего сказать!" [4, л. 42 об.]. В конце 1889 г. генеральшу напугало намерение Циона описать на страницах Nouvelle Revue "всю историю последнюю с Катковым, с Е[вгением] В[асильевичем]": "Он возмущен, что теперь пожинают их лавры Моренгейм и Гирс, которые себе приписывают сближение с Францией. Думаю, что еще не время все разоблачать. Может опять выйти история, мы уже так много пострадали" [9, л. 23]. Свое намерение Циюн исполнил в 1895 г., уже в эмиграции выпустив публицистическую брошюру, посвященную подготовке франко-русского союза.

Не могла Александра Викторовна не уделить внимания и катковскому семейству. Так, 19 января 1888 г. она приводит рассказ М.А. Георгиевской о том, что "Шаховская, дочь Каткова, сама выбросилась из окна вагона, что сумасшедший ее муж так напился пьян и впал [в] такое безумие, что она кинулась из окна. Говорят, что она так изуро[до]вана, что ее невозможно узнать – это говорила ее сестра Энгельгардт. Бедная женщина, что она должна была выстрадать, чтобы решиться на этот роковой шаг" [4, л. 18 об.]. Другая история была услышана автором дневника от И.И. Кольшко: "сын Каткова Андрей женился на княжне Щербатовой, богатой девушке, которую соблазнил конюх, она уехала в Швейцарию, и отец, узнав об этом горе, сошел с ума и умер, она же теперь все воспитывала своего ребенка, кот[орого] не бросила. Многие до сих пор ее осуждают, но, быть может, она давно раскаялась и будет хорошей женой, но не понимаю, как выйти за Каткова, все они так глупы" [4, л. 66].

Наконец, прекрасным источником сплетен и поводом для оценочных суждений послужила история женитьбы Г.Д. Толстого на О.М. Катковой: "Сын Толстого, которого Каткова хотела подцепить для своей дочери Ольги, не дался ей: он в Рязани написал письмо Катковой, где пишет, что ввиду того, что был холодно принят ими, отказывается на ней жениться, письмо на 4-х страницах, читал он его всему городу и затем отдал свахе Катковой Болдыреву, чтобы передал по назначению. Вся Рязань об

этом говорит. Любимовы рассказывали, что знаменитый Глебушка Толстой все старался помирить отца с Катковым и Лорисом, на дочери Лориса он тоже хотел жениться" [4, л. 66]. Тем не менее, брак состоялся: "Толстой собирается уехать в Москву 1 апреля. На днях к нему приехал его сын Глебушка, говорит, что он женится на Ольге Катковой, что Толстые едут в Москву, чтобы увидеть невесту. Значит, Болдырев сумел не послать письма Катковой и уговорить Глебушку жениться. Хотя он и идиот, но все-таки богат и un beau pot, да и она не умна" [5, л. 86]. Доставалось от Александры Викторовны и С.П. Катковой: "Был [Ф.Н.] Берг, издатель "Русского вестника", говорил, как ему было сложно вести переговоры с М-те Катков, этой взбалмошной бабой. Сегодня была свадьба ее дочери с сыном графа Толстого – Глебушкой. Толстой уехал в Москву в прошлую субботу. Вот, я думаю,

пришел в ужас, увидев эту женщину, а может быть, при нем она сдерживалась. Теперь, я думаю, Катковы еще более зачванятся, они родня Министру Внутренних Дел!" [5, л. 71 об. – 72].

Разумеется, сведения и суждения Александры Викторовны крайне субъективны. Отражая эмоциональный фон и повседневный контекст, в котором формировалась идеология пореформенного российского консерватизма, они мало говорят нам о качестве консервативной публицистики или её теоретическом содержании. Тем не менее, этот дневник, содержащий характеристики русских консерваторов и освещающий отношения между ними, служит прекрасным средством, предохраняющим современных исследователей от их идеализации или "демонизации".

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданович А.В. Дневник. 1880 г. // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 234.
2. Богданович А.В. Дневник. 1880 г. // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 235.
3. Богданович А.В. Дневник. Январь–июнь 1881 г. // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 237.
4. Богданович А.В. Дневник. Январь–март 1888 г. // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 238.
5. Богданович А.В. Дневник Март–июнь 1888 г. // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 239.
6. Богданович А.В. Дневник. Июнь–октябрь 1888 г. // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 240.
7. Богданович А.В. Дневник. Октябрь–декабрь 1888 г. // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 241.
8. Богданович А.В. Дневник. Март–июль 1888 г. // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 243.
9. Богданович А.В. Дневник. Июль–декабрь 1889 г. // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 244.
10. Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М.: Новости, 1990. 608 с.
11. Богданович Е.В. – Александру III. 1887. // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 2.
12. Горчаков Е.А. Евгений Васильевич Богданович в дискуссии о направлении Сибирской железной дороги // История в подробностях. 2015. № 8 (62). С. 14–17.
13. К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. II. М.: Харвест, 2003. 672 с.
14. Котов А.Э. Газета "Берег" в 1880 году: исторический опыт либерально-консервативного синтеза // Вестник САФУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3. С. 32–40.
15. Котов А.Э. П.П. Цитович против "живой воды" революционной демократии // Вестник Тверского государственного университета. 2015. № 4. С. 126–135.
16. Московские ведомости. 1880. 14 августа.
17. Плева В.К. – Сипягину Д.С. 1900–1902 // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 3.
18. Стогов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга – Петрограда (конец XIX – начало XX века). СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 311 с.
19. Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. М.: Новости, 1991. 464 с.
20. Фридлянд Ц. Европейская дипломатия и буланжизм // Историк–марксист. 1936. № 1 (053). С. 56–90.

© А.Э. Котов, (nilfgaard@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

"Ни о чем не думает лишь тот,
кто ничего не читает."
Д.Дидро

Реклама

МОЛОДЕЖНЫЙ АЛКОГОЛИЗМ - НЕГАТИВНЫЙ ФАКТ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА. ВЛАСТЬ, ЦЕРКОВЬ И ОБРАЗОВАНИЕ - ОРГАНИЗАТОРЫ БОРЬБЫ С СОЦИАЛЬНЫМ НЕДУГОМ (конец XIX - начало XX в.)

YOUTH ALCOHOLISM IS THE NEGATIVE FACT OF THE LIFE OF THE URAL POPULATION. POWER, CHURCH AND EDUCATION - ORGANIZERS OF ACTIVITY FOR OVERCOMING THE NEGATIVE SOCIAL PHENOMENON (end of the XIX and the beginning of the XX century)

*A. Perebainos
T. Ptashko*

Annotation

The article gives a multidimensional analysis of the causes of alcohol consumption by young people at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries (by the example of the Urals population). The ways of solving the problem of alcoholism among the young generation of the late nineteenth and early twentieth centuries as part of the activities of the authorities, the church and the educational environment (church parochial schools) are considered. The main idea of the authors is to analyze and identify methods of prevention, combating the social ailment, the possibilities of which can be applied in modern conditions.

Keywords: alcoholism, youth, prevention of alcoholism, educational environment.

Перебайнос Артем Евгеньевич

К.и.н., доцент, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск

Пташко Татьяна Геннадьевна

К.п.н., доцент, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск

Аннотация

В статье дается полиаспектный анализ причин употребления алкоголя молодыми людьми конца XIX – начала XX веков (на примере населения Урала). Рассмотрены пути решения проблемы алкоголизма среди молодого поколения конца девятнадцатого и начала двадцатого веков в рамках деятельности властей, церкви и образовательной среды (церковно-приходские школы). Основная идея авторов – проанализировать и выявить методы профилактики, борьбы с социальным недугом, возможности которых могут быть применимы в условиях современности.

Ключевые слова:

Алкоголизм, молодежь, профилактика алкоголизма, образовательная среда.

Преобразования социально-экономической сферы России в условиях современности затрагивают все области человеческой жизнедеятельности. Наряду с положительными изменениями, в обществе усилились и негативные тенденции, проявляющие себя в снижении приоритета духовных ценностей, усилении психологической деформации личности, социальной дезадаптации и др. Данная ситуация неблагоприятного воздействия социальных факторов обусловила рост такого опасного для молодежи и общества в целом явления, как алкоголизация. Нарастающая тенденция непрерывного роста употребления молодыми людьми алкоголя ставят перед обществом, конкретными специалистами задачу поиска направлений профилактической работы, т.е. устранение условий, которые опосредовано или напрямую оказывают отрицательное воздействие на поступки молодежи.

Для более успешного решения данного вопроса в условиях современности необходимо обратиться к историческому наследию, проследить, как рассмотрение этой проблемы было поставлено ранее, насколько успешны были пути преодоления асоциального недуга. Нашей целью является анализ причин и направлений деятельности по разрешению проблемы алкоголизации среди молодежи конца XIX и начала XX в. Прежде всего, необходимо посмотреть уровень употребления алкоголя молодежью в исследуемый период.

Во второй половине XIX века правительство, церковь, органы местного самоуправления и общественность были весьма обеспокоены усиливающимся пьянством, охватившим практически все социальные слои российского общества. Урал не был исключением. Местная печать писала: "Урал несчастный край, где население практиче-

ски голодает, ибо земля не кормит. Но зато как там пьют" [12, с. 28].

Помимо либеральной прессы, писавшей о народном пьянстве, на это указывала и епархиальная печать. Газетные материалы буквально пестрили такими выражениями, как "народный недуг", "народная нетрезвость", "одно из безобразий", "зло, которому нет границ", и т.п. Встречающееся же в них выражениях слово "народный" также свидетельствовало о размахе данного негативного явления в обыденной жизни населения Уральского края.

Пьянство процветало не только в уездных городах Уральского региона, но и в его заводских поселениях. Например, в газете "Екатеринбургская неделя" писали: "еще немного лет назад на улицах Добрянского завода было сравнительно тихо, приезжий не рисковал натолкнуться на картины безобразного пьянства". Теперь же "слышаться нетрезвые песни не только мужских, но и женских голосов. Подрастающее поколение не отстает от взрослых" [1, с. 723]. "Екатеринбургские епархиальные ведомости" приводят любопытные сведения: "пьянствуют люди с достатком, пьянствуют бедняки, пропивая последнюю копейку, добытую потом и кровью... Дети, глядя на своих родителей, тоже пьянствуют" [6, с. 788, 789].

Таким образом, можно сделать заключение о том, что проблема алкоголизма в исследуемый исторический период стояла остро, являлась важной и актуальной для своего рассмотрения и решения.

Проанализируем причины этого негативного явления повседневной жизни. На основе анализа научных публикаций, высказываний и обращений представителей "образованного общества" покажем, почему уральский простолудин злоупотреблял спиртными напитками.

Во-первых, это наличие питейных заведений, распространение алкоголизма на определенной территории, что влияло на распространение явления алкоголизации и среди молодежи. Вот наглядный пример пьянства в заводском поселке, связанный с конкретным событием обыденной жизни заводчан. В Верхнеуральском заводе ежегодно в сентябре в течение трех дней действовал местный Торжок. Традиционно он проходил так, как его описала "Екатеринбургская неделя" в 1893 году. "Торжок, начавшийся 8 сентября... сопровождался безмерным пьянством и драками..., все население с приезжими... придается широкому разгулу и доходит до совершенного озверения от водки. Стоит только сравнить те сотни ведер водки, которые выпиты в три ярмарочных дня, с теми "обновками", приобретенными на Торжке и взглянуть на те толпы, которые целые ночи ревут, стонут и, производя "мордобитие", можно даже сказать о вреде таких ярмарок" [2, с. 802]. Молодежь, подражая поведению взрослых, также приобщалась к распитию спиртных напитков.

Далее это ошибки родителей в воспитании детей, приводившие к пьянству подростков и молодежи. Было обычным явлением, когда родители сами пили на глазах своих детей, подавая тем самым дурной пример. В частности, в 1893 году об этом печальном явлении на Сысертском заводе с тревогой писали "Екатеринбургские епархиальные ведомости". За последнее время "предались непомерному пьянству молодые ребята и женщины". По мнению автора статьи, женщины пьют оттого, что они управляют только одно свое хозяйство, на стороне нигде не работают, мелкая ремесленность не развита и свободного времени у женщин много" [7, с. 1066]. Поскольку семья способствует социализации личности, т.е. освоению социальных норм, правил поведения, социальных ролей [13, с. 179], то ошибки родителей в воспитании детей приводили к пьянству подростков и молодежи. А часто родители шли еще дальше. Они заставляли детей, даже совсем маленьких, прикладываться к рюмке. Затем, с большим интересом наблюдали за акцией своих пьяных детей, потешаясь над их безудержным сквернословием и подражанием пьяным безобразиям старших. Многие родители-простолудины не видели большого вреда от раннего пристрастия своих детей к вину.

То же наблюдалось и в семьях инородцев. И в те годы имела место еще одна распространенная ошибка родителей. Они часто не обращали внимание на то, что у сыновей плохие друзья, которые и склоняли их к пьянству. Это и отрицательные черты русского национального характера, которые были присущи и жителям Уральского региона. Неумение управлять собой, когда дело касалось выпивки, соблюдать умеренность в употреблении спиртного [5, с. 76].

Одной из причин можно обозначить низкий образовательный и культурный уровень "простого народа". В частности и отсутствие на Урале четко налаженной и постоянно функционирующей досуговой системы. В губернских и уездных городах данная система только создавалась. И все же, городской обыватель в воскресенье и праздничные дни мог пойти в библиотеку, театр, цирк, послушать музыку, пение в исполнении приезжих знаменитостей, сходить на спектакль, послушать хоровое церковное пение, посмотреть скачки на ипподроме, посещать занятия в воскресной школе и т.п. В гораздо худшем положении были крестьяне. Ведь в сельской местности как таковой досуговой системы практически не было. Например, домашним чтением они могли заниматься при условии, если близко проживали от церкви, а в церкви была библиотека. Большие церковно-приходских школ не имели библиотек для домашнего чтения. Большой редкостью еще были и небогослужебные чтения для сельских жителей. Правда, крестьяне имели возможность "справлять" церковные, общегосударственные и местные праздники. Это было своеобразным проведением досуга. Данная форма досуга не предполагала

употребления спиртных напитков. Но это было в теории. Прихожане и большинство своем считали, что в праздники и воскресные дни большого "греха" не будет, если они пропустят одну–другую рюмку вина. Безусловно, и хорошо отлаженная система досуга полностью решить проблему пьянства не могла. Но она все же какую–то часть горожан могла "отвлечь" от кабака, предоставив ему возможность разумного проведения своего свободного времени. Духовенство Оренбургской и других губерний Урала отмечало, что "духовная неразвитость и необразованность являются одной из основных причин пьянства большей части населения"[9, с. 172].

Общественное мнение не всегда осуждало пьянство. Пьянство не осуждалось обществом, когда юноши, призванные в армию, начинали прощаться с гражданской жизнью. Иногда эта процедура затягивалась на несколько недель. Вот что по этому поводу с осуждением писали "Оренбургские епархиальные ведомости" в 1912 году: "Сказать правду, и сами родители потворствуют ребятам: "Пуцай, дескать, погуляют перед царской службой", все шло по дурной традиции... В последние дни перед отправкой на службу ребят ведут из двора во двор все родни, знакомые и товарищи. Причем, спаивают до полусмерти; рекруты не в состоянии сами идти без посторонней помощи..., их обыкновенно ... и под руки по улице села, а за ними толпа... оплакивающих" [8, с. 107].

Таким образом, проанализировав ситуацию периода конца XIX – начала XX веков, можно выявить следующие причины алкоголизации молодежи. Во–первых, это объективные общие причины – распространение явления в регионе, питейные традиции и семейный алкоголизм. Вместе с тем, хотелось бы отметить, что в конце XIX века выделяется еще одна причина – наличие большого объема свободного времени у молодых людей. Это как следствие, приводит к злоупотреблению молодежью алкоголем. Следовательно, в решении проблемы сегодня должны учитываться данные обстоятельства, а именно в рамках государственной политики необходимо решение вопросов распространения алкоголя, отдельная работа должна проводиться с семьей, а также должен подниматься вопрос обеспечения занятости подрастающего поколения положительно направленными видами деятельности.

Проанализируем, насколько учитывались эти факторы в конце XIX века, приводили ли они к решению вопроса, и применимы ли данные методы в современных условиях.

Во–первых, Российское правительство, Святейший Синод, епархии, органы местного самоуправления, видя, какой размах приобретает народное пьянство, в течение 80–90–х годов XIX века приняли ряд законов, указов, распоряжений, направленных на борьбу с этим массовым

негативным явлением. Например, соблюдение питейного закона, запрещавшего отпускать вино "малолетним", в ряде мест давали положительные результаты. Если раньше на Шуралинском заводе нельзя было появиться на улице, "не рискуя подвергнуться оскорблениям пьяной, разгульной молодежи, то теперь молодежь была настолько трезва, что кажется нынче меньше пьяных, чем в годный 1891[10, с. 197; 11, с. 353].

В конце XIX века вопросы вреда алкоголя поднимали в своих проповедях священники. Так, состоявшееся в Казани в июле 1885 года региональное собрание архиепископов, где активно участвовали и руководители епархий Урала, большое внимание уделило "народному недугу". Священникам были даны следующие рекомендации: увеселительные заведения и места пьяных сборищ должны быть закрыты, "пьянству могут успешно противостоять небогослужбные чтения для сельского и городского населения – "чтения для народа" [3, с. 276].

Действительно, во многом благодаря православной церкви в 80–90–е годы XIX века был накоплен опыт, найдены интересные методы работы и первые результаты успешной деятельности по профилактике алкоголизма среди молодежи.

Свидетельством тому появились новые организационные формы – Всероссийские съезды по борьбе с пьянством. Так, Второй съезд, проходивший в Москве в августе 1912 года, вошел в историю как Всероссийский съезд практических деятелей по борьбе с народным пьянством. На съезде большая роль в борьбе с пьянством отводилась школе. По этому поводу говорилось так: съезд признает потребление спиртных напитков детьми школьного возраста вполне доказанным; школьникам сообщать систематические сведения о вреде алкоголя и его влиянии на детский организм; сообщение этих сведений должно именоваться "наукой трезвости". Ее следует считать особым, самостоятельным, школьным предметом, как учебную дисциплину ввести во всех учебных заведениях, готовивших преподавателей. Внешкольная просветительская деятельность педагогического персонала в деле антиалкогольной работы может выражаться в образовании выставок, публичных чтений и бесед, учреждений обществ ревнителей трезвости из взрослых (с 16 лет); лица, предлагающие алкогольные напитки детям, должны караться штрафом.

В решении съезда по разделу "Литературная научная борьба" предлагалось: "устраивать книжные склады, летучие библиотеки–читальни, антиалкогольные музеи; распространять среди инородцев на их родном языке антиалкогольные брошюры и картины; назначать особых книгонош для раздачи антиалкогольной литературы на ярмарках, в больших городах и селах, на станциях и в вагонах железных дорог, ввиду отсутствия в русской народ–

ной литературе истинно художественных песен и других литературно-антиалкогольных произведений лучшим русским литературным силам взять на себя заботу дать народу такие произведения, которые бы наглядно показывали весь позор пьянства" [8, с. 1045–1051].

Это нашло отражение и в конкретной деятельности. А именно широко использовались в борьбе с пьянством возможности церковно-приходских школ. Обычно священник был в ней не только преподавателем своего предмета, но и школьным воспитателем. Он регулярно проводил беседы на разные житейские темы, в том числе о вреде пьянства. В ряде церковно-приходских школ под руководством священника создавались детские общества трезвости. В общества трезвости для взрослых наряду с мужчинами вступали женщины, молодежь и даже дети. Например, вот каким был состав общества трезвости в Камышлевском селе Камышловского уезда, созданного после 13 успешно прочитанных с церковной кафедры поучений против пьянства священником Евлампием Бирюковым. В обществе было 111 человек, из них 43 сильно и малопьющих мужчин, 34 женщины, 10 юношей и детей 24 человека [4, с. 131].

В условиях современности мы находим подобные пути решения проблемы. Так, это и рассмотрение вопроса на международном и государственном уровнях: принятие Всемирной организацией здравоохранения "Глобальной стратегии по снижению злоупотребления алкоголем", ФЗ

"Закон о рекламе". Большую роль в профилактике молодежного алкоголизма должно играть образовательное учреждение в сфере организации внеурочной деятельности. К сожалению, коммерциализация досуговой сферы на сегодня не дает возможности обеспечить занятость всех детей и молодежи. Отметим, что сегодня необходимо привлекать и священнослужителей к вопросам профилактики данного негативного явления.

Таким образом, анализ причин и путей решения проблемы алкоголизма среди молодежи конца XIX и начала XX веков привел нас к следующим выводам: несмотря на все принимаемые меры и в конце XIX–начале XX веков алкоголизация среди молодежи как явление имело место быть и являлось актуальной и социально значимой проблемой. Во-вторых, определяются причины алкоголизации (повсеместное распространение явления, семейный алкоголизм, плохая организация досуговой деятельности). В условиях современности мы находим подобные проблемы. Это мы можем рассматривать как определенную закономерность в сохранении явления, поэтому при постановке путей решения вопроса необходимо обратить внимание именно на указанные причины. В-третьих, на пьянство всегда смотрели и смотрят как на негативное социальное явление российской повседневности, поэтому до сих пор пытаются найти новые пути решения данной проблемы. В этой связи и необходимо изучение исторического наследия, которое определяет перед нами свои способы борьбы с этим недугом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Екатеринбургская неделя. 1886. № 44.
2. Екатеринбургская неделя. 1893. № 39.
3. Екатеринбургская неделя. 1886. № 9.
4. Екатеринбургская неделя. 1894. № 2.
5. Екатеринбургская неделя. 1894 № 4.
6. Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1893. № 32–33.
7. Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1893. № 43.
8. Оренбургские епархиальные ведомости. 1912. № 4, № 50.
9. Оренбургские епархиальные ведомости. 1884. № 9
10. Пермская земская неделя 1895. № 9.
11. Пермская земская неделя. 1895. № 17.
12. Пермская земская неделя. 1907. № 34.
13. Содержание и методика педагогической деятельности в социальной работе (социальная педагогика) [Текст]: учеб. пособие / Н.А. Соколова, Н.П. Артемьева, В.Ф. Жеребкина, Т.Г. Пташко, С.В. Рослякова, Е.Г. Черникова, Т.П. Скребцова, А.А. Шевченко, Е.В. Моисеева, Н.В. Сиврикова. – Челябинск: изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2014. – 350с.

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ "РЕЖИМА ДАХИЙ" В БЕЛГРАДСКОМ ПАШАЛЫКЕ НА РУБЕЖЕ XVIII - XIX ВВ.

ON THE PROBLEM OF THE CHARACTER OF THE "STATE OF THE DAHIJAS" IN THE PASHALUK OF BELGRADE AT THE TURN OF 18th-19th CENTURIES

V. Sopov

Annotation

The article is dedicated to the key event of the Serbs' history of the 18th–19th centuries – s.c. "the state of Dahijas", the rule of Janissary officers established in the Pashaluk of Belgrade in 1802–1804. Author describes the most interesting moments of the scholarly dispute in Russia and Serbia. The social and political facets of "the state of Dahijas" as well as the key events of its history are characterized in the article. Author made a conclusion about the complex ethnic and confessional picture of this state, two main tendencies and the evolution the Serbian self-government institutions made into this state.

Keywords: Serbia, Modern Time, First Serbian Uprising, Dahijas, Selim III, Janissary.

Сопов Владислав Игоревич

Аспирант,

Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация

Статья посвящена ключевому событию истории сербского народа на рубеже XVIII – XIX вв. – т. н. "режиму дахий", режиму янычарского управления, окончательно сложившемуся в Белградском пашалыке в 1802–1804 гг. Автор освещает основные моменты историографической дискуссии в местной и отечественной научной литературе. В статье даётся характеристика социально-политической природы "режима дахий", ключевых событий его истории. Автор приходит к выводу о сложной этноконфессиональной картине, сформировавшейся в пашалыке с приходом дахий, о двух параллельных тенденциях в практиках дахийского режима, о своеобразной эволюции, которую претерпели институты публичного представительства сербского народа внутри него.

Ключевые слова:

Сербия, Новое время, Первое сербское восстание, дахии, Селим III, янычары.

"Режим дахий", с которым связывают последние годы перед началом Первого сербского восстания и важнейшие события, происходившие в связи с ними в Белградском пашалыке, сравнительно редко становился объектом научного анализа, неизменно пребывая в тени последовавших военных и политических перемен, постигших Северную Сербию. Вместе с тем, рассмотрение данного феномена представляется весьма продуктивным. Во-первых, именно в этот период вызрели ключевые предпосылки для начала вооружённой борьбы сербских повстанцев, во-вторых, с точки зрения исследования государственно-правовых практик и установлений у сербов того периода, эти годы разделяют "эпоху ферманов" – период полуавтономного положения сербов под управлением Хаджи-Мустафа-паши и, собственно, начало строительства повстанческой государственности. Несомненно, без анализа положения институтов сербского самоуправления в эти годы невозможно составить целостное представление о континуитете их развития в течение всего периода рубежа XVIII – XIX вв.

Вместе с тем, при отсутствии обособленных исследований, в местной и отечественной историографии сформировалось довольно чёткое и единогласное мнение о

сущностных особенностях данного режима. Что касается сербской историографии, то корни этого представления были заложены ещё в XIX веке. Такие исследователи, как Л. фон Ранке [10] и В.С. Караджич (см. "Первый год войны сербов с дахиями" [1828], "Князь Сербии Милош Обренович, или История сербии нашего времени" [1828], "Второй год войны сербов с дахиями" [7] [1829] и др.) в своих работах дали картину поликонфессионального, террористического режима, противопоставленного в равной степени и сербскому самоуправлению, и легитимной власти султана Селима III. Исследователь начала XX века С. Новакович сопоставил "режим дахий" с сепаратистским режимом Пазванд-оглу Видинского, существовавшим в те же годы в ещё одной мятежной территории Османской империи, отметив множество сходных черт [12]. Марксистское понимание проблемы, встречающееся, к примеру, в работах М. Джорджевича, вписывает противостояние режиму дахий в канву общего развития борьбы сербов с Османской империей [5]; по его мнению, борьба за полное освобождение от турок началась задолго до 15 февраля 1804 года. В современной историографии, в частности, в работах Р. Люшича, этот вопрос отображается более сдержанно: указывается, что борьба с дахиями какое-то время не была для по-

встанцев равнозначна противодействию центральным властям Порты [8].

Первым исследователем "государства" дахий в отечественной историографии является военный историк Н.Ф. Дубровин. Как и С. Новакович, он помещает дахийский мятеж в контекст отпадения окраинных территорий от Османской империи в конце XVIII века, приводя в пример восстания в Аккре, Видине, Багдаде и Янине [1]. В советской историографии боевые действия, связанные с дахиями, как правило, рассматривались в контексте кризиса системы феодального управления Османской империи. Таким образом, не подвергаются сомнениям два комплекса представлений о чертах этого режима: во-первых, его террористическая природа, во-вторых – противопоставленность "законной власти" Селима III.

Отправной точкой становления "режима дахий" следует считать 30 января 1799 года. В этот день султан Селим III издает губительный для сербов ферман о решении всем ранее изгнанным и демобилизованным янычарам вернуться в пашалык. Предводители этого маргинального сообщества первое время были легитимными чиновниками пашалыка: Кючюк-Али стал муселимом Крагуевца, Мулла-Юсуф – муселимом Ужице, Хасан-ага, Муса-ага и Хафиз-ага заняли аналогичные посты в Валево, Шабаце и Смедереве. Само слово "дахия" происходит либо от общетюркского корня "даг", обозначающего "горы" (ср. азерб. *Dağ*; туркм. *Dağ*; тур. *Dağ*), либо связана с турецким словом, обозначающим брата матери; возможно, это было неформальное обращение этих людей друг к другу. В 1799–1801 гг. в пашалыке сложилось двоевластие: формально руководителем его оставался назначенный из столицы Хаджи-Мустафа-паша. Перемены наступили после его гибели, последовавшей 15 декабря 1801 года. Власть в пашалыке окончательно отошла к вчерашним главарям маргиналов – Кючюк-Али, Аге-али, Мулле-Юссуфу и Мехмед-аге Фочоглу.

Как свидетельствуют фрагментарно изданные турецкие документы, переход пашалыка под власть дахий не представляла собой одномоментный процесс. Так, 1 реби'уль-аввала 1216 года по Хиджре (20 августа 1801 года) Хаджи-Мустафа-паша на правах мухафиза (управителя) Белграда получает махзар (обращение) граждан административного центра пашалыка, в котором содержатся жалобы на притеснения со стороны приспешников дахий. Любопытно, что документ подписан почти исключительно мусульманами, в том числе и представителями духовенства. Это говорит о том, что, несмотря на турецкие имена, дахии в своём поведении не руководствовались не только законными представлениями, но и религиозными [9]. В своих более ранних работах, мы показывали, что это может свидетельство-

вать о том, что до момента гибели Хаджи-Мустафа-паши криминальная активность определенного круга лиц, ассоциируемых с "режимом дахий", хотя и имела место, но касалась сербов в меньшей степени, нежели мусульман. Во-первых, это можно объяснить тем, что на начальном этапе (1800–1801 гг.) такие проявления отмечаются в основном в городах, которые до восстания были преимущественно турецкими. Во-вторых, обижать сербов, с торговли которых он имел значительную прибыль, не позволял Хаджи-Мустафа-паша [2].

В 1802 году, когда последний был уже мёртв, четверо дахий не просто сформировали государство, независимое от центрального правительства, но и несколько пересмотрели систему военно-политического устройства пашалыка. Вся территория пашалыка была разделена между вождями дахий на четыре части – исета. Исет соответствовал трем нахиям по административному делению, сложившемуся до восстания [11]. Сами вожди стали кабадахиями – старшими дахиями. Им подчинялись бимбаша, каждый из которых также в свою очередь был ответственным за какую-либо территорию. По этому же военно-территориальному принципу, бимбашам подчинялись булюбаша, им – субаша, тем – рядовые солдаты, не имевшие территориальной ответственности. Следует отметить, что такое разделение власти органично вписалось в систему сербского самоуправления. Единственным новшеством стал исет, в котором правил дахийский воин в ранге кабадахии. В остальном же, административной реформы и не потребовалось: бимбаша соответствовал нахийскому кнезу, булюбаша – кнежинскому, субаша – сельскому.

Как видно, за короткое время была сформирована система, обеспечивающая дахиям полноценный аппарат эксплуатации сербского и турецкого населения пашалыка. Вместе с тем, не следует и преувеличивать централизованное, упорядоченное в их правлении. Многие события, свидетелем которых стал Белградский пашалык в 1802–1804 годах нельзя объяснить иначе, как бесконтрольной, анархической вольницей, полным самоуправством профессиональных убийц, разбойников и насильников. Как уже говорилось выше, массы народа, стекавшиеся в пашалык, были поликонфессиональными: были там и сербы, и болгары, и арнауты, стекавшиеся сюда не только со всех Западных Балкан, но и из опустошённой Анатолии. Доподлинно известно и то, что значительную часть, помимо бывших янычар, здесь составляли беглые преступники, приговорённые за самые тяжкие деяния к отбыванию наказания на галерах (чамджии [3]). Одним из наиболее ярких примеров бедствий, которые принесли в пашалык эти люди, является деятельность Салих-аги по прозвищу "Рудницкий бык". Этот человек, принадлежавший к пресловутой "четверке" дахий, руководивших пашалыком, пользовался правом самой унижительной феодальной повинности – первой

брачной ночи, причем нередко его реализация сопровождалась страшными публичными оргиями. По его собственному выражению, он имел "королеву" в каждом селе и попеременно жил с каждой из этих несчастных. Этот пример, как нам кажется, был весьма характерен: государство дахий было государством первобытного "права силы" и беззащитному сербскому и турецкому населению было не у кого просить помощи.

Вместе с тем, есть, как минимум, два обстоятельства, не позволяющих переоценивать "революционности" государства дахий по отношению к политическим реалиям того периода. Во-первых, дахии никогда не провозглашали де-юре независимости от Порты. Об этом свидетельствуют факты назначения белградского пашы Портой даже в те периоды, когда реальная власть была у янычар. Наконец, сообщая своему знакомому Пазвандоглу Видинскому о начале Первого сербского восстания, которое дахии попытались подавить, они говорят о себе как о защитниках легитимной власти султана [4]. Во-вторых, режим дахий не был направлен против сербской верхушки как таковой: многим кнезам удалось не только встроиться в новую систему управления, но и улучшить

свое карьерное положение. Так, помощник Карагеоргия Г. Пантелич был на таком хорошем счету у Муллы-Юсуфа, что тот хотел сделать его кнезом одной из территорий своего исета [6]. Попытки Тосун-аги видинского закрепиться в пашалыке также были остановлены руками сербов, которых мобилизовали Мулла-Юсуф и Мехмед-ага. Наконец, одиозный гайдук С. Главаш был близким другом Кючук-Али и Аганлии.

Подводя итога краткому обзору режима дахий, представляется возможным сделать ряд выводов. Во-первых, этот режим был многоэтничным и многоконфессиональным, т. е. как в руководстве дахий, так и в рядовой структуре их аппарата явно соседствовали тюркские, славянские и иные элементы. Во-вторых, именно благодаря неполноте демонтажа системы сербского самоуправления, сформировавшейся в 1793–1796 гг., дахиям удалось в кратчайшие сроки построить эффективный аппарат военной и гражданской администрации. В-третьих, нуждаются в пересмотре историографические представления о режиме дахий как о противопоставленном исключительно сербскому или исключительно турецкому населению пашалыка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровин Н.Ф. Сербский вопрос в царствование императора Александра I // Русский вестник. М., 1863. Т. 46. Кн. 7. С. 60–120.
2. Сопов, В.И. Государственно-правовое положение сербов Белградского пашалыка. / Сопов, В.И. // – М.: LAP, 2014.
3. Stojancevic V. Karadjordje and Serbia in his time // The First Serbian Uprising 1804–1813. Brooklyn, 1982.
4. Арзухал белградских дахи-а Видинском мухафизу Осман-паше Пазван-оглу // Шабанович Х. Турски извори...С. 314–315.
5. Джорджевич М. Српска нации в гражданском обществе. Београд, 1979.
6. Показания старца Гае Пантелика от Тополы Исидора Стоянович // Казань о Серпском установке 1804. године. Београд, 1980. С. 70–120.
7. Карацис В.С. Истори-ски списи. Београд, 1985.
8. Лушиц Р. Српска државност 19.века. Београд, 2008.
9. Махзар Београда белградском кади-и и белградском мухафизу Хаши-Мустафа-паше // Шабанович Х. Турски извори о српској револуцији. Београд, 1958. С. 226–227.
10. Ранке Л. Српска револуци-а. Београд, 1965.
11. Ристич М. Народне скупштине у Првом српском устанку. Београд, 1955.
12. Новакович С. Турско царство пред српски устанак 1780–1804. Београд, 1906.

© В.И. Сопов, (sopich2007@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ

негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования

Реклама

Традиции. Инновации. Успех!

И МИБО

С.Ю. ВИТТЕ - НАСЛЕДНИК Н.Х. БУНГЕ И И.А. ВЫШНЕГРАДСКОГО

S.YU WITTE AS THE SUCCESSOR OF N.KH. BUNGE AND I.A. VYSHNEGRADSKY

V. Stepanov

Annotation

The article deals with the problem of the continuity in the policy of the Finance Ministers of the Russian Empire N.Kh. Bunge, I.A. Vyshnegradsky and S.Yu. Witte in the late nineteenth – early twentieth century. Special attention is paid to the preparation of the prerequisites for a number of S.Yu. Witte's reforms – the measures on the peasant problem, the passing of factory legislation, the improvement of customs security, the introduction of gold monometallism in money circulation, the establishment of wine monopoly, the reorganization of the railway system and the building of the Trans-Siberian Mainline.

Keywords: Ministry of Finance, economic policy, legislation, reforms, continuity, N.Kh. Bunge, I.A. Vyshnegradsky, S.Yu. Witte.

Степанов Валерий Леонидович
Д.ист.н., в.н.с.,
Институт экономики РАН,
Москва

Аннотация

В статье рассматривается проблема преемственности политики министров финансов Российской империи Н.Х. Бунге, И.А. Вышнеградского и С.Ю. Витте в конце XIX – начале XX в. Особое внимание уделяется подготовке предпосылок для ряда преобразований С.Ю. Витте – проведения мероприятий по крестьянскому вопросу, принятия фабрично-заводского законодательства, совершенствования таможенной охраны, введения золотого монометаллизма в денежном обращении, установления винной монополии, реорганизации железнодорожного хозяйства, строительства Транссибирской магистрали.

Ключевые слова:

Министерство финансов, экономическая политика, законодательство, реформы, преемственность, Н.Х. Бунге, И.А. Вышнеградский, С.Ю. Витте.

Сергей Юльевич Витте давно и навсегда вошел в анналы истории. Его личность и деяния неизменно вызывали интерес у исследователей, публицистов и политиков. Витте всегда уделялось гораздо больше внимания, чем какому-либо другому представителю высшей бюрократии имперской России. За ним закрепилась репутация крупнейшего преобразователя своего времени, "отца" отечественной индустриализации и творца первой российской конституции. Лишь немногие считают его приверженцем чуждого для России западного "биржевого" капитализма и разорителем крестьянства, готового пожертвовать коренными интересами собственной страны ради привлечения иностранного капитала. Однако при изучении многогранной деятельности Витте следует учитывать, что в ходе разработки и проведения экономических реформ он в значительной степени опирался на наследие своих предшественников – министров финансов Н.Х. Бунге (1881–1886 гг.) и И.А. Вышнеградского (1887–1892 гг.).

В мемуарах Витте писал, что "довольно сильно расходился" с Бунге "в вопросах экономических, финансовых и вообще в политических вопросах" [7, т. 1, с. 150, 151]. Однако это утверждение относится в большей степени к первым годам его министерской деятельности. От Бунге

Витте заимствовал интерес к вопросам социальной политики, и прежде всего – к мерам по укреплению крестьянского землевладения. На него оказали значительное влияние такие реформы этого министра, как понижение выкупных платежей, отмена подушной подати и учреждение Крестьянского банка. Бунге выступал за облегчение крестьянам выхода из общины и отмену ее фискально-принудительных функций, призывал к организации массовых переселений малоземельного сельского населения на окраины империи [23]. Но Витте потребовалось время, чтобы освоить эту сферу государственной политики, оценить взгляды и достижения своего предшественника. По собственному признанию, в начале своей бюрократической карьеры он слабо разбирался в укладе сельской жизни и придерживался славянофильских убеждений [7, т. 2, с. 43]. Вплоть до середины 1890-х гг. Витте был активным сторонником традиционного аграрного курса, ориентированного на сохранение в деревне патриархально-общинных отношений и сословной общности крестьян. Витте поддержал закон 14 марта 1893 г., который ограничил выход крестьян из общины, запретил залог и продажу надельных земель лицам других сословий. Накануне обсуждения этого проекта министр финансов даже составил записку в защиту общинного землевладения [26, с. 246–258].

Лишь спустя несколько лет Витте признал необходимость уравнения крестьян в правах с остальным населением и предоставления им свободного выхода из общины. "Тут мне помог многими беседами бывший министр финансов Бунге, почтеннейший ученый и деятельный по крестьянской реформе 60-х годов, – вспоминал Витте. – Он обратил мое внимание на то, что главный тормоз экономического развития крестьянства – это средневековая община, не допускающая совершенствования" [7, т. 2, с. 44]. Витте возобновил курс Бунге в области аграрного законодательства. В 1894 г. был принят новый закон о паспортах, облегчавший крестьянам передвижение в поисках заработка; в 1897 г. отменен взимавшийся с крестьян и мещан паспортный сбор; в 1895 г. утвержден новый устав Крестьянского банка, который предоставил ему права покупать земли за счет собственного капитала для перепродажи крестьянам; с началом сооружения Сибирской железной дороги Витте вместе с Бунге активно выступал за переселение крестьян в зону строящейся магистрали; в октябре 1898 г. он направил письмо Николаю II о необходимости индивидуализации крестьянского землевладения; в 1903 г. добился упразднения круговой поруки.

В качестве председателя Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1905 гг.) Витте высказывался за преодоление сословной замкнутости сельского населения и его включение в гражданское общество, предлагал ликвидировать фискально-принудительные функции общины, отменить все ограничения на свободу передвижения крестьянства, ввести принцип частной собственности на землю, поощрять переход к хуторскому и отрубному землевладению. В период премьерства Витте (1905–1906 гг.) были начаты преобразования в деревне – отменены выкупные платежи (с 1 янв. 1907 г.), пересмотрен устав Крестьянского банка с целью расширения его возможностей по кредитованию крестьянства (1905 г.), учреждены центральный Комитет по землеустроительным делам, губернские и уездные землеустроительные комиссии (1906 г.). По распоряжению Витте были разработаны "Основные положения для изменения законодательства о крестьянах", утвержденные Советом министров 15 апреля 1906 г. Результаты его деятельности позднее в полной мере использовал П.А. Столыпин, который продолжил аграрную реформу [24].

Витте возобновил политику Министерства финансов и в сфере фабрично-заводского законодательства. Ранее по инициативе Бунге были приняты законы об учреждении фабричной инспекции (1882 г.), нормировании труда малолетних, подростков и женщин (1882–1885 гг.), порядке найма и увольнения рабочих (1886 г.). При Витте последовали законы о преобразовании фабричной инспекции (1894 г.), ограничении продолжительности рабочего времени (1897 г.), ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими на производстве (1903 г.), предоставлении рабочим права выбирать

старост в качестве уполномоченных для переговоров с должностными лицами на предприятии об условиях труда и быта (1903 г.). Витте придерживался сложившейся во времена Бунге тактики финансового ведомства, которая диктовалась не только чисто охранительными целями (как в МВД), но и задачами торгово-промышленной политики. Руководство министерства требовало, чтобы все действия местных властей и полиции на предприятиях основывались на строгом соблюдении правовых норм, протестовало против фактов административного произвола и прямого давления на фабрикантов, которые могли привести к дезорганизации производства и отпугнуть иностранных капиталистов [27].

Витте открыто признавал, что основные принципы его реформ были сформулированы Бунге [11, с. 47, 48]. Он не раз говорил и писал о своем "глубочайшем уважении" к выдающемуся предшественнику и даже о "преклонении" перед ним [5, стлб. 2641; 12, с. 17]. В мемуарах Сергей Юльевич именовал Бунге "очень просвещенным", "в высокой степени образованным и почтенным" человеком, которого он как "ученого финансиста" всегда оценивал "очень высоко" [7, т. 1, с. 151, 532]. По указанию Николая II Витте получил экземпляр "Загробных заметок" – адресованное императору политическое завещание Бунге, обнаруженное после его кончины в 1895 г. [19, л. 163]. В этом обширном меморандуме бывший министр финансов высказал свои суждения по ряду коренных вопросов внутренней политики [3]. Витте назвал "Загробные заметки" "замечательной запиской" Бунге, "соединявшего со светлым умом и государственным опытом глубокие научные познания" [15, л. 70 об.]. Впоследствии он часто цитировал этот документ в своих записках и всеподданнейших докладах [8, с. 536].

С И.А. Вышнеградским Витте сотрудничал в 1878–1886 гг. в Обществе Юго-Западных железных дорог, а в 1889 г. поступил под его начало в Министерство финансов на должность директора Департамента железнодорожных дел [21]. Он разделял мнение своего патрона о необходимости расширения вмешательства государства в экономическую жизнь. Это отличало их от Бунге, который занимал по этому вопросу умеренную позицию и критиковал крайности этатизма. Витте принял активное участие в реформе железнодорожного транспорта. При его содействии была установлена монополия государства на проездные тарифы, под контроль правительства поставлены доходы и расходы частных железнодорожных компаний, развернулась операция по выкупу нерентабельных частных линий в казну. Вместе с тем Вышнеградский и Витте в союзе с Бунге, занимавшим пост председателя Комитета министров, единым фронтом выступили против позиции Государственного контроля и путейского ведомства, предлагавших провести полное огосударствление железных дорог. В итоге в России утвердилась оптимально соответствовавшая условиям страны "смешанная" системы железнодорожного хозяйства, при которой казенные дороги сосуществовали с высокодо-

ходными частными линиями [22, с. 59–66, 84].

Однако по вопросу о строительстве Сибирской железной дороги Витте решительно разошелся со своими предшественниками, которые считали этот замысел разорительным для казны, несмотря на ясно выраженную волю Александра III. Особенно резкую позицию занимал Вышнеградский. Он ссылаясь на тяжелое состояние денежного рынка, огромный объем чрезвычайных расходов на вооруженные силы и стратегические железные дороги в западных губерниях, нецелесообразность заключения внешних займов и другие причины. Министр финансов считал, что реализация подобного проекта может осуществляться лишь очень постепенно, а его полного завершения "возможно ожидать в более или менее отдаленном будущем" [13, л. 15–18 об., 29–36]. Тем не менее, в феврале 1891 г. император подписал указ о сооружении дороги, в марте начались работы на участке от Миасса до Челябинска, а в мае 1891 г. – между Хабаровском и Владивостоком. Однако из-за оппозиции руководства финансового ведомства дело продвигалось медленно [9, с. 73]. Поэтому при назначении Витте министром финансов Александр III настоятельно потребовал от него ускорить строительство Сибирского пути. И Сергей Юльевич, по собственным словам, "отдался этому делу всей душой, и все средства, которые только я мог давать на это дело, я давал". Он с гордостью писал в мемуарах, что "это великое предприятие было совершено благодаря моей энергии" [7, т. 1, с. 241, 242].

Витте проявил настойчивость и при введении винной монополии. В данном случае он также ревностно выполнял волю Александра III, которую, как и в случае со строительством Сибирской магистрали, саботировали его предшественники. В этом вопросе император целиком разделял позицию консервативных кругов во главе с издателем "Московских ведомостей" М.Н. Катковым, которые выступали за упразднение акцизной системы и переход к казенной продаже спиртных напитков. По распоряжению самодержца в первой половине 1880-х гг. в финансовом ведомстве с этой целью собирали необходимые материалы, однако сам Бунге "прямо признавал эту мысль почти неисполнимой и не могущей привести ни к каким благим результатам" [7, т. 1, с. 352, 353]. Вышнеградский, как ставленник Каткова, накануне вступления на министерский пост в своей программной записке горячо высказался за винную монополию, которая, по его мнению, позволит значительно увеличить поступления в казну [4, с. 194]. Однако после своего назначения он в беседе с Александром III, поставившим перед ним вопрос о питейной реформе, "дал императору если не вполне отрицательный, то во всяком случае весьма уклончивый ответ" [7, т. 1, с. 353]. Правда, в министерстве был разработан проект установления винной монополии в Пермской, Орловской и Ковенской губерниях в качестве пробного шага. Но дальше этого дело не пошло. Проведение реформы началось только при Витте, сумевшем преодолеть "громоздкие затруднения" в Государственном совете

в 1893–1894 гг. [7, т. 1, с. 352]. В ходе обсуждения его законопроектов Вышнеградский полностью поддержал преемника в полемике с Бунге и другими противниками монополии [16; 17].

Витте продолжил курс своих предшественников по ужесточению таможенной политики. Правда, Бунге по своим воззрениям не был склонен к "чрезмерному" протекционизму, но Вышнеградский действовал в этом направлении без колебаний. Он включил Витте в состав межведомственной комиссии для разработки нового тарифа, который был утвержден 11 июня 1891 г. и стал самым высоким в Европе по степени таможенной охраны. Если в 1889 г. пошлины по всем границам империи составляли 28,6% стоимости ввезенных товаров, то в 1892 г. – 33,1% [20, с. 271–363, 388, 389]. Однако тариф предоставлял всем импортерам равные условия ввоза, что затрудняло заключение отдельных соглашений, которые допускали значительные уступки, не распространявшиеся на другие страны. Между тем подобная практика получила широкое распространение на Западе. Поэтому, сменив Вышнеградского, Витте предпринял корректировку тарифа. 1 июня 1893 г. император одобрил систему двойного таможенного обложения, действующую одновременно, но дифференцированно по отношению к торговым партнерам. Минимальный тариф создавался путем конвенционных снижений ставок для стран, предоставлявших России право наибольшего благоприятствования, максимальный – путем надбавок в размере 15, 20 и 30% для остальных стран [10, с. 217, 218].

Плодами деятельности финансового ведомства в 1881–1892 гг. Витте в полной мере воспользовался при подготовке и проведении своей знаменитой денежной реформы. Правда, в мемуарах он всячески пытался принизить достижения министерства в этот период и подчеркнуть свою личную роль: "К этой реформе подготовляли наши финансы мои предшественники, как Бунге, так и Вышнеградский, но приготовления, сделанные ими, были сравнительно незначительны; в то время не был еще установлен окончательный план денежной реформы, даже в общих чертах, не говоря уже обо всех деталях" [7, т. 1, с. 464]. Однако реальные факты и неоднократные признания самого Витте, зафиксированные в различных источниках, опровергают это утверждение. При Бунге в министерстве сложилась концепция будущей реформы, суть которой заключалась в девальвации рубля и восстановлении металлического денежного обращения. Новым Монетным уставом 17 декабря 1885 г. золотая монета была впервые признана полноправным платежным средством. Тем самым в России де-факто установилась система золотого и серебряного биметаллизма. Серебряный монометаллизм в денежном обращении сохранялся лишь формально. По распоряжению Бунге на счетах Государственного банка началось сосредоточение золота, поступавшего в уплату таможенных сборов [23, с. 202–204].

Эту политику продолжил Вышнеградский. Ему удалось создать необходимые условия для будущей реформы:

стабилизировать финансы, сбалансировать бюджет, активизировать торговый и платежный балансы, повысить курс рубля и накопить солидный золотой запас [25, с. 54–65]. В министерстве были сформулированы основные принципы предстоящего преобразования: девальвация рубля; признание приоритета золота в обеспечении бумажно-денежной массы; одновременное обращение металлических и бумажных денег; гарантированный обмен кредитных билетов на золото; ограничение выпуска бумажных денег в пределах, не превышающих потребностей денежного обращения; предоставление права Казначейству принимать звонкую монету в уплату налогов по существующему курсу; разрешение частным лицам использовать металлическую валюту в отношениях между собой.

Тем самым Министерство финансов оказалось на пороге денежной реформы. "Дело считалось в 1892 г. настолько подготовленным, – вспоминал Витте, – что И.А. Вышнеградский перед оставлением своего поста собирался дать своим предположениям окончательный ход. Он мне лично передал объемистую собственноручную рукопись, в которой были изложены его мысли по сему предмету" [18, л. 780]. Однако Витте отнюдь не сразу последовал за своими предшественниками. В начале своей министерской деятельности он довольно плохо ориентировался в вопросах денежного обращения, был склонен решать финансовые проблемы с помощью дополнительных выпусков кредитных билетов и, по собственным словам, предпринял некоторые "непоследовательные шаги". И только под влиянием Бунге он изменил свою позицию [7, т. 1, с. 327, 328, 369]. "Идея восстановления золотой валюты, – вспоминал управляющий делами Комитета министров А.Н. Куломзин, – была внушена Витте Николаем Христиановичем Бунге, доказавшим ему всю ее настоятельность, необходимость дать полезное для финансов назначение накопленному в банке золоту и своевременность самой меры" [8, с. 491].

Впоследствии Витте признавался в своих прежних заблуждениях: "Когда я вступил в управление финансовым ведомством, я на опыте убедился в ошибочности своих книжных взглядов и в правильности той точки зрения, на которой остановился И.А. Вышнеградский, а с ним и все его предшественники" [18, л. 780]. В ходе подготовки денежной реформы в спорах с оппонентами Витте всячески пытался подкрепить свою позицию ссылками на политику Бунге и Вышнеградского. В письме к государственному секретарю В.К. Плеве от 10 марта 1896 г. он подчеркнул, что неуклонно следует курсу предшественников, которые заложили основы будущего преобразования, поэтому не может "принять высокой чести инициативы в мерах, мною принятых и тех, кои я предполагаю предложить принять в области денежного обращения" [14, л. 4–4 об.]. Бунге в качестве авторитетного экономиста, председателя Комитета министров и члена Государственного совета твердо пообещал Витте свое содействие в проведении денежной реформы и поддерживал его в высших

бюрократических инстанциях вплоть до своей кончины в 1895 г. [7, т. 1, с. 328, 465; 8, с. 501].

Однако введение золотого стандарта нельзя считать буквальным выполнением Витте заветов предшественников. После утверждения монетного устава 1885 г. суть будущей реформы могла заключаться в законодательном оформлении и усовершенствовании системы биметаллизма, которая действовала в большинстве западных стран. Эта монетарная модель была достаточно гибкой – она предусматривала сохранение роли серебра и не требовала высокой нормы покрытия кредитных билетов. За введение биметаллизма выступали некоторые видные экономисты, которые считали этот путь наиболее приемлемым для России [2, с. 102, 103]. Ни Бунге, ни Вышнеградский из осторожности не высказывались сколько-нибудь определенно за конкретный вариант металлического обеспечения денежной массы, полагая это задачей будущего. Французский премьер-министр Ф.Ж. Мелин в 1896 г. направил Николаю II записку, в которой доказывал преимущества действующей во Франции системы биметаллизма и ее целесообразность для России [7, т. 1, с. 371, 463, 464, 466, 469].

Витте пошел другим путем и выступил за золотой монетализм, существовавший в двух ведущих европейских странах – Великобритании и Германии. Английский вариант предусматривал 100%-ное покрытие золотом бумажных денег, которые фактически представляли собой золотые сертификаты. В Германии банкноты покрывались золотом только на одну треть, причем эмиссия не имела прямой связи с объемом золотого запаса. Казалось, что именно немецкий вариант был более подходящим для России, но Витте предпочел последовать британскому образцу. В итоге была принята 100%-ная норма золотого покрытия кредитных билетов, что очень дорого обошлось стране. Из-за жесткой связи золота и выпуска бумажных денег, эмиссия определялась не экономическими потребностями, а состоянием золотого запаса. В кладовых Государственного банка хранились горы желтого металла для обеспечения сравнительно небольшого количества кредитных билетов, которых постоянно не хватало для нужд народного хозяйства. Непроизводительное использование такого количества золота в условиях отсталой России было непозволительной роскошью.

Поскольку золотомонетное обращение могло существовать только при активном расчетном балансе, то правительство было вынуждено в небывалых масштабах привлекать иностранные капиталы и поощрять деятельность в России западных предпринимателей, создавая тем самым сильную конкуренцию отечественным производителям; еще более форсировать экспорт хлеба, несмотря на очевидное снижение его стоимостного эффекта; заключать за границей крупные займы, что вызвало стремительный рост внешней государственной задолженности. Введение золотого стандарта резко увеличило также сумму внутреннего государственного долга,

значительно обесценило материальные ценности и производительный труд в стране, особенно в сельском хозяйстве, привело к падению цен на продукцию земледелия. Система денежного обращения России была неустойчивой, она продержалась всего полтора десятилетия и прекратила свое существование с началом Первой мировой войны [1; 2, с. 110–115; 6].

Опора на достижения Министерства финансов в царствование Александра III позволила Витте осуществить новый виток социально-экономических преобразований и заслужить славу великого реформатора. Он умел учиться, усваивать чужой опыт и рационально его использовать. Вместе с тем его нельзя назвать эпигоном предше-

ственников. Витте достаточно быстро освоился в новой для него сфере государственного управления, стал проводить самостоятельную политику и, когда считал нужным, без колебаний отступал от линии Бунге и Вышнеградского, хотя это не всегда шло на благо экономическому развитию. Он продолжил курс на усиление вмешательства государства в экономику, ужесточение контроля над частным предпринимательством и расширение казенного хозяйства. В этом отношении Витте пошел дальше предшественников. Он вполне сознавал значение частного капитала для экономической жизни, однако, по сложившееся в "верхах" традиции, стремился использовать предпринимательство в интересах государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Благих И.А. Экономические взгляды С.Ю. Витте // Сергей Юльевич Витте – государственный деятель, реформатор, экономист (К столетию десятилетия со дня рождения): в 2 ч. М.: Институт экономики РАН, 1999. Ч. 1. С. 179–208.
2. Бугров А.В. Золотой стандарт в России: выбор пути (1867–1897 гг.) // Экономические реформы: уроки истории. Сборник статей. М.: Институт экономики РАН, 2013. С. 89–115.
3. Бунге Н.Х. Загробные заметки // Судьбы России: доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). СПб.: Лики России, 1999. С. 191–280.
4. Вышнеградский И.А. О задачах финансовых учреждений в деле устранения дефицита в государственном бюджете (1886) // Река времен. Кн. 1. М.: Эллис Лак; Река времен, 1995. С. 190–197.
5. Государственный совет. Стенографические отчеты. 1909–1910 годы. Сессия пятая. СПб.: Государственная типография, 1910. 4096 стлб.
6. Дубянский А.Н. Денежная реформа С.Ю. Витте: негативные аспекты введения в России золотого рубля // Экономическая история России XX века: проблемы, поиски, решения. Ежегодник. Вып. 2. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2000. С. 99–105.
7. Из архива С.Ю. Витте: воспоминания: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 1053 с.; Т. 2. 649 с.
8. Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 1038 с.
9. Лукоянов И.В. "Не отстать от держав...": Россия на дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.
10. Министерство финансов: 1802–1902: в 2 ч. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. Ч. 2. 692 с.
11. Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце: воспоминания министра иностранных дел. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.
12. Протоколы по крестьянскому делу. Заседания Высочайше учрежденного Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности с 8 декабря 1904 г. – по 30 марта 1905 г. СПб., 1905. Протокол № 13.
13. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 268. Оп. 6. Д. 5.
14. РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 1025.
15. РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 37.
16. РГИА. Ф. 1152. Оп. 11. 1893 г. Д. 238.
17. РГИА. Ф. 1152. Оп. 11. 1894 г. Д. 215.
18. РГИА. Ф. 1152. Оп. 12. 1897 г. Д. 78. Ч. I.
19. РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5493в.
20. Соболев М.Н. Таможенная политика России во второй половине XIX века: в 2 ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН, 2012. 463 с.
21. Степанов В.Л. И.А. Вышнеградский и С.Ю. Витте: партнеры и конкуренты // Российская история. 2014. № 6. С. 39–60.
22. Степанов В.Л. Контрольно-финансовые мероприятия на частных железных дорогах России (конец XIX – начало XX в. // Экономическая история. Ежегодник 2004. М.: РОССПЭН, 2004. С. 25–94.
23. Степанов В.Л. Н.Х. Бунге: судьба реформатора. М.: РОССПЭН, 1998. 398 с.
24. Степанов В.Л. Политика финансового ведомства России по крестьянскому вопросу в конце XIX – начале XX в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 1–2. С. 70–75.
25. Степанов В.Л. Предпосылки денежной реформы С.Ю. Витте: политика министра финансов И.А. Вышнеградского (1887–1892) // Отечественная история. 2004. № 5. С. 49–69.
26. Чернышев И.В. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Пг.: Вольное экономическое общество, 1918. 384 с.
27. Puttkamer Jo. von. Fabrikgesetzgebung in Russland vor 1905: Regierung und Unternehmerschaft beim Ausgleich ihrer Interessen in einer vorkonstitutionellen Ordnung. Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verlag, 1996. S. 506.

ЗДОРОВЬЕ СБЕРЕЖЕНИЕ В РОССИИ, ИСТОРИЯ ЕГО РАЗВИТИЯ

HEALTH SAVING IN RUSSIA, HISTORY OF ITS DEVELOPMENT

R. Stepanov

Annotation

The article analyzes the history of health preservation in the territory of Russia in the context of its development. The author considers the basic directions of sanitary and hygienic propaganda, which corresponded to a specific historical period. Based on the developments of leading scientists, the author singled out the leading methodologies of educational work and their specificity, is inherent in the specific socio-economic situation of the country. Based on the study, a conclusion was drawn regarding the role of health savings and its development for Russian society.

Keywords: health, healthy way of life, health history.

Степанов Роман Юрьевич

*Адъютант, капитан внутренней службы,
Академия федеральной службы
исполнения наказания (ФСИН) России*

Аннотация

В статье проведен теоретический анализ истории здоровьесбережения на территории России в контексте его развития. Автором рассмотрены базовые направления санитарной и гигиенической пропаганды, которые соответствовали конкретному историческому периоду. На основании наработок ведущих ученых автором выделены ведущие методологии просветительской работы и их специфика, присуща конкретному социально-экономическому положению страны. По итогу исследования сделан вывод относительно роли здоровьесбережения и его развития для российского общества.

Ключевые слова:

Здоровье, здоровый способ жизни, история здоровьесбережения.

Актуальность работы заключается в том, что на данном историческом этапе развития экономики, в век технологии и информации, современное общество уделяет недостаточное внимание собственному здоровью. Отношение социума к сохранению собственного здоровья наиболее ярко можно отразить тем фактом, что здоровый образ жизни для современного поколения является всего лишь ультрамодным движением, в то время как должен быть неотъемлемой частью повседневной жизни, что является безусловной проблемой и тенденцией к ухудшению ее качества.

Вопросами здоровьесбережения и истории его развития в России, а также проблематикой смежной тематики, занимались такие ученые как: М. Демков, В. Климова, А. Пищита, Н. Гончаров и пр.

Проблема сохранения здоровья человека всегда была актуальной в истории человечества, но в разные исторические формации человек относился к здоровью по-разному. Это определялось способностью к сохранению жизни, к выполнению биологического и социального назначения, уровнем знаний об анатомии и физиологии человека, о факторах, вызывающих нарушение нормального функционирования организма. Как показывает анализ исследований, в современном обществе возникла ре-

альная угроза разрушения исторического опыта проблемы сохранения здоровья человека. Новые подходы к осмыслению здоровья как высшей жизненной ценности обусловили необходимость изучения культурно-исторических предпосылок формирования здорового образа жизни.

Еще в трудах выдающихся ученых античного мира Сократа, Платона, Аристотеля, Демокрита, Пифагора сохранились мысли о долге государства заботиться о здоровье граждан, положения о гигиеническом и оздоровительном обосновании воспитательных мероприятий. Известные философы V–IV вв. до н. е. говорили о необходимости гармоничного сочетания физического и духовного компонентов воспитания, опираясь на традиции, новые знания медицины, естественных наук [3, с. 39]. Однако в противовес прошлой эпохе физическое совершенство теряло приоритетность как критерий индивидуального развития, его место заняла духовная сторона развития личности, которая до сих пор имела второстепенное значение.

Конец XVII в. сказывается приходом к власти Петра I, во время правления которого произошло много изменений во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и в вопросах правового регулирования.

Приоритетными в сфере здоровьесбережения в период правления Петра I были следующие вопросы [5, с. 27]:

- ◆ подготовка отечественных медицинских кадров;
- ◆ появление нормативно-правовых актов, регулирующих сферу медицины;
- ◆ построение госпиталей, организация медицинских школ и открытие аптек;
- ◆ реорганизация органов государственного управления медицинскими делами.

Ключевыми нормативно-правовыми актами этого периода, которые посвящены правовому регулированию медицины, были Устав Военный 1716 и Устав Морской 1720. Они целостно урегулировали вопросы организации медицинской деятельности. Военный Устав, который определял общую систему организации армии, важное место отвел вопросам организации медицинского дела, а именно: две главы освещали функционирования госпиталей и профессиональной деятельности врачей и аптекарей. Особого внимания заслуживает вопрос оплаты за лечение. В отличие от Русской Правды, которая предусматривала определенную плату за оказание медицинской помощи, Устав законодательно закрепил бесплатную систему оказания медицинской помощи в армии, за исключением случаев, когда получение платы за лечение будет правомерным, то есть речь идет о венерических заболеваниях и бытовые травмы, полученные во внеслужебное время. Морской Устав регулировал вопросы организации и функционирования Военно-Морского флота России и значительное внимание уделял организации медицинской деятельности [5, с. 37].

Для успешного функционирования Уставов были необходимы знания, которые, по мнению самого правителя, стали бы основной пропагандой сбережения здоровья для будущих военных и, безусловно, для прочего населения. Распространение знаний представлялось посредством деятельности Академии наук, которая была создана Петром I. Изначально с помощью лекций иностранных академиков на латинском языке знание об анатомии и строении тела достаточно тяжело вкладывались в голову учащихся, но со временем в Академию пришли преподавать русскоязычные ученые. Среди них М.В. Ломоносов, с помощью лекций которого в массы продвигались естественнонаучные знания.

Помимо Академии знания о теле человека также распространялись с помощью анатомического театра, который активно действовал в конце XVII – начале XVIII века. Наряду с государственной деятельностью пропагандировалось сбережение собственного здоровья и по экономическим причинам. Издавались газеты, в которых распространялись материалы о том, как можно было уберечься от разнообразных типичных тому времени болезней, как оказать первую помощь, с помощью чего

укрепить здоровье. Экономическими причины были в связи с тем, что помещикам были не выгодны, как бы тривиально не звучало, болезни и смерти крепостных. Один из авторов материалов таких изданий – помещик и ученый А.Т. Болотов – утверждал, что "имел неоднократно случай заметить, что многим из читателей сии материи были еще угоднее, нежели самые действительно экономические" [1, с. 13].

Месяцесловы являлись наиболее часто используемыми периодическими изданиями, в которых указывались способы сбережения и укрепления здоровья. Статьи, которые были напечатаны в месяцесловах, пользовались огромным спросом. Наибольший интерес представляет статья "О сохранении здравия". В ней доказывается, что "несравненно легче настоящее здравие соблюсти, нежели потерянное возвратить", а также даются советы по гигиене, исходившие из представлений той эпохи [1, с. 15].

Уже к концу девятнадцатого века можно было наблюдать ситуацию с весьма распространенными пропагандой и агитацией здорового образа жизни и укрепления иммунитета.

Привычные современному обществу основы здоровьесбережения были заложены еще в 1904 г., когда на очередном съезде врачей России было обращено внимание на то, что даже у детей в школах проявляется "вредное" воздействие на уровень здоровья [3, с. 89]. И, учитывая, современную ситуацию в дошкольных и школьных учебных заведениях, можно утверждать, что цель привить детям базовые основы здорового образа жизни не была достигнута на протяжении более чем века.

Глобальная актуальность проблемы возникновения новых угроз здоровью человечества вследствие изменения природных и социальных условий жизни населения во времена научно-технической революции обусловила особенно активное развертывание исследований по этой тематике примерно со второй половины XX в. В связи с чем следует отметить, что в 1969 году Верховным Советом СССР были утверждены "Основы законодательства СССР и союзных республик о здравоохранении". Данное правовое обеспечение в сфере здравоохранения имело целью управление и регуляцию направлений здравоохранения для полноценного развития, и сбережения здоровья населения. Сюда входили такие задачи как снижение смертности населения, увеличение продолжительности жизни, ликвидацию ситуаций, которые потенциально могли бы навредить здоровью и жизни социума.

Одним из самых весомых результатов в сфере охраны и сохранения здоровья тех пор стала разработка кон-

цепции достижения здоровья для всех людей мира, которая впервые была обнародована на Всемирной ассамблее по здравоохранению ВОЗ 1977. По инициативе ВОЗ началась международная кампания под названием "Здоровье для всех", в рамках которой собиралась, исследовалась, систематизировалась, обобщалась и обнародовалась информация о существующих угрозах здоровью и направлениях их преодоления. Впоследствии была разработана Всемирная декларация по здравоохранению, принятая на 51-й сессии ВОЗ в мае 1988, где указано, в числе прочего, что государства – члены ВОЗ обратились ко всем народам и институтам с призывом принять и реализовать концепцию "Здоровье для всех в XXI веке". Эта концепция была подробно изложена в документе "Здоровье – 21", и в настоящее время определяет основные направления усилий для правительств стран мира по проблемам здоровья населения [2].

В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 года Президент Российской Федерации Д. А. Медведев заявил о том, что основополагающим в развитии здоровья человека является период адаптации в школьные годы. Так же им было отмечено, что современная ситуация со статистикой по уровню здоровья российских школьников достаточно печальна, что должно послужить толчком к пересмотру приоритетов всего населения страны по отношению к собственному здоровью и укреплению здоровья своих детей [4].

С 1 сентября 2011 года в России вступили в силу новые санитарные требования для школ [6]. Данные требования регламентируют почти все сферы школьной жизни: освещение, температуру в помещениях, площади актовых залов, классов, школьное питание и ряд других важных вопросов.

Отметим, что в современности образование и здоровье являются взаимодополняющими компонентами успешного повседневного бытия участников учебного процесса. Но результаты научных исследований позволяют утверждать, что традиционная система образования в большей степени ориентирована на получение знаний и информации, а формирования жизненных умений и навыков недостаточно, уровень подготовки детей к самостоятельной жизни, мотивации к высокому качеству жизни не достигает высокого уровня и не всегда соответствует современным требованиям.

Современность выдвигает новые требования не только к участникам учебного и воспитательного процесса, но ко всему населению страны. Нынешняя стратегия здоровьесбережения должна ориентироваться на повышение психического и социального здоровья детей, как будущего нации, повышать уровень культуры здоровья общества, воспитывать желание быть здоровым.

ВЫВОДЫ

На всех этапах своего существования человечество стремилось к сохранению жизни и здоровья. В процессе исторического развития общества изменение мировоззренческих установок приводило к изменению в жизнедеятельности человека. Однако главной и неизменной целью и смыслом жизни каждого была проблема сохранения здоровья, что стало основой для поиска путей сохранения и укрепления человеком собственного здоровья и здоровья окружающих. Социально-экономические преобразования в России, глобальный экологический кризис активизировали проблему сохранения и укрепления здоровья подростков и детей младшего школьного возраста, как будущего нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демков М. И. О русском семейном воспитании // Вестн. воспитания. М., 1891. № 3. С. 25
2. Здоровье – 21: Основы политики достижения здоровья для всех в Европейском регионе ВОЗ: [введение]. – Копенгаген: ВОЗ (ЕРБ), 1998. – № 5. – (Европейская серия по достижению здоровья для всех).
3. Климова В. И. Человек и его здоровье / В. И. Климова. – М.: Знание, 1985. – 192 с.
4. Медведев Д. А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 года // Кавказ. 2008. С. 2.
5. Пищита А.Н. Эволюция правового регулирования здравоохранения в России: историко-правовые аспекты / А.Н. Пищита, Н.Г. Гончаров. – М.: "ЦКБ РАИ", 2007. – 76 с.
6. Постановление главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 29 декабря 2010 года № 189 (г. Москва) "Об утверждении СанПиН 2.4.2.2821–10 "Санитарно-эпидемиологические требования к условиям и организации обучения в общеобразовательных учреждениях". [Электронный ресурс]: Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2011/03/16/sanpin-dok.html>.

НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ НОМАДОВ ЯКУТИИ В 1950-1980-Е гг.*

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (РГНФ). Проект № 17-11-14003
"Кочевники Севера: антропология образа жизни оленеводов Якутии (XX - начала XXI вв.)".

SCIENTIFIC STUDY OF THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF THE NOMADS OF YAKUTIA IN THE 1950-1980s.

A. Suleymanov

Annotation

The first attempt in Russia's historiography to analyze of the scientific activities in the study of the life of the nomads of Yakutia during the period of intensive Soviet modernization of the Arctic presents in the article. Conclusion about the serious attention of representatives of the scientific community to the social and economic problems of the nomads of Yakutia was formulated. It is noted that this attention was largely correlated with the position of the Soviet Union government in forcing the transfer of nomads to a settled way of life.

Keywords: Arctic, Yakutia, nomads, transfer to sedentary life, The USSR Academy of Sciences, scientific research, expeditions.

Сулейманов Александр Альбертович

*К.и.н., с.н.с., Институт
гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН*

Аннотация

В статье представлена пионерная в отечественной историографии попытка обобщения и осмысления деятельности ученых по исследованию жизнедеятельности кочевников Якутии в период интенсивной советской модернизации Арктики. Автором был сформулирован вывод о серьезном внимании представителей научного сообщества к социально-экономическим проблемам номадов Якутии. Отмечено, что данное внимание в значительной степени коррелировалось с позицией управленческих структур Советского Союза по форсированию перевода кочевников на оседлый образ жизни.

Ключевые слова:

Арктика, Якутия, кочевники, перевод на оседлость, Академия наук СССР, научные исследования, экспедиции.

И здревле на территории Якутии проживают народы, традиционное хозяйство которых предполагает ведение кочевого образа жизни. В настоящее время многие представители эвенков, эвенов, якугиров и чукчей продолжают заниматься оленеводством, охотой и рыболовством, как минимум на полгода покидая свои поселки и перемещаясь по бескрайним северным просторам от одного стойбища или промыслового участка к другому. Такая мобильность, естественно, сказывается на всех сторонах жизнедеятельности аборигенов и зачастую противоречит всем классическим представлениям о комфорте и качестве жизни – в лютый мороз домом для номадов является передвижное жилище, естественно, лишенное практически всех современных благ цивилизации.

В годы советской власти, деятельность которой, по сути, являлась одним большим социальным экспериментом, подобное положение дел шло в разрез с фактически официально поставленной во главу угла доктриной улучшения качества жизни всех слоев общества. В связи с

этим в основе большинства подходов к социально-экономическому развитию кочевников была положена активно поддерживаемая властью концепция целесообразности их скорейшего перевода на оседлый образ жизни. Вопросы адекватности и последствий подобных позиций в отношении сохранности этнической самобытности аборигенов, соблюдения баланса при освоении хрупкой северной природы достаточно подробно освещены в современной историографии [5; 7; 14 и др.] и не будут затрагиваться в представленной работе. Следует отметить лишь, что, на взгляд автора, несколько оправдывает разработчиков этих подходов то, что в основе попыток тотального перевода номадов на оседлость действительно лежала благая задача – улучшение социально-экономических условий их жизни. В разрезе же рассматриваемой в статье проблематики усилия, предпринимаемые в этом направлении, примечательны тем, что привели к активизации исследования различных сторон жизнедеятельности аборигенов. В Якутии данный факт особенно четко проявился после создания в 1949 г. филиала Академии наук (АН) СССР.

Так, в 1951–1954 гг. Институтом языка, литературы и истории Якутского филиала (ИЯЛИ ЯФ) АН СССР под руководством И. С. Гурвича были организованы социоэтнографические экспедиции в целый ряд районов традиционного проживания оленеводов Якутии: Момский, Абыйский, Аллаиховский, Верхоянский, Жиганский, Булунский, Усть-Янский, Нижне- и Среднеколымский.

Рассматривая в ходе этих изысканий изменения, произошедшие в быту местного населения, И. С. Гурвич отметил облагораживание интерьера домов и появление в них обоев, настенных часов, занавесок, книжных этажерок, зеркал, а также швейных машинок, музыкальных инструментов, разнообразной посуды, что стало сближать сельское жилье с городскими квартирами. По наблюдениям ученого значительно улучшилось и питание аборигенных этносов. Теперь в их обиход на постоянной основе вошли мучные изделия, крупа, сушеные овощи, сахар, чай и консервы. Вместе с тем, основой рациона, по-прежнему, оставались традиционные продукты. Повседневное меню жителей низовьев Индигирки было, как установил И. С. Гурвич, более однообразно и основывалось, в первую очередь, на рыбных продуктах. Однако различные способы их приготовления (мороженой (строганина), вяленой (юкола), толченой (барча), вареной и жареной и др.) повышали вариативность кухни. Разнообразия прибавила и выпечка в специальных формах хлеба, а не только лепешек как ранее. Кроме того, обратили на себя внимание ученого изменения в одежде местного населения, также сближавшие город и деревню. Мужчины "испытывали пристрастие к полувоенному костюму – гимнастерки, галифе". Женщины носили платья, юбки, блузки и жакеты. Вместе с тем, пожилые женщины продолжали использовать длинные платья типа сарафана. Зимой же одевались "шапки местного покроя и местная обувь..., телогрейки и всевозможные шубы" [8, л. 57–65].

Несколько иную точку зрения на положение аборигенов Якутии И. С. Гурвич представил в докладной записке, подготовленной по итогам проводившейся в 1959 г. в Аллаиховском, Нижне- и Верхнеколымском районах Якутии Юкагирской комплексной экспедиции. Очевидно, что такая принципиальная разница была вызвана "закрытым" характером документа, предназначавшегося только для служебного пользования.

В записке была дана оценка уровня жизни, состояния социальной сферы и хозяйственной деятельности. Хотя ученый вновь отметил позитивные сдвиги последних лет и, в частности, улучшение технической оснащенности охотников и рыбаков, строительство корралей и ледников, появление в ярангах и чумах "зеркал, посуды, часов, умывальников, полотенец, раскладных кроватей, печей с духовками-обогревателями, пригодных для выпечки хлеба" [9, л. 340–341], однако большую часть документа он посвятил анализу негативных моментов.

В частности, содержание записки позволяет проследить одни из первых проявлений последствий политики поселкования и коллективизации, проводимой на севере

Якутии в 1930–1950-е гг. для оленеводов. Так, по данным ученого, отрицательные результаты имело проведенное в ходе коллективизации укрупнение оленьих стад. Если прежде стада в зависимости от численности голов паслись на ягельных участках разных размеров, то после их объединения маленькие участки оказались заброшены, а большие – перегружены [9, л. 306–307].

Негативно отнесся И. С. Гурвич и к практике укрупнения по примеру центральных районов страны колхозов на севере Якутии. Если в центре это оправдывало себя в плане лучшей доступности техники, то северные колхозы были лишены этого преимущества – новации здесь были доступны в крайне незначительных размерах. В то же время, как заметил ученый, хрупкие экосистемы Севера не могли выдержать излишней скученности населения и чрезмерной концентрации их хозяйственной деятельности. При этом масштабы территорий новых колхозов приводили к значительным сложностям в их управлении ("председатель колхоза с весны до осени даже при непрерывной езде не имеет возможности посетить все заимки") [9, л. 319–321]. В результате объединения, по мнению исследователя, "вместо освоения тундровых пространств" произошло "образование белых пятен" [9, л. 320].

Острыми проблемами, по наблюдениям И. С. Гурвича, являлись отсутствие технических новшеств ("техника оленеводства ... по сравнению с XIX в. почти не изменилась" [9, л. 309]) и тяжелые жилищные условия пастухов, охотников и рыбаков. Последнее, в частности, привело к тому, что в промысловые и оленеводческие бригады крайне неохотно стала устроиваться на работу молодежь. Это, естественно, ставило под угрозу преемственность поколений и негативно сказывалось на рекрутировании кадров [9, л. 305–340].

В 1962 г. в арктических районах Якутии вновь проводил исследование И. С. Гурвич. На этот раз ученый работал в Оленекском и Нижнеколымском районах Якутии. Помощь в сборе эмпирического материала И. С. Гурвичу оказывал его ученик, аспирант Института этнографии АН СССР Н. А. Алексеев.

Целью исследований было выяснение текущего социально-экономического положения представителей коренных народов Севера. Проведенные изыскания показали, что в целом условия жизни аборигенов не стали лучше. Более того, в связи с реорганизацией колхозов в совхозы обострилась проблема обеспечения местного населения привычным рационом питания (мясо и рыба), т.к. при новой форме коллективного хозяйствования труд оплачивался исключительно деньгами, натуральные же выдачи были полностью прекращены. Это привело к ситуации, при которой "потребление населением привычных традиционных национальных продуктов настолько сократилось...", что стало вызывать "серьезные опасения за существование коренного населения" [6, с. 266]. По сведениям И. С. Гурвича, раньше один мужчина употреблял в среднем 1,5–2 кг мяса в день, а нередко 3–4 кг. В

1962 г. же в Оленекском совхозе оленеводам отпускалось только 7 кг мяса по себестоимости (40–50 коп) на одного человека в месяц или 200–230 г в день. Охотники же получали еще меньше – 150 г. В итоге население было вынуждено покупать мясо по розничным ценам – 2 руб. 20 коп за кг при среднем доходе 80–100 руб. Досадный парадокс ситуации заключался в том, что такие высокие цены были установлены правительством, чтобы поддержать оленеводческие колхозы и повысить уровень жизни аборигенных этносов.

Положение усугубляли недолов рыбы, практическое полное исчезновение диких оленей – традиционного источника дополнительного пропитания северных народов, а также уже называвшийся ранее такой лимитирующий фактор развития, как фактическое отсутствие личных подсобных хозяйств. При этом даже подобные, минимальные, объемы выловленной рыбы, а также так недостающая работникам совхоза оленина шли на корм лисиц и песцов в звероводческие хозяйства, приносивших ежегодный убыток – И. С. Гурвичем был вновь поставлен вопрос о нецелесообразности насаждения нетрадиционных видов хозяйствования (по крайней мере, в существовавших масштабах) [6, с. 266–271; 11, л. 1–55].

В 1964–1965 гг. в целом ряде районов Якутии проводили исследования участники Якутской северной комплексной экспедиции (ЯСКЭ).

Исследователи рассмотрели широкий круг вопросов, включая условия быта и жизни народов Севера Якутии, состояние культуры, просвещения и искусства (Ф. Г. Сафронов, Н. Е. Егоров, И. А. Потапов, Н. С. Евсева, М. Я. Жорницкая, Д. А. Данилов, З. Т. Тюнгюрядов).

На основе проведенных полевых изысканий, анализа научной литературы, а также привлечения разнообразного статистического и иного документального материала ученые подробно охарактеризовали важнейшие проблемы в жизни местного населения и развитии арктических районов Якутии, а также разработали рекомендации и предложения по улучшению существующего положения.

Например, рассматривая состояние благоустроенности сельских поселений, участники экспедиции пришли к выводу, что ни одно из них не отвечало "элементарным санитарно-гигиеническим требованиям". В посещенных населенных пунктах была "исключительно низка" обеспеченность электроэнергией. При этом основной массив жилого фонда находился в непригодном для эксплуатации состоянии [1, л. 75–77].

Отдельного упоминания заслуживает описанная учеными деятельность образовательных учреждений. Так, в школах-интернатах, предназначенных, прежде всего, для детей оленеводов, охотников и выходцев из многодетных семей, была выявлена "сложная ситуация". Родители должны были оставлять их осенью в поселке, где располагался интернат, и забирать после окончания учебного года. Однако такая практика имела "досадное несоответствие" с бытом оленеводов – оленеводческие стада вес-

ной на длительный срок отправлялись на северные пастбища, а летом интернаты закрывались и детям негде было жить. Для исправления ситуации, приводившей к постоянным конфликтам между школой и родителями, участники ЯСКЭ предложили изменить сроки учебного года – начинать его 15 августа и завершать в мае. Еще одним проблемным моментом исследователи назвали передачу питания детей в распоряжение торгующих организаций, что "резко ухудшило положение дел по всему Северу Якутии". В результате зачастую единственным достоинством предлагаемой пищи, по тонкому замечанию ученых, являлось "только то, что она горячая". Дети же постоянно недоедали [10, л. 62–67].

Дополняли такую грустную картину условий жизни местного населения изыскания, проведенные участниками медико-биологического отряда ЯСКЭ. Эти исследования показали, что только 30% взрослого населения могут быть признаны "практически здоровыми". Наиболее широко распространенным заболеванием при этом являлся туберкулез легких, что во многом обуславливалось плохой материальной базой медицинских учреждений на местах, зачастую размещавшихся в тесных, неприспособленных помещениях [1, л. 78–82].

Отдельно были рассмотрены "узкие места" развития каждой из основных сельскохозяйственных отраслей. Так, важнейшей проблемой позитивной динамики оленеводства ученые назвали вопросы пополнения кадрового состава молодежью, обусловленные, по их мнению, прежде всего, тяжелыми бытовыми условиями жизни оленеводов. Для исправления ситуации был предложен ряд мер, которые предполагали развитие путей сообщения и скорейшее внедрение достижений науки и техники в отрасль (новые транспортные средства, жилища, познания в области физиологии животных и др.).

Следует отметить, что если в фокусе рассмотренных выше исследований находилось, главным образом, все аборигенное население Якутии и положения о кочевой его компоненте являлись лишь их частью, то в 1970-е гг. в Якутии были отмечены появлением специализированных изысканий, посвященных именно проблемам nomadov. Эти изыскания были связаны с именем сотрудника отдела экономики ЯФ СО АН СССР Ф. С. Донского.

В 1973 г. Ф. С. Донской завершил работу над научным отчетом "Экономические и социальные проблемы перехода кочевого населения Якутии на оседлый образ жизни". Его написанию предшествовал комплекс проведенных ученых исследований. В ходе них, в частности, был организован массовый социологический опрос, в котором приняли участие представители более двух тысяч семей оленеводов и охотников из 17 районов Якутии [2, л. 5–6].

Примечательно, что из числа опрошенных Ф. С. Донским только 26% оленеводов были в возрасте до 30 лет, а в охотничьем промысле этот показатель и вовсе составил катастрофические 9%. Основной причиной сложившегося положения дел исследователь, как и его предше-

ственники, назвал крайне тяжелые условия работы. По этому поводу Ф. С. Донской отметил следующее: "труд пастуха-оленовода северных колхозов и совхозов связан с постоянным окарауливанием стада под открытым небом независимо от погоды, времени суток и года. Отсутствие механизированного транспорта, плохие бытовые условия и длительный отрыв от семьи при исключительно слабой связи с поселком делает еще более непривлекательным труд оленевода" [2, л. 35–36]. При этом у работников практически не было выходных, а реальная продолжительность времени занятости "значительно превышала установленный семичасовой рабочий день" [2, л. 37]. Аналогичные проблемы Ф. С. Донской выявил и при изучении производственной деятельности охотников. Ситуацию дополняла острая нехватка жилой площади. Например, в промысловый сезон 1968–1969 гг. из-за ее отсутствия 9 кадровых охотников совхоза "Оленекский" были вынуждены выехать в тайгу вместе со своими семьями, включая 12 детей дошкольного возраста [2, л. 9–86].

В 1980 г. под научным руководством Ф. С. Донского сотрудники ИЯЛИ и Отдела экономики ЯФ СО АН СССР, а также Якутского НИИ туберкулеза подготовили отчет "Социально-экономические проблемы завершения перевода кочевых звенов Березовского сельского совета Среднеколымского района Якутской АССР на оседлый образ жизни" [2, л. 2–6].

Базой для разработки темы послужили материалы, полученные в ходе полевых работ ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР и Министерства здравоохранения ЯАССР, которые состоялись в сентябре – октябре 1977 г. и в июле – августе 1979 гг., а также исследований хозяйств Березовки, осуществленных в июле 1980 г. [4, л. 5; 12, л. 8; 13, л. 76]

В этих экспедициях принимали участие сотрудники названных выше научно-исследовательских учреждений, врачи Якутской республиканской и Среднеколымской районной больниц, представители отдела культуры Среднеколымского райисполкома, местных органов власти и совхоза. Специалистами были изучены санитарно-гигиенические условия жизни населения Березовки, состояние медицинского, бытового, культурного и торгового обслуживания, экономическое положение в ведущих отраслях хозяйства, вопросы материальной обеспеченности семей, трудовой занятости, квалификации работников. Проведение анкетирования, охватившего 45 человек в 1977 г. и 52 – в 1979 г., позволило также определить некоторые мотивационные установки, характерные для жителей села [4, л. 6–50].

Следует отметить, что население Березовки, состоявшее более чем на 80% из звенов, представляло собой во многом уникальный исследовательский объект. Предки березовцев, вследствие труднодоступности и отдаленности территорий от основных коммуникаций, а также, возможно, сознательного "избегания", долгое время были фактически изолированы от внешнего мира – контакты с представителями других этносов, включая русских и яку-

тов, сводились к минимуму. Эти люди, сохраняя патриархально-родовые отношения, вплоть до 1950-х гг. вели постоянную кочевую жизнь, занимаясь домашним оленеводством и охотничьим промыслом на приграничной территории Магаданской области и Якутской АССР. Лишь в 1954 г. был создан Березовский наслег и открыта школа, а с 1961 г. единоличные хозяйства эвенов, минувшая система колхозов, вошли в состав совхоза им. 50 лет СССР [4, л. 6]. В этой связи неудивительно, на момент проведения исследований в рамках рассмотренной выше Якутской северной комплексной экспедиции 53% населения Березовки продолжали вести кочевой образ жизни [10, л. 6].

Как было установлено в ходе изысканий 1977–1980 гг., в плохом состоянии находилась транспортная система. Не было регулярных наземных путей сообщения с районным центром – Среднеколымском, отсутствовала авиапосадочная площадка. Единственным средством связи зачастую оказывалось дорогое и сильно зависящее от метеусловий вертолетное сообщение. Помимо этого, в течение 10 лет в Березовке фактически было заморожено жилищное строительство. В результате в среднем на одного жителя села приходилось 2,3 м² полезной жилой площади, что было в 4 раза меньше общесоюзной санитарной нормы. Из-за отсутствия жилья в селе 26 пастухов-оленоводо-в вынуждены были кочевать вместе с семьями. Крайне ограничены оказались размеры личных хозяйств – более половины населения вообще не имела собственных оленей. Существовавшая же система оплаты труда "не обеспечивала компенсации трудовых и материальных затрат" и "не создавала стимула для привлечения и закрепления кадров". Зачастую оленеводам приходилось "расплачиваться" за форс-мажорные обстоятельства, вызванные, как правило, различными природно-климатическими факторами и сказывавшимися на производственных показателях. При этом гарантированного минимума заработной платы они не имели. В этом плане показательны результаты проведенного исследователями анкетирования было выяснено, что удовлетворена своим материальным положением оказалась лишь 1/5 респондентов, остальные были либо "не очень довольны", либо "не довольны" [4, л. 21–36].

Печальную картину, увиденную специалистами в Березовке, дополняло состояние медицинского обслуживания. Имеющийся фельдшерско-акушерский пункт размещался в антисанитарных условиях, был недостаточно оснащен инвентарем, а его сотрудники не проводили необходимых санитарно-профилактических мероприятий. В течение двух лет сотрудниками районной больницы ни разу не производился облет оленеводческих бригад. В 1979 г. из-за несвоевременного выполнения санрейсов умерло двое детей. Санитарно-эпидемиологическую ситуацию усугубляла скученность семей в Березовке, кочевание почти половины детей с родителями и низкая гигиеническая культура. В рационе питания практически отсутствовали молочные продукты, картофель, овощи и

фрукты. В результате здоровыми можно было считать только 20% детей. Еще хуже была ситуация с более старшим поколением – 1/4 взрослого населения страдало хроническим алкоголизмом [4, л. 37–42].

Исправить сложившееся положение, по мнению авторов отчета, было возможно только за счет перевода населения Березовки на оседлый образ жизни. Для этого, прежде всего, было необходимо изменить саму методику ведения хозяйства. В связи с этим, предлагались пути, уже рекомендовавшиеся ранее Ф. С. Донским в своих работах. В частности, исследователи выступили за скорейшее внедрение сменно-звеньевых методов выпаса оленей, апробированного в Ямало-Ненецком округе, что позволило бы оленеводам более 5 месяцев в году жить со своими семьями в Березовке, а также полувольного изгородного метода содержания животных. Кроме того, была отмечена необходимость создания четырех промежуточных баз для пастухов. Развитие охотничьего промысла, по мнению ученых, требовало: создание специализированных звеньев, состоящих из 3–4 профессиональных охотников и 2–3 учеников; проведение охотоустроительных работ по освоению отдаленных угодий; сооружение благоустроенных промысловых баз; механизацию труда. Предлагалось развивать и подсобные отрасли хозяйства – производство меховых изделий, а также молочное животноводство [4, л. 11–53].

Важным шагом на пути повышения качества жизни населения Березовки исследователи назвали улучшение культурно-бытовых условий. В связи с этим, были произведены расчеты, касающиеся строительства необходимых благоустроенных жилых домов, производственных и социальных объектов. Однако при этом требовалось пе-

ренести село на правый берег Колымы – здесь, по мнению авторов отчета, было проще организовать доставку строительных материалов и, в целом, снабжение села, обеспечивать связь с основными пастбищными угодьями и дополнительную занятость населения (в основном за счет рыболовства) [4, л. 22–53]. Следует отметить, что спустя тридцать лет, после проблем с "северным завозом" и очередного затопления Березовки водами одноименной реки летом 2017 г., так и нерешенный вопрос с переносом села вновь появился на повестке дня.

Таким образом, в рассмотренный в статье период ученые достаточно серьезное внимание уделили анализу социально-экономического положения nomadов Якутии, а также разработке путей повышения качества их жизни. Конечно, не всех из этих путей с высоты сегодняшнего дня представляются оптимальными, о чем свидетельствует, в частности, и изменение позиций участников ряда рассмотренных инициатив в последующие годы. Материалы проведенных исследований, с одной стороны, свидетельствовали об определенных улучшениях, происходивших в жизни кочевников, с другой затрагивали целый пласт проблем, часть из которых была традиционной для аборигенов, другие же стали следствием различных социальных преобразований советской власти. Вместе с тем даже такая сложная ситуация была, пожалуй, одной из самых благоприятных в истории nomadов Якутии. В последующем, после известных политических и социально-экономических катаклизмов, положение nomadов, за исключением, безусловно, положительных последствий исчезновения огромного административного аппарата, стало существенно сложнее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Якутского научного центра Сибирского отделения (ЯНЦ СО) РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 256.
2. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 317.
3. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 405.
4. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 418.
5. Грицай И.В. Переустройство образа жизни коренных народов Камчатки за годы советской власти: попытка ретроспективного сравнительного анализа // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2003. – № 2. – С. 77–85.
6. Гурвич И.С. О положении коренного населения северных районов Якутской АССР // Этнологическая экспертиза: народы Севера России. 1959–1962 годы / Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. – М.: ИЭА РАН, 2005. – С. 266–273.
7. Карлов В.В. Кочевники в мире модерна и постмодерна. Опыт и перспективы адаптации // Сибирские исторические исследования. – 2016. – № 4. – С. 131–150.
8. Рукописный отдел Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения (РО ИГИИПМНС СО) РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 236.
9. РО ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359.
10. РО ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 405.
11. РО ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 563.
12. РО ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 17. Д. 1.
13. РО ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 17. Д. 7.
14. Klokov K. Reindeer Herders' Communities of the Siberian Taiga in Changing Social Contexts. – 2016. – № 1. – 81–101 p.

РАЗРАБОТКА И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА ВСЕОБЩЕГО ОБУЧЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (на примере Орловской губернии)

DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF THE PROJECT OF GENERAL EDUCATION IN THE RUSSIAN EMPIRE (on example of Oryol governorate)

E. Khabaleva

Annotation

The article analyzes the development and implementation of the project of general education in the Russian Empire at the beginning of the 20th century. The Duma debates on the prospects for the development of primary education in the country are being considered. The novelty of the study is determined by the fact that, in addition to the general Russian trends in the development of primary education in the context of the transition to general education, the author analyzes the state of this stage of public education on the example of a specific region – Orel province. The article presents the data of archival materials that allow to reveal the specifics of the implementation of the general education project in the Orel province.

Keywords: general education, primary education, Russian empire, Orel province.

Хабалева Екатерина Николаевна
Аспирант, ФГБОУ ВО

"Орловский государственный
университет экономики и торговли"

Аннотация

В статье анализируется разработка и реализация проекта всеобщего обучения в Российской империи в начале XX века. Рассматриваются думские дебаты по вопросу перспектив развития начального образования в стране. Новизна исследования определяется тем, что помимо общероссийских тенденций развития начального образования в контексте перехода к всеобщему обучению, автор анализирует состояние этой ступени народного просвещения на примере конкретного региона – Орловской губернии. В статье приводятся данные архивных материалов, которые позволяют выявить специфику реализации проекта всеобщего обучения в Орловской губернии.

Ключевые слова:

Всеобщее обучение, начальное образование, Российская империя, Орловская губерния.

Система образования занимает ключевую роль в передаче накопленных предыдущими поколениями знаний и опыта, формировании ценностных ориентиров молодежи, а также участвует в их воспитании. Государство всегда уделяло повышенное внимание институту образования, финансируя его деятельность и устанавливая определенный государственный заказ. При этом изучение достижений и просчетов предшествующих исторических эпох позволит извлечь положительный опыт возможный для применения в настоящее время. Особую ценность для исследования представляет дореволюционная система образования, для которой были характерны следующие отличительные черты:

Во-первых, в Российской империи существовало три уровня образования – начальный, средний и высший, такая трехступенчатая образовательная модель была заложена в начале XIX века и без существенных изменений просуществовала до революции 1917 года. К начальным учебным заведениям, подведомственным Министерству народного просвещения, относились приходские и уездные училища, последние после 1872 года были преобразованы в городские, а затем в 1912 году в высшие начальные. Среднюю ступень образования составляли гим-

назии и прогимназии, а высшую университеты.

Во-вторых, в дореволюционной России существовавшие образовательные учреждения, особенно начального уровня, подчинялись различным ведомствам – Министерству государственных имуществ, Синоду, земствам, ведомству учреждений императрицы Марии и т.д., а также находились в частных руках. Но при этом именно учебные заведения, подведомственные Министерству народного просвещения, играли ключевую роль во всей системе образования.

В-третьих, образование в Российской империи выстраивалось по гендерному принципу, при чем женское долгое время находилось в неравном положении в сравнении с мужским. Лишь во второй половине XIX века появились женские училища I и II разряда, гимназии и прогимназии, а также высшие женские курсы, подведомственные Министерству народного просвещения.

В-четвертых, для системы народного просвещения было характерно наличие скрытой или явной тенденции предоставления образования по сословному принципу, т.е. каждая ступень обучения предназначалась для определенных сословий. Эту тенденцию усиливало отсутствие всеобщего бесплатного образования.

Подтверждением тому служат данные переписи населения 1897 года. Общий показатель грамотности всего населения Российской империи по состоянию на 1897 год был равен 21,1%, грамотных среди мужчин насчитывалось 29,3%, что как минимум в два раза больше, чем среди женщин – 13,1% [8].

Проблема массовой безграмотности стала активно обсуждаться на рубеже XIX–XX века, когда в правительстве, Государственной Думе и Министерстве народного просвещения, а также среди заинтересованной общественности стали предлагаться пути решения данной проблемы.

Вторая половина XIX века в Российской империи ознаменовалась крупномасштабными реформами в области образования – произошло расширение сети учебных заведений, увеличено финансирование, предоставлена большая инициатива местным обществам в этом вопросе, заложены законодательные основы для развития женского образования, а также провозглашен принцип всеобщности всех ступеней обучения. Но при этом, несмотря на, все прогрессивные преобразования перед системой образования продолжала стоять главная проблема – массовая безграмотность населения страны, решить которую было возможно только с введением всеобщего обучения.

Стоит отметить, что к тому моменту, когда эта проблема в дореволюционной России только начала активно обсуждаться как на правительственном уровне, так и среди заинтересованной общественности, большинство передовых стран мира – Франция, Великобритания, США, Италия, Япония и др., уже приняли и начали реализацию законопроектов о введении всеобщего обучения в своих странах [11, с. 19].

Главные обсуждения проекта всеобщего обучения происходили в стенах Государственной Думы III созыва начиная с 1908 года. При этом необходимо обратить внимание на тот факт, что в начале XX века речь не шла об обязательном начальном образовании. Всеобщее образование, по мнению Министерства народного просвещения, подразумевало создание в стране такой системы начального обучения, которая была бы доступна для всех желающих учиться, но о принуждении к получению знаний речь не шла.

Среди членов Государственной Думы существовало единство мнений о необходимости введения в стране всеобщего обучения. Подтверждением тому служат слова депутата от трудовой партии К.М. Петрова: "Признавая введение всеобщего начального обучения делом перво-степенным и безотлагательным, для осуществления которого нельзя останавливаться ни перед какими затратами и для успешного проведения которого необходимо скорейшее и повсеместное введение широкого местного самоуправления" [5, стб. 686]. Отмечая полезность введения всеобщего образования, думцы были едины в этом мнении, однако когда они переходили от общего к частному, т.е. к обсуждению путей реализации этой реформы, все согласие заканчивалось, и начиналась полемика.

Предметом спора депутатов являлись две основные проблемы, во-первых, реформирование системы местного самоуправления и предоставление большей инициативы местным властям в вопросе развития начального образования, во-вторых, решение вопроса обучения в национальных окраинах и иноверцев.

Депутат от Ковенской губернии Н.М. Фридман на одном из заседаний отмечал, что вся инициатива на территории представляемой им губернии всецело принадлежала Министерству народного просвещения и его органам на местах, а вот органы местного самоуправления никакого голоса в деле народного просвещения не имели. Частная инициатива не только не поддерживалась, но и подавлялась. Когда вставал вопрос о возбуждении ходатайства об открытии новой частной школы, сразу же начиналось дознание о политической благонадежности учредителей и учителей. Приходилось бегать по различным учреждениям, просить хорошие рекомендации и в конце концов дело обыкновенно заканчивалось ничем [5, стб. 658].

Свое недовольство по поводу организации начального образования в стране высказывали представители национальных окраин и не русскоязычного населения. Депутаты указывали на ущемление религиозных и национальных чувств при обучении, прежде всего католиков, евреев, мусульман. Евреев встречали затруднения в обучении своих детей, хотя в законодательстве никаких ограничений для этого не было, но они в начальную школу принимались скорее в виде исключения. У них существовала своя конфессиональная школа, так называемая хедера, но ее нельзя было назвать общеобразовательной, т.к. в ней не преподавали ни русский язык, ни общие предметы. Уже ранее упомянутый Фридман отмечал, что правительство ничего не тратит на организацию начального образования еврейских детей [5, стб. 661].

Схожие проблемы испытывали и мусульмане, которые в начале XX века пришли к пониманию необходимости изучения государственного языка, но при этом им были нужны такие начальные школы, в которых бы на родном языке возможно было приобрести знания, удовлетворяя при этом их бытовые и религиозные особенности. Следует отметить, что думцы представляющие интересы ранее обозначенных концессий, чаще всего акцентировали внимание на несовершенстве методики преподавания русского языка, когда учитель не имел право объяснять на родном языке для детей, не владеющих государственным языком, вынужденный при этом прибегать к жестам и звукам, объясняя тему урока.

Сложившаяся система начального образования в стране была только для русскоязычного, православного населения, в чем, безусловно, можно проследить элементы дискриминации детей других наций и вероисповеданий, на которые и указывали депутаты. Но при этом у Министерства народного просвещения и партийного большинства Государственной Думы было свое мнение относительно развития начальной школы – она должна быть патриотической, или даже национально-патриоти-

ческой в чисто русском духе. Национальная школа ведь это право каждого государства, патриотизм в школе должен быть общий, но конечно без попраiania и без обезличивания этнографических, бытовых и других особенностей инородцев [5, стб. 664].

Несмотря на думские дебаты по вопросу развития системы начального образования, такие ее ключевые основы как преподавание Закона Божия и русского языка не оспаривалось.

Осуществление проекта всеобщего обучения в стране было возможно только при условии решения проблемы отсутствия бесплатного образования, о чем также заявляли в стенах Государственной Думы. Существовавшая система содержания учебных заведений, в особенности начального уровня, основывалась на привлечении нескольких источников финансирования, государство никогда не выделяло в полном объеме средства необходимые для обеспечения их работы, поэтому бюджет образовательных учреждений пополнялся платой за обучение.

Очевидно, что введение всеобщего начального обучения в стране было возможно только при условии увеличения финансирования со стороны государства. По этому вопросу думцы также проявляли единство мнений, но относительно статей расходов выделяемых средств вновь возникали дебаты. Так, Е.П. Ковалевский, докладчик комиссии по народному образованию, отмечал, что рассмотрение законопроекта о 6900000 руб. вызвало много разногласий не в отношении суммы, а статей которые касались условий расходования [5, стб. 689].

Итогом обсуждения финансовой составляющей проекта всеобщего обучения стало принятие закона 1909 года "Об образовании при Министерстве народного просвещения школьно-строительного фонда и об установлении правил о выдаче пособий из средств государственного казначейства на школьно-строительные надобности начальных училищ ведомства того же Министерства" [3]. Он предусматривал выделение средств на строительство новых зданий для начальных училищ, но не в полном размене, а в объеме, не превышающем половины стоимости. Закон предполагал разделить расходы на обозначенные нужды наравне с местными бюджетами.

Положения законодательного акта предусматривали выделение следующих сумм – для однокомплектного училища (в среднем 50 учащихся при одном учителе) и на каждый комплект двухкомплектного училища, а также на каждый из первых двух комплектов многокомплектного училища, не свыше двух тысяч рублей для каменной и не свыше одной тысячи пятисот рублей для деревянной и глиняной постройки, а также на каждый из дальнейших комплектов многокомплектного училища не свыше одной тысячи рублей для всякой постройки. Выдачу пособий предполагалось осуществлять единовременно или частями. В связи с тем, что закон не предполагал полного финансирования строительства новых начальных училищ, его реализация во многом зависела от дополнительных средств имеющихся в бюджетах губерний, которые они могли потратить на обозначенные нужды.

Орловская губерния принадлежала к числу центрально-черноземных губерний европейской части России с преобладающим количеством сельского населения. Она включала в себя 12 уездов – Болховский, Брянский, Дмитровский, Елецкий, Карачевский, Кромской, Ливенский, Малоархангельский, Мценский, Орловский, Севский, Трубчевский [6, Л. 45].

Начальное образование, подведомственное Министерству народного просвещения, включало в себя две ступени – высшую и низшую. Первую из них составляли в начале XX века городские училища с шестилетним курсом обучения, а после принятия Положения о высших начальных училищах 1912 года они были преобразованы, а срок обучения сокращен до четырех лет [4]. При этом, в последнюю включали себя годичные приходские училища, которые к началу века существовали без серьезных изменений уже столетие.

Реализация проекта всеобщего обучения, как уже отмечалось ранее, предполагалась за счет расширения сети начальных училищ. На деле это означало увеличение количества высших начальных училищ при которых должны были открываться одно-, двух- и многокомплектные школы. На территории Орловской губернии городские училища были преобразованы в высшие начальные к 1914 году и их число в регионе равнялось 17 [7]. По количеству подобных учебных заведений лидировал город Орел, где их было 4, в Ливнах и Брянске – по 2, а в остальных уездных городах – по одному [7].

Многие уезды, особенно те, в которых было по одному высшему начальному училищу, планировали увеличение их количества. Так, к примеру, в Кромском уезде предполагается создать еще 4 новых училища, в Болховском – 7, в Трубчевском – 5, Елецком – 14, Дмитровском и Карачевском еще по 3. Предполагалось, что каждое из училищ будет заключать в своем районе от 38 до 62 комплектов низших школ (по завершении сети всеобщего обучения). В среднем на одно высшее начальное училище должно было приходиться по 50 одноклассных комплектов [10, Л. 12–12 об.].

По положениям закона 1909 года его реализация должна была начаться на следующий год, однако в связи с финансовыми обязательствами, которые должны были взять на себя и местные власти, его претворение в жизнь на территории Орловской губернии началось значительно позже намеченного срока.

Осуществление проекта всеобщего обучения предполагало, что каждый из двенадцати уездов губернии должен был войти в соглашение с Министерством народного просвещения относительно готовности расширять сеть начальных училищ. На момент 1915 года большинство уездов Орловской губернии заявили о своем согласии, однако три уезда – Брянский, Болховский и Севский так и не вступили в соглашение с Министерством [9, Л. 159]. Объяснить такое промедление, возможно, только тем, что обозначенные уезды не были готовы изыскать средства для строительства новых училищ на своих территориях, ведь вступить в соглашение с Министерством

народного просвещения означало взять на себя дополнительные финансовые расходы.

Однако и те уезды, которые заявили о своей готовности к реализации проекта всеобщего обучения, столкнулись с непреодолимыми затруднениями – существенным подорожанием строительных материалов и рабочей силы за последние несколько лет с момента принятия закона 1909 года. Так, например, при составлении смет в 1909 году полная стоимость постройки деревянных зданий исчислялась для однокомплектных школ в 5500 руб., для двухкомплектных 7516 руб., для трехкомплектных 9789 руб. и для четырехкомплектных 12000 руб. По смете же 1911 и 1912 гг. стоимость постройки этих же зданий определялась для однокомплектных школ в 7052 руб., для двухкомплектных 10581 руб., для трехкомплектных 14143 руб., и для четырехкомплектных 19490 руб. [9, Л. 81]. И с каждым годом отмечалось повышение цен, поэтому тех средств, которыми располагали местные власти в Орловской губернии, было недостаточно для осуществления плана всеобщего обучения. Показательным является пример Кромского уезда в котором местный бюджет был готов оплатить только 20% стоимости строительства новых школ, а не 50% как было предусмотрено законом. Таким образом, осуществление расширения школьной сети в стране в целом и Орловской губернии в частности, было возможно лишь в том случае, если Министерство народного просвещения увеличило бы размер средств, отпускаемых на школьное строительство.

Ситуация с финансированием проекта всеобщего обучения в стране резко ухудшилась с началом Первой мировой войны. Обстоятельства военного времени вызвали сокращение средств выделяемых на нужды образования и задержку финансирования, а законопроект предусматривающий увеличение сумм, выделяемых казначейством, так и не был рассмотрен Государственным Советом, соответственно пересмотра строительных смет не произошло.

На рубеже XIX–XX века среди правительства и заинтересованной общественности все чаще поднимался во-

прос о необходимости введения в стране всеобщего начального образования. Активно эта проблема обсуждалась в стенах Государственной Думы, и думцы внесли свой вклад в разработку этого проекта. Среди проблем стоящих перед системой начального образования отмечались, во-первых, большой процент безграмотного населения, особенно среди незнатных его слоев, о чем свидетельствовали данные переписи населения 1897 года; во-вторых, на каких принципах должна базироваться вся система народного просвещения, уже устоявшиеся основы в виде изучения основ христианской веры и обучения элементарным знаниям на русском языке подвергались критике со стороны представителей национальных окраин и иноверцев; в-третьих, расширение сети начальных училищ требовало увеличения финансирования со стороны государства.

На территории Орловской губернии реализация проекта по строительству новых начальных училищ имела свою специфику, которая проявлялась в связи с особенностями развития самого региона. Губерния представляла из себя сугубо аграрный край, подавляющее большинство населения которого проживало в сельской местности, а, как известно, показатели грамотности среди жителей деревни были традиционно ниже уровня образованности горожан, поэтому проблема безграмотности для региона была особо актуальной.

Реализация проекта расширения сети начальных училищ предполагала привлечение двух основных источников финансирования со стороны государства и из местных бюджетов, поэтому Орловская губерния не сразу начала обсуждать его претворение в жизнь с Министерством народного просвещения, ведь для этого нужно было изыскать дополнительные средства. На момент 1915 года не все уезда губернии вступили в соглашение с отраслевым ведомством, а условия военного времени, рост цен и перераспределение государственных средств на нужды войны, в том числе и за счет финансирования образования свели на нет реализацию проекта всеобщего обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вахтеров В.П. Всеобщее обучение / В.П. Вахтеров. – М.: Типография И.Д. Сытина, 1897. – 216 с.
2. Воронкова И.Е. Думские дебаты о роли и значении церковно-приходских школ в системе начального образования Российской империи / И.Е. Воронкова // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. – 2016. – № 3. – С. 131–133.
3. Высочайше утвержденный Государственным Советом и Государственною Думою Закон – "Об образовании при Министерстве народного просвещения школьно-строительного фонда и об установлении правил о выдаче пособий из средств государственного казначейства на школьно-строительные надобности начальных училищ ведомства того же Министерства" от 22 июня 1909 года // ПСЗРИ. Собрание III. Том 29. № 52266. С. 582–585.
4. Высочайше утвержденное Положение о высших начальных училищах от 25 июня 1912 года // ПСЗРИ. Собрание III. Том 32. № 37513. С. 949–958.
5. Государственная Дума: Стен. отчет. III Созыв. Сессия 1–я. – СПб., 01.11.1907–28.06.1908.
6. Государственный архив Орловской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1288.
7. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1914 год. Орел: Электр. Типог. Губернского правления. 1913. С. 360.
8. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб.: Изд. Центр.стат. ком. М–ва. дел; под ред. Н.А. Тройницкого. XXIX. Орловская губерния. 1904. – 259 с.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп.186. Д. 453.
10. РГИА. Ф. 733. Оп. 186. Д. 454.
11. Фальборк Г.А. Всеобщее образование в России / Г.А. Фальборк. – М.: Типография И.Д. Сытина, 1908. – 212 с.

БЕНДЖАМИН ГАРРИСОН: ПРЕЗИДЕНТ, ВНУК ПРЕЗИДЕНТА

Ярыгин Вадим Владимирович
К.ист.н.,
независимый исследователь

BENJAMIN HARRISON: THE PRESIDENT, THE PRESIDENT'S GRANDSON

V. Yarygin

Annotation

The article presents an analysis of life and activity of the 23rd US President. Author tried to correct a B. Harrison's stereotype image, like weak president of the "Gilded Age" period. Politic resisted by the influence of the Republican Party "machine". In work considers president's general actions and causes his defeat or election of 1892.

Keywords: 23rd US President, Benjamin Harrison, biography, Republican Party, "Gilded Age".

Аннотация

В статье представлен анализ жизни и деятельности 23-го президента Соединённых Штатов Америки. Автор попытался скорректировать стереотипный образ Б. Гаррисона, как слабого президента периода "Позолоченного века". Политик сопротивлялся влиянию партийной "машины" республиканцев. В работе рассмотрены основные действия президента и причины его поражения на выборах 1892 г.

Ключевые слова:

23-й президент США, Бенджамин Гаррисон, биография, Республиканская партия, "Позолоченный век".

Бенджамин Гаррисон родился в доме деда в Норт-Бенд (Огайо) 20 августа 1833 г. Семья будущего политика, хоть и была известна и имела богатую политическую традицию (дед – Уильям Генри Гаррисон, был 9-м президентом США, а прадед, которого тоже звали Бенджамин, был губернатором Вирджинии и подписывал Декларацию независимости), но не была богата.

После обучения в школе, решив стать юристом, Бенджамин Гаррисон поступил в университет Майами (Огайо), после окончания обучения женился на дочери президента университета Дж. Скотта – Кэролайн в 1853 г. На следующий год он с женой переехал в Индианаполис и начал адвокатскую практику в фирме Дж. Рэя. Тогда же он стал агитатором Республиканской партии в президентской кампании 1856 г. и с тех пор сделался заметной фигурой в Индиане и принимал участие в кампаниях и в других штатах [22, p. 33]. В 1858 г. Б. Гаррисон вместе с У. Уоллесом открыл фирму "Wallace & Harrison". В 1860 г. стал прокурором штата Индиана. Через два года фирма распалась из-за того, что Уоллес стал секретарём округа Мэрион. Потом была организована новая адвокатская контора "Fishback & Harrison", которая просуществовала до ухода Гаррисона в армию в 1862 г. [11, p. 80]. Гаррисон пользовался большой популярностью среди бизнесменов, успешно отстаивая их интересы.

В 1862 г. во время Гражданской войны будущий президент пошёл добровольцем на службу в армию Союза в звании полковника и получил под своё командование

70-й полк из Индианы, который сам помогал сформировать. Полк охранял железные дороги в Кентукки и принимал участие в кампании в Атланте. Полковник Гаррисон заработал репутацию холодного и дисциплинированного командира. Но есть свидетельства, что он заботился о личном составе, и солдаты его любили. Р. Смок служил под его командованием и видел, как будущий президент лично приносил горячий кофе дозорным зимой, чтобы они не замёрзли насмерть [18, p. 12]. Его подразделение успешно сражалось, и Гаррисон был повышен до бригадного генерала в 1865 г. [6, p. 83].

После демобилизации Гаррисон вернулся к адвокатской практике. В 1876 г. баллотировался на пост губернатора Индианы, но безуспешно, в 1877 г. участвовал в усмирении развернувшейся по всей стране забастовки железнодорожников. Газета "Wichita eagle" писала, что генерал отдал приказ открыть огонь по бастующим [25, p. 4]. При подавлении стачки будущий политик прославился фразой о том, что бастующие нарушают закон, и что любым рабочим достаточно платить 1 доллар в день и не более. Во время предвыборной кампании 1888 г. американская рабочая организация "Рыцари Труда" опубликовала обвинительную статью в адрес Гаррисона с этой цитатой, которую перепечатывали многие издания [20, p. 1; 21, p. 5; 23, p. 1]. Кандидат от "Великой старой партии" обвинялся в том, что являлся ставленником торгово-промышленной элиты страны. Позднее он всячески откешивался от своего заявления, называя его "ложью и газетной выдумкой" [19, p. 183].

В 1881 г. Б. Гаррисон был избран в сенат США, где провёл следующие 6 лет на посту главы комитета по территориям. Он отказался войти в состав кабинета президента Дж. Гарфилда в 1881 г. [8, р. 294]. В 1887 г. легислатура Индианы попала под контроль демократов, и в январе этого года политик проиграл выборы. Будучи сенатором, Гаррисон защищал интересы землевладельцев. Он представлял ветеранов Гражданской войны и выступал за увеличение их пенсий, за что получил прозвище среди коллег "солдатский сенатор" [ibid., р. 299].

В качестве депутата верхней палаты Гаррисон поддерживал реформу гражданской службы, высокие протекционистские тарифы, сильный флот и регулирование работы железных дорог. Он постоянно нападал на президента Кливленда из-за налагаемых им вето на билли по назначению пенсий ветеранам Гражданской войны [ibid., р. 294].

Эпоха "Позолоченного века" в США характеризуется некоторым ослаблением президентской власти и усилением роли Конгресса и партий в политической жизни страны. Поэтому всё презенты последней трети XIX в. являлись "тёмными лошадками", то есть компромиссными фигурами, которые бы устраивали различные фракции практически безраздельно правившей тогда Республиканской партии.

Республиканцы на выборах 1888 г. столкнулись с серьёзной проблемой – отсутствием перспективных кандидатов на пост президента. Старые, испытанные политические бойцы отказались от высокой чести баллотироваться [1, с. 290]. Лидер республиканцев в сенате – Дж. Блейн тогда находился в Европе и в письме взял самоотвод. Американский "железный король" Э. Карнеги, будучи в Шотландии, отправил послание Республиканскому комитету: "Слишком поздно. Блейн непреклонен. Берите Гаррисона." [17, р. 316]. Партийным функционерам пришлось делать ставку на очередную "тёмную лошадку". В прессе ходили слухи, что кандидатуру Б. Гаррисона выбрала келейно небольшая группа республиканских политиков и их спонсоров из железнодорожных компаний, а потом уже формально утвердили во время партийного съезда Республиканской партии в Чикаго летом 1888 г.

Кандидатура Бенджамина Гаррисона практически идеально подходила для победы на выборах: набожный протестант, кристально честный человек и профессиональный юрист, не замешанный в скандалах; генерал-герой Гражданской войны; сенатор, отстаивавший права ветеранов и реформу государственной службы. У Гаррисона был многолетний стаж пребывания в рядах партии Линкольна и твёрдая приверженность её идеалам.

Предвыборная программа кандидата от Республиканской партии базировалась на обсуждении насущных со-

циально-экономических проблем. Претендент на высший пост ратовал за сохранение американской системы протекционизма. Идя навстречу требованиям бизнеса, республиканцы заявляли что политика, которая нужна Америке – это политика протекционистских тарифов. Гаррисон говорил, что необходимо сохранить американский рынок для американского пролетариата и оградить его от конкуренции со стороны иммигрантов. Это касалось, в первую очередь, китайских рабочих, которых республиканцы в платформе 1888 г. объявили "чуждыми для нашей цивилизации и Конституции" [15]. Единственный вопрос, которого политик дипломатично не касался в своей предвыборной кампании – это вопрос о денежном стандарте, разделивший в последней трети XIX в. население США на сторонников и противников биметаллизма.

Выборы проходили в 38 штатах, всего проголосовало 11 383 320 человек. Количество выборщиков в коллегии составило 401 человек. За идущего на второй срок демократа Г. Кливленда проголосовало 48,6% населения и 168 выборщиков, что составило 42%. За Гаррисона же проголосовало 47,8% избирателей. Но кандидат-республиканец получил убедительную поддержку в коллегии выборщиков, получив 233 голоса (58,1%) [24, р. 103].

4 марта 1889 г., в воскресенье, состоялось торжественное вступление в должность 23-го президента. В инаугурационной речи, которая была примерно вдвое короче речи его деда, Б. Гаррисон заявлял о приверженности Конституции, всем действующим законам и обещал равные гражданские права для всех граждан страны. Новоизбранный президент пообещал укоротить процесс принятия новых штатов, ужесточить иммиграционное законодательство, преследовать монополии и ликвидировать излишки в казначействе. Как консервативный республиканец и сторонник экспансии, глава государства в очередной раз подтвердил приверженность "доктрине Монро" и системе американского протекционизма [2, с. 269–280]. В целом, речь была актуальна и злободневна, она затрагивало насущные социально-экономические проблемы Америки тех времён. Б. Гаррисон обозначил круг вопросов, которые намеревался решать, находясь в Белом доме.

Система политического патронажа и партийных назначений стала большой проблемой для главы государства. Призывы к реформированию гражданской службы президенты эпохи "Позолоченного века" озвучивали в инаугурационных речах, начиная с Р. Хейса (1877 – 1881 гг.). Б. Гаррисон в этом плане не являлся исключением [там же, с. 244, 257, 265–266, 276–277]. Кадровая политика нового хозяина Белого дома отличалась двойственностью и неоднозначностью. С одной стороны, президент являлся сторонником реформы гражданской службы и желал искоренения системы политического патронажа. С другой – Гаррисон, будучи "тёмной лошадкой",

находился в известной зависимости от партийной республиканской "машины". Помимо этого, генерал-герой Гражданской войны оказался не таким решительным политиком, каким был солдатом. Отсутствие политической смелости и в то же время желание продолжить дело предшественников по очищению госаппарата от коррупции объясняют непоследовательность кадровых действий 23-го президента США.

Анализируя работу Б. Гаррисона, можно буквально сразу заметить, что все его будущие действия на посту главы государства были заранее озвучены в инаугурационной речи. Новоизбранный президент старался выполнять предвыборные обещания. Он поставил абсолютный рекорд по количеству принятых штатов в состав страны. При нём в состав США были приняты 6 новых штатов.

Но главным, чем запомнилось президентство Гаррисона, – это резкое увеличение государственных расходов. Бюджетный профицит республиканцы считали серьёзной экономической проблемой. Для её решения Конгресс США впервые в истории санкционировал сумму, превышающую 1 млрд. долл., деньги пошли на модернизацию военно-морского флота и обширную пенсионную реформу. Она существенно расширяла перечень лиц, имеющих право на государственную помощь, в первую очередь ветеранов Гражданской войны. Данная мера вызвала острую критику со стороны демократов своими последствиями для бюджета: расходы по этой статье увеличились почти вдвое [3, с. 89].

Гаррисон являлся убеждённым сторонником реформы гражданской службы. Глава государства старался, чтобы система партийных назначений на государственные должности ушла в прошлое. Отсюда – кадровые перестановки в государственном аппарате, вызывавшие недовольство партийных функционеров. Наиболее важным для американской истории кадровым решением стало назначение молодого Т. Рузвельта в 1889 г. в Комиссию по Гражданской службе. Президент также одобрил кандидатуру У. Тафта на должность окружного судьи в 1892 г. [5].

С президентством Б. Гаррисона связано принятие трёх законов, которые касались животрепещущих социально-экономических проблем последней трети XIX в. Это были антитрестовский и "серебряный" законы Дж. Шермана и новый протекционистский таможенный тариф У. Мак-Кинли.

Президент подписал в 1890 г. первый в истории США антитрестовский акт. Несмотря на грозное название, закон был практически неработающей правовой нормой до начала XX в. и не особо мешал формированию трестов и монополий. Закон о денежном обращении 1890 г. был, в конечном итоге, провальной попыткой компромисса

между сторонниками золотого стандарта и апологетами биметаллизма. "Серебряный" закон Дж. Шермана был отменён президентом Г. Кливлендом уже в 1893 г. Гаррисону пришлось одобрить данную инициативу Республиканской партии, хотя известно, что он был против увеличения количества серебряных долларов в обращении.

Новый тариф Мак-Кинли 1890 г. являлся логичным продолжением консервативной протекционистской политики республиканских президентов после Гражданской войны. Б. Гаррисон являлся убеждённым сторонником доктрины защиты национального производителя, по этой причине инициатива конгрессмена У. Мак-Кинли встретила его глубокое и сердечное одобрение. Новый тариф поднимал пошлины в среднем на 49,5%, вызвав серьёзное недовольство со стороны широких слоёв населения и подорвав популярность хозяина Белого дома и правящей Республиканской партии.

К президентским выборам 1892 г. Б. Гаррисон уже не имел такой поддержки в народе. В первую очередь из-за утверждения тарифа Мак-Кинли, серьёзно ударившего по кошелькам широких слоёв населения. А отсутствие личной харизмы и нелюдимый характер не добавляли популярности главе государства. Против него выступили и влиятельные партийные функционеры. П.А. Тверской писал, что "лично, сам по себе, Гаррисон не пользовался популярностью, даже в среде самой Республиканской партии" [4, с. 193]. Сенатор Т. Платт называл президента "сварливым" [14, р. 215]. Да и сам Гаррисон изначально не проявлял энтузиазма по поводу второго срока. Он писал одному своему корреспонденту из Канзаса в феврале 1892 г.: "У меня нет никакого рвения относительно переизбрания" [7, р. 53]. Но у республиканцев не нашлось серьёзной альтернативы действующему президенту. Несмотря на противодействие антипрезидентской оппозиции и общее падение популярности, Б. Гаррисон был выдвинут Республиканской партией на второй срок.

В целом, консервативная платформа республиканцев не претерпела существенных изменений с 1888 г. [16]. Президент поддерживал курс партии и собирался его продолжить во время второго срока, он являлся приверженцем действующего тарифного закона Мак-Кинли. Если в ходе предыдущей предвыборной кампании политик обходил стороной денежный вопрос, то спустя четыре года он публично поддержал неограниченную чеканку серебра. Но за две недели до выборов у Гаррисона от туберкулёза умерла жена, после чего он фактически самоустранился от предвыборной кампании [13, р. 143].

В президентской гонке 1892 г. помимо республиканцев и демократов дебютировала партия популистов (Народная партия) – её представлял Дж. Уивер. В выборах участвовало 12 053 259 человек, в коллегии выборщиков заседало 444 члена. Победа Кливленда была без-

оговорочной. Демократы получили 5 555 426 (46%) голосов избирателей и 277 (62%) голосов в коллегии выборщиков. Республиканцы – 5 182 690 (43%) голосов избирателей и 145 (33%) в коллегии выборщиков. Популисты – 1 029 846 (9%) и 22 (5%) соответственно [12, p. 1073]. Возвращение демократов в Белый дом являлось закономерностью после действий республиканской администрации Гаррисона. Консервативный курс "Великой старой партии" себя исчерпал.

По окончании президентского срока Б. Гаррисон посетил Всемирную выставку в Чикаго летом 1893 г., затем вернулся к себе домой в Индианаполис и занялся юридической практикой. Некоторое время он читал лекции в Стэнфордском университете. Будучи профессиональным юристом, экс-президент опубликовал две книги, одна из которых посвящена конституционному праву Соединённых Штатов, другая представляет собой сборник его лекций [9, 10]. В 1896 г. некоторые партийные деятели предложили ему опять баллотироваться в президен-

ты, но он отказался и вместо этого совершил поездку по стране в поддержку кандидата от своей партии – У. МакКинли. В этом же году Б. Гаррисон женился во второй раз на Мэри Диммик, которая родила ему дочку Элизабет. Старшие дети от первого брака не приняли вторую женитьбу отца.

В 1900 г. Гаррисон участвовал в международном арбитраже между Великобританией и Венесуэлой по поводу Гайаны-Эссекибо, на стороне последней, а за год до этого посетил Первую мирную конференцию в Гааге. В феврале 1901 г. он заболел гриппом и скончался от пневмонии 13 марта 1901 г. Бывший глава государства был похоронен в Индианаполисе рядом с женой и дочерью. Спустя 7 лет после смерти в Индианаполисе возвели мемориальную статую в честь 23-го президента США. Бенджамин Гаррисон был неоднократно увековечен на американских почтовых марках, с 1951 г. его дом имеет статус музея с библиотекой, в 1964 г. он был внесён в реестр исторических мест.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванян Э.А. История США: пособие для вузов / Э.А. Иванян. – 3-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2008. – 571 с.
2. Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789 – 2001 г.) с историческим комментарием. Пер. с англ. / Общ. ред. и комментарий Э.А. Иваняна. – Серия "История идей – история людей". – М., Издательский дом "Стратегия", 2001. – 528 с.
3. Саломатин А.Ю. Президентская власть в США и её представители (сравнительные политологические и конституционно-правовые очерки): монография / А.Ю. Саломатин. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 240 с.
4. Тверской П.А. Очерки Северо-Американских Соединённых Штатовъ. – С.–Петербург: Типография И.Н. Скороходова, 1895. – 471 с.
5. Biographical Directory of Federal Judges. Taft, William Howard. [Электронный ресурс] URL: <https://www.fjc.gov/history/judges/taft-william-howard> (дата обращения: 22.09.2017 г.)
6. Diller D.C. The presidents, first ladies, and vice presidents: White House biographies, 1789 – 2001 / Daniel C. Diller and Stephen L. Robertson. – Washington: Congressional Quarterly Inc., 2001. – 271 p.
7. Dozer D.M. Benjamin Harrison and the Presidential Campaign of 1892. // The American Historical Review. – 1948, October. – P. 48–77.
8. Graff H.F. The Presidents. – N.Y.: Charles Scribner's Sons & Thomson Gale, 2002. – 880 p.
9. Harrison B. This country of ours. – N.Y. Charles Scribner's Sons, 1897. – 360 p.
10. Harrison B. Views of an ex-president. – Indianapolis: The Bowen-Merrill company, 1901. – 532 p.
11. Harney G.L., Pierce E.C. The lives of Benjamin Harrison and Levi P. Morton. – Philadelphia: Hubbard Brothers publishers, 1888. – 578 p.
12. Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1970. – Washington: US Census Bureau, 1975. – 1232 p.
13. Moore A.C. Benjamin Harrison: Centennial President. – N.Y.: Nova Science Publishers, Inc., 2009. – 178 p.
14. Platt T. The autobiography of Thomas Collier Platt. – N.Y.: B.W. Dodge, 1910. – 556 p.
15. Republican Party Platform of 1888. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=29627> (дата обращения: 18.09.2017 г.)
16. Republican Party Platform of 1892. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=29628> (дата обращения: 21.09.2017 г.)
17. Hodes J.F. History of the United States from Hayes to McKinley 1877 – 1896. – N.Y.: The Macmillan Company, 1919. – 524 p.
18. Short review of the public and private life of Gen'l Benj. Harrison. What the working men say of him., 1888. – 38 p.
19. Speeches of Benjamin Harrison Twenty-third President of the United States. – N.Y.: United States Book Company, 1892. – 580 p.
20. The Hocking sentinel. 1888, September 13.
21. The Los Angeles daily herald. 1888, October 7.
22. The National contest. – Detroit, Mich.: Darling Bros. & Co., 1888. – 128 p.
23. The Ohio Democrat. 1888, October 27.
24. Vital statistics of the Presidency: Washington to Clinton. – Washington: Congressional Quarterly Inc., 1998. – 455 p.
25. Wichita eagle. 1888, July 10.

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ НА ПРИМЕРЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ОБЛАСТИ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

FOREIGN LANGUAGE TRAINING FOR SPECIFIC PURPOSES IN RUSSIA AND ABROAD BASED ON THE EXAMPLE OF TEACHING ENGLISH IN THE OIL INDUSTRY

*L. Afanasieva
E. Yasiukevich*

Annotation

This article examines the peculiarities of teaching a foreign language for specific purposes in Russia considering the example of the English language in the oil field in the higher education institutions of the CIS and the world. The need to learn and master the English language at a high level does not lose its relevance, since intercultural communication enables us to exchange technologies and work in contact with partners all over the world.

Keywords: LSP, ESP, teaching English in the field of oil industry in Russia and abroad.

*Афанасьева Людмила Юрьевна
Доцент,
МГУ им. М.В. Ломоносова
Ясюкевич Елена Игоревна
МГУ им. М.В. Ломоносова*

Аннотация

В этой статье рассматриваются особенности обучения иностранному языку для специальных целей в России на примере английского языка в нефтяной сфере в ВУЗах СНГ и мира.

Необходимость изучения английского языка и владения им на высоком уровне не теряет своей актуальности, так как межкультурная коммуникация дает возможность обмениваться технологиями и работать в контакте с партнерами во всем мире.

Ключевые слова:

Язык для специальных целей, английский язык для специальных целей, обучение английскому языку в области нефтяной промышленности в России и за рубежом.

Тема обучения английскому языку отечественных специалистов в разных областях актуальна уже много лет и не теряет своей актуальности. Так например, для работающих в отрасли нефтяной индустрии и для подготовки профессионалов для работы в российских и международных компаниях остро стоит проблема отсутствия технически грамотных кадров, владеющих английским языком.

В этой статье мы кратко рассмотрим высшие учебные заведения в данной отрасли, обучение иностранному языку для специальных целей в России на примере английского языка в этой сфере и в ВУЗах СНГ и мира.

В ВУЗах, готовящих кадры для нефтяной промышленности, английский язык студенты заканчивают изучать в конце второго курса, поэтому возникает необходимость в дополнительных курсах для дальнейшей работы со студентами, их разработкой занимаются на многих кафедрах Российских университетов.

История нефтяной индустрии России насчитывает уже более 150 лет. Принимая во внимание важность межкультурной коммуникации с целью использования технологий и работы в контакте с партнерами во всем мире, необходимость изучения английского языка не теряет своей актуальности.

Немаловажным фактом является и то, что многие международные нефтяные компании имеют свои представительства на территории РФ. На территории Российской Федерации существует более 20 государственных ВУЗов, осуществляющих подготовку по направлению "Нефтегазовое дело". РГУ НГ им. И.М. Губкина является крупнейшим и лидирующим в странах СНГ по подготовке студентов нефтяного профиля, в нём представлено больше возможностей для изучения английского языка у студентов с разными уровнями подготовки. В ВУЗе действуют международные магистерские программы, совместные с зарубежными университетами. Интересным можно считать курс интенсивного английского языка, разработанный в рамках программы дополнительного образова-

ния. Курс предназначен для студентов и магистрантов РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, для сотрудников нефтяных и газовых компаний, а также для широкого круга лиц, изучающих английский язык. В течение 7 месяцев, как выпускники, так и специалисты, окончившие другие ВУЗы, могут освоить такие разделы как "General English", "Business English", "Oil and Gas English", занимаясь как по классическим учебникам, написанным носителями языка, так и по современным техническим журналам, а также, пособиям, специально изданным преподавателями самого РГУ НГ.

Как правило, ВУЗы привязаны к тем или иным промышленным объектам нефтяной отрасли. Например, в Баку началась добыча нефти из скважин, пробуренных в 1847 году, а уже в 1899 Азербайджан вышел на первое место в мире по добыче и переработке нефти, дав при этом половину мировой добычи. В настоящее время на территории Азербайджана действует Бакинский нефтеперерабатывающий завод имени Гейдара Алиева – один из крупнейших нефтеперерабатывающих предприятий Закавказского региона. Подготовка квалифицированных специалистов для завода осуществляется благодаря Азербайджанской Государственной Нефтяной Академии (АГНА). В 1968 году для решения задачи обучения кадров в Беларуси был основан Новополоцкий филиал Белорусского политехнического института, который затем сменил свое название на Полоцкий государственный университет. Разработки ученых ПГУ в данное время патентуются в СНГ, Европе, США, Канаде, Японии, Китае. Иностранные языки преподаются на всех факультетах университета, со своей спецификой для каждого направления. Преподаватели кафедры английского языка разрабатывают учебные пособия с учетом профиля будущих выпускников.

Но все же нужно отметить, что во всех выше перечисленных странах на современном этапе существует необходимость создания методически дополненных материалов для работающих в нефтяной промышленности, поскольку многие из уже существующих пособий устарели, часто не отражают действительности, не содержат современных аудио-, видеоматериалов, языка для делового общения и т.п. Основная цель таких материалов: охватить специальную лексику, а также грамматические темы с конструкциями, часто используемыми в технической литературе и переписке.

Понятие "язык для специальных целей" упоминается достаточно часто и новым его не назовешь, для его обозначения используется термин Language for Specific Purposes (LSP). Понятие LSP, как правило, используется для обозначения функциональной разновидности языка, призванной обеспечить адекватное и эффективное общение специалистов в определенной предметной области. Современные языки для специальных целей высту-

пают как активно функционирующее средство коммуникации, постоянно развиваются. По мнению К. Я. Авербуха, можно выделить пять тенденций развития языков для специальных целей: интеграция, дифференциация, интернационализация, унификация и экономизация (действие закона экономии) [1, с.35].

Поскольку языки для специальных целей находятся в постоянном взаимодействии с общеупотребительным языком, граница между специальной и неспециальной лексикой оказывается весьма подвижной. С одной стороны, специальные слова могут переходить в общеупотребительный язык, теряя при этом некоторые из своих свойств, с другой стороны, общеупотребительные лексические единицы могут терминологизироваться. "Кардинальным отличием специальных языков от общенационального языка является наличие в первых особых лексических подсистем, прежде всего терминологических, и отчасти редуцированной или видоизмененной системы синтаксиса. Специальные языки, в общем, не характеризуются наличием особых грамматических структур, которые не встречаются за их пределами; характерным для специальных языков является отличное от общенационального языка статистическое распределение грамматических структур. LSP вырастают на базе естественных языков, надстраиваются над ними, приобретая некоторые новые специфические признаки в лексике, словообразовании, синтаксисе, стилистике, позволяющие им удовлетворительно обслуживать социолингвистические потребности общения в специальных сферах".[2]

"LSP полностью зависят от потенциалов общелитературного языка на каждом уровне языковой системы. Так, источниками LSP могут быть: слова общелитературного языка, например, "сопротивление" в физике; "ценность" в экономике и т.д; словообразовательные процессы с латинскими и греческими лексическими элементами, например, аква-, гидро- и т.д.; заимствования из других языков; цифровые и искусственные символы (в математике, генетике и др.); полутермины на грани общелитературного языка (метод проб и ошибок, метод кнута и пряника в политике); профессиональный сленг; фирменные знаки и названия, например, аспирин, кодак и др".[8]

Изучение LSP имеет давние и весьма разнообразные традиции [13]. Коммуникация с помощью LSP является общественно-исторической необходимостью. Специальные языки представляют собой результат исторического разделения труда. Разделение труда привело к появлению специального знания, выраженного в специальных понятиях, которыми владели специалисты в данной области знания, растущей диверсификации научных дисциплин и дальнейшей специализации отраслей материального производства и потребления.

Понятие LSP возникло на основе изучения речевых произведений в процессе общения людей, говорящих на те или иные специальные (профессиональные) темы. LSP реализуется в устном и письменном дискурсе в форме текстов. Текст на LSP – это всегда текст, в котором актуализировано и сохранено специальное знание.

Во второй половине XX в. изучение LSP получило новый толчок к развитию и, главным образом, сконцентрировалось на английском языке (English for Specific Purposes – ESP), который занял главенствующие позиции в международной науке, технике, торговле и превратился в язык глобального общения в процессе межкультурной коммуникации [7].

Так, Дж. Сагер и другие выделяют следующие уровни языка текста на ESP [11]: язык фундаментальных наук; язык экспериментальных и технических наук; язык прикладных наук; язык материального производства; язык потребления.

Интернационализация и англоизация общественной жизни проявляются в растущем числе международных обменов и международных конференций, рабочим языком которых является английский, в расширении транснациональных исследовательских проектов, создании международных консорциумов предприятий и учреждений, глобальных научных, производственных, образовательных и других e-mail рассылках на английском языке, увеличении числа журналов, издаваемых на английском языке в неанглоязычных странах и т. д. Всё это с неизбежностью требует оптимизации специальной межкультурной коммуникации и приводит к необходимости изучения ESP.

Т.Хатчинсон и А.Уотерс [10] выделяют два главных исторических события, оказавших значительное влияние на развитие ESP: окончание Второй мировой войны и нефтяной кризис 1970-х гг. В послевоенный период наблюдался беспрецедентный рост научной, технической и экономической активности и во многом благодаря экономической мощи США английский язык стал языком международного общения. Нефтяной кризис 1970-х гг. привел к тому, что в нефтедобывающие страны хлынул западный капитал и новые научные и производственные технологии. Языком этих технологий был английский. В результате развития послевоенной и посткризисной ситуации изучение английского языка перестало быть просто предметом, его судьбу стали определять потребности общественного развития.

Второй причиной, оказавшей, по мнению Т. Хатчинсона и А. Уотерса, огромное влияние на развитие ESP, стала революция в лингвистике. Смена формальной парадигмы на функциональную привела к тому, что лингвисты стали концентрировать внимание не на формальных ха-

рактеристиках языков, а на ситуативных контекстах, в которых происходит коммуникация, и исследовать обусловленность языковой вариативности в ситуации общения. Осознание того, что язык меняется с изменением ситуации общения, привело к пониманию необходимости изменять содержание обучения в зависимости от мотивации и потребностей обучаемых. Поэтому третьей причиной развития LSP, по мнению Т. Хатчинсона и А. Уотерса, стало создание таких методов обучения, которые удовлетворяли бы индивидуальные потребности обучаемых. Данный подход к обучению LSP получил в современной лингво-дидактике название антропоцентрического, или лично ориентированного.

Современные лингвистические исследования LSP/ESP тесно связаны с работами в целом ряде научных областей, среди которых: лексикология и лексикография; теория перевода; психолингвистика и т. д.

Касаясь исследования терминосистем и английской нефтегазовой терминологии в частности, нужно сказать, что терминологическая лексика как часть словарного состава обладает рядом свойств. "Научная терминология должна представлять собой не простую совокупность слов, а систему слов или словосочетаний, определенным образом между собой организованных" [4]. При сравнении конкретных отраслевых терминологий обнаруживаются их отличительные черты, которые коренятся в различиях по времени их создания, по источникам формирования, по набору словообразовательных морфем. К этому следует добавить структурные, генетические, семантические, функциональные и др. особенности составляющих их терминов [3]. Появление первых терминов нефтяной промышленности на английском языке приходится на середину XIX в. (в 1859 году в штате Пенсильвания из скважины глубиной 21,2 м получена первая американская нефть [5]), и каждый последующий этап характеризуется своими источниками пополнения нефтегазовой терминологии, отражая развитие самой отрасли. Это и ресурсы английского языка, и заимствования из других языков. Английская нефтегазовая терминология построена по гетерогенной модели, т. е. является результатом взаимодействия нескольких областей человеческого знания. В нее входят геологические, геофизические, геохимические термины, а также термины, относящиеся к бурению, промывке, креплению и цементированию нефтяных и газовых скважин, разработке нефтяных и газовых месторождений, подземной гидравлике, добыче нефти и газа, термины по буровому и эксплуатационному оборудованию, трубопроводная терминология, морская буровая терминология, экономическая терминология.

Во второй половине XX в. изучение LSP сфокусировалось на английском языке, занявшем лидирующие позиции в международной науке, технике, торговле и превратившемся в язык глобального общения в процессе меж-

культурной коммуникации. Двумя основными историческими событиями, оказавшими значительное влияние на развитие ESP, стали окончание Второй мировой войны и нефтяной кризис 1970-х гг. Именно нефтяной кризис 1970-х гг. привел к тому, что в нефтедобывающие страны хлынул западный капитал и новые научные и производственные технологии, а языком этих технологий был английский. Появление же самых первых терминов нефтяной промышленности на английском языке произошло значительно раньше, приблизительно в середине XIX в. (с момента получения первой американской нефти), и с тех пор находится в непрерывном развитии. Каждый последующий этап характеризуется своими источниками пополнения нефтегазовой терминологии, отражая эволюцию самой отрасли. Это и ресурсы самого английского языка, и, в меньшей мере, заимствования из других языков.

Обращаясь к теме ВУЗОВ обучающихся студентов по этой специальности нужно сказать, что на территории Российской Федерации существует более 20 государственных ВУЗов, осуществляющих подготовку по направлению "Нефтегазовое дело". Как правило, они привязаны к тем или иным промышленным объектам нефтяной отрасли.

Рассмотрим обучение специалистов для работы в нефтяной промышленности на примере крупнейшего ВУЗа направления, Российского Университета Нефти и Газа им. И.М. Губкина (РГУ НГ им. И.М. Губкина). Основан в 1930 г. выдающимся ученым, заслуженным деятелем науки и техники РСФСР, академиком Иваном Михайловичем Губкиным. За свою почти вековую историю университет подготовил свыше 90 тысяч дипломированных специалистов, кандидатов и докторов наук [14]. Кафедра иностранных языков в РГУ НГ им. И.М.Губкина прикреплена к Факультету гуманитарного образования. Базовое обучение осуществляется для всех факультетов в течение первых 4-6 семестров. Помимо этого, разработан курс "Oil & Gas English" – "Английский язык для нефтяной и газовой промышленности" в рамках программы дополнительного образования. Программа предназначена для студентов, магистрантов и выпускников РГУ НГ им. И.М. Губкина, а также для сотрудников нефтяных и газовых компаний и широкого круга лиц, изучающих английский

язык. Необходимый уровень владения английским языком: Intermediate. В табл. 1 представлена структура занятий курса "Oil & Gas English".

Основные разделы и темы программы: геология; разведка и разработка месторождений нефти и газа; бурение и эксплуатация скважин; транспортировка, хранение и переработка нефти, газа и нефтепродуктов; экология; юридические и экономические вопросы нефтегазовой промышленности. С целью повышения профессиональной языковой квалификации и эффективности межкультурной коммуникации в профессиональной сфере Кафедра иностранных языков РГУ НГ им. И.М.Губкина формирует программу дополнительного образования "Интенсивный английский" (6-й курс). Программа предназначена для широкого круга лиц, изучающих английский язык, в том числе для выпускников РГУ НГ им. И.М. Губкина. Объем учебной нагрузки: 1100 аудиторных часов, продолжительность обучения: 10 месяцев (сентябрь 2015г. – июнь 2016г.), форма обучения: очная, режим занятий: 5 дней в неделю по 6-8 академических часов.

(Основные разделы и темы программы:

- General English (780 часов)

- приобретение коммуникативной англоязычной компетенции путем формирования и развития навыков и умений по овладению аспектами иностранного языка (лексикой и грамматикой), а также видами иноязычной речевой деятельности - рецептивными (чтение, аудирование) и продуктивными (говорение, письмо) - в рамках тематики, характерной для повседневного и официального общения.

- Business English (160 часов) - организация презентаций, беседы и переговоры по телефону, планирование и проведение встреч, переговоров и совещаний, развитие навыков деловой переписки, составление факсов, запросов, резюме, основные представления о деловом этикете и о правилах поведения в различных ситуациях (на собеседовании при устройстве на работу, на переговорах, во время выступления перед аудиторией).

- Oil & Gas English (160 часов) - геология, разведка и разработка месторождений нефти и газа, бурение и эксплуатация скважин, транспорт, хранение и переработка нефти, газа и нефтепродуктов, экология, юридические и экономические аспекты нефтегазовой промышленности).

Таблица 1.

Структура занятий курса "Oil & Gas English".

Объем учебной нагрузки	Продолжительность обучения	Режим занятий	Продолжительность 1 занятия
100 аудиторных часов	7 месяцев (октябрь - май)	1 раз в неделю	3 академических часа
200 аудиторных часов	7 месяцев (октябрь - май)	2 раза в неделю	3 академических часа

В течение курса обучения используются различные учебники, в основном, написанные носителями языка [12], также, самим университетом было издано следующее пособие: "Учебно-методическое пособие по английскому языку для высших учебных заведений нефтегазового профиля – Petroleum Engineering – Нефтегазовое дело"[6]. Учебник соответствует уровню B1/B2, охватывает грамматический материал для обучения в нефтехимическом ВУЗе и предназначен для освоения базовой лексики в области нефтегазового дела, он охватывает основные лексические темы в соответствии с отраслями нефтегазового сектора: геология нефти и газа, разработка нефтяных и газовых месторождений, переработка углеводородов, транспорт и экология. Отдельный блок посвящён теме высшего нефтегазового образования, включая вопросы поиска работы и трудоустройства.

Помимо РГУ НГ им. И.М. Губкина, в Российской Федерации можно отметить такие нефтегазовые ВУЗы как Тюменский Государственный Нефтегазовый Университет (Тюм ГНГУ), Уфимский Государственный Нефтяной Технический Университет (УГНТУ), Ухтинский Государственный Технический Университет, Альметьевский Государственный Нефтяной Институт (АГНИ), Северный (Арктический) Федеральный Университет (г. Архангельск), Астраханский Государственный Технический Университет (АГТУ), Волгоградский Государственный Архитектурно-Строительный Университет, Воронежский Государственный Технический Университет, Грозненский Государственный Нефтяной Технический Университет им. акад. Миллионщикова, Дагестанский Государственный Технический Университет (Даг ГТУ), Дальневосточный Федеральный Университет и многие другие. Несмотря на наличие кафедр английского языка во всех вышеперечисленных учебных заведениях, хотелось бы отметить, что уровень знаний языка у абитуриентов, студентов и выпускников не всегда является достаточно высоким и приводит к необходимости разработки дополнительных программ обучения иностранному языку. Как уже упоминалось ранее, нефтегазовые ВУЗы, как правило, привязаны к тем или иным промышленным объектам нефтяной отрасли. В связи с этим, что касается СНГ, рассмотрим обучение студентов, аспирантов и магистров на примере Полоцкого Государственного Университета (г. Новополоцк, Республика Беларусь), а также использование обучающих пособий на примере Азербайджанской Государственной Нефтяной Академии (г. Баку, Азербайджан). Иностранные языки преподаются на всех факультетах университета, со своей спецификой для каждого направления. Преподаватели кафедры английского языка разрабатывают учебные пособия с учетом профиля будущих выпускников. Примером может служить учебно-методический комплекс для студентов специальности, являющейся одной из ключевых для работы в области нефтяной промышленности, "Машины и аппараты химических производств", составленный Н.Ю. Шишковой и

А.А. Смутькевич (Новополоцк, 2007 г.). Говоря о Азербайджане, в настоящее время на территории Азербайджана действует Бакинский нефтеперерабатывающий завод имени Гейдара Алиева (БНПЗ) – один из крупнейших нефтеперерабатывающих предприятий Закавказского региона. НПЗ полностью обеспечивает потребность Азербайджана в нефтепродуктах. Подготовка квалифицированных специалистов для завода осуществляется благодаря Азербайджанской Государственной Нефтяной Академии (АГНА). Основанная в 1900 году под названием Бакинское техническое училище, сегодня Академия адаптировала учебные планы, работая в сотрудничестве с университетами за рубежом чтобы модернизировать программы. Кафедра английского языка прикреплена к геологоразведочному факульту.

От рассмотрения преподавания английского языка на территории СНГ перейдем к другим странам. Как уже подчеркивалось ранее, английский язык является интернациональным инструментом общения в нефтяной индустрии, и, что немаловажно, в отличие от России, обучение профилирующим предметам в большинстве неанглоязычных стран проводится непосредственно на английском языке. В качестве примеров можно привести такие учебные заведения, как Французский институт нефти (г. Париж, Франция), Университет Ставангера, (г.Ставангер, Норвегия), Университет Зигена, (г.Зиген, Германия), Royal Technical University (г. Стокгольм, Швеция). Многие курсы Технического университета Фрайберга (г. Фрайберг, Германия) также читаются непосредственно на английском языке.

Упоминания также заслуживает арабский мир, в частности, страны-экспортёры нефти. Так, в ВУЗах нефтяного профиля ОАЭ (например, крупнейший ВУЗ – University of the UAE, а также the American University of Dubai, The American University, Sharjah, Petroleum Institute, Abu Dhabi) и Иордании (Jordan University, Jordan University of Science and Technology, Mutah University, Albalqa Applied University) преподавание полностью ведётся на английском языке. Некоторые семинары и неформальные дискуссии могут для удобства проходить на арабском, но английский язык, тем не менее, остаётся официальным в большинстве арабских университетов. Стоит отметить, что в прошлом, до появления подобных университетов международного уровня, большинство студентов ОАЭ стремились получить более качественное высшее образование в других арабских странах, таких, как Иордания, Египет, Ирак и Сирия, а также имели возможность учиться в США, Европе и других местах.

Анализируя преподавание английского языка в ВУЗАХ России, СНГ и других странах, нужно сказать, что в России РГУ НГ им. И.М. Губкина является крупнейшим и лидирующим в странах СНГ по подготовке студентов нефтяного профиля, в нём представлено больше воз-

возможностей для изучения английского языка у студентов с разными уровнями подготовки. АГНА старается следовать в ногу со временем, ориентируясь на модели обучения в Западных университетах, в частности, ВУЗах США, и активно с ними сотрудничая. Также широко распространено применение учебников, изданных носителями языка, наряду с пособиями, созданными самими преподавателями Академии. В нефтяных ВУЗах других неанглоязычных стран мира, преподавание основных предметов проходит непосредственно на английском языке.

Так как промышленность не может существовать в изоляции, то, несмотря на экономические трудности и геополитические конфликты, российская нефтяная отрасль тесно связана с международными корпорациями. Их представительские офисы открыты и активно работают в нашей стране. Всё это требует подготовки технически грамотных выпускников ВУЗов с хорошим знанием английского языка для специальных целей. Язык для специальных целей – понятие, как правило, используемое для обозначения разновидности языка, обеспечивающей эффективную коммуникацию между специалистами той или иной сферы деятельности. Так как современные

языки для специальных целей находятся в постоянном развитии, их изучению необходимо уделять особое внимание. В этом отношении задачу усложняет то, что в российских ВУЗах обучение проводится на русском языке, и подготовка специалистов, способных к межнациональному общению, является проблемой, требующей решения. Каждый из нефтяных ВУЗов России и некоторых республик СНГ пытается решить эту задачу своим путём формирования и развития языковых и речевых навыков и умений, создания собственных программ и пособий.

В этой статье мы перечислили основные нефтяные ВУЗы России и подробно остановились на системе обучения английскому языку в крупнейшем профильном университете нашей страны и двух ВУЗах союзных государств, а именно: Российском Государственном Университете им И.М. Губкина (РГУ НГ), Азербайджанской Государственной Нефтяной Академии (АГНА) и Полоцком Государственном Университете (ПГУ). Можно заключить, что, так как РГУ НГ является лидирующим по подготовке студентов нефтяного профиля, в нём представлено больше всего возможностей для изучения английского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авербух, К. Я. Общая теория термина: комплексно-вариологический подход : автореф. дисс. д-ра филол. наук. М., 2005. 31 с.
2. Лейчик, В. М. Авторы работ, сыгравшие определяющую роль в развитии отечественной науки о терминах // Научно-техническая терминология : науч.-техн. реферат. сб. М., 2000. Вып. 1. С. 122.
3. Литвиненко, Г. И. Способы словообразования как фактор системности в терминологии, Вюник СумДУ, 2007. Вып. 1. Т. 1. С. 143.
4. Лотте, Д. С. Некоторые принципиальные вопросы отбора и построения научно-технических терминов. М. ; Л., 1999. С.67
5. Тетельмин, В. В. Нефть в семи проекциях. М., 2004. 13 с.
6. Т.Д. Вавилова, Т.Л. Иванова, Н.Г.Лепёшкина под редакцией заведующей иностранных языков РГУ Нефти и Газа им. И.М.Губкина, к.п.н. Е.Ю. Симаковой – Интерконтакт Наука, Москва, 2009.
7. Хомутова Т.Н. Язык для специальных целей (LSP): лингвистический аспект//Известия Российского государственного педагогического университета им.А.И.Герцена – Вып. 71 – 2008 – С.96
8. Хомутова Т.Н. Язык для специальных целей (LSP): Вопросы теории// Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика – Вып. 15 (87) / том 87 / 2007
9. American Petroleum Institute, Facts About Oil. Manual, Washington D.C, 1980
10. Hutchinson T. & Waters A. English for Specific Purposes: A learning-centered approach. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987
11. Sager J. C., Dungworth D, MacDonald P. F. English Special Languages. Principles and practice in science and technology. – Wiesbaden: Oscar Brandstetter, 1980
12. Speight J.G., The Chemistry and Terminology of Petroleum, New York, 2007
13. Strevens P. Special Purpose Language Learning: A perspective//Language Teaching and Linguistics Abstracts – 1977 – №10 – P. 145–163
14. Электронный ресурс <http://www.gubkin.ru>, дата обращения 27.08.2017.

© Л.Ю. Афанасьева, Е.И. Ясюкевич, (afanasievalu@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ОБУЧАЮЩИХ ФУНКЦИЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ (краткосрочные курсы русского языка)

THE USAGE OF INTERACTIVE METHODS OF TEACHING FOREIGN LANGUAGE IN THE IMPLEMENTATION OF TRAINING FUNCTIONS OF LANGUAGE ENVIRONMENT (short-term Russian language courses)

A. Vasileva

Annotation

The article is devoted to the issue of appropriateness of the use of interactive methods of teaching short-term foreign language courses in the language environment. The article describes training functions of the language environment, problems faced by the typical learner in the target language country, analyzes main motives of language short-term courses choice, presents guidelines to make the process of learning in the language environment more productive, draws conclusions about benefits of interactive technologies in certain learning environments.

Keywords: natural language environment, teaching features of the language environment, sociocultural environment, course training, natural situation of communication, interactive learning technology.

Васильева Анастасия Владимировна
Аспирант,
Санкт-Петербургский
Государственный Университет

Аннотация

Статья посвящена проблеме целесообразности использования интерактивных методов обучения иностранному языку на краткосрочных курсах в условиях языковой среды. В статье описываются обучающие функции языковой среды, проблемы, с которыми сталкивается типичный обучающийся в стране изучаемого языка, анализируются основные мотивы выбора языковых краткосрочных курсов, приводятся методические рекомендации, позволяющие сделать процесс обучения в языковой среде более результативным, делаются выводы о преимуществах интерактивных технологий в данных условиях обучения.

Ключевые слова:

Естественная языковая среда, обучающие функции языковой среды, социокультурное окружение, курсовое обучение, естественные ситуации общения, технология интерактивного обучения.

Известно, что возможность погружения в языковую среду позитивно влияет на успешность овладения устной речью на иностранном языке. Согласно общепринятой точке зрения, языковая среда – это языковое (речевое) и социально-культурное окружение в стране изучаемого языка, которое по умолчанию должно способствовать развитию коммуникативной компетенции в целом (активизация знаний, полученных в ходе аудиторного обучения, а также приобретенных иноязычных навыков и умений).

По мнению А. А. Леонтьева [10] и Н. А. Журавлевой [6], языковая среда выполняет следующие обучающие функции:

- ◆ информативная (как средство получения страноведческой, лингвострановедческой и языковой информации);
- ◆ мотивационная или диагностирующая (как сти-

мул познавательной, речевой, учебной деятельности);

- ◆ коммуникативная (языковая среда способна активизировать речевую деятельность учащихся, включать их во взаимодействие с носителями языка);
- ◆ акселеративная (языковое окружение создает предпосылки для ускорения и облегчения процесса усвоения иностранного языка).

Однако, как показывает практика, языковое и социально-культурное окружение само по себе не способно влиять на эффективность овладения изучаемым языком в том случае, если оно "не выступает как психологический фактор – т.е. не обуславливает специфического отношения к нему обучаемого и специфической деятельности по его освоению" [10, с.60]. Иначе говоря, погружение не обеспечит реализацию обучающих функций, если, помимо желания учащегося, с его стороны не будет приложено дополнительных усилий.

Каков же "усредненный" портрет студента, приезжающего с целью изучения иностранного языка в языковой среде? Разумеется, он в определенной степени владеет навыками и умениями в устной речи (возможно, не ниже Базового уровня), но при этом чаще всего оказывается, что уровень сформированности умений в чтении и в письменной речи выше, чем умений в говорении и в аудировании. Даже если уровень владения устной речью на иностранном языке удовлетворителен, учащийся не всегда правильно ориентируется в естественных ситуациях общения (восприятие невербальных средств, используемых носителями изучаемого языка; выбор этикетных форм и конструкций, уместных для конкретной ситуации). Другими словами, иностранец может ощущать "неадекватность коммуникативной задаче своих языковых знаний, речевых навыков, коммуникативно-речевых умений" [10, с.60]. Более того, люди, впервые приехавшие в страну изучаемого языка, сталкиваются со "стихией" языка, способной вызвать культурный шок, из-за чего они "испытывают некоторое время чувство растерянности и беспомощности" [1, с.67].

Как правило, подобное состояние длится недолго и в благоприятных условиях индивид так или иначе адаптируется к окружающим его реалиям. Однако факт положительной адаптации в большинстве случаев может свидетельствовать лишь о преодолении культурного шока, в то время как языковой барьер будет только ослаблен. Вероятно, нет оснований говорить и о появлении стимула для сознательного обращения иностранного учащегося к языковой среде как к источнику языкового материала или для глубокого сознательного анализа процесса коммуникации. В социально-бытовой сфере многие иностранцы ограничиваются "минимумом языковых средств, в основном речевых стереотипов и даже не пытаются восполнить недостаток эти средств" [10, с.60] из окружающей языковой среды.

Можно сделать вывод, что зачастую происходит внешнее погружение в языковую среду, при этом человек внутренне как бы "замыкается" и потому не продвигается к более высокому уровню владения иностранным языком.

Почему же сама по себе языковая среда не оказывает обучающего воздействия?

Во-первых, весь имеющийся в языковом окружении обучающий потенциал будет лишь фоном нахождения в стране изучаемого языка, если сам учащийся не будет открыт к восприятию этого окружения, чтобы активно взаимодействовать с ним: "только высокий уровень мотивации и личностная устремленность к познанию языка способствуют успешному преодолению культурного шока и языкового барьера" [2]. Это положение доказывает

и тот факт, что только в процессе "обильного слушания" речи носителей языка и интенсивного чтения на изучаемом языке реализуется акселеративная функция – накопление так называемого "вероятностного опыта", т.е. "бессознательное "приписывание" вероятностных характеристик ранее усвоенным языковым (особенно лексическим) единицам и их связям в тексте" [10, с.61].

Во-вторых, находясь в стране изучаемого языка, индивид оказывается не только в языковом, но и в социокультурном окружении: "происходит интенсивное практическое погружение" в систему отношений в обществе, приобщение к культуре и местному образу жизни [10, с.61]. Предположим, что определенные базовые фоновые знания о культуре, традициях и обычаях страны изучаемого языка были получены учащимся во время обучения на родине. Но для того чтобы иностранец правильно видел и понимал то, что его окружает, необходимо сформировать "мотивы и умения самостоятельного овладения" информацией из окружающей среды [10, с.61], которая при общении с носителем языка будет способствовать адекватному пониманию нового социокультурного стереотипа речевого общения [12]. В естественной языковой среде этот стереотип и коммуникативное поведение "сиюминутны", поэтому, чтобы состоялся акт коммуникации, следует "понять его этнокультурную лингвальность, усвоить адекватную лингвальность" и сразу "адекватно отреагировать" [4, с.62].

В связи с тем, что социокультурный стереотип существует не сам по себе, а формируется в коммуникации, то появляется третья причина: если цель пребывания в стране изучаемого языка – развитие коммуникативной компетенции, то "простого использования стихийно возникающих в языковой среде естественных коммуникативных ситуаций недостаточно" [6, с.94–95].

Таким образом, пребывание в стране изучаемого языка наиболее эффективно для развития коммуникативной компетенции, если "погружение" будет организовано таким образом, чтобы обучающее воздействие языковой среды стало управляемым. Эту задачу решают различные краткосрочные языковые курсы.

Действительно, курсовое обучение, нацеленное в первую очередь на овладение умениями иноязычного общения, за короткий период дает возможность "получить достаточный объем знаний, умений и навыков для преодоления уровня трудностей в общении с носителем языка" [14]. Привлекательность курсового обучения объясняется и его гибкостью – "изначальной ориентацией на интересы аудитории" [14], вследствие чего могут варьироваться как содержание самого курса, так и приемы обучения. При выборе курсов иностранные учащиеся обращают внимание на использование интенсивных

методов работы, нацеленность на обучение преимущественно устной речи, количество учебных часов, внеаудиторные мероприятия с носителями изучаемого языка.

Перечисленные характеристики курсового обучения иностранным языкам объясняют их популярность во всем мире. Традиционно сложившиеся формы и приемы практических занятий разговорных курсов способны решать задачи учебного процесса по созданию необходимой минимальной языковой базы и условий для эффективного общения и вне языковой среды, однако они "не вполне удовлетворяют задачам интенсификации учебного процесса в языковой среде, недостаточно реализуют обучающие функции естественной среды" [10, с.61]. Как показывает практика, главное преимущество курсового обучения в стране изучаемого языка перед курсами в неязыковой среде, – это то, что сама языковая среда представляет "уникальную возможность в естественных условиях осуществить методическую цепь: наблюдение–отработка–практика" [4, с.61]. Однако это преимущество не всегда максимально учтено и реализовано в методике обучения на курсах, тем самым время пребывания в стране изучаемого языка и те условия, в которых осуществляется краткосрочное обучение, не "работают".

Как же целенаправленно использовать естественную среду, чтобы повысить эффективность обучения иностранному языку?

Во-первых, обеспечить активизацию лингвострановедческих знаний, развитие и совершенствование языковых навыков и коммуникативных умений можно только благодаря созданию естественных ситуаций общения: "речевая ситуация – тот организующий фактор, который дает возможность продемонстрировать и коммуникативное поведение, и социокультурные стереотипы, и межкультурные языковые контакты" [4, с.63].

Для этого на занятиях и, если есть возможность, во внеаудиторных мероприятиях должны привлекаться такие естественные ситуации, которые:

- ◆ носили бы обучающий характер: с одной стороны, они активизируют речевые умения с целью преодоления трудностей в общении с носителем изучаемого языка для решения речевых задач в бытовых ситуациях, а с другой – позволяют усваивать экстралингвистические, культурологические элементы коммуникации;
- ◆ мотивировали бы обучающихся к общению: соответствуют их интересам и коммуникативным потребностям и как можно шире охватывают социально–бытовую сферу общения;
- ◆ имели бы обобщающий характер: способствуют снятию трудностей при переносе сформированных коммуникативных умений на типичные ситуации [10, с.61].

Однако не всегда представляется возможным узнать, каковы личные мотивы общения и коммуникативные потребности каждого учащегося. Не менее сложно отбирать, систематизировать и вводить на занятиях все те коммуникативные ситуации, в которых могут оказаться иностранцы, приехавшие в страну изучаемого языка. Поэтому необходимо исходить из основных объективных факторов, мотивирующих к изучению иностранного языка: использование языка в последующей деятельности, получение доступа к существующей на иностранном языке информации, осознание роли языка как языка посредника при контакте с носителем языка [4, с.64]. Кроме того, следует способствовать тому, чтобы "решаемые на занятиях коммуникативные и учебные задачи как можно шире отражали различные функциональные разновидности речевого общения" [10, с.62].

Первым условием эффективного обучения иностранному языку в языковой среде становится удовлетворение коммуникативных потребностей учащихся, что требует создания или воссоздания в учебном процессе ситуаций, максимально приближенных к реальной жизни в стране изучаемого языка, а также подготовки к общению, которая обеспечивала бы "совершенствование основ социолингвистической, культурологической и коммуникативной компетенций" [2].

Второе условие – это внедрение на занятиях таких форм работы, которые предполагали бы включение учащихся в социокультурное окружение. Для этого можно привлекать анализ текстового материала, который составляет органическую часть языковой среды: "именно правильность и полнота понимания текстов наиболее чутко сигнализирует, в том числе для самих учащихся, о неадекватности уровня владения ими языком (диагностирующая функция) <...> анализ текстов важен для ориентировки в социокультурном окружении (информативная функция)" [10, с.63].

Если при курсовом обучении акцент делается именно на устную речь, то в качестве текстового материала могут быть использованы фрагменты из фильмов, теле- и радиопередач, новости, мультфильмы и т.п., которые, с одной стороны, предъявляются как сценарии реального общения, содержащие социокультурные стереотипы и выполняющие коммуникативную и информативную функции, а с другой стороны, способствуют формированию "навыка "вслушиваться" в живую речь" [5, с.330].

Третье условие – методическое обеспечение учебно-речевой деятельности: "нужна специальная работа, чтобы обучаемые осознали полезность и необходимость анализа языка и речевого общения, которая ориентировала бы их на активное овладение языковым материа-

лом, превращала "мотивацию готовности" в актуальный мотив" [10, с.62]. Требуется дополнительная мотивация, которая бы "значительно активизировала деятельность учащихся, мобилизуя все резервы овладения языком" [11, с.203].

Думается, что главным источником такой мотивации должен выступать учебный процесс, который будет способствовать активной коммуникативной деятельности на изучаемом языке и является фоном какой-то другой практической деятельности (например, игровой). Если на занятиях удастся создать такие условия, то активизация сформированных речевых навыков и умений происходит в искусственной среде общения (на уроке) и тем самым преодолевается психологический барьер, который в условиях языковой среды служит причиной торможения коммуникативной активности. Таким образом будет достигнута достаточная для естественной языковой среды спонтанность речи, при этом нормативность речи нарастает уже при общении с носителем изучаемого языка.

В учебном процессе следует использовать такие приемы, формы и методы организации учебно-познавательной деятельности учащихся, которые стимулировали бы к активной работе и к естественному, свободному использованию иностранного языка. Предполагаем, что на краткосрочных курсах в естественной языковой среде этому целесообразно применять технологию интерактивного обучения, под которой в методике понимается система способов организации взаимодействия педагога и обучающихся с целью активизации, оптимизации и интенсификации учебного процесса.

Преимущества интерактивного построения обучения иностранному языку как педагогической технологии видятся в следующем:

- ◆ коллективные формы работы способствуют усвоению языка в неподготовленных, непредвиденных ситуациях, благодаря чему на занятии создается естественная речевая ситуация, когда "говорящий вступает в речь по собственной потребности со своими эмоциональными оценками" [7, с.79];
- ◆ творческая основа деятельности поможет исключить формальный характер: вместо цели "надо учить язык" перед учащимися ставится цель взаимодействовать с окружающими посредством иностранного языка для решения практических задач, причем важен не

столько результат, сколько процесс активной творческой деятельности как таковой;

- ◆ использование игровых заданий позволяет, во-первых, снять языковой барьер: "игра для учащихся всегда является интересным видом работы, а для учителя аналогом речевых упражнений, благодаря которым развиваются навыки всех видов речевой деятельности" [13]; во-вторых, игра подразумевает соревновательность, что оказывает мощное воздействие на активность учащихся; в-третьих, игровой момент всегда приносит в урок нечто необычное и эмоционально насыщенное, а, как известно, "эмоционально окрашенная речевая деятельность становится важнейшим средством информационного обмена" [9, с.68];

- ◆ проблемная формулировка заданий подразумевает решение дискуссионных вопросов средствами изучаемого языка и способствует активной речевой деятельности на изучаемом языке, поскольку на продуцирование речи действует и такой психологический феномен как "заражение", когда "высказанная соседом мысль способна непроизвольно вызвать собственную, аналогичную, близкую или, наоборот, противоположную высказанной" [3, с.74];

- ◆ диалоговые (или полилоговые) формы общения являются основным средством межличностного взаимодействия, что позволяет развивать умения сосредоточить внимание не столько на языковой форме высказывания, сколько на его содержании, а сам процесс обсуждения и выполнения совместных заданий обеспечивает успешное развитие коммуникативной компетенции в ситуациях, приближенных к реальной жизни.

Таким образом, использование интерактивных методов при обучении иностранному языку способствует достижению важных образовательных целей [8, с.141]:

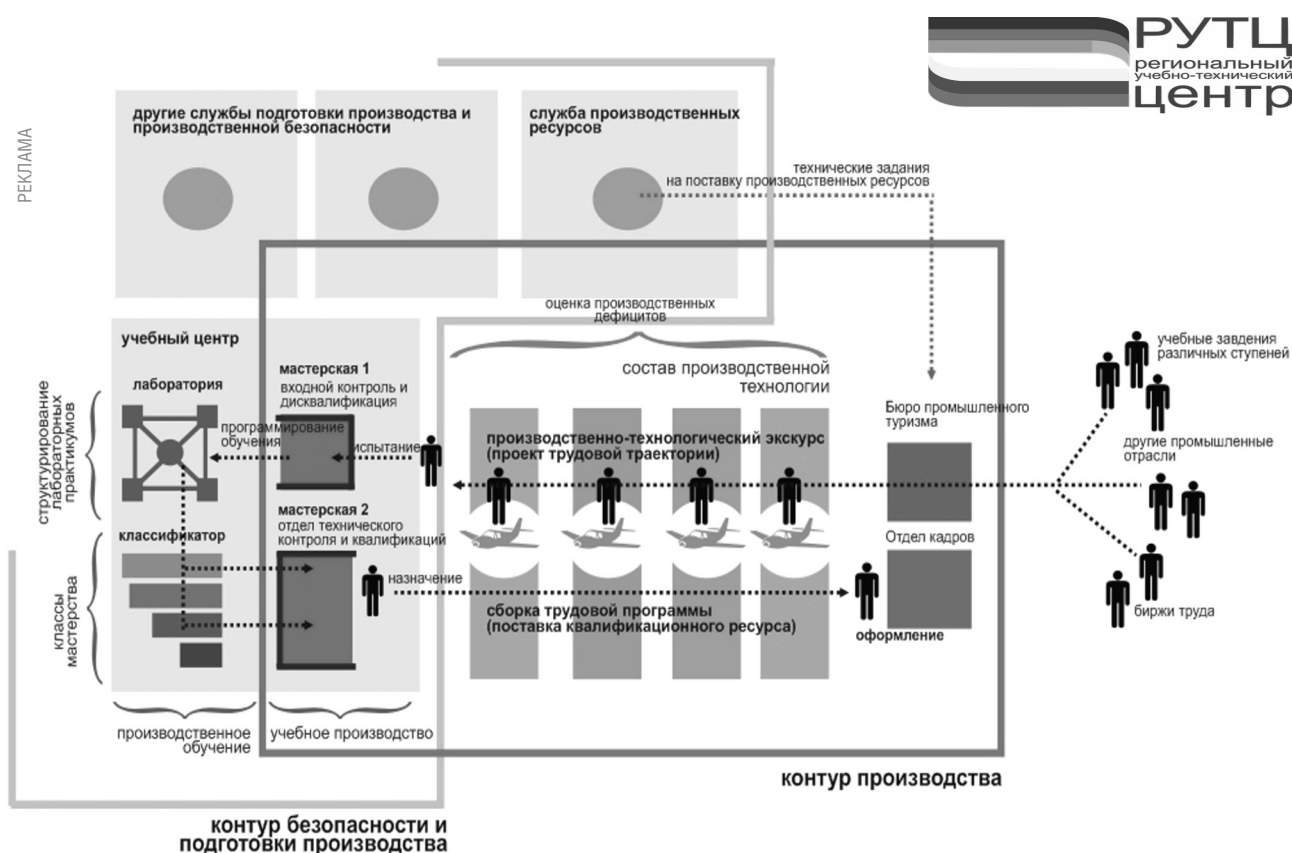
1. развитие "говорящей личности" как субъекта деятельности, а не объекта обучения;
2. переход от изучения языка как системно-структурного образования к изучению его как средства общения и мышления;
3. перевод учебно-познавательной деятельности на продуктивно-творческий уровень (создание на аудиторных занятиях условий, при которых сглаживаются барьеры, препятствующие говорению на иностранном языке в естественном общении);
4. использование языковой среды во всех обучающих функциях: мотивационной, коммуникативной, информационной и акселеративной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишина А.А. Интенсивный курс русского речевого поведения // Русский язык за рубежом. 1981. № 4 (72). С. 66-68.
2. Анисова О.Л. Педагогическое сопровождение языковой практики будущих учителей китайского языка в вузах Китая: автореф. ... дис. канд. пед. наук. М., 2013. 25 с.

3. Бадамаев Б.Ц. Методика преподавания психологии. М., Валдос, 2001. 304 с.
4. Бурина Е.В. Концепция искусственной языковой среды обучения второму иностранному языку (на примере французского языка) // Вестник РУДН. Серия "Русский и иностранные языки и методика их преподавания". 2015. № 3. С. 59–65.
5. Добренкова Н. Роль русской речевой среды в обучении иностранных студентов–филологов / Сб. научно–методических материалов к лекциям для слушателей ФПК. М.: Русский язык, 1982. С. 26–30.
6. Журавлева Н.А. Языковая среда как обучающий фактор и резерв повышения эффективности краткосрочного обучения русскому языку: Дисс. ... канд. пед. наук. М., 1981. 129 с.
7. Зайцева А.С. Система упражнения в свете коммуниктивно–деятельностного подхода к обучению русскому языку как иностранному / Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития. Мат–лы VII Международной научно–методической конференции. Минск, 2016. С. 79.
8. Замковая Н., Моисеенко И. Инновационные подходы к обучению русскому языку как иностранному // Problems of education in the 21st century. 2009. №10. С. 140–147.
9. Коротаяева Е.В. Организация взаимодействий в образовательном процессе школы. М.: Национальный книжный центр, ИФ "Сентябрь", 2016. 192 с.
10. Леонтьев А.А. Обучающие функции языковой среды и проблема интенсификации включенного обучения // Русский язык за рубежом. 1983. №4. С.60–63.
11. Лобанова Н.А., Слесарева И.П., Хавронина С.А. Соотношение практического курса русского языка с теоретическими курсами филологических и педагогических циклов при подготовке филологов–русистов / Современное состояние и основные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы. Доклады советской делегации на V конгрессе МАПРЯЛ. М., 1982. С. 194–204.
12. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. Изд. 5–е. М.: Изд–во ЛКИ, 2008. 224 с.
13. Сухова Е.В. Интерактивный подход к обучению иностранному языку. –URL: http://sukhova.my1.ru/publ/interaktivnyj_podkhod_k_obucheniju_inostrannomu_jazyku/1–1–0–8 (Дата обращения: 17.08.2017).
14. Чистякова О.А. Методика организации коммуникативного практикума в курсовом обучении русскому языку как иностранному: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 2006. 26 с.

© А.В. Васильева, (littlegenius@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ПАССИВНЫЕ УЧАСТНИКИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ, КЛАССИФИКАЦИЯ

PASSIVE PARTICIPATORS OF PEDAGOGICAL COMMUNICATION IN SOCIAL MEDIA: GENERAL CHARACTERISTICS, BEHAVIOUR PECULIARITIES, CLASSIFICATION

A. Voloshinova

Annotation

The article is devoted to the problems of education in social media. The essence of the concept of a "social media passive user" is revealed, the causes for its appearance are determined. The possible typology of passive users of social media is given, the positive and negative aspects of this phenomenon are investigated. The problems of studying this phenomenon are described.

Keywords: Social media, passive users, educational communication, typology.

Волошинова Анастасия Денисовна
Аспирант, Санкт-Петербургский
государственный политехнический
университет Петра Великого

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы, связанные с обучением в социальных медиа. Выявляется сущность понятия "пассивный пользователь социальных медиа", определяются причины появления данного явления. Приводятся возможная типология пассивных пользователей социальных медиа, исследуются положительные и отрицательные стороны данного явления. Описываются проблемы изучения данного явления.

Ключевые слова:

Социальные медиа, пассивные пользователи, педагогическая коммуникация, типология.

Современный педагогический процесс немислим без новейших информационных технологий, то есть технологий сбора, обработки, хранения и поиска информации посредством вычислительной техники. Развитие интернета на рубеже двадцатого и двадцать первого веков изменили привычный порядок взаимодействия между студентами и преподавателем: все более широко распространяются дистанционные технологии преподавания, очные аудиторные консультации иногда заменяются консультациями с использованием электронной почты и социальных сетей, поиск информации осуществляется не только при помощи традиционных библиотек, но и с использованием поисковых систем типа Google и Yandex, а источником информации все чаще становятся не только учебные и научные бумажные издания, но и электронные носители информации. При этом преподаватель часто оказывается не готовым к новой реальности: одна из претензий к дистанционному обучению, в частности, сводится к тому, что оно обезличено, функции педагога часто сводятся к функции дополнительного контролера выполняемых заданий, что явно противоречит когнитивной и конструктивной парадигмам образования. Во многом это связано с тем, что общение через интернет часто ограничивается мини-

мальным набором реплик, содержащих рекомендации по выполнению задания или оценку уже выполненной работы; студенты при такой форме коммуникации вообще часто оказываются пассивными пользователями и по сути дела не принимают участия в общении педагога – студента.

Проблема пассивных пользователей в социальных медиа знакома не только педагогическому сообществу, однако именно применительно к образованию она оказывается недостаточно изученной. При этом существуют зарубежные исследования в областях, смежных с педагогикой (социологии, психологии и др.), обобщение которых могло бы помочь решить проблему пассивных пользователей социальных медиа в педагогическом процессе. Таким образом, целью написания настоящей статьи является обобщение и анализ опыта зарубежных исследований, посвященных пассивным пользователям в социальных медиа и оценки полученной информации применительно к проблеме пассивного пользователя в педагогической коммуникации.

Материалом для анализа послужили исследования, посвященные проблеме пассивных пользователей со-

циальных медиа, написанные на английском языке из базы научных журналов ScienceDirect. Основными методами исследования были метод редакторского анализа текста, метод сравнительного анализа, обобщение, синтез, а также частные методики лингвистического анализа текста. Была отобрана информация, которая может быть использована в педагогическом процессе.

Рассмотрим полученные данные более подробно.

Природа пассивного поведения в социальных медиа

В том случае, если пользователь проявляет недостаточную активность и не использует доступные инструменты по созданию своего социального присутствия, он демонстрирует пассивную форму использования социальных медиа. Это предполагает употребление доступной пользователю информации при отсутствии попыток установления социального контакта с другими пользователями; в свою очередь активное использование социальной сети преимущественно характеризуется наличием действий, направленных на установление коммуникации с другими участниками сообщества [2]. В некоторых случаях пассивное поведение является лишь первым этапом вхождения пользователя в сообщество, когда идёт сбор информации о нормах поведения в данной группе людей, однако далеко не всегда пользователи потом переходят к активным формам поведения [14].

Следует отметить, что несмотря на то, что подобное поведение встречается и в реальной жизни (например поведение читателя или зрителя средств массовой информации, от которых ожидается только потребление полученной информации), явление пассивного пользователя характерно преимущественно для сети Интернет, так как эта среда создаёт условия для интерактивности, которые ряд пользователей предпочитает игнорировать [16].

Потребности пассивных пользователей

Пассивное поведение во многом является мотивированным индивидуальными особенностями подобных пользователей. В первую очередь мотивация зависит от вида потребностей конкретного пользователя.

Часть потребностей пассивных пользователей совпадает с потребностями активных пользователей. Оба типа присоединяются к сообществам на основе своих личных причин; и те, и другие рассматривают сообщество как инструмент для получения информации и формирования собственных представлений об изучаемом предмете [10]. Тем не менее, пассивные пользователи в

состоянии удовлетворить свои потребности исключительно путём наблюдения; это связано с преимущественно информационным характером их потребностей. Более того, в том случае, если пассивные пользователи ощущают сокращение доступных для них ресурсов, они только на этом основании могут принять решение о выходе из сообщества, в отличие от активных пользователей [3]. В свою очередь активные пользователи обладают и социальными потребностями, которые удовлетворить путём наблюдения невозможно [9]. Отдельно обратим внимание на то, что пассивное поведение усложняет возможный дальнейший переход в активное поведение, так как пассивные пользователи пользуются пониженным доверием со стороны членов сообщества [18].

Корреляция пассивного поведения в социальных медиа с психологическими характеристиками личности. Следует отметить, что пассивное поведение не коррелирует с психологическими характеристиками интроверсии-экстраверсии, так как в ряде случаев любой пользователь прибегает к пассивным стратегиям поведения [8]. Тем не менее, склонность к формированию социальных сетей является более характерной для экстравертов, нежели для интровертов.

Причины появления пассивных пользователей

Само по себе пассивное поведение нормально и обычно мотивировано теми или иными причинами. К ним можно отнести:

1. стремление оградить себя от воспринимаемой агрессивной коммуникационной среды;
2. восприятие собственного мнения как незначимого;
3. стремление сохранить анонимность;
4. наличие ограничений, накладываемых рабочей деятельностью;
5. низкое качество информационного насыщения сообщества;
6. стеснение от необходимости размещать сообщения;
7. отсутствие свободного времени;
8. отсутствие обязанности размещения сообщений в сообществе;
9. сбор информации о поведении в группе;
10. стремление не засорять сообщество своими сообщениями;
11. наличие сложностей во взаимодействии с интерфейсом сообщества;
12. отсутствие положительного отношения к группе.

Следует отметить, что пассивное поведение в рамках социальных медиа должно быть мотивировано сразу комплексом причин, так как пассивные пользователи преимущественно преследуют информационные цели, в

то время как социальные медиа в значительно большей степени ориентированы на удовлетворение социально-эмоциональных потребностей [15]; соответственно, если пассивное поведение демонстрируется в подобной среде, то среди причин такого поведения должны находиться ещё какие-то основания, кроме удовлетворения информационных потребностей. Одной из подобных причин может быть меньшая мотивированность любого пользователя к размещению информации о личном опыте в сообществе, контакты с которым являются поверхностными и редкими [15].

Виды пассивных пользователей

Следует отметить, что в рамках пассивного поведения можно наблюдать несколько подвидов, проистекающих из неvirtуальных взаимодействий пассивного пользователя. Так, несмотря на то, что с позиций виртуальной среды пользователь может казаться пассивным, то есть не производящим информацию для других членов сообщества, в реальной жизни он может передавать полученную информацию людям, его окружающим, то есть уже демонстрировать активное поведение в рамках того же сообщества. Кроме того, пассивный пользователь может применять полученную информацию в своей деятельности, что также можно рассматривать как форму активного поведения [20].

Таким образом, в онлайн сообществах более целесообразным будет выделение трёх типов пассивных пользователей: пользователей, распространяющих информацию в неvirtуальном мире; пользователей, применяющих информацию в неvirtуальном мире; и, наконец, пользователей, не использующих полученную информацию в реальном мире [20]. При этом первые два типа обладают потенциальной возможностью к переходу в активных пользователей и в онлайн среде, в то время как последний тип будет продолжать демонстрировать пассивное поведение в любых условиях.

Количество пассивных пользователей в сообществе

В рамках здорового интернет сообщества количество пассивных пользователей может достаточно сильно варьироваться, составляя от 50% до 90% от всей численности сообщества [9]. При этом такое количество пассивных пользователей рассматривается как проблема только в том случае, если пассивные пользователи негативно влияют на поведение активных пользователей.

Отношение между членами сообщества и пассивными пользователями

Следует отметить, что функционирование сообще-

ства активные и пассивные пользователи также оценивают различно. Ожидания и потребности активных пользователей реализуются чаще, в то время как пассивные пользователи более нейтрально оценивают свой опыт пребывания в сообществе [10].

С позиций сообщества пассивное поведение обычно рассматривается в негативном ключе. Пассивные пользователи могут оцениваться как паразитирующие на ресурсах сообщества [4], как демотивирующий фактор для активных пользователей [12] или как пользователи, преследующие исключительно личные цели [5].

Несмотря на это, пассивное поведение обладает и положительным влиянием на сообщество. Так, в случае достаточно крупного сообщества ряд членов может осознанно предпочитать пассивное поведение, для того, чтобы не создавать информационного шума, ведущего к информационной перегрузке. Кроме того, пассивные пользователи обеспечивают сообщество аудиторией, потребляющей производимый сообществом информационный продукт [16].

Сам факт пассивного участия также можно рассматривать как полезный для сообщества с той точки зрения, что вступающие в сообщество не находятся под давлением необходимости вносить свой вклад в сообщество ещё не успев освоить нормы, присущие данному сообществу [19].

Отдельно следует обратить внимание на то, что между активными и пассивными пользователями существует разница, основанная на их взаимодействии с сообществом. Так, активные пользователи преимущественно оценивают своё поведение в сообществе с позиций приобретаемых выгод (статуса, уважения, признания), в то время как пассивные пользователи рассматривают взаимодействие с сообществом с позиций предполагаемых затрат (времени, сил) [1].

Негативное влияние пассивного поведения на пользователя социальной сети

При этом продолжительное пассивное поведение в рамках одной платформы оказывает негативное влияние на пользователя, снижая самооценку и субъективное ощущение собственного благополучия. Это связано с тем, что пассивное поведение не позволяет пользователю получать обратную связь о своей деятельности; кроме того, сравнение себя с другими пользователями может создать иллюзорное ощущение собственной неуспешности, определяемое расхождением между идеализированным образом, презентуемым другими пользователями, и собственной неидеализированной жизнью [2].

Положительные стороны пассивного поведения в социальных медиа

Тем не менее, у пассивного поведения есть и положительные стороны, связанные с тем, что в его рамках у пользователя может формироваться фоновая осведомлённость о поведении других людей в его социальной сети. Следует отметить, что подобный тип осведомлённости предполагает не целенаправленный сбор информации о других участниках сети, а лишь побочный эффект от потребления информационных ресурсов, содержащихся в социальном медиа [6]. Положительной стороной фоновой осведомлённости, в свою очередь, является то, что она схожа с неформальной коммуникацией и позволяет упростить сближение с тем пользователем, о котором существует набор информации в рамках фоновой осведомлённости. При этом более частое использование платформы социального медиа означает более высокий уровень фоновой осведомлённости [6].

Перевод пользователей социальных медиа из пассивных в активные

Существует ряд методов, которые могут использоваться для перевода пассивных пользователей в активных. Они включают в себя постановку провокационных вопросов, обращение к пассивным пользователям с просьбой внести свой вклад, использование системы поощрения за проявленную активность, помощь вступающим в сообщество пользователям, совершенствование интерфейса сообщества, повышение ощущения социального присутствия путём включения в коммуникацию невербальных элементов [9]. Следует заметить, что эти способы ориентированы на устранение внешних различий между активными и пассивными пользователями, но не устраняют различия в мотивации их поведения [13].

Кроме того, важно учитывать, что резкая конвертация пассивных пользователей в активных может негативно сказаться на качестве информационных ресурсов сообщества, так как одновременно в сообществе может появиться большое количество пользователей, которые не привыкли соблюдать критерии качества представляемого материала [13].

Особенности изучения пассивных пользователей социальных медиа

Отдельную проблему в рамках изучения социальных медиа представляет изучение пассивных пользователей.

Это связано с несколькими причинами.

В первую очередь, возникает вопрос о том, каким образом можно корректно отличить пассивного пользователя от активного. Очевидно, что это пользователи, которые демонстрируют пассивное поведение в онлайн среде, однако остальные детали могут варьироваться. Так, пассивных пользователей можно определять как пользователей с неразвитой коммуникационной компетентностью и потому пассивных в коммуникационной активности сообщества [11]. С другой стороны, пассивного пользователя можно рассматривать как пользователя, потребляющего информацию, однако не делающего своего вклада в сообщество [19]. Ещё одним подходом может быть рассмотрение пассивных пользователей как узлов социальной сети, которые выполняют не экспертные функции, а выступают в роли обучающихся [4]. Кроме того, можно пытаться выделить количественные критерии, которые будут отображать активность пользователя; те пользователи, у которых эти критерии не будут выражены, и будут являться пассивными пользователями. Например, можно определять активность пользователя по частоте размещения сообщений или по отношению количества посещений сообщества и количеству размещённых в нём сообщений [17].

Второй проблемой в рамках изучения пассивных пользователей является чисто технологическая трудность их изучения, связанная с тем, что преимущественной формой поведения подобных пользователей является потребление информации. Тем не менее, инструменты, которые позволяют оценить потребление информации на данный момент имеют крайне ограниченную функциональность, в связи с чем сбор данных о таком поведении оказывается затруднённым [7].

Таким образом, в результате проведенного исследования были сделаны выводы о природе пассивного поведения в социальных сетях, установлены причины подобного поведения, выявлены основные типы пассивных пользователей, а также особенности взаимодействия пассивных пользователей с активными членами сообщества, положительные и отрицательные аспекты пассивного поведения, рассмотрены способы перевода пользователей из пассивных в активные и особенности их изучения. Понимание сущности пассивного пользования социальной сетью – это основа для дальнейших разработок рекомендаций педагогам, использующим социальные сети, в том числе и работающих с использованием дистанционных форм обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Alarifi, A., Sedera, D., Recker, J. (2015) Posters versus lurkers: Improving participation in enterprise social networks through promotional messages // In ICIS 2015 Proceedings, The Association for Information Systems (AIS), 2015. Fort Worth Convention Center, Fort Worth, Texas, USA.

2. Chen W., Fan C.-Y., Liu Q.-X., Zhou Z.-K., Xie X.-C. Passive social network site use and subjective well-being: A moderated mediation model // *Computers in Human Behavior*. Volume 64, November 2016, P.507–514
3. Hung S.-Y., Lai H.-M., Chou Y.-C. Knowledge-sharing intention in professional virtual communities: A comparison between posters and lurkers // *Journal of Association for Information Science and Technology*, Volume 66, P. 2494–2510
4. Interdonato R., Tagarelli A. Ranking Silent Nodes in Information Networks: A Quantitative Approach and Applications // *Physics Procedia*. Volume 62, 2015, P.36–41
5. Isomaki H., Pohjamo U., Silvennoinen J. Ethnographic Sensibility: A Method for Studying Lurking as eLearning // *ECEL2012–The Proceedings of the 11th European Conference on E-Learning*
6. Levordashka A., Utz S. Ambient awareness: From random noise to digital closeness in online social networks // *Computers in Human Behavior*, V. 60, July 2016, P. 147–154
7. Muller M., Shami N.S., Millen D.R., Feinberg J. We are all lurkers: consuming behaviors among authors and readers in an enterprise file-sharing service // *GROUP '10 Proceedings of the 16th ACM international conference on Supporting group work*. P201–210
8. Nonnecke B., Andrews D., Preece J. Non-public and public online community participation: Needs, attitudes and behavior // *Electronic Commerce Research*. January 2006, Volume 6, Issue 1, P.7–20
9. Nonnecke B., Andrews D., Preece J. The Top Five Reasons for Lurking: Improving Community Experiences for Everyone // *Computers in Human Behavior*. Volume 20, Issue 2. P.201–223
10. Nonnecke B., Andrews D., Preece J. What lurkers and posters think of each other // *IEEE Xplore Conference Proceedings of the 37th Annual Hawaii International Conference on System Sciences*, 2004.
11. Nonnecke B., Preece J. Why Lurkers Lurk. *AMCIS 2001 Proceedings*. 294.
12. Osatuyi B., Is lurking an anxiety-masking strategy on social media sites? The effects of lurking and computer anxiety on explaining information privacy concern on social media platforms // *Computers in Human Behavior*. Volume 49, August 2015, P.324–332
13. Phang C. W., Kankanalli A., Tan B. C. Y. What motivates contributors vs. lurkers? : an investigation of online feedback forums // *Information systems research : ISR : an information systems journal of the Institute for Operations Research and the Management Sciences*, Vol. 26, 2015, 4, p. 773–792
14. Rafaeli S., Ravid G., Soroka V., De-Lurking in Virtual Communities: A Social Communication Network Approach to Measuring the Effects of Social and Cultural Capital // *HICSS '04 Proceedings of the Proceedings of the 37th Annual Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS'04) – Track 7 – Volume 7* P.70203
15. Rau, P.-L.P., Gao, Q., Ding, Y. Relationship between the level of intimacy and lurking in online social network service // *Computers in Human Behavior*. Volume 24. Issue 6. September 2008. P.2757–2770
16. Soroka V., Rafaeli S. Invisible participants: How cultural capital relates to lurking behavior // *Proceedings of the 15th international conference on World Wide Web, WWW 2006, Edinburgh, Scotland, UK, May 23–26, 2006*
17. Sun N., Rau P.P.-L., Ma L. Understanding lurkers in online communities: A literature review // *Computers in Human Behavior* V. 38, September 2014, P. 110–117
18. Tagarelli A., Interdonato R. Lurking in social networks: topology-based analysis and ranking methods // *Social Network Analysis and Mining*. December 2014, 4:230
19. Tagarelli A., Interdonato R., Time-aware analysis and ranking of lurkers in social networks // *Social Network Analysis and Mining*. December 2015, 5:46
20. Takahashi M., Fujimoto M., Yamasaki N., The active lurker: Influence of an in-house online community on its outside environment // *GROUP '03 Proceedings of the 2003 international ACM SIGGROUP conference on Supporting group work* P.1–10

© А.Д. Волошинова, (advoloshinova@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики».

ЭСТРАДНЫЙ ТАНЕЦ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА-ХОРЕОГРАФА

POP DANCE IN THE SYSTEM OF PROFESSIONAL TRAINING OF FUTURE TEACHER-CHOREOGRAPHER

O. Grigorieva

Annotation

This article describes the discipline "Methods of teaching special disciplines. Variety dance" in the higher professional educational institution as one of the important components of training of future teacher-choreographer. Identified and characterized the scientifically grounded complex of pedagogical conditions for students-choreographers. The structure and topics of the subject. The result of the process of mastering the technique of doing this discipline is a system which promotes the formation of pedagogical skills.

Keywords: pop dance, teacher, choreographer, technique, training.

Григорьева Ольга Романовна

Доцент,

*Челябинский государственный
институт, Челябинск*

Аннотация

В данной статье рассмотрена дисциплина "Методика преподавания специальных дисциплин. Эстрадный танец" в профессиональном высшем образовательном учреждении как один из важных компонентов обучения будущего педагога-хореографа. Выявлен и охарактеризован научно-обоснованный комплекс для педагогических условий студентов-хореографов. Рассмотрена структура и разделы данного предмета.

Результатом процесса овладения методикой ведения данной дисциплины представляет собой систему, которая способствует формированию педагогических навыков и умений.

Ключевые слова:

Эстрадный танец, педагог-хореограф, методика, обучение.

В системе дисциплин каждый предмет в отдельности направлен на воспитание специалиста, имеющего максимально возможный багаж теоретических, методических знаний и практических навыков по профильным предметам. Освоение в полном объеме программного материала позволяет подготовить методически грамотного, обладающего необходимыми навыками и умениями специалиста.

Не нарушая целостности образовательного процесса, для достижения наиболее эффективного результата по предмету "Методика преподавания специальных дисциплин. Эстрадный танец" необходимо выявить научно обоснованный комплекс педагогических условий, которые наиболее эффективно способствовали бы качественной подготовке студентов-хореографов. *К ним относятся:*

- ◆ опора на знания навыки и умения, полученные на специальных дисциплинах;
- ◆ приобщение к наследию хореографии;
- ◆ индивидуальный подход при обучении в группе.

Охарактеризуем их:

1. Опора на знания, навыки и умения, полученные на специальных дисциплинах. Данное педагогическое условие дает студенту возможность наиболее гармонично, без особых психологических и физических стрессов перейти к курсу обучения эстраднему танцу. Правомерность

данного условия на основе личного программно-деятельного подхода базируется на идеях Л. С. Выготского, который доказал, что развитие происходит через зону предыдущего развития, когда обучающийся уже имеет определенные навыки и умения, а только потом переходит на более сложные уровни обучения. Эстрадный танец как дисциплина включается в программу подготовки студентов-хореографов на втором году обучения в вузе в качестве одного из основных предметов общего курса подготовки специалистов. К этому моменту студент путем систематических занятий по профессиональным предметам, таким как классический, народно-сценический танцы, искусство балетмейстера, получает базовые знания (основу), отсутствие которых не дает ему в дальнейшем возможности полноценного освоения программы.

Полученные на первом году обучения навыки позволяют студенту свободно импровизировать, спонтанно, а порой и осознанно сочетая элементы, движения и манеру различных видов танца. Это умение является одним из неотъемлемых условий при начальном обучении эстраднему танцу в профессиональном высшем учебном заведении.

Таким образом, соблюдение данного условия, а именно – возможность опоры на знания, навыки и умения, полученные студентами на специальных дисциплинах на 1 –

м курсе, является одним из важнейших факторов успешного обучения студентов–хореографов эстраднему танцу.

2. Приобщение к наследию эстрадной хореографии. Необходимость возникновения данного педагогического условия, как уже упоминалось, заключается в отсутствии четкого понятия, что такое эстрадный танец – танец на эстраде или самостоятельный вид искусства. Нет окончательно разработанной теории и методики эстрадного танца. Но существует богатейший сценический (балетмейстерский, исполнительский) опыт хореографов. Таким образом, разработка методики преподавания базируется на опыте деятелей эстрадной хореографии, таких как А. Редель, М. Хрусталева, И. Моисеев и др., чей вклад в развитие хореографического искусства в целом нельзя переоценить.

Знакомство студентов–хореографов с истоками и развитием эстрадного танца, с опытом ярчайших представителей работавших и работающих в этом направлении хореографического искусства, способствует расширению теоретических знаний и кругозора учащихся в целом.

3. Индивидуальный подход при обучении в группе. Данное условие дает возможность максимально раскрыть индивидуальные способности каждого студента без ущерба для общего образовательного уровня группы.

Поскольку педагогический процесс предполагает обучение всех студентов на равных условиях, одной из основных задач на уроках эстрадного танца является изложение теоретического и методического материала для всех обучающихся в равном качестве. Но особенность восприятия студентами новой для них программы по эстраднему танцу, учитывая индивидуальные особенности каждого обучающегося, создает предпосылки для расширения вариативности того или иного лексического материала, способствуя увеличению интереса к предмету и большой результативности обучения в целом по предмету эстрадного танца.

Соблюдение данного педагогического условия помогает развить само понимание, "осознать свое тело", укрепиться и сформировать собственный стиль исполнения. Это педагогическое условие имеет непосредственное отношение к преподаванию эстрадного танца, так как нам известно, что на всех лучших эстрадных танцах – печать индивидуальности их исполнения.

Таким образом, при соблюдении всех вышеизложенных педагогических условий процесс обучения студентов–хореографов эстраднему танцу в профессиональном высшем учебном заведении наиболее эффективен.

Предмет "Методика преподавания специальных дисциплин. Эстрадный танец" в вузах культуры и искусств является одним из основных элементов целостной системы подготовки специалистов–хореографов: руководителей хореографических коллективов, преподавателей хореографических дисциплин, постановщиков, исполнителей.

Данная дисциплина включена в план учебно–образовательной программы Государственного образовательного стандарта высшего образования в области культуры и искусства по специальностям "Народная художественная культура", профиль "Руководство хореографическим любительским коллективом"; "Народное художественное творчество", квалификация "Художественный руководитель хореографического коллектива. Преподаватель".

Целью курса является подготовка специалиста, компетентного в сфере художественного творчества и способного к профессиональной деятельности в качестве руководителя, преподавателя, постановщика, исполнителя коллектива эстрадного танца.

Задачи курса:

- ◆ овладение теоретическими знаниями по истории возникновения, развития, существования и специфике эстрадного танца;
- ◆ овладение методикой преподавания эстрадного танца в хореографических коллективах различных организационных форм;
- ◆ практическое ознакомление с основами некоторых танцевальных видов, стилей и техник, целесообразность использования которых обосновывается частными целями и задачами;
- ◆ формирование и развитие навыков и умений самостоятельной профессионально–познавательной и постановочной деятельности.

Процесс обучения строится по принципам системности, перспективности, сочетания коллективной и индивидуальной деятельности и реализуется на групповых и индивидуальных занятиях.

Дисциплина изучается в течение двух семестров (4 и 5), логически и содержательно–методически она взаимосвязана с дисциплинами, изучаемыми в циклах:

- ◆ гуманитарном, социальном и экономическом ("Мировая художественная культура", "История искусств", "Педагогика", "Педагогика НХТ");
- ◆ профессиональном ("Мастерство хореографа", "Методика преподавания специальных дисциплин. Народный танец, классический танец, историко–бытовой танец, модерн–джаз", "Уральский танец", "Методика руководства ансамблем танца", "Методика руководства творческим коллективом", "Современные направления в хореографии").

Данные дисциплины готовят студентов к эффективному изучению курса "Методика преподавания специальных дисциплин. Эстрадный танец", формируя следующие "входные" знания и умения:

- ◆ практические умения и навыки исполнения танцевальных упражнений и движений эстрадного танца;
- ◆ знание о различных видах и стилях эстрадного танца;

◆ знание основных форм, средств и методов педагогической и постановочной деятельности в ансамбле эстрадного танца.

Обучение по любой специальной дисциплине осуществляется на основе рабочих программ, в которых отражаются цели, задачи, содержание и методы преподавания. В них отражена и структура дисциплины.

Структура предмета "Методика преподавания специальных дисциплин. Эстрадный танец" включает три раздела: теория, практика, методика, которые, объединяясь, составляют целостный комплекс учебной дисциплины. Все три раздела достаточно объемны по содержанию и имеют весомую степень значимости в целостности учебного процесса [1].

Теоретический раздел в первую очередь информационный, содержит сведения о предпосылках возникновения, условиях существования, перспективах развития и специфических особенностях эстрадного танца, его влиянии на развитие хореографического искусства в целом. Знакомит с наиболее известными хореографами и танцевальными ансамблями, работающими в данном жанре. Дается четкое представление о понятии эстрадный танец как виде искусства и как учебной дисциплине. Также раскрывается специфика его преподавания в хореографических коллективах.

Теоретический материал изучается чаще всего на лекциях, с использованием видеоматериалов или интернет-ресурсов, реже на практических занятиях (в этом случае он выполняет функцию элемента вступления, объяснения или оформления урока).

Знания, полученные на теоретических занятиях, способствуют развитию интереса к предмету, расширению кругозора, формированию нравственно-эстетических границ, получению целостного представления о предмете.

Раздел методики посвящен демонстрации использования различных педагогических методов, приемов и форм проведения занятий по эстраднему танцу.

Данный раздел также включает в себя:

- ◆ анализ особенностей построения урока;
- ◆ рекомендации по подбору музыкального сопровождения к учебному уроку;
- ◆ определение желаемого результата и способов его достижения.

Процесс овладения методикой ведения данной дисциплины представляет собой систему твердо установленных педагогических приемов, принципов, что способствует формированию педагогических навыков и умений. Методический раздел обосновывает целесообразность использования движений и упражнений различных танцевальных видов, школ, направлений и стилей. Данное условие отвечает специфике эстрадного танца, а именно – возможности использовать весь танцевально-пластический арсенал хореографического искусства в процессе составления учебных и танцевальных комбинаций при уже определенной цели и четко сформулированных задачах к конкретному уроку.

Практический раздел является наиболее важным в освоении процесса подачи учебного материала на уроках эстрадного танца. Знание теории и методики способствует наиболее грамотному освоению данного курса.

Также практический раздел неразрывно связан с осознанием и пониманием природы эстрадного жанра. Поэтому помимо основных пунктов, таких как изучение и исполнение движений, упражнений экзерсиса у станка или на середине зала, сочинение учебных, учебно-танцевальных и танцевальных комбинаций, в данный раздел обязательно должны быть включены упражнения и задания, направленные на выявление индивидуальных способностей студентов как физических, так и артистических. Также неотъемлемой частью данного раздела должны быть комплексы танцевальных и физических упражнений, способствующие развитию различных навыков и умений студентов, необходимых для достижения того или иного результата (заложенного ФГОС и рабочей программой).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бриске, И. Э. Народно-сценический танец и методика его преподавания: учеб. пособие / И. Э. Бриске. – Челябинск, 2007.
2. Коджаспирова, Г. М. Педагогический словарь / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. – Москва: Академия, 2003.
3. Никитин, В. Композиция урока и методика преподавания модерн-джаз танца: учеб. пособие / В. Никитин. – Москва: Один из лучших, 2006.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, И. Ю. Шведова. 4-е изд., доп. – Москва: А Темп, 2006.
5. Панферов, В. И. Основы композиции танца: экспериментальный учеб. / В. И. Панферов. – Челябинск, 2003.
6. Шубарин, В. А. Джазовый танец на эстраде: учеб. пособие / В. А. Шубарин. – Санкт-Петербург: Лань, 2012.

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ КАК ОДНО ИЗ ГЛАВНЫХ УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

TEACHING FOREIGN LANGUAGES
AS ONE OF THE MAIN CONDITIONS
FOR THE DEVELOPMENT OF LANGUAGE
EDUCATION IN THE REPUBLIC
OF SAKHA (YAKUTIA)

*A. Ikonnikova
N. Belotserkovskaya
T. Permyakova*

Annotation

The article is devoted to the issues of language education, and also reviews the issues of the modern language policy of the Republic of Sakha (Russia) and the activities carried out at the university level. The article focuses on the conditions for teaching foreign languages from the standpoint of the formation of multilingualism as one of the factors of successful internationalization.

For the sustainable development of a higher education institution in the developed trends, it is necessary to make significant efforts to strengthen its competitiveness in the global educational environment and to adopt in addition to the financial and standard aspects the decision to take action at the institutional level. The assessment of the internationalization status of the higher educational institution was carried out on the basis of an analysis of the data presented on official websites, the results of a survey of decision-makers, a survey of Russian and foreign students of the North-Eastern Federal University named after MK Ammosov (NEFU).

Keywords: language education, teaching languages, internationalization, multilingualism, language policy, quality of education.

Иконникова Анна Николаевна

Ст. преподаватель,

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.Аммосова, г. Якутск

Белоцерковская Надежда Васильевна

К.п.н., доцент,

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.Аммосова, г. Якутск

Пермякова Туйара Николаевна

К.филол.н., доцент,

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.Аммосова, г. Якутск

Аннотация

В статье обсуждаются вопросы языкового образования, а также рассматриваются вопросы современной языковой политики Республики Саха (Россия) и мероприятия, осуществляемые на уровне университета. Основное внимание в статье уделяется условиям обучения иностранным языкам с позиции формирования многоязычия как одного из факторов успешной интернационализации.

Для устойчивого развития высшего учебного заведения в развитых тенденциях необходимо предпринять существенные усилия по укреплению собственной конкурентоспособности в условиях глобального образовательного пространства и принять в дополнение к финансовым и стандартным аспектам решение о принятии мер на институциональном уровне. Оценка состояния интернационализации высшего учебного заведения проводилась на основе анализа данных, представленных на официальных сайтах, результатов опроса лиц, принимающих решения, опроса российских и иностранных студентов Северо-Восточного федерального университета им.М.К.Аммосова (СВФУ).

Ключевые слова:

Языковое образование, обучение языкам, интернационализация, многоязычие, языковая политика, качество образования.

Для современного образовательного учреждения высшего образования одним из главных условий развития является его интернационализация, которая рассматривается как процесс многостороннего обмена знаниями, образовательными ресурсами, расширения потенциалов вузов-партнеров во всех аспектах научной и образовательной деятельности.[9] Во многом это связано со следующими тенденциями в высшем образовании:

- ◆ мобильность студентов и преподавателей обле-

чает взаимодействие между вузами и позволяет внести новый взгляд на различные аспекты, связанные как с самим обучением, так и с его организацией;

- ◆ значимость научно-исследовательской работы в мире растет, при этом усиливается международное сотрудничество;

- ◆ открытость вузов позволяет сравнивать способы организации учебной и научной работы, методики преподаваемых дисциплин, а также уровень вуза по сравнению с другими учебными заведениями в стране и за рубежом.

В Республике Саха (Якутия) языковому образованию всегда уделялось и уделяется особое внимание. Были приняты и реализованы Концепция обновления и развития национальной школы, Концепция школьного языкового образования, в основу которой было заложено формирование полиязычной личности. В настоящее время в рамках Государственной программы "Развитие образования Республики Саха (Якутия) на 2012–2016 гг." реализуется подпрограмма "Сохранение, изучение и развитие государственных и официальных языков в РС (Я) на 2012–2016 гг." [3]

В контексте общенациональной языковой политики в соответствии с Постановлением Правительства Республики Саха (Якутия) от 06 сентября 2002 г. №456 разработана подпрограмма "Языковое образование школьников в Республике Саха (Якутия)", в которой обозначены пути развития иноязычного образования в общеобразовательных учреждениях и предложен комплекс дополнительных мер, направленных на улучшение условий обучения иностранным языкам. Организация обучения иностранным языкам в общеобразовательных школах проводится на основе федерального государственного образовательного стандарта и примерных программ по иностранным языкам, в высших учебных заведениях на основе профессиональных и федеральных государственных образовательных стандартов, в которых изложено положение о том, что иностранный язык способствует личностному, профессиональному и культурному становлению будущего специалиста.

Анализ данных, опубликованных Институтом статистики ЮНЕСКО, показывает, что Россия с точки зрения степени мобильности занимает шестое место среди стран, наиболее привлекательных для иностранных студентов, таких как США, Великобритания, Франция, Австралия и Германия соответственно [7]. Рейтинги составляют процент от общего числа иностранных студентов, за исключением иностранных студентов, приезжающих на краткосрочные программы или летние школы. Международное сообщество студентов отмечает, что отсутствие информации не столь серьезное, как сдерживающее средство, например знание языка обучения и выбор образовательных программ [5]. Язык обучения определяется как второй по важности фактор, препятствующий принятию решения о доступе к образованию в России после финансирования. Первый фактор – финансовая поддержка, стипендия и грантовая поддержка.

Анализ существующего опыта российских и европейских стран показал, что для успешной интернационализации института необходимо свести к минимуму ограничения на процесс, такие как нехватка финансирования, необходимость модернизации учебного процесса с целью увеличения пропускной способности образователь-

ных программ. Одним из наиболее важных факторов, отмеченных как студентами, так и преподавателями, являются языковые трудности.

Процесс интеграции в международный научный и образовательный процесс связан с рядом проблем, среди которых:

- ◆ низкая мотивация лекторов и преподавателей в разработке образовательных программ для иностранных студентов, часто основанных на неполном понимании значимости процессов интеграции.
- ◆ недостаточное количество курсов (модулей) и образовательных программ, реализуемых на иностранных языках.
- ◆ недостаточный уровень иноязычной коммуникативной компетенции является одной из самых серьезных причин, которая замедляет процесс интернационализации. Малое количество студентов и преподавателей имеет международные сертификаты, подтверждающие уровень владения иностранным языком, у небольшого количества преподавателей есть опыт межкультурного общения в профессиональной деятельности.

В результате анализа, проведенного европейскими исследователями, была создана модель "гибкого профессионала", обладающего ключевыми компетенциями, соответствующими международному рынку труда: профессиональный опыт, функциональная гибкость, управление инновациями и знаниями, мобилизация человеческих ресурсов, языковая компетенция. Таким образом, языковое образование, развитие коммуникативных и межкультурных компетенций должны быть одним из приоритетных для учебных заведений, долгосрочная цель которых должна быть признана на международном уровне.

В соответствии с языковой политикой нашей республики развиваются три направления в языковом образовании: обучение государственным языкам (якутскому и русскому языкам); обучение родным языкам народов Севера; обучение иностранным языкам. Однако, в контексте мировых тенденций необходимо активизировать работу по обучению иностранным языкам. Основными базовыми принципами языкового образования являются языковой суверенитет личности, принцип интеграции разных уровней языкового образования, доступность многообразия содержания, видов и методов в соответствии с потребностями обучающихся школ и высших учебных заведений.

Языковое образование, как отмечают Гальскова Н.Д., Гез Н.И., выступает в качестве значимого средства, которое формирует сознание личности, её способность быть социально мобильной в обществе и свободно "входить" в открытое информационное пространство [1]. Выраженная потребность современного общества в качественном

языковом образовании находит поддержку на государственном уровне. При этом важными являются, с точки зрения государства, непрерывность языкового образования на всех ступенях обучения и его направленность на реализацию перспективных задач развития личности, а именно: рост среднего уровня образованности граждан страны, повышение требований к их общей культуре, формирование у них готовности к межнациональному и межкультурному сотрудничеству [1].

Правительство Республики Саха (Якутия) уделяет особое внимание языковому образованию. Якутия – это один из полиэтнических регионов Российской Федерации, его население, по данным Госкомстата 2017 г., составляет 962.800 человек. На территории республики проживают представители 126 наций и народностей. Для республики характерен государственный билингвизм, сосуществование двух государственных языков. Полноправное развитие якутского и русского языков в статусе государственных, а языков коренных малочисленных народов Севера – в статусе официальных языков гарантировано Конституцией Республики Саха (Якутия). Изучение языков как средства широкого международного общения является важной предпосылкой для культурного обмена и контактов между людьми, их взаимопонимания и сотрудничества. Другими словами, приобретенное языковое знание в нынешних условиях играет важную роль в осуществлении диалога культур [2].

Согласно Концепции школьного языкового образования, национально–региональная система образования РС (Я) несет ответственность за обеспечение условий для самореализации индивида, независимо от его национальной принадлежности, за организацию общего духовного пространства, основанного на взаимном уважении к языку и культуре разных народов, проживающих на территории Республики Саха (Якутия). Целью и задачами языкового межкультурного многоязычного образования в школах РС (Я) являются формирование языковой личности и развитие полилингвистической коммуникативной компетенции школьников, необходимой для общения на родном, русском и иностранном языках; развитие способностей школьников использовать язык как средство самообразования, самореализации, самовыражения; культуроведческое обогащение учащихся: от идентификации с родной культурой к приобщению к культуре народов Республики Саха (Якутия), Российской Федерации и мирового сообщества. Основными принципами школьного языкового образования являются: языковой суверенитет личности; диалектическое единство трех начал: национального, федерального и общемирового, обеспечивающих осознание школьником себя гражданином РС (Я), РФ и субъектом мировой цивилизации; преемственности на всех уровнях обучения; разумного консерватизма (при обновлении содержания, в выборе методов и приемов обучения); организацию языкового материала

на коммуникативной основе; скоординированность обучения языкам, согласованность и преемственность языковых курсов в их содержании и структуре; принцип целостности, отсутствие разорванности в знаниях по языковым предметам, качественная полнота, внутреннее единство языкового образования в его систематичности, устойчивости; принцип интеграции разных уровней языкового образования; принцип демократизма – доступность многообразия содержания, видов и методов в соответствии с потребностями, с возможностями личности ученика [4].

Целостная система языкового образования в школах Республики Саха (Якутия) состоит из следующих компонентов:

- ◆ обучение родным языкам (русскому, якутскому, эвенскому, эвенкийскому, юкагирскому, чукотскому, долганскому);
- ◆ обучение русскому языку как государственному и как языку межнационального общения РФ и РС (Я) в якутских школах;
- ◆ обучение якутскому языку как государственному языку РС (Я) в школах с русским языком обучения;
- ◆ обучение иностранным языкам.

Для современного языкового образования необходимы междисциплинарная интеграция, многоуровневость, вариативность, ориентация на межкультурный аспект овладения языком [4]. Поэтому в Республике Саха (Якутия) учителя иностранных языков ищут инновационные виды обучения, основанные на последних достижениях науки, чтобы обеспечить высокое качество образования [8]. А. Гимено отмечает, что профессиональный мир и рынок труда требуют личных и профессиональных навыков учеников [6]. Основным показателем профессионализма и конкурентоспособности выпускников является знание иностранных языков. В этой связи особое значение приобретает языковое образование. В этом аспекте должно отслеживаться языковое образование на всех уровнях (в школе, в вузе, в магистратуре и аспирантуре) для лучшего понимания и дальнейшего развития.

Для выявления уровня владения языком был проведен диагностический тест студентов 1 курса СВФУ (г.Якутск, 2016–2017 гг.). Результаты показали уровень А1, которого недостаточно для активного участия в программах обмена студентами и академической мобильности. Таким образом, необходимо принять меры для активизации языкового обучения с точки зрения развития навыков, которые позволят студентам присоединиться к процессу интернационализации. Снижение тенденции в уровне подготовки студентов к языку привлекает внимание к процессу обучения иностранным языкам в средних школах.

Следует также понимать, что в процессе интернационализации активная роль принадлежит не только студен-

там, но и преподавателям университета. В этих условиях должны быть предприняты усилия по укреплению процесса изучения иностранных языков, и как студенты, так и преподаватели должны усилить языковое образование. Таким образом, интернационализация должна осуществляться не только "сверху", администрацией университета, но и "снизу", отдельными работниками университета, занимающимися учебным и организационным процессом как на национальном, так и на международном уровне.

Интернационализация требует широкомасштабного внедрения английского языка в качестве инструмента высшего образования. В то же время, другие иностранные языки могут быть полезны не менее эффективно. Долгосрочные традиции преподавания немецкого, французского, а также восточных (китайского, корейского, японского) языков могут быть полезными для конкретных целей интернационализации. В связи с чем, языковое образование в СВФУ реализуется по 4 направлениям: обучение иностранным языкам студентов – лингвистов, обучение иностранным языкам – студентов – неязыковых специальностей, обучение преподавателей, обеспечивающих специальные дисциплины (технические, естественные специальности) и повышение качества языковой подготовки обучающихся школ, реализуемой в условиях языкового центра. Мониторинг и внедрение международных инструментов оценки качества языковой подготовки являются областями для дальнейшего развития данной темы.

Отношения России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона в настоящее время имеют ключевое значение в российской политике и, в целом, на международной арене. Ежегодно количество абитуриентов с высокими проходными баллами, желающих поступить на кафедру восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения, подтверждает повышение интереса молодежи к изучению восточных языков и культуре стран АТР.

К тому же, Китай в нынешних условиях является основным и главным партнером – союзником России – как в военно-политическом, так и в социально-экономическом плане. Якутия активно сотрудничает с Китаем. За последние годы дружественное сотрудничество между РС (Я) и провинциями Китая непрерывно укрепляются. Уже существует множество проектов с привлечением китайских инвестиций. Подписаны соглашения на реализацию различных проектов: сотрудничество в сфере строительства, сотрудничество в нефтегазовой сфере, сотрудничество по развитию авиакомпании "Якутия".

В РС (Я) китайский язык впервые стали изучать сначала в Северо-Восточном федеральном университете, при кафедре перевода, как второй иностранный язык, затем в 2000 году официально была открыта кафедра вос-

точных языков и страноведения. На данный момент на кафедре восточных языков и страноведения обучение китайскому языку ведется по двум направлениям: Филология (китайский язык и литература) и Лингвистика (Лингвистическое обеспечение международной логистики).

В школах республики китайский язык был введен как предмет в 2006 году на базе СОШ №26 города Якутска. Сейчас китайский язык ведется уже во многих школах города Якутска и улусов республики. В 2013 году была создана ассоциация учителей китайского языка. В рамках ассоциации проводятся различные мероприятия с участием учителей и школьников города и улусов.

Главная проблема школ с преподаванием китайского языка заключается в отсутствии государственной итоговой аттестации по китайскому языку, что не дает возможности учащимся сдавать ОГЭ и ЕГЭ по данному предмету. Школьникам приходится переориентироваться на европейские языки, которые преподаются в школах. Для поступления в вуз на специальность, связанную с изучением китайского языка, абитуриентам надо сдать ЕГЭ по английскому языку. Поэтому необходимость во введении ЕГЭ по китайскому языку в России назрела давно. С прошлого года ведется апробация по введению ЕГЭ по китайскому языку.

Олимпиада по китайскому языку – это первый шаг к тому, что китайский язык войдет в школьную программу и в последующем будет введена в государственную итоговую аттестацию. Кафедра восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения СВФУ проводит активную профориентационную работу в республике, круглые столы для учителей китайского языка на площадках университета, языковые олимпиады по китайскому языку среди школьников и студентов.

На сегодняшний день корейский язык является одним из самых популярных в нашей республике. Это обусловлено тем, что Южная Корея, с целым рядом мощнейших промышленных конгломератов в судостроении, автомобилестроении, металлургии, нефтехимии, электронике, медицине, нанотехнологии, сегодня представляет собой особый интерес на мировом рынке. Отношения между Южной Кореей и Республикой Саха продолжают активно развиваться изо дня в день. Каждый год открываются новые офисы и организации, связанные с корейским языком: офис Sakha-Soltmedis, офис Саха-Корейской ассоциации, школа корейского языка "Speaking Korean" и др. В этой связи, существует острая нехватка переводчиков для переговоров между организациями Южной Кореи и нашей Республики. Кроме того, молодежь по всему миру за последние 5 лет увлечена корейской культурной волной, корейскими сериалами, к-рор-ом, их увлекает отображаемая в сериалах культура, история, уклад жизни, взаимоотношения между людьми, их уровень жизни.

На сегодня в республике корейский язык преподается как факультатив в нескольких школах республики; в Саха–Корейской школе как второй иностранный преподается с 5 по 11 класс два раза в неделю, изучают 280 школьников. Корейский язык преподается также в летних языковых лагерях как в городе Якутске, так и в районах: желающих изучать язык тоже очень много, однако не во всех районных школах предоставляется такая возможность. Потребность населения в изучении корейского языка частично восполняется кафедрой восточных языков и Языковым центром ИЗФир.

Как видно из вышеизложенного, для современного языкового образования необходимы непрерывность, многоуровневость, вариативность, ориентация на межкультурный аспект овладения языком. Языковое образование как процесс предполагает развитие личности учащегося в целом, его социальную мобильность, конкурентоспособность, готовность к межнациональному и межкультурному сотрудничеству, интеллектуальных способностей и личностных качеств, которые прежде всего проявляются в языке.

В связи с этим возникает необходимость проведения конкретных изменений в системе преподавания иностранных языков в республике с целью интернационализации учебных заведений, таких как:

- ◆ модернизация учебных планов и рабочих программ по иностранным языкам и методики их преподавания с учетом специфики языковых и неязыковых специальностей, требований стандартов нового поколения в системе высшей школы российского образования;
- ◆ разработка единых подходов к подготовке и проведению международных экзаменов по выявлению уровня владения иностранными языками обучающихся в соответствии с Европейской шкалой уровня владения языками;
- ◆ повышение мотивации профессорско–преподавательского состава в сдаче международных экзаменов и в получении сертификатов в условиях академической мобильности и сотрудничества российских вузов с Департаментом экзаменов по английскому языку Кембриджского университета;
- ◆ использование современных технологий в организации аудиторной и самостоятельной работы обучающихся на основе передового отечественного и зарубежного опыта;
- ◆ совершенствование повышения квалификаций, профессиональной переподготовки и системы дополнительного языкового и профессионального языкового образования для всех категорий слушателей;
- ◆ активизация реализации подготовки преподавателей иностранных языков на уровне магистратуры и аспирантуры с учетом современных требований государственных профессиональных стандартов.

Решение упомянутых выше проблем мы видим в плотной и плодотворной работе с муниципальными властями. Мы считаем, что необходимо предпринять следующие шаги для развития и совершенствования нынешнего состояния методики преподавания иностранного языка в Республике Саха (Якутия):

1. Включить в программу образовательных учреждений немецкий, французский, японский, китайский и корейский языки (необязательно) в качестве второго иностранного языка для изучения. Это будет способствовать формированию современной идентичности, ее становлению и развитию в многокультурной и многоязычной образовательной среде.
2. Создать сообщество университетских профессоров для оказания дидактической и методической поддержки общеобразовательных учреждений для проведения занятий по второму иностранному языку (немецкий, французский, японский, китайский, корейский).
3. Организовать конкурсы, региональные и межрегиональные марафоны, открытые классы, фестивали, педагогические навыки, обсуждения инновационных идей для распространения методологического опыта по преподаванию иностранных языков.
4. Содействовать активному внедрению в учебный процесс учебных заведений отечественных и зарубежных программ с углубленным изучением иностранных языков.
5. Обеспечить непрерывность обучения преподавателей иностранных языков путем создания дистанционных сетевых образовательных программ на уровне школы и высшего образования (аспирант и аспирант).
6. Усилить деятельность ассоциаций преподавателей иностранных языков, методических объединений учителей гуманитарных дисциплин по повышению качества языкового обучения.
7. Оказывать поддержку преподаванию иностранных языков в дошкольном образовании.
8. Рекомендовать общеобразовательным учреждениям учитывать интересы и перспективы учащихся при выборе второго иностранного языка.
9. Содействовать включению в учебную программу учебных заведений технического профиля обучения для изучения немецкого языка как второго иностранного языка с точки зрения технического образования в Германии.

Чтобы преодолеть разрыв между целевым и текущим показателем интернационализации университета с точки зрения привлечения иностранных студентов в рамках этого исследования, было предложено реализовать следующие стратегические инициативы:

1. Разрабатывать и усовершенствовать образовательные программы с учетом требований соответствия международным стандартам.
2. Совершенствовать процесс обучения иностранным языкам в соответствии с международными требованиями.

3. Активизировать социально-культурную, межкультурную, многоязычную среду университета.

Интернационализованная среда обучения качественно изменяет парадигму социального и культурного развития личности.

Это не только студент, но и преподаватель иностранного языка, который не определяет новое качество само-

го процесса образования, а скорее формирует новое качество участников образовательного процесса.

Таким образом, сама цель обучения иностранным языкам как одного из главных условий развития языкового образования в Республике Саха (Якутия) означает повышение конкурентоспособности образовательных программ с точки зрения разнообразия языков, что в свою очередь зависит от уровня языковой политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория преподавания иностранных языков. Дидактика и методология. Шестое издание. М.: Издательский центр "Академия", стр. 6-12, 2009.
2. Николаев А.Н. Языковая политика Республики Саха (Якутия) http://ifapcom.ru/files/Monitoring/2009/nikolaev_lang_policy.pdf.
3. Петрова М.Г. Организация обучения современным языкам международного общения в Республике Саха (Якутия). Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. №5. с. 109-116.
4. Концепция школьного образования. <http://insch.ru/koncepciya-shkolnogo-yazykovogo-obrazovaniya/> www. iau-aiu.net/sites/all/files/IAU-4th-Global-survey-executive-summary.pdf
5. Andrees S. Trends 2015: Learning and Teaching in European Universities. Режим доступа <http://eua.be/Libraries/higher-education/trends-2015.pdf?sfvrsn=0> (дата: 8.11.2016)
6. Gimeno, A., R. Seizet, et al., Content and language integrated learning in high technical education using the in Genio online multimedia authoring tool. Procedia-Social and Behavioral Sciences, 2(2), pp 31-70, 2010
7. Global Flow of Tertiary – Level Students [URL: <http://www.uis.unesco.org/Education/pages/international-student-flow-viz.aspx>]
8. Grigorieva V.V., Belotserkovskaya N.V. Language learning strategies in teaching foreign languages in the republic of Sakha (Yakutia)//Middle-East journal of scientific research 21(1), 2014 – 18-22 (p.18)
9. Knight Jane, Internationalization Remodeled: Definition, Approaches and Rationales. Journal of Studies in International Education http://www.tru.ca/_shared/assets/Internationalization-Remodeled29349.pdf (date: 29.09.15)

© А.Н. Иконникова, Н.В. Белоцерковская, Т.Н. Пермякова, (ayelovskaya@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики».

ВОСПИТАНИЕ КАК ФАКТОР СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

EDUCATION AS A FACTOR OF IMPROVEMENT CULTURE OF PERSONALITY

M. Korosteleva

Annotation

In the article the author considers the role of culture as a way of forming the material and spiritual world of a person, paying attention to the issues of up-bringing and professional development of the student's creative individual person-ality.

Keywords: the process of education, musical culture, upbringing, personality, politeness, civility, professional education, moral education, pedagogy, college students.

Коростелева Мария Олеговна
Ст. преподаватель,
Тюменский государственный
институт культуры

Аннотация

В статье автор рассматривает роль культуры как способ формирования материального и духовного мира человека, уделяя при этом внимание вопросам воспитания и профессионального развития творческой индиви-дуальной личности студента.

Ключевые слова:

Процесс воспитания, музыкальная культура, воспитание, личность, вежливость, культурность, профессиональное образование, нравственное воспитание, педагогика, студенты, колледж.

*Воспитание - это многогранный процесс
Постоянного духовного обогащения и обновления
- и тех, кто воспитывается, и тех, кто воспитывает.*

В.А. Сухомлинский

Культурологическая ситуация как объективная связь человека с культурой и как система ценностей на рубеже XX–XXI веков стала одним из беспокойных, угрожающих симптомов духовного кризиса, повлекшего за собой смену общественного обустройства, пароксизм социально-экономических и экологических проблем. Допущенные в тот период времени в нашей стране искажения привели к пренебрежению многими ценностями русской культуры и, в первую очередь, общечеловеческих традиций: гуманности и духовности, а также умением делиться самым важным: тем, что является основой нашей жизни. В государстве "воспитался" индивид с чертами и наклонностями авторитаризма и агрессии, неуверенности в своем будущем, нацеленный на "потребление" материальных благ при упрощенном внутреннем мире.

Эти особенности наложили свой отпечаток на культурно-педагогический процесс воспитания, во многом определив его противоречивость и сложность. К тому же трудности возникали и с большой идеологической перегруженностью учебных программ, не всегда высоким уровнем профессиональной и психолого-педагогической компетентности некоторых преподавателей, низким уровнем физической и моральной готовности многих обучающихся, не обладавших четкими и выверенными жизненными позициями. Однако с другой стороны, до-

вольно определено регламентированная и однозначно организованная "моральным Кодексом строителя коммунизма" жизнь советских людей, направленная совместная общественно значимая деятельность всего населения страны создавали рамочные условия для дальнейшего развития культуры воспитания личности при достижении поставленных целей.

Сегодня культура стала одним из важнейших и первенствующих факторов познания человеком своего внутреннего мира и места в обществе, постепенно трансформируясь, совершенствует человеческие качества. По мнению культуролога А.И. Кравченко "Культура – это совокупность символов, верований, ценностей, норм и артефактов. В ней выражены характерные черты данного общества, нации, группы" [14]. При этом в Древнем Риме понятие "культура" считалось как возделывание земли, то к XVIII веку термин "культура" начинает приобретать духовный смысл. На планете Земля с огромным множеством наций, групп, народностей, населяющих ее, создана огромнейшая прослойка культурного наследия, поскольку и духовная и нравственная составляющая культуры являются бесспорной ценностью, олицетворяющей народ, его характерные только ему принадлежащие особенности, свой менталитет, а зачастую и весь исторический путь. Но если одни исторические факты свидетельствуют о чрезмерном гостеприимстве, искренности и от-

крытости некоторых народов, ненужная закрытость, не в меру замкнутость от любых внешних воздействий других, то отрицательные примеры истребления индейцев конкистадорами не редко приводили культуру этих народов к отставанию. А из-за недопустимости использовать научные достижения других народов, необъяснимая ответственность культуры зачастую становилась предлогом часто ненужных войн, разрушающих не только материальные блага, но истребляющих сам генофонд наций.

Этнос в течение всего своего исторического пути развития накапливает традиции и обычаи, увеличивая культурный пласт. Еще в I веке до н.э. Цицерон использовал понятие "культура" к индивиду, вследствие чего культура стала восприниматься и как воспитание и как образование человека, совершенного гражданина. При этом признаками культурного человека считались его добровольное самоограничение, подчинение правовым, религиозным, моральным и другим нормам. А его исследования приводят к выводу, что архитектурный почерк, и школа живописных полотен, литературное творчество, одежда становятся отражением обстоятельств, настроения в обществе, выражением тех морально-нравственных норм и традиций социума, внутреннего стиля, степени духовности народа в конкретный период времени. По мнению О. Шпенглер "Каждый исконный вид мебели есть слепок телесной осанки определенной породы людей, каждая рукоятка сосуда продолжает подвижную руку" [11]. Поэтому и культура как инструментальный воспитания неизменно является соединением нравственности, морали и этической ступени современного человека. Абсолютно прав был великий педагог В. А. Сухомлинский, отмечая, что "... среди многочисленных средств воздействия на юное сердце важное место принадлежит музыке. Как гимнастика выпрямляет тело, так и музыка выпрямляет душу человека" [12].

Следовательно, культура неотъемлемая часть для любой формы человеческо-го сосуществования в качестве его оригинального, специфического и обязательного признака, не заменимого признака и реквизита любого общества. Культура представляет своеобразный способ формирования, становления и развития человеческой цивилизации, выражающийся в формах материально-го и духовного мира, в системе общественных правил и норм, духовных ценностей, в комплексном сочетании отношения людей к природе, а также меж-ду собой и, естественно, к самим себе. Тем не менее, культура – это свойство явления, необходимый атрибут человеческой жизни, качественно отличающие человека от природы, которое связано с осознанной преобразующей жизнедеятельностью человека. Более того культуру не следует считать как "часть" общества, или наоборот – общество как некую "часть" культуры. "Культура – это то, что остается, когда все остальное забыто" [13].

Проведенные автором многолетние исследования абитуриентов, а затем уже и студентов Тюменского государственного института культуры и колледжа искусств указывают на то, что среди этой категории молодых людей не было человека, который не стремился бы быть культурным. Однако формулировка ответов респондентов по своей сути повторяется из года в год. Под этим понятием зачастую предполагают только знание общепринятых приличий, а также умений быть обходительными. Естественно, вежливость – одно из главных условий, формируемых многокомпонентное качество культурности, дающее представление о самом человеке. Тем не менее, студенты только со второго курса (авторское анкетирование) начинают понимать, вежливость еще далеко не культурность, и этикет и вовсе не Этика.

Проведенный на третьем курсе диспут: "Может ли быть культурным безответственный человек?" заставил многих студентов пересмотреть свои взгляды на понятие Общего Блага, чувство беззаветной, самоотверженной любви, так как без работы над собой нет Культуры, как и без качества искренности, чуткости, отзывчивости, радушия и душевности нет культурности. А девиз: "На пользу общую" из Лицея, где воспитывался А.С. Пушкин и другие исторические личности многим в этот вечер пришелся по душе.

В обстановке глобальных вызовов XXI века одним из главных социальных институтов, в границах которого осуществляется фундаментальная аффилиация общества в формировании, воспитании и развитии личности, адекватной нынешним социальным реальностям, естественно стало образование. Оно является важнейшим ресурсом и средством воспроизводства социального и общественного интеллекта.

В настоящее время ученые и практики всего мира с учетом возрастающих приоритетов образования во всех областях общественно-политической и социально-экономической жизни, обращают все большее и большее внимания на разработку исследований и маркетинговый анализ проблем образования, не упуская вопросы функционирования, оптимизации и совершенствования его структурных составляющих и всей системы воспитания.

Одним из весомых аргументов оценки проблем процесса развития и совершенствования в полном объеме системы образования, качества образовательных деградаций, в том числе и основных направлений их оптимизации составляют исследования вопросов, непосредственно связанных с темой организационной культуры как значимо составляющей образовательно-воспитательное взаимодействие. В подтверждение сказанному возросшее число научно-исследовательских публика-

ций по проблемам культуры воспитания подрастающего поколения и личности как таковой свидетельствуют о злободневности и важности решения этой проблемы.

Потребность, да и необходимость обращения к задачам совершенствования воспитания культуры в вузовском образовательном процессе чрезвычайно актуализируют фундаментальные перемены, происходящие в России, и обуславливают ряд кризисных проявлений в его области. Экономический, социальный-политический, социокультурный, в том числе и административно-регулятивный контекст поддержания и воспроизводства культуры воспитания личности претерпел существенную трансформацию, породив ситуацию оценочной и познавательной неопределенности, дискредитировав к тому же доминировавшие ранее идейно-нравственные доктрины. При этом конфликт многих нормативно-ценностных систем, изменил не только стиль мышления, но и поведение непосредственных участников всей системы образовательно-воспитательной деятельности.

Воспитание индивида непосредственно реализуется только в человеческом сообществе, всецело и полностью зависит от ступени и степени развития, а также особенностей самого общества. Причем общественное существование воздействует на развивающееся сознание, базовую культуру человека, его установку и ценностную ориентацию. "Вся система воспитания должна работать под девизом внимания к человеку, и речь идет не только о внимании к его потребностям, желаниям, но и к его долгу" [10].

В ходе работы приемной комиссии Тюменского государственного института культуры и в личной беседе с абитуриентами автору часто приходится наблюдать удивительное их поведение во время заполнения опросной анкеты. Некий "ступор" вызывают вопросы о воспитании в семье, школе и собственной оценке воспитанности. Невольно вспоминается попытка написать сочинение о себе одного из героев фильма "Большая перемена". А эти молодые люди, за короткий промежуток времени раздумий, осознав свой выбор на "глазах" взрослеют, принимая на себя ответственность за свои мысли, чувства и поступки. Здраво пытаются оценить свои ощущения внутренней свободы ("Да я имею возможность возразить – сказать "нет") и жить реальной жизнью, "здесь и теперь", не фантазируя по Бальзамовски из пьесы А.Н. Островского.

Для самого же процесса воспитания в колледже характерны разносторонность содержания, исключительное богатство, подвижность и мобильность организационных форм. Именно с таким подходом непосред-

ственно связаны и многообразные методы воспитания в течение всех четырех лет. При этом одни методы отражают содержание, специфику и особенность воспитания, то другие уже непосредственно ориентированы на работу со студентами колледжа. Используются в работе и специфические методы воспитания в каких-то конкретных условиях или в отношении конкретных личностей. Но сегодня в институте и в колледже, как правило, применяются объединенные (общие) методы воспитания во всем образовательном процессе. Их называют общими лишь потому, что область их реализации и использования охватывает всю систему воспитательного процесса.

Содержание же воспитательного процесса в колледже основывается непосредственно на уважении и принятии студентов как личностей, их неограниченных прав на независимость и свободу, на становление, развитие и особенности их индивидуальности, при гарантиях психологического, мотивационного, волевого и организационного единства всех партнеров воспитательного процесса как команды единомышленников. Однако само содержание воспитания обучающихся обусловлено их половозрастными особенностями, особенностью молодежной субкультуры, задачами и целями как основных, так и дополнительных учебно-методических образовательных программ, специфическими особенностями нынешней социокультурной ситуации в России. Более того воспитание в колледже формируется весомыми для студента личными и общественными проблемами, знания и опыт решения которых они получают на основе приобретенного ими профессионального музыкального образования.

В завершение следует обратить внимание, что музыкальное воспитание, и образование и обучение очень тесно взаимосвязаны и взаимозависимы, хотя эта взаимосвязь может быть дифференциальной. Необходимо также учитывать, что на развитие индивида оказывают непосредственно три главных фактора: наследственность, воспитание и среда обитания. Поскольку наследственность воздействует на личность неосознаваемо, рефлекторно, а среда оказывает влияние на человека подсознательно, то лишь воспитание адресно направляет становление и реализацию личности в осмысленное русло.

К тому же воспитание – это процесс не случайный, целенаправленный и адресный, специально научно-методически подготовленный и организованный, управляемый и контролируемый взаимодействиями как воспитателей, так и воспитанников, ориентированный на конечный результат – достичь цели воспитания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василевич, С.Н. Организационная культура как фактор совершенствования сферы образования // Автор. канд. соц. наук. М. 2004.
2. Жигимонт, С.Н., Лобанова, А.В., Молчанова, Е.В. Личностный потенциал и социальная адаптированность личности: со-циально-психологический подход. / Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 7–4. – С. 699–70.
3. Зеер, Э.Ф. Психология профессионального образования: Учебное пособие. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО "МОДЭК", 2003. – 480с.
4. Кольман, В.Ф. Значение дополнительного музыкального образования в формировании личности человека / В.Ф. Кольман // Жур. "Методология и история психологии". – Санкт-Петербург, 2010.
5. Лобанова А.В. Влияние педагогической среды на формирование личностной зрелости подростка. Смалта, 2014. №4. – С.54–57.
6. Лоскутова, Р.Р. Социальное воспитание студентов средствами музыкального искусства // Автореф. канд. пед. Наук. М. 1999.
7. Молчанова, Е.В. "Чувство собственного достоинства" как форма самосознания и самоконтроля личности. / В сборнике: ЛУЧШАЯ НАУЧНАЯ СТАТЬЯ 2016. Сборник статей II Международного научно-практического конкурса. Пенза, 2016. – С. 80–84.
8. Мусагитова, А. В. Духовно-нравственное воспитание музыкой [Текст] // Теория и практика образования в современном мире: материалы Международная научная конференция (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). – СПб.: Реноме, 2012. – С. 202–204.
9. Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т.т. / Гл. ред. В.В. Давыдов. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. – 608с.
10. Макаренко А.С. Цель воспитания: Учебное пособие / А.С.Макаренко – М.: Педагогика 1984. 380с.
11. Шпенглер О. Закат Европы. // Философия истории. Антология.– М., 1995. – С. 158.
12. Сухомлинский В.А. О воспитании. М., 1979, – с.170.
13. Эдуар Эррио. Афоризмы // <https://info.wikireading.ru/102736>
14. Кравченко А.И. Культурология: Учебное пособие для вузов.– 3-е изд. М: Академический Проект, 2002. – 496 с.

© М.О. Коростелева, (movarta@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

МЕТОДОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В МОЛОДЕЖНОМ ОБЩЕСТВЕННОМ ОБЪЕДИНЕНИИ

METHODOLOGY OF PERSONALITY FORMATION AND DEVELOPMENT IN A YOUTH PUBLIC ASSOCIATION

E. Krinitsyna

Annotation

The article justifies the urgency of addressing the problem of personality formation and development in a youth public association. It provides methodological approaches that define the possibilities of the conceptual organization of the activities of the youth public association. The conclusions are drawn about the importance of building a multilevel methodology when considering youth public association as a complex structure.

Keywords: youth, public association, youth public association, methodological approaches.

Креницына Екатерина Владимировна
К.п.н., доцент, ФГБУ ВО
"Челябинский государственный
институт культуры", г. Челябинск

Аннотация

В статье обоснована актуальность обращения к проблеме формирования и развития личности в молодежном общественном объединении. Представлены методологические подходы, определяющие возможности концептуальной организации деятельности молодежного общественного объединения. Делаются выводы о значимости выстраивания многоуровневой методологии при рассмотрении молодежного общественного объединения как сложного феномена.

Ключевые слова:

Молодежь, общественное объединение, молодежное общественное объединение, методологические подходы.

Характеристики в социологической, психолого-педагогической научной литературе молодежи сегодня находятся в так называемой "точке бифуркации", когда с одной стороны оценка молодежи обусловлены существенными изменениями социокультурной ситуацией современного Российского общества, которой свойственен кризис эстетических и этических идеалов, снижение уровня межкультурного общения молодого поколения, направленность на преобладание материальных ценностей, приоритет личностных достижений перед общественными, низкий уровень интеллигентности, духовно-нравственных ориентиров. С другой стороны, указывается на высокий потенциал молодежи в творчестве, проявлении социальной активности и социальной ответственности, направленности на проектирование и реализацию общественно-значимых, социально полезных инициатив, осуществляемых в различных формах на базе разнонаправленных социокультурных институтов.

Молодежь как психолого-педагогическая возрастная группа обладает такими значимыми параметрами как определение важнейших жизненных целей и ценностей, осуществление выбора профессиональной деятельности, самоопределение и самореализация в референтной группе и обществе. Особое внимание молодежи и молодежной политики предопределяется тем, что она фокусирует на себе ближайшую перспективу развития общества, культуры и человека в целом.

Это обстоятельство делает вопрос о формировании и развитии молодежи, молодежной политики вопросом стратегического характера и определяет актуальность научных исследований в данной сфере. Тем не менее, эффективность молодежной политики снижается из-за отсутствия федерального закона о молодежи и молодежной политике, хотя данный проект Федерального закона № 428343-4 "О государственной молодежной политике в Российской Федерации" внесен на рассмотрение с 2007 года, что создает серьезные препятствия в реализации программ и мероприятий по работе с молодежью в условиях современного общества.

В отечественном правоведении под общественным объединением понимается добровольное, самоуправляемое некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей. Общественные объединения при этом, как указывает В. В. Бондалетов [1], включают в себя такие организационно-правовые формы как общественные фонды, общественные учреждения, общественные движения, общественные движения, органы общественной самодеятельности и другие. Различие представленных форм определено степенью формализации объединения, выдвигаемыми целями и прочностью связей. При этом деятельность молодежных общественных объединений представляет собой коллективную деятельность, направленную на удов-

летворение, обусловленных возрастом и социальным положением, специфических потребностей и интересов в различных сферах жизнедеятельности [1].

Молодежные общественные объединения определяются нами как добровольные, самостоятельные некоммерческие формирования, объединяющие молодых людей на основе общности интересов для реализации определенных социально значимых целей.

Практика деятельности молодежных общественных объединений в современный период достигла значимого уровня и представлены в исследованиях методическим, технологическим обобщением проектной, грантовой, сегментной деятельности, деятельности по организации и проведению различных видов мероприятий, слетов и пр. В связи с этим создание научно-теоретической и методологической основы для организации высокоэффективного формирования и развития личности в молодежном общественном объединении, особенно студенческом в вузе представляет собой мало разработанное поле для научно-теоретического исследования.

Обратимся к поиску значимых методологических оснований деятельности молодежных общественных объединений, особенно организованных в воспитательном пространстве современного вуза, как основы правомерной их структуризации, укрепления методической деятельности, направленности на формирование тех качеств личности, которые обеспечат молодому человеку мобильность в социальной и культурной сферах общества, высокую конкурентоспособность в профессиональной сфере, ответственность в принятии решений относительно общественной деятельности.

В данной статье определим методологию молодежного общественного объединения на философском уровне, отражающую наиболее общую концепцию организации деятельности молодежного общественного объединения. Мы предлагаем опираться на положения онтологического, гуманистического, экзистенциально-гуманистического, феминистического и интеракционистического подходов.

Где, онтологический подход выступает особым способом исследования, когда внимание сосредоточено на самих объектах, а не на факторах, влияющих на них. Его применение относительно молодежного общественного объединения представляет перспективу определения влияния внутренней деятельности данного социального института на формирование и развитие личности. Деятельность молодого человека в общественном объединении представляется в этом случае как особый способ бытия, наполненный личностными смыслами, ценностями и целями.

Применение онтологического подхода к организации деятельности молодежного общественного объединения позволяет анализировать критерии выбора личностью между глубинным и поверхностным, устойчивым и проходящим, истинным и мнимым, искренним и фальшивым, необходимым и случайным, сущностью и явлением, причиной и следствием. При этом данные явления бытия необходимо выстраивать с учетом природы личности молодежи, временного периода его бытия, проявляющегося его временное и частичное сущее и личностных потребностей.

Принципами онтологического подхода в деятельности молодежного общественного объединения можно выделить следующие: ценностного обогащения; направленности на взаимообогащение; интенции.

При выборе гуманистического подхода как концептуальной основы деятельности молодежного общественного объединения, следует учитывать, что сущность концепции гуманизации в социокультурных институтах заключается в понимании человеческой личности как приоритета ее деятельности. Организации деятельности при гуманистическом подходе определена: ориентацией деятельности на конечный результат, соотношенный с целями; уровневой дифференциацией требований к участникам молодежного общественного объединения и обеспечение постепенности в движении личности по этим уровням; умением участников объединения работать с информацией; ориентацией на самостоятельную деятельность; гуманитаризация деятельности; созданием в социально-культурном процессе положительного эмоционального фона; формированием ценностного отношения к деятельности [2].

Если рассматривать экзистенциально-гуманистический подход как основу для построения деятельности молодежного общественного объединения, основной акцент будет смещен в сторону осознанного выбора личностью ценностей и видов деятельности в процессе действий в культурном и социальном пространстве, где основой будет выступать не только свобода выбора, но и ответственность за сделанный выбор.

Экзистенциальный выбор свойственен для молодежи в соответствии с их основными психолого-педагогическими характеристиками. Он связан с устойчивыми ценностями и деятельностью, проявлением самоцелостности личности.

Экзистенциально-гуманистический подход к формированию и развитию личности в молодежном общественном объединении проецирует личностный рост, самореализацию, свободу выбора на основе инициативы, концентрации личностных ресурсов, воли, творчества, способно-

стей, духовных сил молодежи. Подход связан с реализацией следующих принципов, на основе исследований А. Маслоу: принцип эмпирической свободы, креативности, рациональности, субъективности, проактивности [3, с. 258], которые, на наш взгляд могут быть дополнены принципами стимулирования саморазвития, нравственного саморегулирования и социального закалывания.

Феминологический подход к организации деятельности молодежного общественного объединения определяет значимость соотношения позиций познания и бытия как философское основание рефлексии, позволяющее анализировать знание и опыт, выстраивать смыслоразнозначные ориентации через общие переживания и общение.

Деятельность общественно объединения носит личностный характер, выстраивается на основе индивидуализации смыслов существующей реальности. Следовательно, принципами реализации подхода выступают: аксиологичности, саморефлексии, коллективного проектирования, аналитической ответственности.

На данном уровне методологии возможно использование положений интеракционистического подхода как основы анализа социокультурной реальности и построения социальных взаимодействий на основе информационного обмена.

Интеракционистический подход к формированию и развитию личности в молодежном общественном объединении имеет широкий диапазон действий, определяет конструктивное проектирование систем взаимодействия, оказывает воздействие не только на внутреннюю среду объединения, но и на общую сферу развития деятельности молодежных общественных объединений. Подход позволяет в основу педагогического действия заложить систему взаимодействий теоретического и практико-ориентированного характера и опираться на принципы: комфортной среды, культуру-ориентированности, интерактивности, преобразующего отношения к информации, проективности и самореализации.

Итак, проблема организации активной общественной деятельности молодежи, в том числе ее участие в общественных объединениях выступает значимой как на общественно-политическом уровне, так и с позиции формирования и развития личности. Практическая деятельности молодежных общественных объединений сегодня требует глубокого теоретического анализа и выстраивания методологических стратегий на всех уровнях: философском, обще научном, конкретно-научном, методикотехнологическом. Избрание методологической основы для деятельности молодежного общественного объединения позволит концептуализировать ее целевые ориентиры, задать перспективу развития личности в ее ценностно-смысловом поле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондалетов, В. В. Молодежные общественные объединения: теория и методология исследования / В. В. Бондалетов // Социология социальной сферы. – 2010. – №5. – С. 72–82.
2. Денисова, Л. В. Поддержка студенческих общественных объединений как инновационная форма учебно-воспитательной работы / Л. В. Денисова // Высшее образование сегодня. – 2010. – № 3. – С. 78–81.
3. Маслоу, А. Психология бытия / А. Маслоу; пер. с англ. О. О. Чистякова; под общ. ред. С. Н. Иващенко. – Москва : Рефл-бук, 1997. – 304 с.

© Е.В. Криницына, (ekrinityna@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ИЗУЧЕНИЕ КОМПОЗИЦИОННОЙ КАТЕГОРИИ "ЕДИНСТВО - ЦЕЛОСТНОСТЬ" НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА ДЛЯ ХУДОЖНИКОВ-ДИЗАЙНЕРОВ

STUDYING OF COMPOSITE CATEGORY "UNITY-INTEGRITY" ON THE EXAMPLE OF THE ANALYSIS OF WORKS OF ART FOR GRAPHIC DESIGNERS

M. Kuzmicheva

Annotation

In researches of the theory of composition as in any sciences, a whole is dismembered on rather independent parts which are studied separately. Therefore this article is devoted to one of important composite category "unity-integrity". It is one of the major categories (laws) which connects all knowledge of the theory of composition in uniform indissoluble whole and is expressed in the work of art in the art and figurative and expressive integrity.

Keywords: composition, the theory of composition, composition in painting, composite category.

Кузмичева Мария Владимировна
К.искусствоведения, Российский
государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена,
г.Санкт-Петербург

Аннотация

В исследованиях теории композиции, как в любой науки, единое целое расчленяется на относительно самостоятельные части, которые изучаются порознь. Поэтому данная статья посвящена одной из важной композиционной категории "единство – целостность". Это одна из важнейших категорий (законов), которая соединяет все знания о теории композиции в единое неразрывное целое и выражается в произведении искусства в своей художественно-образной и выразительной цельности.

Ключевые слова:

Композиция, теория композиции, композиция в живописи, композиционная категория.

Теория композиции является важным предметом изучения художников всех областей, в том числе и дизайнеров. Владая знаниями по теории композиции, у художника-дизайнера повышается возможность создать цельный образ предмета, гармонически сочетая его эстетические и функциональные качества.

При создании произведения живописи все знания по теории искусства весь комплекс композиционных законов и принципов соединяется у художника в неразрывное целое, влияющий на сложный творческий процесс. Создание произведения есть непрерывная работа над его отдельными частями, персонажами. Во время работы над элементами композиции, в процессе их разделения и доведения до требуемого состояния художник непрерывно контролирует каждую отдельную часть как она связывается, согласуется с целым. Не "проваливается" ли она вглубь холста композиции, и не "выпадает" ли из общего гармонического строя, регламентируемой категорией "единство – целостность". Этот процесс никогда не прерывается на всех этапах работы от первых штрихов, линий, или живописных пятен будущих форм, до завершения всей работы.

Советский художник – график Е.А. Кибрик утверждал, что "... первым законом композиции можно считать цельность произведения. Именно композиция определяет цельность художественного организма, закономерность устроенного. Все элементы композиции находятся во взаимной связи и зависимости, подчиняясь логике воплощения замысла художника. Итак, целостность, неделимость композиции, где господствует воля художника, создающая центр внимания и полную подчиненность этому центру всего второстепенного, можно, я думаю, считать главным законом композиции". [1, с. 35] В предлагаемом здесь комплексе композиционных принципов "единство – целостность" названа не "главным законом", а категорией. Думается, что это не существенно, если учесть, что в теории композиции еще нет устоявшейся терминологии.

По содержанию и структуре композиционная категория "единство – целостность" имеет много общего с восприятием гештальт – образов. В гештальтпсихологии было показано, что восприятие целого не может быть сведено и восприятию составляющих его частей. Это правильно, но явно недостаточно для понимания одной из наиболее значимой композиционной категории, здесь

рассматриваемой. В настоящее время получила широкое развитие новая наука – синергетика, или теория самоорганизации. Зародилась она в середине XX века и в определенной мере вобрала в себя многие положения философской категории диалектики – "науки о познании и преобразовании предметов и явлений действительности в их противоречивом самодвижении".

Ведущими положениями синергетики являются – случайность возникновения и нелинейность развития, например, систем, событий, в том числе образования. В научном издании под редакцией Е.Н.Князевой и С.П.Курдюмова синергетики образования отведена специальная глава, разделы которой именуются: "Самообразование", "Нелинейный диалог", "Пробуждающееся обучение". [2, с. 280 – 291]. Это показывает, что целый ряд положений синергетики находится в хорошем соответствии с важнейшими положениями личностно-ориентированного обучения.

Несмотря на некоторую близость основ синергетики к содержанию художественно-композиционных принципов изобразительного и декоративно-прикладного искусства и прежде всего – к "единству-целостности" между ними фактически, пролегает непреходимая полоса "отчуждения". Данное утверждение имеет простое обоснование. В изобразительном искусстве можно использовать лишь элементы теории самоорганизации. Известно, что в композиции с некоторого момента сделанности структуры целого, как бы, обязывает художника к определенным действиям. Это означает, что все принципиальные формы композиции укреплены на своих местах и максимально направлены на выявление духовного содержания образа. Этой задачи подчинено все. Но духовное содержание не поддается математическому описанию, столь необходимому в синергетике. Поэтому математический аппарат теории вероятности, логическое выражение случайного распределение элементов и другие математические действия не могут быть подключены к синергетическому анализу произведений искусства, сущность которого концентрируется в художественном образе. Создание художественного образа является важнейшей целью художника, Образ воплощается посредством сложного творческого процесса, композиционного мышления художника, его личного профессионального опыта и эмоционально-психологического состояния.

Важнейшие положения синергетики в значительной мере присутствуют в художественно-композиционных принципах. Далее, синергетика как теория самоорганизации еще не выражена в такой форме, чтобы ее можно было бы использовать в анализе произведений искусства. Поэтому синергетика как динамично развивающаяся область науки, в ее нынешнем состоянии не может быть представлена виде более мощной философской ка-

тегории (закона) каким до конца XX века являлась диалектика. Пока что нет возможности ввести синергетику в обязательную программу курса композиции.

Можно предложить отдельным студентам, занимающимся по индивидуальной программе, самостоятельно приобретать знания синергетики как элемента инновации в обучении. Тогда личностно-ориентированное обучение будет эффективнее повышать качество и продуктивность педагогики искусства, в соответствии с требованиями реформы высшей школы искусства, в данном случае – по совершенствованию подготовки бакалавров художественного образования. Изучение художественно-композиционных принципов, как аудиторное, так и самостоятельное, может со своей стороны способствовать решению этих задач.

Итак, художественно-композиционная категория "единство – целостность" включает в себя основные положения гештальтпсихологии, изучающей методы возникновения гештальт-образов. Синергетика, объединяющая элементы объекта путем вероятностных и динамически согласующихся действия при их самоорганизации, также присутствует в художественно-композиционной категории "единство – целостность". Объясняется это тем, что синергетика, не имея психологической составляющей, то есть духовной идеи художественного образа (обязательной для произведения искусства) является, тем самым, частью теории композиции.

Можно задаться вопросом: имеет ли произведение декоративно-прикладного искусства духовную составляющую? Ответ может быть только один, утвердительный – да, имеет. Если не рассматривать количественно-качественную сторону этого, весьма сложного, явления в особенностях характерного для произведений живописи, отметим следующее. Проявление духовного фактора в произведениях декоративно-прикладного искусства ярко выражается, по крайней мере в двух направлениях организации его объемно-пространственной структуры. Во-первых, через функцию произведения, а, во-вторых, через стиливые характеристики формы.

В пояснении сказанному, рассмотрим несколько примеров. На **рис. 1** изображено кресло "в русском духе", показанное виде экспоната на Всероссийской выставке 1870 года. Автор кресла столяр – резчик В.П. Шутов имел звание свободного художника. Кресло так понравилось публике, что его можно было встретить в квартирах русской интеллигенции и даже в соответствующих помещениях Александра III. Здесь обсуждается не просто функциональные качества произведения декоративно-прикладного искусства, а его духовная ипостась. Очевидно, что такое кресло (с топорами) предназначено не для женщин или детей. В нем видится тяжеловесный мужчина с "грубоватым" юмором, а также интеллигент, жажду-

щий ностальгических впечатлений. И это уже духовно-образная составляющая данного произведения.

Рисунок 1.

Покажем пример из станковой живописи, в котором функция кресла – предмета для сидения – перешла в высший разряд, то есть кресло стало тронem. В картине А. Рябушкина "Сидение царя Михаила Федоровича с боярами в его государевой комнате" изображен царский трон (рис. 2).

Рисунок 2.

Единство – целостность его объемно-пространственной структуры возникает в том случае, если трон дополняет фигура царственной особы. Невозможно представить, что на таком троне восседает какой-либо стряпчий, тем более – придворный шут. Таким образом, в картине Рябушкина представлен гармоничный целостный образ царя, который дополнен изображением позо-

лоченного торжественного трона, роскошно-вышитой одежды, богато организованного интерьера. Целостность произведения проявляется как в образе главного персонажа, так и в каждом элементе композиции (бояре на дальнем плане, интерьер, мебель и т.д.), все в картине подчинено главному и взаимодополняет. Следовательно, можно понимать композиционное единство и целостность как гармоническое, логическое согласованность, соподчинение частей и целого, соответствие формы и содержания произведения с целью выявления художественной идеи, художественного образа.

Данная художественно-композиционная категория означает (в своей первой части – единство), что динамика линий, колористических "пятен" в структурированном поле (композиции картины или изделия) должны коллективно, в совместных проявлениях решать общую задачу. В этом проявляется одна из сущностей единства – ипостась синергетического объединения элементов в композиционное целое. Это означает, что композиция художественного произведения не может включать в себя такие элементы, которые не "работают" на благо всего произведения, не вносят в него свою, конкретную "лепту".

При соблюдении композиционного "единства – целостности" следует помнить о средствах композиции: симметрия, асимметрия, статика и динамика, ритм, равновесие, гармония, контраст и нюанс, а также доминанта, условность, монументальность, колорит и т. д. Так как именныe композиционные средства и принципы усиливают организацию единого целого произведения искусства.

Прежде чем преподавать теорию композиции надо иметь разработанными те ее аспекты, которые еще не получили должного изучения и освящения в специальной литературе по теории искусства. Поэтому вышерассмотренные стороны единства – целостности ориентированы на то, чтобы связать воедино теорию искусства и педагогику искусства. Покажем один из возможных подходов к их соединению.

Например, можно предложить студентам-дизайнерам задания на художественно-композиционную разработку детского стула (для детей, примерно, 4 – 6 лет). Предполагается, что задание может быть итоговым по композиции с применением объемно-пространственного конструирования или возможно также выдать его виде дипломного задания на звание "Бакалавр художественного образования". Такое задание, возможно, будет представлять особые требования к знаниям, не предусмотренные общей программой по композиции. Тем самым расширяются требования к студенту в его действиях по самообразованию в области объемно-пространственного конструирования.

При выполнении подобного задания, как выполнение объемно-пространственного, композиционного объекта – в данном случае "Детского стула", необходимо студентов-дизайнеров ознакомить (в определенной мере) с следующими понятиями: законами гештальтпсихологии – соединение элементов в целостно-структурированный объект (изделие) с узнаванием характера композиционного образа; методами общения преподавателей и студентов вести эвристический диалог, позволяющий представить приблизительную композицию целого произведения; принципами построения художественно-образной композиции всего произведения (учебного задания).

В качестве условного примера рассмотрим логику художественного суждения студента над учебным заданием: "Создать стул для ребенка (примерный возраст 4 – 6 лет) с включением в него, например, резьбы по дереву или росписи". При обдумывании особенностей функционально-художественной разработки данного учебного задания можно построить композиционное мышление следующим образом (как один из возможных вариантов).

Наибольшее значение в обсуждении учебного задания (или дипломного проекта) приобретает эвристическое общение в форме свободного диалога или активного "мозгового штурма". Обсуждаются к примеру следующие художественно-функциональные вопросы такой композиции. 1. Ребенок указанного возраста большой "непоседа". Следовательно, он должен быстро, без поправлений садиться на стул и встать с него. 2. Быстрая, даже резкая посадка ребенка не должна приводить к опрокидыванию стула. 3. Во время отдыха спина ребенка (его позвоночник) должна принимать ровное вертикальное (естественное) положение. 4. Подлокотники как формы мешающие вышеперечисленным требованиям нормального функционирования стула должны быть исключены из композиции. 5. Художественная резьба по дереву или роспись не должна ухудшать контакт тела ребенка с поверхностью стула. Эвристическое обсуждение этих, а также иных, художественно-функциональных задач может стать исходным материалом для создания студентами-дизайнерами серии набросков, быстрых эскизов и отдельных натуральных зарисовок, например, существующих образцов мебели.

Один из возможных вариантов стула, отвечающий выдвинутым, вышеперечисленным условиям его функционирования, представлен на рис. 3.

Указанные моменты формообразования стула "списаны" с данного высокохудожественного образца. Такой подход в педагогике искусства вполне приемлем, а в ряде случаев и необходим. Чтобы студенты смогли создавать различные художественно-дизайнерские решения желательно иметь в виде ориентиров (парадигм) лучшие образцы изделий (произведений) декоративно-прикладного искусства. На те, выше представленные пять поло-

Рисунок 3.

жений к учебному (дипломному) заданию по формообразованию детского стула, может быть создано значительное число мало похожих друг на друга решений. Поэтому со студентами лучше обсудить несколько возможных вариантов исполнения деревянных детских стульев (с резьбой, росписью и другими видами декорирования). И только затем, приступать к индивидуальному поиску композиционных решений детского стула, применяя знания в области теории композиции.

Отсутствие в произведении даже незначительных по величине, но необходимых элементов означает, что композиция не целостна. Поиск недостающих художественно-структурных элементов дело не простое не только для студента, но и преподавателя. Лучшим методом решения такой проблемы (достижение целостного единства) является эвристический диалог. В таком общении обе "синергетические" стороны (преподаватель и студент), как правило, находят общий подход, в котором практическая реализация найденных недостающих деталей, дополняющих композицию, делающей ее целостной, принадлежит автору – студенту, выполняющему данное учебное задание.

Рассмотрены некоторые вопросы изучения и преподавания (часто в их единстве) художественно-композиционной категории "Единство – целостность", применительно к произведениям с объемно-пространственной структурой. Полученные результаты могут способствовать (в своей части) совершенствованию программы

лично-ориентированного обучения, а также целенаправленнее побудить студента на самоорганизацию и формирование им активных действий по самообразованию.

Показано несколько примеров, в которых категория "единство – целостность" проявляется в соответствии с художественно-функциональной ролью произведения (изделия). Дан пример несоблюдения категории целостности при показе отдельных частей произведения. Эти, как и многие другие подобные примеры, могут явиться хорошим стимулом для побуждения студентов к занятиям теории композиции, главным образом, при самообуче-

нии, а в данном случае – познание категории "единство – целостность".

Итак, сделана попытка доказать, что педагогика искусства – это единый и целостный процесс, в котором происходит: дидактическое обоснование этапов творчества; Выявление "узких" мест теории композиции, требующих инновационных решений; эвристический диалог между преподавателем и студентом, непосредственно при лично-ориентированном обучении на конкретном учебном задании; формирование у студента мотива и устремленности к самообразованию в изобразительном и декоративно-прикладном искусстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кибрик Е.А. Объективные законы композиции в изобразительном искусстве // Проблемы композиции. – М.: Изобразительное искусство, 2000. – С. 35 – 50.
2. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. – СПб.: Алетейя, 2002.

© М.В. Кузмичева, (kmaria2212@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург

ВХУТЕМАС: ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ ДИЗАЙНА XX-XXI ВЕКА

HIGHER ART AND TECHNICAL STUDIOS (VKHUTEMAS): ITS ROLE IN DESIGN DEVELOPMENT OF XX-XXI CENTURIES

M. Kuzmicheva

Annotation

In this article the author considers the history of Soviet design development, lists the main formation stages of Russian design schools and analyses pedagogical approaches and methodology of Art Studies. It is assumed that the key teaching principles formed in Higher Art and Technical Studios (Institute) (VKHUTEMAS–VKHUTEIN) are still relevant nowadays. They are used and improved in modern education.

The analysis of the pedagogical experience and the key teaching principles of professional art training of experts in VKUTEMAS will enable to gain deeper insight into national design school development and choose the most efficient methods of design education. Moreover, the examination of the past experience will contribute to formation of new concept of design education system.

Keywords: design school development, Soviet design, design, design education, Higher Art and Technical Studios, VKHUTEMAS, artist–designer.

Кузмичева Мария Владимировна
К.искусствоведения, Российский
государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена,
г.Санкт–Петербург

Аннотация

В статье рассматривается история развития советского дизайна. Приводятся основные этапы становления русской дизайн–школы, анализируются педагогические подходы и методология художественного обучения. Выдвигается предположение, что основные принципы обучения, сформированные в школе ВХУТЕМАС–ВХУТЕИН остаются актуальными сегодня, используются и совершенствуются в современном образовании. Анализ педагогического опыта и основных педагогических принципов художественно–профессиональной подготовки специалистов в ВХУТЕМАСе позволит создать более целостное представление о развитии национальной школы дизайна; выделить наиболее продуктивные методы дизайн–образования, а также изучение опыта прошлого может способствовать формированию новой концепции, системы образования в области дизайна.

Ключевые слова:

Развитие школы дизайна, советский дизайн, дизайн, дизайн–образование, ВХУТЕМАС, художник–дизайнер.

На протяжении всей истории развития системы художественного образования всегда оставался актуальным вопрос о совершенствовании подготовки научно–педагогических кадров. Это становится основанием для пересмотра педагогических принципов, подходов в системе образования. Подобная ситуация произошла и в начале XX века.

Для того чтобы российские товары могли конкурировать на международном рынке, необходимы были профессиональные художники. В это время уже существовало в России ряд ремесленных школ и училищ (например, Строгановское художественное училище в Москве, Художественно–ремесленная учебная мастерская золотосеребряного дела в селе Большое Красное в Костромской губернии, Тульская художественно–ремесленная мастерская и т.д.), "но они были узко специализированы, основанные на базе традиционных народных ремесел и уже не отвечали масштабам огромной страны, выходящей тогда на одно из первых мест европейской экономики". [5, с.10] Поэтому появилась необходимость в создании более крупных центров, в которых проходила бы подготовка художников–ремесленников–профессионалов

высокого уровня. К тому же открывались заводы и фабрики, возросло появление промышленных товаров, и требовались специалисты имеющие знания в сфере проектирования (конструирования), производственного дела.

Таким образом, в начале XX века, Москве, на основе Строгановского художественно–промышленного училища и Училища живописи ваяния и зодчества были созданы специальные Свободные государственные художественные мастерские (СГХМ), которые в 1920 году были соединены во ВХУТЕМАС – Высшие художественно–технические мастерские. Позднее, в 1927 году ВХУТЕМАС будет реорганизован в Высший художественно–технический институт (ВХУТЕИН), а в 1930 году на его основе создадут Высший архитектурно–строительный институт (ВАСИ), ныне МПИ – Московский полиграфический институт. Подобные свободные мастерские, а затем институты появились и в других городах, целью которых было отказ от академических методов обучения и внедрение новой системы организации учебного процесса, по принципу интеграции искусства и техники. Основной целью ВХУТЕМАСа была подготовка художников–специалистов ("инженеров–художников") высшей квалификации для

промышленности, а также руководителей для профессионально-технического образования. [7]

История зарождения дизайнера, как отдельного вида деятельности, в России начинается иначе, чем в Западной Европе. Если формирование дизайнера в Европе, способствовал, технический прогресс и конкурентоспособность предприятий, которые стремились выделить свою продукцию, то в России зарождения дизайнера берет свои истоки во взглядах левых течений художников, теоретиков, искусствоведов и т.д. После октябрьской революции, новый политический настрой проникает во все области жизни человека, в том числе и искусство. Происходило отрицание прошлых канонов и активный поиск новых идеалов. Эксперименты в искусстве привели к появлению новых авангардистских течений (взглядов): футуризм в поэзии и литературе, кубизм, супрематизм в живописи, индустриализм в архитектуре.

Советская школа дизайнера – ВХУТЕМАС была не столь популярной в Европе, в отличие от немецкой дизайнерской школы Баухаус. Однако своим существованием внесла значительный вклад в развитие советского дизайнера, градостроительства, новых представлений о форме, эстетике, функциональности.

В ВХУТЕМАСе преподавание строилось на "объективно-научном методе исследования свойств художественной формы и ее компонентов: изобразительной поверхности, пространства, объема, динамики, ритма, цвета и т.д." [3] Каждый курс имел тщательно проработанные программы. Подобная методика была новаторской для российского художественного образования, ведь пространственный метод обучения выстраивался по принципу персональных мастерских, где все основывается на личном опыте, художественных взглядах и авторитете руководителя мастерской. Принцип обучения по персональным мастерским, до сих пор, существует в Российской Академии Художеств (институт архитектуры, скульптуры и живописи им. И.Е. Репина).

Структура ВХУТЕМАСа состояла из восьми специализированных факультетов: архитектурного, дерево и металлообрабатывающего, полиграфического, текстильного и керамического, а также художественных факультетов – живописного, скульптурного. Хотелось отметить, что у студентов была возможность совмещать обучение одновременно на нескольких факультетах и тесный творческий контакт архитекторов, керамистов, живописцев, мастеров по дереву, металлу способствовало появлению плодотворной художественно-творческой среде.

Сначала студенты всех направлений проходили общее художественное образование, так называемый "пропедевтический курс", который состоял из обязательных дисциплин: "Графика", "Теория цвета", "Теория композиции", "Объем", "Пространство" и др. Тем самым, закладывался единый фундамент художественных средств формирования для студентов всех специальностей. Далее следовал "академический курс", в который входили художественная подготовка (рисунок, живопись, компо-

зиция, скульптура и т.д.) и работа в мастерских (с материалом). И, заканчивалось обучение, дипломным проектом.

В ВХУТЕМАСе педагогический коллектив состоял из ведущих художников и архитекторов того времени: А.Веснин, Н.Ладовский, В.Татлин, Л.Лисицкий, А.Куприн, Р.Фальк, В.Фаворский, А.Родченко, В.Мухина, А.Голубкина и др. Курс по теории композиции разработал и читал ведущий художник-график В.А.Фаворский, а также он преподавал рисунок, композицию книги и ксилографию. Лекции по философии читал ученый-энциклопедист Павел Флоренский. Важно, что педагоги были не только профессиональными художниками и архитекторами, но и то, что они имели опыт работы в советской промышленности. Многие из них разрабатывали образцы одежды, посуды (из фарфора), мебели для фабрик. То есть, большинство педагогического состава имели личный опыт художественно-проектной работы на производстве. К тому же часть преподавателей работали в разное время и в ВХУТЕМАСе и в немецкой школе Баухаус (В.Кандинский, Х.Майер и др.), что подвело к сближению, сотрудничеству и объединению некоторых аспектов в обучении двух крупнейших дизайнер-школ.

Хотелось отметить, "что в 1920–30 гг. между Баухаузом в Германии и ВХУТЕМАСом в СССР существовали активные профессиональные, творческие и дружеские связи. Профессиональный обмен, постоянные выставки, публикации и переписка оказали большое влияние на формирование методологии и творческой атмосферы в этих школах. Почти одновременно эти учебные заведения стали первыми школами дизайнер-образования. ВХУТЕМАС и Баухауз стояли у истоков промышленного проектирования. Именно две эти школы были центрами инноваций и концепций в области стандартизированного массового дизайнера". [2, с.87–88]

Методология исследования представляет собой совокупность методов, способствующих получению наиболее обоснованных результатов по следующим вопросам: история развития советского дизайнер-образования; выявление наиболее продуктивных педагогических методов в художественном обучении, их значение и актуальность сегодня. Теоретические методы заключаются в изучении, анализе и обобщения научных, методических, исторических, искусствоведческих, диссертационных и монографических трудов по проблеме исследования, а также изучение и анализ учебных программ по дизайну.

В ходе изучения и анализа научных, методических и монографических источников было выявлено, что школа ВХУТЕМАС включала много новаторских идей и педагогических методов при обучении искусству. При этом разработанные учебные программы основывались на научном подходе. Обсудим подробнее новаторство педагогической идей ВХУТЕМАСа.

На архитектурном факультете был впервые введен макетный метод проектирования. Его автор Н.Ладовский считал, что каждый архитектор должен уметь мыслить объемно-пространственной композицией. Выразить

свои художественные идеи прежде всего не через эскиз, а в объеме, и только потом в чертеже, проекте. Метод макетирования в большей мере способствовал развитию у студентов творческо-образного, пространственного мышления и формирования новых приемов средств выразительности. Также, Ладовский разработал "психоаналитический метод" преподавания, опираясь на который создал программу по дисциплине "Пространство" (входила в пропедевтический курс). Основная цель заключалась (как в методе макетирования) в развитии художественно-творческого мышления, образного воображения. Студентам предлагалось представить и изобразить объект (предмет) от абстрактного его воплощения, постепенно наполняя новыми деталями (сначала абстрактно-упрощенными, затем усложняя форму), до реального спроектированного предмета. При этом, по нарастающей, усложнялись задачи – художественно-композиционные и функционально-конструктивные. [7]

Преподавательский состав на факультетах по обработке дерева и металла состоял из А.Родченко, А.Лавинского, Э.Лисицкого В.Татлина и других. Все они придерживались в проектной деятельности следующих принципов: экономичность материалов и конструкций, рациональность использования пространства, многофункциональность и мобильность изделий. Разработанная ими концепция художественно-проектной деятельности, можно считать одной из ранних систем образования в области дизайна. Освоения профессии "инженера-художника" шло в двух направлениях: конструирование вещи, через учебный курс "конструирование" или "конструкция" и внешняя обработка поверхности – курс "композиция". (Имеет схожие черты со структурой Баухауса, в котором мастерские имели разделение на технические и художественные).

А.Родченко часто использовал задание, которое основывалось на том, что студенты брали любой предмет, изучали его конструкцию, убрали декор, все не работающие или мало работающие части и наделяли вещь более необходимыми для жизни функциями. Целью такого задания было улучшить существующую вещь, сделать ее более удобной, функциональной, при необходимости, изменить цвет и материал. Также при проектировании учитывались способы промышленного изготовления и их социальное назначение (где и кем будет использоваться объект).

На курсе "конструирования" учебные задания выстраивались по принципу "от простого к сложному". Сначала студенты разрабатывали простые вещи, выполняемые одну функцию, затем к многофункциональным предметам, от простых конструкций – к более сложным, выполненным в одном материале, и затем сочетая несколько (дерево, металл, керамику, кожу и другие). Чаще всего проектирование начиналось с простых бытовых предметов (ложки, чашки, кастрюли, утюги и т.д.). А.Родченко считал, что студент должен уметь проявить творческий подход, найти оригинальное и вместе с тем рациональное

решение конструкции и формы простых вещей, и только потом переходить к более сложным.

В.Татлин в разработанной программе по дисциплине "Культура материала" предлагал студентам экспериментировать с различными материалами, с учетом их фактур: дерево, металл, стекло, керамика и т.д. Татлин считал, что при проектировании объектов, большое внимание необходимо уделять свойствам материала (гибкость, упругость конструкции, бионику).

На курсе "композиция" студенты знакомились с различными обработками поверхностей (деревянных, металлических) и разрабатывали: декоративные композиции для облицовочной плитки, товарные знаки, логотипы, плакаты, нагрудные значки и многое другое, опираясь на знания способов штамповки, гравировки, технологии окраски, печати. Отвергалось любое украшательство, а прививались навыки художественно-декоративного решения "исходя из потребительской целесообразности" [2] То есть декоративный рисунок подчинялся функции вещи и предполагался выполняться не в ручную, а машинным способом.

Тем не менее, большое внимание уделялось инженерно-техническим дисциплинам, и этому способствовало стремительное развитие промышленности и необходимость выпускаемой продукции, массового производства. А для этого нужны были новые идеи и новые проекты вещей, предметов жизни человека, общества.

Преподавание важнейших, художественных дисциплин "Рисунок", "Живопись", "Композиция" основано не на академическом методе, а на творческом подходе, который основывался на экспериментальных, композиционно-творческих поисках при изображении натуры. Поэтому обязательным является развитие композиционного мышления. То есть в ходе работы (по живописи, рисунку), формировались не только профессионально-художественные качества мастерства, техники, знания о природе и т.д., но особая роль отводилась композиционным (творческим) поискам. Часто применялись задания, на которых студентам предлагалось изобразить не реально существующие предметы, а представить их в виде условно-абстрактных форм и создать композиции с учетом законов формообразования и символики цвета. "А.Веснин и Л.Попова в своей методике стремились через анализ реальных элементов объективного мира вскрыть сущность вещей, показать их природу. Студенты рисовали не сами предметы, а композиции, в которых анализировали и разлагали на формы эти предметы. При этом активно применялся "метод иссечения предмета цветными плоскостями", с их помощью исследовалось соотношение формы и воздуха в предмете". [2, с.90]

Развитие творческого видения считалась важнейшей целью художественного образования. И эта цель преследуется не только в процессе работы по живописи, рисунку с натуры, но в дизайнерской и оформительской деятельности. Поэтому в ВХУТЕМАСе не придерживались четкого разделения на учебную работу с натуры и композици-

онно–сочинительскую. Хотя ведущая триада художественных дисциплин существовала Рисунок–Живопись–Композиция. Но на практике, получалось, что именно композиционно–сочинительской (творческой) работе уделялось большее внимание на занятиях по живописи, рисунку. Художники–педагоги в ВХУТЕМАСе считали, что проблема композиционной целостности лежит в основе любого вида художественной деятельности (живопись, графика, дизайнерский проект). "Всякое художественное изображение в какой–то мере поднимает вопрос о композиционности и, конечно, это более и более развивается тогда, когда мы подходим к картине самостоятельно" [6].

Подводя итоги по методологии в ВХУТЕМАСе можно говорить о том, она развивалась по двум (взаимосвязанным и взаимоподчиненным) направлениям: "от конкретного к абстрактному" (А.Родченко, А.Лавинский, А.Бабачев и др.) и "от абстрактного к конкретному" (А.Веснин, Л.Попова, Н.Ладовский). [2] В первом случае необходимо было научить студентов абстрагироваться от реальных предметов, представлять их в виде геометрических композиций, находить их взаимодействие в пространстве, красоту формы, линий, фактуры, пятна, ритма и т.д. А во втором случае, проектирование реальных предметов происходило, от пошагового изображения: сначала абстрактно–линейных, затем линейно–объемных, и только потом к реалистическому его воплощению. "Очищение художественного образа" от лишней декоративности был основным лозунгом школы ВХУТЕМАС (и немецкой Баухаус).

В 1925 году в Париже на Международной выставке декоративных искусств, система подготовки художников в ВХУТЕМАСе была призвана наиболее совершенной и удостоена золотой медали. [7]

Традиции школы до сих пор, несмотря на сложные и драматические эпизоды истории, продолжают существовать, не теряя своей актуальности. Так, например, в послевоенное время в Московском полиграфическом институте (МПИ) преподавали бывшие вхутемавцы Н.Ф.Лапин, А.Д.Гончаров, П.Г.Захаров, И.И.Чекмазов, В.В.Пахомова, И.И.Гречихо и др. [3] Можно полагать, что вхутематская научно–методическая традиция не оборвалась, а

продолжает передаваться от педагогов к ученикам, и получила сегодня новый импульс в своем развитии.

Многие, разработанные в ВХУТЕМАСе принципы, стали каноническими для дизайна, развиваются и совершенствуются по сей день. Макетный метод проектирования до сих пор используется при обучении студентов–дизайнеров. Невзирая на совершенствование компьютерных дизайн–программ, все же "метод макетирования" остается важным компонентом художественного образования в понимании и умении работать с формой, объемом, материалом. Многие положения и задания А.Родченко также применяются сегодня в обучении. Некоторые вузы и колледжи предлагают студентам взять любую вещь, например, из домашнего обихода, сначала убрать все лишнее, а затем, попробовать усовершенствовать ее. Творческий подход в обучении продолжают применять многие художники–педагоги, например о нем много писали – В.С.Кузин, Н.К.Карпова, Б.Ф. Ломов, В.П.Зинченко. Сегодня учебно–творческий подход является одним, из важнейших методов, в подготовке дизайнеров.

В процессе становления системы образования инженеров–художников и художников–дизайнеров, уточнялась и развивалась сфера деятельности дизайнера, роли технического и художественно–творческого обучения. Однако, в обучении современных дизайнеров наряду с научным подходом тесно утвердился и актуализировался учебно–творческий метод. Без развития художественно–творческого мышления, объемно–пространственного и композиционного воображения, невозможно, в самостоятельной дизайнерской деятельности, генерирование новых идей. Поэтому к опыту двух ведущих школ (ВХУТЕМАС и Баухаус) постоянно возвращаются исследователи искусства в поисках наиболее эффективных методов обучения дизайнеров и совершенствование новых форм образования.

ВХУТЕМАС оказал значительное влияние на развитие высшего художественно–технического образования, на градостроительство, дизайн мебели, одежды, предметов домашнего обихода, инструментов, оформление книг и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глазычев В.Л. О дизайне. Очерки по теории и практике дизайна на Западе – М.: Искусство, 1970. 191 с
2. Койнова Н.В. Роль ВХУТЕМАСа и Баухауса в становлении образования в области промышленного дизайна // Академический вестник УралНИИпроект РААСН № 1 / 2011, С. 87–92.
3. Котляров А.С. Композиционная структура изображения. М. 2008. 148с.
4. Михайлов С.М., Кулеева Л.М. Основы дизайна. Учеб. для вузов/ Под ред. С.М.Михайлова. 2–е изд., перераб и доп. М: Союз Дизайнеров, 2002. – 240 с
5. Традиции школы живописи Санкт–Петербургской Государственной Художественно–Промышленной академии имени А.Л.Штиглица. Отв. ред. В.С.Миронов – СПб., Изд–во: "Невский мир – Лики России" 2010. 272 с.
6. Фаворский В. А. Воспоминания современников. Письма художника. Стенограммы выступлений. М.: Книга, 1991. 384 с.
7. Хан–Магомедов С. О. ВХУТЕМАС. Кн. 1.– М.: Ладья, 1995. –344 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

PROFESSIONAL VALUES: PROBLEM GROUND, INTERPRETATION

*L. Larionova
T. Zhdanko*

Annotation

The authors present a correlation of concepts "value", "value orientation" and "professional values." The development of professional values allows you to update the perception of their profession as a basic social value to humans, as it allows him to successfully carry out professional activities. The basis of professional values personal meanings and values, value orientation.

Keywords: Values, value orientations, professional values.

*Ларионова Лариса Александровна
Ст. преподаватель, Иркутский
национальный исследовательский
технический университет
Жданко Татьяна Александровна
К.п.н., доцент, Иркутский
национальный исследовательский
технический университет*

Аннотация

Авторы представляют соотношения понятий "ценности", "ценностные ориентации" и "профессиональные ценности". Освоение профессиональных ценностей позволяет актуализировать восприятие своей профессии как базовой социальной ценности для человека, потому что позволяет ему успешно осуществлять профессиональную деятельность. Основу профессиональных ценностей составляют личные смыслы и ценности, ценностные ориентации.

Ключевые слова:

Ценности, ценностные ориентации, профессиональные ценности.

В системе высшего профессионального образования в современных условиях происходят значительные изменения. Смена парадигм в образовании, внедрение федеральных государственных образовательных стандартов третьего поколения, реализация новых образовательных технологий – все это оказывает влияние на процесс формирования профессиональных ценностей у бакалавров в процессе обучения в вузе. Для реализации своей профессиональной деятельности будущему специалисту необходимы не только общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции, но и сформированные профессиональные ценности.

Обратимся к рассмотрению понятия "профессиональные ценности". Для определения сущностной характеристики понятия "профессиональные ценности" необходимо проанализировать родовые понятия такие, как "ценности" и "ценностные ориентации". Важно установить соотношение этих понятий, так как их целостность отражает те смыслы и ориентации, которые являются важными для субъекта при восприятии своей профессиональной деятельности как ценности. От этого восприятия во многом будет зависеть его профессиональный успех.

Дадим сущностную характеристику понятию "ценность", как основополагающему для нашего исследования.

В большом толковом словаре современного русского языка Д. Н. Ушакова переносное значение слова "ценность" трактуется как "важность, значение" [25].

Под ценностью в философии принято понимать значимость объектов окружающего мира для человека, класса, группы, общества в целом, определяемую не их свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности. [14, С.381].

Следует отметить, что первые философские идеи, касающиеся аспектов ценностей, можно найти в рассуждениях Сократа. Он задавался вопросами, что есть "благо", "добродетель", "красота". "Введение Сократом принципа целесообразности, общего для блага и красоты, возводит их из оценочных понятий ("хорошее", "прекрасное") в ранг идеальных ценностей" [6].

Аристотель (384–322 до н.э.) использовал термин "ценимое" ("тимиа"). Философское понятие "ценность" было введено И. Кантом (1724–1804). Р.Г. Лотце (1817–1881) считается основоположником аксиологии. Он утверждал, что ценности отражают истину в теории познания [14].

Понятие "ценность" является предметом рассмотрения целого ряда наук благодаря своей универсальной

природе. Развитие понятия "ценность" как научного смысла с определенным инструментально-познавательным содержанием было само по себе непростым. "В работах Г. Гегеля оценки и ценности содержательно сплетаются с понятием познания, где цель становится идеей, проникающей в реальный мир посредством целесообразной деятельности и завершающей путь самореализации в качестве абсолютной идеи, то есть "истины блага", ценности" [29, С.18]. С. Кьеркегор рассматривал философское мышление как духовно-ценностное измерение, сосредоточившись на проблеме эволюции человека к духовной свободе личности [29].

Социологи определяют ценность как свойство общественного предмета удовлетворять потребности человека и общества [2, с. 608].

В психологии ценность понимается как "значимость для людей материальных, духовных, природных объектов, явлений, их соответствие основным потребностям общества и отдельной личности" [8].

С.Л. Рубинштейн (1950) отмечал, что "ценность – значимость для человека чего-то в мире, и только признаваемая ценность способна выполнять важнейшую ценностную функцию – функцию ориентира поведения" [20].

К.Роджерс (1964) обращает внимание на то, что в начале своего развития человеческое существо имеет ясный подход к ценностям. Оно предпочитает какие-то вещи и впечатления, а другие отвергает. При изучении его поведения можно заметить, что оно предпочитает лишь те составляющие своего опыта, которые поддерживают, усиливают или актуализируют его организм и, наоборот, отвергает тот опыт, который не служит этой цели. К. Роджерс пришел к выводу, что "универсальная ценностная направленность становится возможной тогда, когда личность развивается в сторону психологической зрелости, точнее, в сторону все большей открытости собственному опыту. Такая ценностная основа представляется содействующей усилению человека и способствующей эволюционному процессу в целом" [18].

В. Франкл (1979) рассматривал ценности как смысловые универсалии, обобщающие опыт человечества. По его мнению, благодаря ценностям, человек может сделать свою жизнь осмысленной. Он описал три класса ценностей: ценности творчества (в первую очередь, труд); ценности переживания (в частности, любовь) и ценности отношения (сознательно вырабатываемая позиция в критических жизненных обстоятельствах, которые невозможно изменить) [27].

М. Рокич (1985) выделяет два вида ценностей: терминальные и инструментальные. Терминальные ценности – это убеждения в том, что определенные конечные це-

ли индивидуального существования с личной и общественной точек зрения заслуживают того, чтобы к ним стремиться. Инструментальные ценности – это убеждения в том, что определенный образ действий (например, честность, рационализм) с личной и общественной точек зрения является предпочтительным в любых ситуациях [19]. Данная модель позволяет понять структуру ценностей человека.

Своя система ценностей есть у каждого человека. Наличие общих ценностей помогает людям понимать друг друга, сотрудничать и оказывать помощь и поддержку. Отсутствие общих ценностей (объективное или субъективное) или противоречие ценностей разделяет людей по лагерям, превращает их в оппонентов, соперников и противников [30, С. 25–32].

Для отдельных людей ценности "представляют собой мотивационные цели, которые служат руководящими принципами в их жизни" [31, С. 339–358]. При совпадении ценностей одного человека с ценностями другого определяет совместимость людей, которое сопровождается чувством комфорта, удовлетворенности. В такой ситуации людям понятны причины принятия тех или иных поступков, решений.

В.П. Тугаринов (1988) отмечает, что "ценности – не все и не всегда обладают нормативным элементом, но в наиболее общем виде они являют собой то, что полезно, значимо в качестве средства удовлетворения потребностей и интересов. С другой стороны, нормативность ценностей определяет ценностный характер норм. Социальная норма – это особый, специфический образ, в котором отражена не только сама действительность, но и отношение к действительности субъекта" [26, С. 256].

Н. Решер (1995) различал классы ценностей: в одном находятся "ценности предметов", "ценности среды", "индивидуальные ценности", "групповые ценности" и "социальные (экономические и правовые) ценности"; в другом – ценности "материальные и физические", "экономические", "моральные", "социальные", "политические", "эстетические", "религиозные (духовные)", "интеллектуальные", "профессиональные" и "чувственные"; в третьем – "эгоцентрические" ценности и "альтруистические" и т.д. [17, С.35–54.].

Следует отметить, что в современных исследованиях логика ценностей представлена системно. Обратимся к анализу современных исследований.

Л.В.Баева (2003) рассматривает понятие "ценность" в трех составляющих: 1) как философскую категорию 2) как вид информации 3) ценность и экзистенцию. Как философскую категорию Л.В.Баева понятие "ценность" относит к этико-эстетической сфере. Как вид информации

ценности являются своеобразными семантическими кодами культуры и жизнедеятельности. "Информационное видение ценности выражается в понимании ее сущности как манифестации субъективности и ее роли как возможности "перекодировки" реальности, наполнения бытия смыслами и целями, имеющими творческий преобразующий характер" [3, С.17]. Ценность, как вид информации о субъекте, способна отражать то или иное качество, а также моделировать совершенный вариант реальности, который может управлять актуальным состоянием, программировать его. Ценность тесно связана с экзистенциальностью. "Ценность свидетельствует об актуальном и должном бытии личности, выражает меру его свободы по отношению к внешней детерминации" [3, С.18]. Экзистенциальная сущность ценности заключается в том, что полное выражение желания осмыслить и внести значимость в бытие. Именно ценности оказывают преобразующее влияние на реальность, формируя направленность социальных процессов. Л.В. Баева указывает на триединую сущность ценности: ценность и цель, ценность и смысл, ценность и переживание. Структура ценности по Л.В. Баевой: интенциональность (направление и устремление субъективности индивида во внешнюю реальность); символ (бессознательный ориентир для воплощения); понятие (рациональные, логические, понятийные основания). Ценность включает в себя три содержательных уровня: значимость, смысл, переживание. Значимость – уровень, который составляет субстанциональное содержание ценности, которое тесно взаимосвязано со смыслом и переживанием [3].

Отметим, что смысл, входящий в состав ценности, отчасти отражает смысл существования субъекта, реализация которого предполагает стремление к той или иной цели. Осмысленные, осознанные ценности усиливаются по значимости и выступают самыми мощными факторами субъективного воздействия на внешнюю реальность.

Основа переживания состоит в самой экзистенции, которая ощущается, осмысливается, постигается субъектом эмоционально, интеллектуально и интуитивно. Без переживания нет ценности, ибо только в нем может проявиться ее высшая сущность – воплощение смыслозначимости. Переживание оказывается способностью, благодаря которой субъект чувствует "как должно быть", и чего именно ему не достает для этого [3].

Основаниями структуры ценности являются сферы восприятия и активности субъекта: волевая, архетипическая, эмоциональная, рациональная, интуитивная и экзистенциальная. По степени проявления ценности различны в структуре основания и вместе с тем едины при воплощении в них всех структурных компонентов. В ценности выделяются следующие факторы: энергетические, направляющие, ориентирующие и целевые, указывающие должное состояние или качество.

Соотнесение ценности и цели происходит следующим образом: ценностное отношение является проявлением тенденции к изменению бытия или самого себя в направлении к значимой цели. Оценивание объекта выражает выбор среди возможных различных целей. Сама экзистенция, самоопределяющееся бытие субъекта оказывается целенаправленной деятельностью из-за стремления к внесению смыслов и значений, или творчеству ценностей.

Для профессиональной деятельности наиболее значимым, по нашему мнению, будет являться восприятие субъектом основной цели своей профессии как ценности.

Соотнесение ценности и смысла: все виды ценностей – смысло-жизненные, экзистенциальные по своей сути, так как они воплощают значимость тех объектов, которые связаны со свободой и смыслом существования субъекта. Все виды ценностей – результаты предпочтения, субъективного выбора, а, значит, феномены свободы и творчества новых смыслов или значений реальности. Понятие смысла выходит за пределы категории "ценность".

Мы считаем, что именно осмысленность своей профессии субъектом позволяет воспринимать ее как ценность. Значимым будет являться соотнесение ценности и переживания: взаимоотношение смысла и переживания представляет собой понятие значимости. Если смысл явления или процесса связан с особым личностным переживанием в чувственной или нравственной сфере, то данное явление или процесс имеют значимость. И, наоборот, если переживание не сопутствует истолкованию смысла, то речь может идти о познавательной, но не ценностной деятельности. Переживание в этом случае оказывается ключевым понятием, без которого невозможно включение смыслового уровня в состав ценности и осмысление понятия значимости.

Важным аспектом осмысленности является эмоциональное переживание своей профессии, т.е. представление некоего образа профессии.

Связь ценности с эмоциональной, волевой, интеллектуальной, социальной и другими сферами жизнедеятельности субъекта приводит к ее пониманию как сложного, комплексного феномена.

Сущность ценности можно определить как двойственную, противоречивую структуру, включающую субъектно-объектный, рационально-иррациональный, идеально-материальный, чувственно-смысловые элементы. Отсюда проистекают различные подходы к определению ценности, а именно: из абсолютизации или переоценки роли того или иного элемента в ее структуре [3].

"Вкладывая различный смысл в понятие ценности, большинство ученых все же считают, что ценность объективно задана практической деятельностью субъекта и зависит от свойств как субъекта, так и объекта. Отражением этой объективной значимости является оценка" [22].

"Ценности занимают важнейшее место в жизни человека и общества, так как именно ценности характеризуют собственно человеческий образ жизни, уровень выделения человека из животного мира" [23].

К понятию "ценность" обращаются исследователи разных научных областей (С.Л.Рубинштейн, В.Франкл, К.Роджерс, Н.Н.Тепляков, В.Ф.Исаев и др.), так как оно по своей природе универсально. Понятие "ценности" рассматривается в разных направлениях, создано учеными много разных классификаций, и все же точного, истинного определения данного понятия в современной науке нет.

На основе анализа сущности понятия "ценность" мы понимаем ценность как бытие, осмысление, саморазвитие и активность субъекта. Ценность – это те значимые убеждения, через которые субъект интерпретирует окружающий мир, от которых зависят мотивация и цель деятельности субъекта.

Отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров, называется ценностными ориентациями. Четкого концептуального разграничения в научной литературе между понятиями "ценности" и "ценностные ориентации" нами не найдено.

Ценностные ориентации в научной литературе рассматривались как индивидуальные формы репрезентации надиндивидуальных ценностей, понятия ценностей и ценностные ориентации различались по параметру "общее – индивидуальное" или по параметру "реально действующее – рефлексивно создаваемое" в зависимости от того, признавалось ли наличие индивидуально-психологических форм существования ценностей, отличающихся от их присутствия в сознании.

Современные исследователи (И.А.Сурина, М.С.Раитина, А.А.Деркач, Е.В.Селезнева и др.) разделяют точку зрения К.Клакхона, который определяет ценности как аспект мотивации, а ценностные ориентации – как субъективные концепции ценностей или разновидностей установок (социальных установок), занимающих сравнительно высокое положение в иерархической структуре регуляции деятельности личности [13].

Ценностная ориентация проявляется в определенной направленности сознания и поведения, которая отражается в общественно значимых делах и поступках [20].

Система ценностных ориентаций определяет содержательную сторону направленности личности, она составляет основу ее отношений, ядро мотивации, жизненной концепции и смысла жизни. Через ценностные ориентации выражается отношение человека к окружающей реальности, формирующей его поведение, характер деятельности, способы самоактуализации, самосовершенствования и самореализации [7].

Ценностные ориентации являются сложным социально-психологическим феноменом, который характеризуется направленностью и содержанием активности личности, а также определяет общий подход человека к миру и к себе, придает смысл и направление личностным позициям, поведению, поступкам. Система ценностных ориентаций имеет многоуровневую структуру. Вершиной этой структуры являются ценности, связанные с идеализациями и жизненными целями личности. Ценностные ориентации, являясь одним из центральных новообразований личности, выражают сознательное отношение человека к социальной действительности и определяют широкую мотивацию его поведения, а также оказывают существенное влияние на все стороны его действительности. Ценностные ориентации – это способ дифференциации объектов действительности по их значимости (положительной или отрицательной) для личности. Направленность личности выражает одну из самых существенных ее характеристик, определяющую социальную и нравственную ценность личности. Содержание направленности – это, прежде всего, доминирующие, социально обусловленные отношения человека к окружающей действительности [8].

Таким образом, под ценностными ориентациями мы понимаем смысло-жизненные ориентиры направленности личности такие, как цели, идеалы, убеждения.

Ценности и ценностные ориентации составляют основу профессиональных ценностей. Подтверждение этой мысли мы находим в исследованиях разных авторов.

И.Ф.Исаев (2004) определяет профессиональные ценности как ориентиры, на основе которых человек делает выбор, осваивает и выполняет свою профессиональную деятельность. "Они характеризуются степенью доминирования, определенным знаком, степенью осознанности и степенью изменчивости" [11].

Именно через направленность личности ее ценностные ориентации выражаются в деятельности человека и актуализируются в формировании профессиональных ценностей.

Ценности, ценностные ориентации и профессиональные ценности обеспечивают целостность профессионального мировоззрения, его устойчивость. Именно про-

фессиональные ценности являются фактором, которые способствуют развитию профессиональной направленности личности, мобилизации для организации своего поведения и деятельности в соответствии с содержанием профессионального долга [11].

По мнению С.Н. Батраковой (1991), именно нравственный компонент обеспечивает целостность профессионального мировоззрения, его устойчивость. Это тот фактор, который способствует развитию профессиональной направленности, структурированию своего поведения и деятельности в соответствии с профессиональным содержанием [4]. А.В.Серый (1996) считает, что "ценности и ценностные ориентации, которые являются цементирующим началом, объединяющим другие элементы нравственного сознания в единое целое, выражающим императивное единство всей структуры нравственного сознания" [21]. А.И.Титаренко (1974) в качестве центрального элемента нравственного сознания выделяет ценности и ценностные ориентации [24].

А.В.Кибальник (2012), описывая формирование профессиональных ценностей у будущих социальных педагогов, делает акцент на том, что "профессиональные ценностные ориентации – это базовая характеристика личности будущего специалиста, основным содержанием которой является система отношений к интегративным ценностям профессии и готовность действовать в профессиональной сфере в соответствии с ними. Профессиональные ценностные ориентации являются смыслообразующим компонентом профессиональной деятельности, определяющим ее цель и смысл для личности и социума" [12, с.329].

А.С. Андрюнина (2013) приходит к выводу, что одним из существенных факторов, влияющих на систему ценностей человека, является профессиональная деятельность. Она подробно проводит анализ понятия "профессиональные ценности", в котором рассматриваются взгляды разных ученых. На основе идей А.С.Андрюниной мы проанализировали позиции авторов по определению понятия "профессиональные ценности" [1].

Н.В.Зыкова (2006) считает, что это смыслообразующая основа, которая определяет значение деятельности для личности и общества. От того, как личность в процессе профессионального развития выстраивает свою систему ценностей, соотносит внешние требования профессии, профессионального сообщества и своего внутреннего мира, во многом зависит эффективность профессиональной деятельности и адекватность отношений с окружающим социумом [10].

По мнению И.О. Загашева (2005), это ориентиры, на основе которых человек выбирает, осваивает и выполняет свою профессиональную деятельность. Ориентиры

характеризуются степенью доминирования, определенным знаком, степенью осознанности и степенью изменчивости [9].

В.А.Мальцев (2001) представляет "профессиональные ценности" как две составляющие: ориентация личности на профессиональную деятельность и на ценность профессиональной деятельности как таковой. В профессиональной деятельности в сфере "человек–человек" предметом трудовой деятельности выступает человеческая личность, поэтому для успешной деятельности необходимо единство ценностно–смыслового и предметно–действенного аспектов деятельности [16].

Т.А.Шилагина (2009) рассматривает "профессиональные ценности" как отношение к своей профессии, отношение к объекту деятельности, отношение к субъекту деятельности. Процесс формирования профессиональных ценностей "может развиваться как линейно, так и стихийно; его траектории зависят от различных факторов, от разной степени интенсивности развития содержательных и динамических характеристик этого процесса [28].

Позиции авторов позволяют сделать вывод о том, что профессиональные ценности трехкомпонентны – это смыслообразующая основа деятельности, ориентир в профессиональной деятельности и отношение к своей профессии.

Также вышеперечисленные исследователи отмечают зависимость профессиональных ценностей от особенностей профессионального развития, от степени осознанности, изменчивости профессиональной деятельности, от траектории и интенсивности развития характеристик профессиональной деятельности.

Итак, нами проанализированы понятия "ценность", "ценностные ориентации", "профессиональные ценности". Мы пришли к пониманию ценности как бытия, осмысления, саморазвития и активности субъекта. Ценность – это те значимые убеждения, через которые субъект интерпретирует окружающий мир, от которых зависят мотивация и цель его деятельности. Ценность включает в себя три содержательных уровня: значимость, смысл, переживание (исходя из этих уровней, субъект дифференцирует все происходящее в его жизни). Ценности лежат в основе формирования ценностных ориентаций. Отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров, называется ценностными ориентациями.

Под ценностными ориентациями мы понимаем смысло-жизненные ориентиры (цели, идеалы, убеждения) направленности личности.

Основу профессиональных ценностей составляют личностные смыслы и ценности, ценностные ориентации. Проанализировав позиции авторов (Н.В.Зыковой, И.О. Загашева, В.А. Мальцева, Т.А. Шилагиной), мы пришли к выводу о том, что профессиональные ценности – это смыслообразующая основа, ориентир в профессиональ-

ной деятельности и отношении к своей профессии. Одной из важных составляющих деятельности человека является профессиональная деятельность. Человек способен выполнять свою профессиональную деятельность эффективней, если у него сформированы профессиональные ценности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрушина А.С. Формирование профессиональных ценностей у будущих педагогов. //Педагогическое образование в России. 2013. № 5. С.205
2. Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Изд. центр "Академия", 2002. С. 608
3. Баева Л.В. Ценностные основания индивидуального бытия: Опыт экзистенциальной аксиологии: Монография. М.: Прометей. МПГУ, 2003. 240 с.
4. Батракова С.Н. Психологические аспекты гуманизации педагогического процесса : сборник научных трудов / С.Н. Батракова, др., Ярославский университет . – Ярославль : Издательство Ярославского университета, 1991 . – 119 с.
5. Божович Л.И. Личность и её формирование в детском возрасте. – СПб.: Питер, 2008. – 400 с.
6. Вылежцов Г.П. Аксиология в системе философского знания.// Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Выпуск 4. 2010. С.34–39
7. Деркач А.А., Селезнева Е.В. Акмеологическая культура личности: содержание, закономерности, механизмы развития: Монография. М.: Воронеж, 2006
8. Еникеев М.И. Психологический энциклопедический словарь. М.: ТК Велби; Изд-во "Прспект", 2006.
9. Загашев И. О. Профессиональные ценности. Методика ранжирования профессиональных ценностей. Методика "Вселенная Я". Взаимосвязь между личными целями и профессиональными целями. URL: http://lib.gmsib.ru/index.php?resource=10156&id_site=11. (дата обращения 13.01.2015)
10. Зыкова Н. Ю. Развитие профессиональных ценностных ориентаций студентов средствами гештальт-терапии : дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2006.
11. Исаев, И. Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр "Академия", 2004. – 208 с.
12. Кибальник А.В. Формирование личностно-профессиональных ценностных ориентаций будущих социальных педагогов в условиях образовательной среды вуза/ Социокультурные механизмы преемственности ценностей: материалы всерос. науч.-практ. конф.с междунар. участием (16–17 ноября 2012 г. Иркутск).– М.: Культурная революция, 2012.– С.329
13. Краткий психологический словарь. /Под общ. ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского./ А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского – М., 1985. С.430.
14. Краткий словарь по философии /Под общ. ред. И.В.Блауберга, И.К.Пантина. / И.В.Блауберг, И.К.Пантин – М.: Политиздат, 1982., С.381.
15. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личным: Феноменология ценностной регуляции деятельности.//Вестник МГУ. Серия 14. Психология, 1996. № 4. С.35–44.
16. Мальцев В. А. Профессиональная система ценностей социального работника // Сибирская психология сегодня : сб. науч. тр. URL: <http://hpsy.ru/public/x2492.htm>. (дата обращения 13.01.2015)
17. Решер, Н. Границы когнитивного релятивизма/ Н.Решер //Вопросы философии – 1995. – № 4. – С.35–54.
18. Роджерс К., Фрейберг Д. Свобода учиться.–М., 2002 . С.180–195
19. Роквич М. Природа человеческих ценностей.//Свободная пресса.1973. № 5. С.20–28.
20. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб.:Питер, 2001. – 433 с.
21. Серый А.В. Ценностные ориентации личности в структуре профессионально значимых качеств школьных практических психологов: Дисс...канд.психол.наук: Кемерово, 1996.– 152 с.
22. Складенко И.С. Теория и практика формирования профессиональных ценностных установок у студентов высших учебных заведений. Диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук/ И.С.Складенко. Москва, 2011. – 535 с.
23. Скопич Н. П. Соотношение двух категорий в аксиологии: "ценность" и "оценка".//Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. № 7 (7): в 2-х ч. Ч II. С.155–157.
24. Титаренко А.И. Структуры нравственного сознания: Опыт этико-философского исследования. – М., 1974
25. Толковый словарь Дмитрия Ушакова URL: <http://ushakova-slovar.ru/> (дата обращения 11.10.2016)
26. Тугаринов В.П. Избранные философские труды / В.П. Тугаринов. –Л.: ЛГУ, 1988. – 344 с.
27. Франкл В. Воля к смыслу. М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 368 с.
28. Шилагина Т. А. Влияние профессиональных ценностных ориентаций на эффективность профессиональной деятельности выпускника вуза // Многоуровневое образование как пространство профессионально-личностного становления выпускника вуза. Челябинск, 2009.
29. Цепляев А.Н. Социальные ценности современной российской молодежи: состояние, динамика, направленность: дисс. ... канд. филос. наук /А.Н. Цепляев. – М.: РГБ, 2002 – 192 с. с. 18
30. Яхонтова Е. С. Управление ценностями как элемент управления человеческими ресурсами компании // Менеджмент в России и за рубежом. 2003. № 4. С. 25–32.
31. Smircich L. Concepts of Culture and Organizational Analysis // Administrative Science Quarterly. 1983. Vol. 28. P. 339–358.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТА КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В МНОГОКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

CROSS-CULTURAL TOLERANCE OF THE EXPERT AS A CONDITION OF SOCIAL INTEGRATION IN MULTICULTURAL SOCIETY

*A. Lukina
Ju. Shepeleva*

Annotation

The problem of entry of migrants, immigrants into the Russian society which can be maleficated by means of formation of tolerance of the teachers working at polycultural school and development of their polycultural competence is proved in article. It is reasoned that conscious design of the way of school life promoting welfare integration is the main objective for pedagogical staff of multinational schools. It is shown that the most effective will be training of teachers of formation of the positive Ya-concept of the teacher, to development of its communicative kompetention, experience of a reflection, self-assessment and introspection, mastering technologies of the organization of educational process according to polycultural structure of a class.

Keywords: Teacher, education, polycultural school, culture, socio-cultural competence, integration, children of migrants.

*Лукина Антониде Константиновне
К.ф.н., ФГАОУ ВО "Сибирский
федеральный университет", г. Красноярск
Шепелева Юлия Сергеевна
Ст. преподаватель, ФГАОУ ВО
"Сибирский федеральный университет",
г. Красноярск*

Аннотация

В статье обосновывается проблема вхождения мигрантов, переселенцев в российское общество, которая может быть сглажена посредством формирования толерантности учителей, работающих в поликультурной школе и развития их поликультурной компетентности. Аргументировано, что сознательное проектирование уклада школьной жизни, способствующего социально-культурной интеграции, является основной задачей для педагогических коллективов мультинациональных школ. Показано, что наиболее эффективным будет являться подготовка учителей по формированию позитивной Я-концепции педагога, развитию его коммуникативных компетентностей, опыту рефлексии, самооценки и самоанализа, овладению технологиями организации образовательного процесса в соответствии с поликультурным составом класса.

Ключевые слова:

Педагог, образование, поликультурная школа, культура, социо-культурная компетентность, интеграция, дети-мигранты.

В современном российском обществе в последнее время происходит активное развитие процессов миграции, что соответственно обостряет проблемы адаптации и интеграции переселенцев, мигрантов и их детей в этнокультурной среде принимающей страны.

В новых условиях школа становится одним из основных институтов общества, посредством которого осуществляется адаптация и интеграция детей-мигрантов. Дети погружаются в непривычную для них социокультурную, языковую и национальную среду, в которой им необходимо адаптироваться в кратчайшие сроки. Наиболее выраженными трудностями адаптации предстают: недостаточное владение русским языком; отличие форм и методов обучения; отсутствие навыков самостоятельной работы, и при всем при этом еще и высокий уровень личностной и ситуативной тревожности. Следствием выступает перегрузка учебными материалами и накопление непонятого и неосвоенного объема информации, отрицательный опыт обучения. Владение языком выступает в

качестве основы этнической идентификации, так как язык дает возможность взаимодействовать с представителями доминирующей национальности. Языковые барьеры для людей, делающих попытки говорить на иностранном языке, связаны с недостаточной лингвистической компетенцией – недостаточным владением разными уровнями языка: фонетическим, лексическим, грамматическим, синтаксическим. К сбоем в общении также могут приводить и ошибки или незнание в любой из этих сфер.

Функция школы чрезвычайно важна, так как формирование этнической идентичности возможно в процессе изучения школьных программ и грамотной организации внешкольных мероприятий. Период обучения в школе достаточно длительный, он охватывает период юношества, в котором формируются психологические задатки для дальнейшего самоопределения и от качественных характеристик идентичности, формирующейся в юношеском периоде, зависит функциональность личности во взрослой самостоятельной жизни. Именно сегодня

взрослеющий человек особенно уязвим в плане поисков варианта позитивной идентичности. Юноши и девушки, у которых только начинает формироваться образ окружающего их мира, особенно чувствительны к кризисам социального устройства общества.

В настоящее время в России проживают представители более 170 народов, плюс существует 600 наименований субэтносов (казаки, сибиряки). Этническую основу России составляют следующие группы народов: славянские, германские, романские, кавказские, тюркские, финно-угорские, и другие. В результате межэтнических взаимодействий, возникновения межнациональных семей, совместной деятельности представителей различных этносов протекают процессы этнической консолидации, ассимиляции, интеграции. Происходит преобразование этнической карты России, где существенное влияние оказывают демографические и миграционные процессы. Представители различных этносов активно перемещаются по территории России. При этом может происходить взаимообогащение культур – переселенцы осваивают культуру нового места пребывания, а, в свою очередь, коренные жители перенимают часть культуры переселенцев. Ярким примером такого взаимообогащения выступает появление огромного количества блюд народов Средней Азии, Кавказа, Китая или Японии в традиционной русской кухне за последние годы. Таким образом, идея мультикультурализма в России имеет под собой прочные основания.

Следует отметить, что Красноярский край продолжает оставаться миграционно привлекательным регионом России. Только за 5 месяцев 2017 г. в Красноярский край прибыло 917 человек из Северо-Кавказского округа, и 1066 человек приехали из Южного Федерального округа. Из стран СНГ лидирует Таджикистан – 1400, Украина – 746, Киргизия – 703, Азербайджан – 569 человек. А помимо этого, за этот период из КНДР прибыло 414, из Китая – 275, из Грузии – 63 человека [9]. Всего же на территории Красноярского края проживают представители 159 этносов, приверженцы более чем 40 религий и культов.

Большинство мигрантов приезжающих в регионы Сибири – трудовые мигранты [4]. Многие приезжают с семьями, детьми, надеясь на лучшее будущее, которое собираются обеспечить здесь для своей семьи. Для того, чтобы выстроить грамотно систему работы по адаптации мигрантов в социокультурную среду Сибири, следует внимательно отнестись к тому, что социальная ситуация детей-мигрантов и их родителей существенно различается: во-первых, родители уже успели освоить культуру собственного народа и обрести свою этническую идентичность. Во-вторых, если родители решают остаться здесь, следовательно, "дельта", то есть изменения в жизни по сравнению с тем, что было на родине, является положительной.

У детей, в большинстве своем, укоренение в "родную культуру" еще не состоялось, и, соответственно, их этническая идентичность еще не является устоявшейся. Естественно, степень определенности/неопределенности этнической идентичности зависит от возраста, в котором ребенок прибыл к месту жительства, от степени гибкости / ригидности этнических установок семьи родителей и её самоопределения относительно времени проживания в новом месте пребывания. Помимо этого, детям родная культура представляется в основном, через их родителей, чей социальный статус в регионе пребывания невысок и не способствует идентификации с ними. Второе отличие детской позиции основывается на сравнении себя не с собой – прошлым (поскольку такое воспоминание неустойчиво), а с окружающими, следовательно, детская "дельта" скорее будет отрицательной, т.е. социально-экономическое положение семей мигрантов по сравнению с окружающими зачастую значительно хуже [2; 14; 15].

В таких условиях может возрастать культурная дистанция между детьми и родителями, что ведет к ослаблению семейных связей, и утрате детьми мигрантов семейной поддержки в разрешении сложных жизненных ситуаций [13].

По результатам многочисленных исследований были сделаны выводы о том, что мигранты в основном расселяются на окраинах мегаполисов, в районах с преобладанием маргинальной субкультуры, удаленных от центров культуры. Объективными причинами тому являются: дешевое жильё и поддержка от земляков, приехавших ранее. Но не стоит забывать и о том, что в таких районах города проживает многочисленная часть асоциальных семей (где родители особо не озабочены воспитанием и образованием детей и зачастую ведут аморальный образ жизни) несущих негативную культуру с точки зрения всех культур [1].

По данным 2016–2017 года в 120 школах г. Красноярска обучалось 2122 ребенка-мигранта (в этот перечень не включены дети – граждане РФ, прибывшие из различных национальных регионов России), причем в 6 окраинных школах сконцентрировано более четверти всех детей-мигрантов. Это небольшие школы, численностью от 200 до 800 человек; таким образом, доля детей-мигрантов в них превышает 10% от численности учеников. В больших школах, численностью более 1000 человек, количество детей-мигрантов не превышает 1% и не оказывает существенного влияния на организацию образовательного процесса. Следовательно, получаем высокую степень неравномерности распределения детей-мигрантов между школами.

Дети из асоциальных семей, составляющие значительную часть районов проживания мигрантов, не рассматривают образование в качестве ключевого ресурса

жизненной успешности, зачастую показывая низкие образовательные результаты.

В результате проведенного нами исследования получилось, что дети различной этнической принадлежности имеют существенные различия в жизненных планах, ценностях, представлениях об успехе.

Так, в представлениях о жизненном успехе у школьников всех национальностей первое место занимает "хорошая, дружная семья" – более 60% опрошенных всех этнических групп. После следуют весьма серьезные расхождения. У русских школьников ранжирование позиций – материальное благополучие, хорошие верные друзья и получение удовольствий. У выходцев с Кавказа – друзья, хорошая работа и высокое общественное положение; у выходцев из Средней Азии – здоровье, друзья, хорошая работа и материальное благополучие. Таким образом, получается, что русские школьники имеют скорее гедонистическую ориентацию, представители Кавказа – созидательную, а представители Средней Азии – сберегающую [7].

Различны и представления школьников о качествах, существенных для достижения успеха: на первом месте у представителей всех национальностей – трудолюбие, ответственность; вторую позицию у русских школьников и выходцев с Кавказа занимает коммуникативная компетентность, а у выходцев из Средней Азии – хорошее образование. Третью позицию у русских занимает профессионализм, у кавказцев профессионализм делит её с образованием, у представителей Средней Азии профессионализм – на третьем месте. Таким образом, мы наблюдаем, что дети-мигранты гораздо выше ценят образование как жизненный ресурс, чем русские школьники, и соответственно, следует ожидать, что они будут более прилежны в учебе [1; 3; 5; 7].

У мигрантов присутствует уважение к учителю, к образованию, к школе, как социальному институту, обеспечивающему жизненную успешность. Поэтому дети-мигранты в таких условиях стремятся показать хорошие образовательные результаты, отличаются высоким прилежанием, готовностью принять участие во внеучебной работе, следовательно, воспринимаются педагогами как хорошие ученики. Это же мнение поддерживается и Д. А. Александровым, В. В. Барановой и их коллегами [1]. Такие моменты в целом положительно влияют на динамику адаптации и последующей интеграции детей-мигрантов в культуру региона пребывания. Все вышесказанное преимущественно можно отнести к детям – выходцам из Средней Азии (Киргизия, Таджикистан), и в значительно меньшей степени – к мигрантам из кавказских республик, особенно – из тех, где традиционной религией является ислам.

Культура и уклад жизни школы, естественно оставляют отпечатки ближайшего социального окружения, не

смотря на то, что строятся по другим нормам и основаниям. Поэтому сознательное проектирование уклада школьной жизни, способствующего социально-культурной интеграции, является основной задачей для педагогических коллективов мультинациональных школ.[12].

По мнению Т.Г. Стефаненко, этническая идентичность более четко осознается, а знания о различиях между группами приобретаются раньше, если ребенок живет в полиэтнической среде. Но насколько эти знания значимы, зависит от принадлежности к группе – меньшинства или большинства. Дети из группы меньшинства неизбежно осведомлены о доминирующей культуре через средства массовой информации и личные контакты [10]. А их сверстники из группы большинства обладают лишь небольшими и разрозненными знаниями о чужой культуре, что чаще всего порождает недопонимание, неумение выстроить конструктивный диалог, и отсутствие интереса к своей собственной культуре.

Помимо этого, исследования показывают, что если взаимодействие детей различных этносов складывается стихийно, т.е. не обеспечивается педагогическим сопровождением, то возможно разобщение детей и появление межэтнических конфликтов [6].

Основными источниками интолерантности в школьном коллективе становятся:

- ◆ недемократичность устройства школы;
- ◆ традиционная образовательная парадигма;
- ◆ патернализм взрослых по отношению к детям;
- ◆ насилие (явное или скрытое);
- ◆ личностные особенности учителей и взрослых, работающих в школе;
- ◆ неготовность педагогов к действиям в многокультурной образовательной среде.

Достаточно серьезной проблемой формирования межкультурной толерантности является неготовность большинства педагогов к этой деятельности. Это проявляется:

- ◆ *во-первых*, в авторитарности многих педагогов, их собственной интолерантности ко всякому инакомыслию;
- ◆ *во-вторых*, в низкой общекультурной подготовке самих педагогов, их неготовности работать с мигрантами, их незнании культуры мигрантов, и, самое главное, в убежденности в том, что это мигрантам следует изучать наш язык и культуру.

О менталитете педагогов можно судить по их пониманию истории России и современности. По мнению педагогов, важные события в истории России, – это принятие Конституции, крещение Руси, отмена крепостного права. А герои России, – Петр I, М.И. Кутузов, А.С. Пушкин, А.В. Суворов – это великие правители или военачальники далекого прошлого (из деятелей культуры – только А.С.

Пушкин). Это говорит о том, что это менталитет не современного динамичного демократически ориентированного человека.

По мнению педагогов, причинами негативного отношения к мигрантам являются предрассудки, существующие в народе (40% опрошенных); то, что мигранты не очень хорошо относятся к коренным жителям, не уважают местные культуры и обычаи (17%), не платят налоги и живут за счет местных жителей, занимают рабочие места, и ухудшают криминогенную обстановку [7].

Именно в ходе аналитического семинара педагогов обнаружилось, что один из источников интолерантности в школе – авторитарное устройство традиционного учебного процесса, когда именно педагог – это единственный и непререкаемый источник знаний, и именно ему принадлежит право оценивания не только знаний учеников, но и их поведения, убеждений, ценностей.

Второе, выявленное обстоятельство: монокультурный, "европоцентричный" характер образовательных программ по учебным предметам на всех ступенях обучения. Так, на иллюстрациях в учебниках начальной школы представлены в основном изображения детей славянской внешности; до 90% материала учебников истории составляет история Европы, в учебниках и программах по естественно-научным предметам никак не упоминается вклад в развитие мировой культуры и науки народов Востока. Все это говорит о том, что такие материалы ни коим образом не адаптированы под многокультурный состав школьного коллектива.

Третье обстоятельство, обнаруженное в ходе семинара – недостаточный уровень развития собственной этнической идентичности педагогов, что не способствует помощи детям разных национальностей в становлении их этнической идентичности. [7].

В ходе проведенного исследования мы выяснили, что педагоги считают проблему толерантных взаимоотношений значимой: они сталкивались с интолерантным отношением между учащимися в классе и считают, что не должно быть дискриминации ни по каким основаниям, при этом не видят смысла сохранять культурное разнообразие и не готовы к жизни и функционированию в многокультурной среде.

Анализ исходного уровня владения поликультурными знаниями и нормами толерантного поведения показал, что существует недостаточный уровень понимания сущности толерантности и присутствует неумение конструктивно действовать в напряженных и конфликтных ситуациях. Эта информация послужила источником формирования программы развития школы как поликультурной, а также развития поликультурных компетентностей учителей, их личностной и педагогической толерантности.

Компонентами педагогической толерантности считаются:

- ◆ ценностно-смысловой, определяемый аксиологическими приоритетами педагогической деятельности: ценность личности, диалог, саморазвитие, творчество;
- ◆ когнитивно-рефлексивный, который связан с актуализацией рефлексии, как инструмента профессионального саморазвития педагога, его уровня профессиональной подготовки (знание целей образования, осознание своих педагогических мотивов и умение строить на основе этого педагогическую стратегию и тактику);
- ◆ коммуникативно-поведенческий, включающий умение слышать, слушать и понимать ученика (субъекта образования), транслировать информацию, устанавливать обратную связь;
- ◆ профессионально-педагогический, включающий методическую оснащенность учителя, его владение различными технологиями обучения, учетом индивидуальных особенностей, умением организовать совместную учебную и внеучебную деятельность детей с учетом их культурного разнообразия [7].

Ведущая роль в становлении толерантности отводится ценностям и ценностным ориентациям человека. Поэтому всю подготовку учителя к работе в поликультурной среде должен пронизывать подход, ориентированный на эмоционально-чувственную сферу личности, на формирование у учителя ценности другого, на уважительное отношение к культурному многообразию. Основной задачей в реализации этого подхода видим формирование позитивной личностной и этнической идентичности самого педагога, развитие его самоуважения, создание условий для личностного роста.

Педагог или руководитель, владеющий позицией толерантности и разделяющий ценности толерантности, – это человек, самодостаточный во всех отношениях: способный не раздражаться, не обижаться, эмоционально устойчивый, уверенный в себе, обладающий позитивной этнической идентичностью, отдающий приоритет асертивным формам реагирования, позитивно оценивающий людей, снижающий у них напряженность, страхи, тревожность и другие личностные дисгармонии [11].

В разных западноевропейских странах задача формирования толерантности у педагогов решается по-разному. Так, например, в ФРГ акцент делается не столько на обучении учителей мультикультурному подходу, сколько на активном включении в процесс образования профессионалов-иммигрантов и создании специализированных центров многопрофильной помощи (социальной, педагогической, психологической). В Нидерландах система подготовки специалистов в области мультикультурного воспитания в основном охватывает педагогов дошкольного и начального звеньев образования. В Швеции и Италии внедрение принципов мультикультурного обра-

зования идет через специальную подготовку учителей всех общеобразовательных звеньев [8].

Подготовка учителя к работе в поликультурной школе должна состоять из ряда взаимосвязанных уровней:

- ◆ уровень знания: углубленное этносоциологическое изучение миграционных процессов современности; знание особенностей культур, традиций, обычаев народов, представители которых учатся в школе (классе); знание особенностей национального воспитания и систем образования в разных странах; знание основ лингвистики и психолингвистики;

- ◆ уровень методики: поиск и овладение новыми формами преподавания предметов, исходя из концепции мультикультурного образования; разработка новых учебных предметов, помогающих ребенку социализироваться социализации в поликультурной среде; разработка и реализация комплекса внеучебной деятельности, способствующего становлению толерантности;

- ◆ уровень конкретных умений: обучение формам контакта с религиозными и светскими сообществами мигрантов; обучение сотрудничеству в интеркультурных командах разной профессиональной направленности; развитие навыков общей коммуникативной компетентности.

В заключении сделаем акцент на том, что массовая этническая миграция, которая происходит в последние годы в России вносит значительные коррективы в круг приоритетных задач социально-педагогической деятельности школы. И если ранее одной из главных была задача создания благоприятных условий для развития каждого обучающегося на основе педагогической поддержки его индивидуальных, возрастных, психологических и физических особенностей, то сегодня к этому списку добавились этнокультурные особенности обучающихся, а вместе с тем и вопросы межкультурного взаимодействия. Таким образом, без вдумчивого, разностороннего рассмотрения этой предельно значимой педагогической проблемы трудно представить себе возможность создания благоприятной среды для успешного взаимодействия всех участников целостного образовательного процесса. В общешкольном коллективе обучающихся возникает необходимость воспитания межкультурной толерантности. От учителей здесь требуется особого рода чуткое понимание детей, наличие высокоразвитого чувства межкультурной толерантности, а также владение многочисленными, но не шаблонно повторяемыми способами этически корректной поддержки таких детей, особенно в период их первичной адаптации и интеграции в новую для них социальную среду, стране, школе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров, Д.А., Баранова, В.В., Иванюшина, В.А. Дети и родители – мигранты во взаимодействии с российской школой // Вопросы образования, 2012, № 1.
2. Александров, Д.А., Иванюшина В.А. Казарцева, Е.В. Этнический состав школ и миграционный статус школьников в России // Вопросы образования 2015. № 2. С. 173–195.
3. Дмитриев, Г.Д. Многокультурное образование. – М.: Народное образование, 1999.
4. Копцева, Н.П., Сошина, Г.С., Шестопалова, Д.С. Локальное исследование причин трудовой миграции в городе Красноярске (октябрь–ноябрь 2015 г.) // Журнал Сибирского Федерального университета. Гуманитарные науки. 2016 т. 9 № 4. С. 824–836.
5. Лукина, А.К. Формирование толерантности субъектов образовательного процесса // Вестник Томского государственного университета 2016. № 1. С. 43–46.
6. Рочева, А.Л., Варшавер, Е.А., Иванова, Н.С. Детские площадки как пространства интеграции мигрантов // Вопросы образования, 2017. № 2. С. 167–184.
7. Становление идентичности и толерантности личности в условиях поликультурного образования: монография /отв. ред. А. К. Лукина. – Красноярск, СФУ, 2015 – 260 с.
8. Социология образования: Беседы, технологии, методы: Труды по социологии образования. Т. XI. Вып. XVIII / Под ред. В.С. Собкина. – М.: Центр социологии образования РАО, 2006. – 223 с.
9. Социально-экономическое положение Красноярского края в январе–июне 2017 г. Доклад № 1.37.1 // http://www.krasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krasstat/ru/statistics/krsnStat/population/
10. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология. – М., 2007. 367 с.
11. Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): Сборник научно-методических статей. Издание второе (стереотипное) – М.: Издательство Московского Психолого-социального института, 2003.
12. Фруммин, И.Д. Тайны школы. Красноярск, 1999.
13. Харабаджах, М.Н. Характеристика модели формирования толерантности будущих социальных педагогов в процессе их профессионального образования // Вестник Томского государственного университета, 2016, № 8. С. 15–17.
14. Portes A., Rumbaut R.G. (2005) Introduction: The Second Generation and the Children of Immigrants Longitudinal Study // Ethnic and Racial Studies. Vol. 28. № 6. P. 983–999.
15. Rumbaut, R.G. (2004) Ages, Life Stages, and Generational Cohorts: Decomposing the Immigrant First and Second Generations in the United State / International Migration Review. Vol. 38. No 3. P. 1160–1205.

ВКЛЮЧЕНИЕ НАУЧНОГО МЕТОДА ПОЗНАНИЯ В ОБНОВЛЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНЫХ ПРЕДМЕТОВ БИОЛОГИИ И ХИМИИ*

* Статья выполнена в рамках проекта "Обновление содержания общего естественнонаучного образования и методов обучения естественнонаучным предметам в условиях современной информационной среды". Шифр проекта № 27.6122.2017/БЧ.

INCLUSION OF THE SCIENTIFIC METHOD OF COGNITION IN THE UPDATED CONTENT OF SUBJECTS IN BIOLOGY AND CHEMISTRY

*L. Parshutina
N. Zagranichnaya*

Annotation

The article considers the ways of solving actual problems of the content renewal in the educational area "Natural-science subjects". By the example of the integration of chemistry and biology teaching courses in secondary school authors show that natural-scientific education is intended to ensure the formation of natural-scientific literacy among graduates; to acquaint with the specifics of scientific reasoning and methods of scientific cognition; to lay the foundations for a holistic view of life and the unity of nature and man. To implement these approaches, the authors propose potential areas of cooperation between the courses of these academic subjects, such as allocation of shared ideas, concepts, theoretical systems, and complex problems, usage of scientific methods of cognition. The article demonstrates that reliance on scientific methods of cognition is not the only effective methodological technique of the natural-science literacy formation, but an integrating factor in the development of common approaches to the content renewal of all natural-science subjects.

Keywords: studying results, natural-scientific literacy, study skills, interdisciplinary concepts, scientific method of cognition.

Подходы к обновлению содержания образовательной области "Естественнонаучные предметы" основываются на базовых принципах государственной политики в сфере образования, продекларированных в Законе об образовании РФ, ФГОС и др. документах. Основные приоритеты, выделенные в нормативных документах системы образования, в сфере естественнонаучного образования включают: единство образовательного пространства на территории Российской Федерации; гуманистический характер образования, создание условий для самореализации каждого человека; приоритеты жизни и здоровья человека, бережного отношения к природе и окружающей среде.

*Паршутина Людмила Александровна
К.п.н., с.н.с., Центр естественнонаучного
образования ФГБНУ "ИСРО РАО" г. Москва
Заграничная Надежда Анатольевна
К.п.н., с.н.с., Центр естественнонаучного
образования ФГБНУ "ИСРО РАО" г. Москва*

Аннотация

В статье рассматриваются пути разрешения актуальной проблемы обновления содержания обучения в образовательной области "Естественнонаучные предметы". На примере интеграции преподавания курсов биологии и химии в общеобразовательной школе показано, что естественнонаучное образование призвано обеспечивать формирование естественнонаучной грамотности выпускников; знакомить со спецификой научного мышления и методов научного познания; закладывать основы целостного взгляда на окружающий мир, на единство природы и человека. С целью реализации этих подходов авторами предложены возможные направления взаимодействия курсов данных учебных предметов, такие как выделение общих идей, понятий, теоретических систем, комплексных проблем, использование научных методов познания. Показано, что опора на научные методы познания является не только эффективным методическим приёмом формирования естественнонаучной грамотности, но и интегрирующим фактором при выработке общих подходов к обновлению содержания всех естественнонаучных учебных предметов.

Ключевые слова:

Результаты обучения, естественнонаучная грамотность, общеучебные умения, межпредметные понятия, научный метод познания.

Рассмотрим возможности обновления содержания естественнонаучных предметов на основе реализации научного метода познания в контексте приведённых выше идей на примере взаимодействия учебных предметов биологии и химии.

В основе обновления содержания учебных предметов "Биология" и "Химия" лежит направленность на формирование естественнонаучной грамотности выпускников средствами, доступными для этих дисциплин. Естественнонаучная грамотность (ЕНГ) – это важный социально значимый результат образования, на котором базируется формирование научного мировоззрения личности, от-

ражающего в конечном итоге уровень культуры общества, его способность к научному и технологическому прогрессу.

В области "Естественнонаучные предметы" можно рассматривать естественнонаучную грамотность как частное проявление функциональной грамотности при изучении биологии и химии, что не противоречит идеям и смыслам, заложенным в ФГОС.

ЕНГ – это интегративный результат обучения в области естественнонаучных дисциплин в основной школе. Этот результат обучения может считаться интегративным, так как его структура и содержание восстанавливают естественную целостность познавательного процесса на основе установления связей и отношений между всеми видами образовательных результатов. Интеграция, в данном случае, позволяет воссоединить результаты обучения как по вертикали (через межпредметные и управленческие связи), так и по горизонтали (через внутрипредметные, технологические связи) [4]. В этом контексте ЕНГ может рассматриваться как комплекс внутренних ресурсов выпускника основной школы, используемый им для решения своих проблем в сфере применения естественнонаучных знаний.

Интеграция естественнонаучных предметов с целью обеспечения возможности формирования ЕНГ создает условия для приобщения учащихся к науке и культуре, для целостного восприятия ими окружающего мира, расширяет поле творческой деятельности. В процессе формирования ЕНГ значительную роль играет взаимодействие предметов биологии и химии на уровне общих проблем и понятий, их полифункциональных теоретических систем как конструкторов формирования научной картины природы; на уровне решения комплексных проблем, осуществления межпредметных проектов и исследований, освоения универсальных общенаучных методов.

При изучении учебного материала по биологии и химии взаимодействие целесообразно при рассмотрении жизненно важных проблем, связанных с объектами природы и организмом человека. К таким проблемам можно отнести: процессы, происходящие в гидросфере, атмосфере и биосфере, которые рассматриваются с точки зрения химического состава и свойств, их значения для жизнедеятельности людей; роль органогенных элементов и важнейших химических веществ в организме человека; вопросы охраны здоровья, профилактики заболеваний и вредных привычек; влияние деятельности человека (антропогенного фактора) на окружающую среду своего региона, страны; последствия изменения среды обитания человека для человеческой цивилизации в целом.

Также значимыми направлениями интеграции биологии и химии являются установление межпредметных связей на уровнях формирования представлений о кру-

говороте веществ и энергии в экосистеме; изучения химического состава и биохимических процессов в клетке и т.д. Таким образом, естественнонаучное образование должно быть нацелено на формирование представлений о целостности и уникальности любого проявления жизни, ее планетарной ценности.

Особую роль в процессах обновления и интеграции содержания естественнонаучных предметов играет освоение учащимися общеучебных способов деятельности и общенаучных методов познания в процессе изучения предметного содержания. Речь идет об обучении школьников общим приемам, алгоритмам, схемам, образцам познавательной работы, которые являются универсальными, но которые формируются при усвоении конкретного материала каждого учебного предмета. Так, при формировании у школьников представлений о теоретических и эмпирических методах познания и их использовании для решения учебных проблем целесообразно включение в курсы химии и биологии содержательной линии "Методы научного познания", в рамках которой происходит знакомство с процессом познания, со структурой и функциями научного знания. Далее эти представления развиваются и наполняются конкретным содержанием. Усвоенные понятия выступают языковой основой описания научных фактов, формулирования гипотез, законов и теорий. Благодаря усвоению научных методов познания и специальных методов исследования явления учащиеся получают, во-первых, осведомленность о происхождении научных знаний и их отличии от обычной информации, во-вторых, представление о необходимой последовательности познавательных действий, ведущих от незнания к знанию. Усиливается роль процедур организации мыслительной деятельности учащихся, выраженных в методологических понятиях теоретического знания: научный факт, проблема, гипотеза, закономерность, закон, теория. При изучении химии и биологии, учащиеся также имеют возможность освоить эмпирические методы: наблюдение, измерение, эксперимент, моделирование, вычисление.

Освоение общеучебных умений является необходимым условием эффективной познавательной деятельности школьников. Возможность управления своей познавательной деятельностью находится в прямой зависимости от сформированности умений решать проблемы, умений информационной и коммуникативной деятельности, от логических умений – обобщать, сравнивать, систематизировать, классифицировать, анализировать, синтезировать факты и сведения.

Направленность на развитие этих умений реализуется в содержании обучения при условии, если наряду с сохранением фундаментальности усилено внимание к проблемности, практикоориентированности содержания, которое включает экологические и здоровьесберегающие сведения, примеры проявления химии и биологии в

жизни современного человека; информацию о природной роли изучаемых объектов, о их применении в жизненных ситуациях. Также важны: актуализация роли науки в современном обществе, обоснование необходимости биологических и химических знаний в повседневной жизни, отражение в содержании жизненного опыта и интересов учащихся.

Эти компоненты содержания учебного предмета раскрывают перспективы для осуществления самостоятельной познавательной деятельности, проектной и исследовательской работы по биологии и химии, способствуют развитию мотивации к изучению данных предметов, способности к саморазвитию и самообразованию учащихся. Содержание биологического и химического образования должно раскрывать перспективы проектной и исследовательской деятельности. Чтобы проектная деятельность учащегося сохраняла свою развивающую и образовательную функцию, а также метапредметную направленность, необходимо научить школьников соблюдать логику метода научного познания на всех этапах проектирования или исследования. Следовательно, для обеспечения достижения метапредметных результатов важно предусмотреть при обучении ситуации, в которых необходимо применение общеучебных умений, а также возможности для использования специального инструментария для их формирования, развития и диагностики.

Единый подход к формированию личностных ресурсов учащихся в курсах биологии и химии реализуется в условиях самостоятельной деятельности обучаемых с научным содержанием. Обновлённое содержание обучения должно отражать процесс познания мира, освоение умений взаимодействовать с окружающим миром и овладение научными основами миропонимания, создавать основу для формирования ценностных отношений, рождения личностных ориентаций, развития интеллектуальных способностей учащегося. Эти идеи реализуются как в курсе химии, так и в курсе биологии при включении в содержание обучения таких вопросов, как, основы экологической грамотности, химия и здоровье; загрязнение окружающей среды; проблемы безопасного использования веществ и химических реакций; роль химии и биологии в решении экологических проблем.

Межпредметное взаимодействие возможно на уровне актуализации межпредметных понятий, использование которых позволяет обращаться учащимся к учебному материалу других естественнонаучных предметов при изучении каждой темы курса химии или курса биологии. Так, при рассмотрении сущности "Атомно-молекулярного учения" на уроках химии в 8 классе целесообразно учитывать опорные знания из курса физики по разделу "Молекулярно-кинетическая теория"; изучение строения атомов и молекул проходит наиболее эффективно с учетом опорных знаний, учащихся по разделам "Молекулярная физика" и "Атомная физика".

На уроках биологии должно быть привлечено внимание учащихся к межпредметным связям с химией, к известным им химическим понятиям и закономерностям, например, при изучении тем "Вода в природе и в организме", "Строение и функции белков", "Свойства липидов и углеводов и их биологическая роль", "Биосинтез белка", "Строение, свойства и функции нуклеиновых кислот", "Рациональное питание", "Ферменты и их роль в организме", "Химические и биологические методы защиты растений", "Биохимический анализ крови".

Важнейшим фактором формирования ЕНГ является опора на научные методы познания в образовательном процессе. Научный метод является исторически сложившейся системой представлений человека о цели, плане и средствах осуществления исследования.

Практическая реализация научного метода познания на уроках возможна в рамках проблемного и исследовательского методов обучения, а также при проведении учебных проектно-исследовательских внеурочных работ. Именно биология и химия – школьные предметы, в которых имеются реальные возможности приобщить учащихся к экспериментальной учебной проектно-исследовательской работе. Природные и лабораторные наблюдения, эксперимент, самостоятельные учебные исследования могут и должны стать неотъемлемой частью преподавания этих предметов [2].

В практике преподавания данная методика известна как "Исследование незнакомого явления". Эти исследования выполняются по схеме цикла научного познания, то есть реализуется схема субъективного "переоткрытия" учениками того, что было открыто в ходе исторического развития науки. При изучении биологических и химических законов и теорий важно обращать внимание учащихся на историю открытий, организовывать познавательную деятельность учащихся таким образом, чтобы они анализировали научные факты и выдвигали гипотезы, проверяли их в эксперименте. Необходимо формировать представления школьников о том, что научное знание развивается циклически. Этапы научного метода познания образуют повторяющийся замкнутый цикл: 1) результаты наблюдения явлений выявляют научные факты, порождают проблему, побуждающую найти причину явления и объяснить его; 2) интуитивно выдвигаемая гипотеза дает предположительное решение проблемы; 3) логические выводы из гипотезы обосновывают теоретические предвидения; 4) выводы проверяются экспериментально; они либо подтверждаются результатом эксперимента и используются на практике, либо не подтверждаются опытом и становятся источником проблемы в начале нового цикла. Завершающий этап цикла научного познания имеет особую воспитательную ценность. Он раскрывает главную особенность научного знания – его прогнозирующую, предсказательную функцию и экспериментальную проверяемость [5].

Овладение умениями формулировать гипотезы, конструировать приборы, проводить эксперименты, оценивать полученные результаты позволяет школьникам освоить и организовывать своё познание на основе научных методов. Содержание учебных курсов биологии и химии предоставляет широкие возможности школьникам не только усвоить предметные и межпредметные знания, но и научиться анализировать жизненные проблемные ситуации, идентифицировать комплекс необходимых научных знаний и определять условия, в которых они применимы на пользу человеку и обществу. Школьники получают подготовку для решения комплексных проблем в таких сферах, как экология и охрана окружающей среды, здравоохранение, сбалансированное питание, бытовые проблемы, новые технологии, строительство, сельское хозяйство, транспорт, производство энергии и т.п.

Научными исследованиями и практикой преподавания показано, что опора на научные методы познания яв-

ляется не только эффективным методическим приёмом формирования ЕНГ, но и интегрирующим фактором при выработке общих подходов к изучению всех естественнонаучных учебных предметов [1,5].

Немаловажным аспектом обновления содержания на основе межпредметной интеграции является единый подход к разработке дидактического обеспечения курсов естественнонаучных предметов.

Использование общих подходов к разработке учебных заданий в курсах химии и биологии означает на практике, что задания на материале каждого учебного предмета должны включать решение мировоззренческих, экологических и практико-ориентированных проблем в контексте реальных жизненных ситуаций. Инновационные задания такого типа разрабатываются сотрудниками Центра естественнонаучного образования ИСРО РАО [1,2,3,4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Заграничная Н.А. О формировании естественно-научной грамотности учащихся/ Н.А. Заграничная/ Химия в школе. 2016, № 6. С. 6–10.
2. Заграничная Н.А., Паршутина Л.А. Как формировать естественнонаучную грамотность учащихся при изучении химии и биологии// Теоретические и методологические проблемы современного образования. Материалы XXVII Международной научно-практической конференции. Научно-информационный издательский центр "Институт стратегических исследований". 2016. С. 31–36.
3. Пентин А.Ю., Заграничная Н.А., Паршутина Л.А. Комплексные межпредметные задания с химической составляющей как инструмент формирования и диагностики естественнонаучной грамотности учащихся. /А.Ю. Пентин, Н.А. Заграничная, Л.А. Паршутина / Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 9–2. С. 196–200.
4. Перминова Л.М. Функциональная грамотность учащихся. Современный урок/ Л.М. Перминова / М.: МИОО, 2009. 111 с.
5. Разумовский В.Г. Проблемы теории и практики школьного физического образования: Избранные научные статьи/ В.Г.Разумовский; составитель Ю.А. Сауров. М.: Из-во РАО, 2016. 196с.
6. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016, с изм. от 19.12.2016) "Об образовании в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017). URL: <http://zakonobobrazovani.ru/> (дата обращения 12.11.2015).

© Л.А. Паршутина, Н.А. Заграничная, (parshutinala@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА МЕНЕДЖЕРОВ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

PROFESSIONAL TRAINING FOR MANAGERS OF SOCIO-CULTURAL FIELD IN THE CONTEXT OF THE CULTURAL POLICY OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

O. Pinigina

Annotation

The article discusses the issues of modernization in socio-cultural field in the Republic of Sakha (Yakutia); reveals the conceptual foundations in development of cultural policy and cultural education; analyses the positive changes in training for managers of cultural institutions; reports on new programs created for the system of higher qualification training and retraining for employees in the socio-cultural field.

Keywords: socio-cultural field, socio-cultural modernization, cultural politics, socio-cultural activities, Manager in the socio-cultural field, modular program.

Пинигина Ольга Николаевна

*К.п.н., преподаватель, Арктический
государственный институт культуры
и искусства, действительный член
Национальной академии туризма*

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы модернизации социально-культурной сферы в Республике Саха (Якутия); раскрываются концептуальные основы развития культурной политики и социокультурного образования; анализируются позитивные изменения в профессиональной подготовке менеджеров для учреждений культуры; сообщается о новых программах, создаваемых в системе повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников социально-культурной сферы.

Ключевые слова:

Социально-культурная сфера, социокультурная модернизация, культурная политика, социально-культурная деятельность, менеджер социально-культурной сферы, модульная программа.

Модернизация системы профессиональной подготовки работников социально-культурной сферы деятельности всегда связывается тесным образом с теми экономическими, социальными и культурными изменениями, которые происходят в стране под влиянием объективных факторов. И, безусловно, одним из наиболее влиятельных факторов является вступление российской экономики на инновационный путь развития.

Востребованными становятся высокообразованные, мобильные, конкурентоспособные специалисты, владеющие коммуникативной культурой, иностранными языками, информационными технологиями, готовностью к созидательной деятельности и непрерывному повышению квалификации.

Признавая большую ответственность работников социально-культурной сферы деятельности перед современным обществом, в таких документах, как: "Национальная доктрина образования в Российской Федерации" и "Концепция социокультурной модернизации образования в Республике Саха (Якутия)" подчеркивается необходимость обеспечения исторической преемственнос-

ти поколений, сохранение, распространение и развитие национальной культуры. В документах проводится мысль о том, что ценности и смыслы культуры определяют идентичность, формируют отношение к труду, вдохновляют коллективные действия.

В проекте Концепции культурной политики Якутии до 2030 года подчеркивается, что культурная политика региона в условиях глобализации, сопровождаемой стиранием различий между нациями и социальными группами, разрушением традиций, обрядов, ценностей, присущих национальным культурам, направлена на сохранение идентичности человека и культуры, укрепление культурного кода нации [5, С.1–2]. Актуальность и новизна Концепции обеспечиваются результатами научно-исследовательских работ, проведенных по заказу Министерства культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия) в 2015 году на тему "Комплексный анализ деятельности учреждений культуры Республики Саха (Якутия)" ФГБУН "Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ИГИИПМНС СО РАН); ФГБОУ ВО "Арктический государственный институт культуры и искусств".

Согласно Концепции целевым направлением в социально-культурном развитии общества являются продвижение и популяризация культурных, художественных и духовных ценностей российского общества как уникального евразийского государства; сохранение и развитие этнических культурных традиций и поддержка всех видов основанного на них народного творчества, как одного из значимых источников профессиональной культуры и важной составляющей уникальности республики в мире; развитие деятельности по популяризации, распространению и изучению эпического наследия народов республики; создание в республике эффективной системы охраны, сохранения, использования и популяризации культурного (материального и нематериального) наследия; завершение формирования реестра памятников федерального, республиканского и муниципального значения и их паспортизации; создание условий для выявления, сбора, сохранения и формирования аудиовизуального наследия и электронной информации Республики Саха (Якутия), как составной части Архивного фонда Республики Саха (Якутия) и Архивного фонда Российской Федерации; создание условий для сохранения и развития всех языков народов Республики Саха (Якутия); развитие декоративно-прикладного искусства, народных промыслов и ремесел; изучение и поддержка традиционных верований, отвечающих современным требованиям духовного развития народов Якутии, их ритуально-обрядовой составляющей, оформление прав на традиционные места проведения национального праздника Ысыах; развитие музейного дела, в том числе разработка новых подходов и принципов формирования музейной сети, укрепление материальной базы музеев; развитие краеведения, направленного на воспитание любви к своему краю, чувства принадлежности к национальной и местной культуре.

Решение этих масштабных задач не представляется возможным без создания необходимых условий для развития нравственного, духовного и творческого потенциала личности. В Концепции предусмотрено сохранение и развитие сложившейся сети учреждений культуры и искусства, комплексная модернизация материально-технической базы, в том числе реконструкция и строительство объектов культуры, освоение учреждениями новых технологий культурной деятельности; создание объединений библиотек, культурно-досуговых учреждений для совместного решения вопросов библиотечного обслуживания и досуга населения; развитие кадрового потенциала сферы культуры; разработка новых подходов и современных форм работы, поддержка единообразия в создании новых типов учреждений культуры; использование потенциала туристской отрасли для развития и распространения традиционного народного творчества и декоративно-прикладного искусства, продвижения культуры народов Якутии в мировое культурное пространство, развития имиджа региона в мире. Следует от-

дать должное тому, что в Концепции уделено внимание вопросам профессиональной подготовки работников культуры к социокультурной деятельности. Термин "социально-культурная деятельность" в научно-педагогической науке рассматривается в трех значениях: как общественная практика, в которой задействовано сегодня множество профессий, крайне необходимых для современной социокультурной сферы; как учебный предмет, обладающий определенной логикой и структурой; как исторически сложившаяся отрасль научных знаний, теория, которая развивается благодаря усилиям большого отряда ученых и практиков. Теория социально-культурной деятельности является одной из составных частей теории педагогики и базируется на фундаментальных для педагогической науки положениях из области психологии, социологии, философии, истории, культурологии и т.д. В свою очередь, теория социокультурной деятельности является базовой отраслью научных знаний для множества более узких специализированных дисциплин, входящих в образовательные стандарты подготовки кадров для сферы искусства, СМИ, туризма, информационных технологий и других.

Большая ответственность возлагается сегодня на менеджеров в сфере социокультурной деятельности. Менеджер социально-культурной деятельности – это профессионал с высоким уровнем общей культуры и эрудиции, изучающий такие дисциплины, как менеджмент и маркетинг, предпринимательство и экономика, финансовая и хозяйственная деятельность, социально-культурные технологии и культурное наследие, мировая культура и литература, история искусств и психология, педагогика и имиджелогия, реклама и этикет, иностранные языки. Социокультурная деятельность многообразная область, основанная на потребностях личностного и общественного развития, тесным образом связанная с человеком. Человек является объектом просвещения и социализации, воспитания и инкультурации, основной заказчик эстетизации среды обитания и потребитель культуры. Следовательно, профессиональная компетентность такого менеджера – это качественный уровень профессиональной деятельности, ориентированной на социально значимый, культурно-творческий конечный результат (цель) и оптимальный процесс его достижения. Профессиональная компетентность менеджера социокультурной деятельности проявляется, во-первых, в умении управлять персоналом учреждения культуры; во-вторых, в профессионализме самого менеджера, который реализуется в самой его деятельности, в его личностном отношении к этой деятельности. Профессиональная компетентность представляет собой не только результат и оценочный показатель деятельности менеджера, но и уровень его мышления, стиль деятельности.

Компетентность менеджера есть показатель его профессионализма.

Менеджер социокультурной сферы призван управлять отбором, хранением, производством и распространением культурных ценностей. Если это работа в каком-либо регионе, то он должен поддерживать местную культурную самобытность и сохранять историко-культурное наследие, язык и национальные традиции. Целенаправленная социокультурная деятельность, ориентированная на возрождение этнокультурных ценностей силами гражданского общества, и направленная на организацию условий для создания, распространения и потребления духовных ценностей, способствует интеграции культур малочисленных народов в глобальном мире. Одной из главных качеств менеджера в последипломный период деятельности является способность к непрерывному саморазвитию, профессиональному самосовершенствованию и профессиональному росту.

Система повышения квалификации и профессиональной переподготовки менеджеров социокультурной сферы открыта для удовлетворения профессиональных и личностных потребностей менеджеров. Создаются модульные программы, рассчитанные на разный уровень подготовки специалистов. Преимущество модульных программ заключается в возможности выбора курса, который позволяет актуализировать теоретические знания, обогатить практический опыт за счет ознакомления с достижениями менеджеров-инноваторов, имеющих высокие результаты труда в учреждениях социокультурной сферы.

Обучение осуществляется с учетом требований к профессиональным компетенциям в области: теории и практики управления персоналом; теории и практики управления социокультурными проектами; межличностной и межкультурной коммуникации. Эффективность обучения в системе повышения квалификации достигается с использованием интерактивных методов и педагогических технологий, которые обеспечивают высокую мотивацию к образовательной деятельности. Это проблемные лекции с обсуждением разного рода проблем и ситуаций; лекция-диалог; лекция-презентация, семинар-собеседование, семинар-дискуссия, семинар – "круглый стол", семинар-аукцион творческих идей и др. Практические занятия могут проводиться в форме деловой игры, клуба альтернативных идей, индивидуальной защиты социально-культурного проекта; в форме учебно-творческой лаборатории, индивидуальных занятий, консультаций, встреч с инновационными менеджерами по обмену опытом и инновационными идеями, руководителями учреждений культуры, образования, искусств, досуга. Все большую популярность среди участников курсов приобретает проектная деятельность. Превращение процесса обучения в "живое" общение, культурный диалог при обеспечении доброжелательной открытой к познанию атмосферы значительно повышает интерес и стимулирует творческое развитие личности каждого

участника курсов. Участники курсов занимаются подготовкой рефератов, курсовых работ, выполнением практических заданий, участвуют в разработке и реализации различных по своему профилю историко-культурных, образовательных, информационно-развивающих, развлекательно-игровых, художественно-зрелищных, экологических социально-культурных проектов и программ.

Следует заметить, что учебные курсы, как правило, ставят своей целью не только подготовить участников к профессиональной деятельности, но и овладеть новыми функциями, востребованными в современной сфере социально-культурной деятельности: функция лидера, функция организатора инновационного социально-культурного проекта, функция исследователя (маркетолога) рынка культурно-досуговых и туристических услуг, функция исследователя актуальных проблем социально-культурной отрасли.

Во время обучения участники программы повышения квалификации получают реальную возможность взаимобогащения опытом и, взаимодействуя, развивать личностные качества, обеспечивающие успешную.

Хотелось бы остановиться на модуле "Инновационная социально-культурная деятельность". Каждый модуль состоит из теоретической и практической части.

Теоретическая часть включает следующие вопросы:

- ◆ Преемственность этапов развития социально-культурной сферы в Республике Саха (Якутия);
- ◆ Нормативно-правовая основа, обеспечивающая развитие и реализацию концептуальных положений культурной политики в республике;
- ◆ Теоретико-методологические и практические основания инновационного развития социально-культурной сферы жизнедеятельности общества;
- ◆ Креативная деятельность социокультурных менеджеров: опыт, презентации, конкурсы.

Практическая часть связана с проектной деятельностью, направленной на исследование и решение профессиональных задач; создание в коллективном взаимодействии авторских социокультурных, культурно-досуговых, туристических проспектов и программ с последующей их презентацией и апробацией в учреждениях культуры.

В программу отдельно взятого модуля – учебного курса включаются психологические и интеркультурные тренинги, позволяющие вырабатывать стиль делового и профессионального общения, формировать коммуникативную культуру, развивать личностные качества.

Особо хотелось бы остановиться на модуле "Иностранный язык для профессии". Сегодня многие менедже-

ры социокультурной сферы деятельности столкнулись с трудностями в области международного сотрудничества из-за незнания или плохого знания иностранного языка и особенностей деловой межкультурной коммуникации. Действительно, расширение международных контактов в различных областях народного хозяйства, науки и культуры вызвало необходимость в специалистах, способных применять знания иностранного языка для решения профессиональных задач.

В заключении хотелось бы подчеркнуть то, что после-

дипломная профессиональная подготовка менеджеров социально-культурной сферы деятельности требует новых подходов к организации повышения квалификации и профессиональной переподготовки менеджеров социально-культурной сферы деятельности; разработки вариативных модульных программ и концепций курсов с ориентацией на культурную личность специалиста, обладающего высоким уровнем профессиональной компетентности, квалификации и способностями творчески и профессионально решать задачи по реализации культурной и социальной политики в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьева О. Н. Межкультурный диалог в условиях глобализации: проблемы теории и практики Текст. / О. Н. Астафьева // Фундаментальные проблемы культурологии. Т.1У. Культурная политика. СПб.: Алатейя, 2008. – С.354 – 379
2. Булавина Д. М. Проектная деятельность в сфере культуры как механизм реализации культурной политики Текст. / Д. М. Булавина : автореферат дисс. . канд. культурологи : 24.00.01 –М. : РАГС, 2007. –21 с.
3. Касаткина С.А. Основы профессиональной деятельности менеджера социокультурной сферы: Учебное пособие. М.: МГУКИ, 2001. 102 с.
4. Киселева Т.Г., Красильников Ю.Д. Социально-культурная деятельность. М.: МГУКИ, 2001. 136 с.
5. Концепция культурной политики Республики Саха (Якутия) – 2016 –2030 годы. Источник: <http://www.sakha.gov.ru/node/291750>
6. Сергеев Евгений Александрович. Становление и развитие профессиональной подготовки специалистов социально-культурной сферы : Дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.05 : Москва, 2000 , 459 с. РГБ ОД, 71:00-13/177-
7. Чижиков В.В. Вариативности моделей социокультурного менеджмента // Актуальные проблемы социокультурного менеджмента. М.: МГУКИ, 2002. С. 44-56.

© О.Н. Пинигина, (shangri_la99@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Арктический государственный институт культуры и искусства

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

THEORY AND METHODOLOGY OF PROFESSIONAL MUSICAL OBRAZOVANIJA

N. Semeshko

Annotation

The article touches on some aspects related to the formation of a reconciliation of views psychological entity and individual characteristics of future musicians. Author in historical perspective explores the position of the theoretical and methodological approach the individual characteristics of the future musician–artist by focusing on individual problems in music education training all levels of culture and art.

Keywords: musical pedagogics, technique, training, personality, identity, music education, teacher, musician, performer, professional musical education

Семешко Наталья Анатольевна

Доцент,

*Тюменский государственный
институт культуры, Тюмень*

Аннотация

В статье затронуты некоторые аспекты, связанные с формированием выверенных представлений о психологической сущности и индивидуальных особенностях будущих музыкантов–исполнителей. Автор в истори–ческой перспективе исследует с позиции теоретического и методологического–го подхода индивидуальные особенности будущего музыканта–исполнителя, акцентируя внимание на отдельных проблемах музыкальной педагогики при подготовке специалистов культуры и искусства всех уровней.

Ключевые слова:

Музыкальная педагогика, методика, обучение, личность, индивидуальность, музыкальное образование, педагог, музыкант, исполнитель, профессиональное музыкальное образование.

*Первоисточником музыки является
не только окружающий мир, но и сам человек,
его духовный мир, мышление и речь.*

В.А. Сухомлинский

Нынешний этап развития общества, подверженный общему ходу глобализации, характеризуется активным процессом переосмысления ценностей, непосредственно связанных с изменениями музыкальной педагогики при подготовке специалистов культуры и искусства всех уровней. При этом все теоретико–методологические процессы, как обучения, так и воспитания для студентов учреждений искусств, ориентированы на общее развитие творческой личности обучающихся, ее нравственно–этических, духовных и моральных качеств с меньшим акцентом (по разным причинам) на личностные особенности индивида. А ведь именно специфические черты индивидуальности присущие человеку как биологическому организму, неповторимость и своеобразие его природного темперамента, характер и совокупность человеческих потребностей и способностей как раз и являются анатомо–физиологически задатками, непосредственно преобразуемыми в системе образования, а в процессе воспитания, порождающие широкую вариативность проявлений.

Однако вопросы детального освещения профессиональной деятельности музыканта–исполнителя с точки зрения психологической устойчивости до сих пор не по–

лучили широкого освещения в специальной музыкально–методической литературе.

В этой взаимообусловленности индивидуальность противопоставляется "усредненному" человеку, то есть свойства отдельного индивида поляризуются их типовым подходам или среднегрупповым установкам. К тому же автор считает, что дифференциация профессионального обучения в реальной жизни осложняется проблемами раннего тестирования и диагностики профессиональных музыкальных способностей подростка. И только в ходе теоретического анализа и методологического исследования при сравнимости результатов типичной музыкальной педагогики могут быть выявлены индивидуальные особенности будущего музыканта или исполнителя. Однако не следует при этом ограничиваться лишь типичными данными, упуская уровень подготовленности конкретного человека. К примеру, в 1994 году в России насчитывалось более 5800 музыкальных школ, 260 средних и 50 высших музыкальных учебных заведений, ежегодным выпуском десятки тысяч специалистов. Такого масштаба государственной музыкальной сети учебных заведений не имела ни одна страна мира [12]. Однако в музыкальном образовании, как и всей российской культуре, были

серьезные проблемы в первую очередь связанные с существующим разрывом между высоким профессиональным уровнем музыкальных достижений и низкой музыкальной культурой населения страны.

Обучая и подготавливая высококлассных музыкантов–профессионалов, образовательная система осталась в стороне от подготовки самих слушателей. Более того, музыканты–исполнители – выпускники институтов и особенно консерваторий оказались неподготовленными в какой–то степени к музыкально–просветительской работе в непрофессиональной аудитории, а зачастую им трудно было найти работу притом, что даже в городах не говоря о сельских поселениях учителей музыки, попросту не хватало.

Попытки реформирования методики музыкального обучения совпали и с общей реорганизацией школьной системы. Итогом стало "замешательство" педагогов, поскольку объединение предполагало сокращение научно–педагогических кадров, а введение разного рода платного обучения не привело к прибавке зарплаты. Одновременно было выдвинуто требование по "интересному и современному" обучению детей, но прежде всего, предполагалось начать с преподавателей, которые должны "переделать" самих себя. Однако об этом можно говорить сколько угодно, но реализовать это на практике оказалось невероятно сложно. По большому счету, как мы наблюдаем в настоящее время, потребовались годы.

Да и сегодня музыкально–исполнительское искусство подчиняясь тенденциям и традициям развивающегося общества, не в полной мере откликается на предъявляемые к нему требования. Более того, сложившаяся годами система профессионального обучения и подготовки музыкантов–исполнителей в области культуры и искусства с доминированием традиционно сложившихся педагогических методов не дает возможности будущим музыкантам–исполнителям целиком и полностью раскрыть свой индивидуальный талант.

Очень важно в начальном этапе попасть на обучение к профессиональному человеку, любящему свое дело и живя им. Только такой педагог может приобщить к творчеству начинающего музыканта и в дальнейшем сориентировать его к выбору своей профессии.

Да, всякий голос нужно "ставить", шлифовать как алмаз, раскрывать все его грани. Природные данные и самостоятельная практика это очень серьезный и важный аргумент, но контролировать и вести студента на пути к совершенству кто–то должен. Ведь мало иметь красивый и хороший голос, им нужно еще научиться владеть, как избранным сложным инструментом. И опытному педагогу это удалось, внушив ученику, что без титанического труда, сцена останется лишь мечтой.

Продолжить консерваторское обучение можно по выбору – в Италии (Неаполь, Флоренция, Милан), а также пройти стажировку в молодежных стажерских группах во многих мировых театрах. При этом необходимо помимо исполнительских успехов еще хорошее знание языка.

Устоявшиеся стереотипы оценки личности музыканта–исполнителя напрямую оказывают влияние на качество профессиональной музыкальной педагогической деятельности. Вместе с тем, реальные изменения в системе профессионального музыкального образования и сфере практического функционирования в музыкально–исполнительской области порождают необходимость в воспитании музыкантов–исполнителей, ориентированных, в первую очередь, на овладение профессиональной креативностью, которая необходима для полноценной профессиональной самореализации.

Согласно теории интегральной индивидуальности В.С. Мерлина индивидуальность человека складывается из индивидуальных особенностей, относящихся к разным уровням его организации – от биохимического до социального. Если для нижнего уровня индивидуальности характерны биохимические и общесоматические свойства организма, для среднего – в большей степени проявления индивидуальных психических свойств (некоторые отличительные черты личности и особенности его темперамента), то на высшем уровне проявляются социально–психологические свойства, в основе которых заложена роль конкретного человека в малых (семья) и больших (сообщество, народ) группах [11].

В контексте такого подхода автор с позиций воспитания музыкой, на протяжении нескольких лет проводит мониторинговые изучения абитуриентов и студентов колледжа и института, с научной точки зрения исследует природосообразные методы взращивания музыкальных способностей, в основе которых лежат имманентные свойства подростков – это пристрастие к мелодии, ритму, движению, а, в общем и целом, к гармонии с самим собой и окружающим миром. При этом все больше и больше утверждаясь в мысли, что предусмотренная довузовская программа по музыке, помимо сведений из области музыкального искусства музыкального воспитания, должна учитывать психолого–физиологические особенности развития одаренных индивидов. Так как одаренные натуры, творчески мыслящие личности подвержены также нравственно – психологической усталовке, предусматривающей поиск собственной поддержки не только в педагогах и благоприятной внешней среде, но и в себе самой, во внутреннем духовном мире, наполненном верой в себя и свой дар (Архив автора).

Не каждому исполнителю под силу уметь раскрыть свою особую индивидуальность, свой голос, артистизм,

музыкальность и, конечно же, сценическое обаяние. Развивать познавательный интерес к одному из самых сильных жанров вокальной музыки – опере как собирательному виду искусства. Открывать для себя ассоциативные связи между музыкой и художественными образами классической литературы. Следить за становлением и развитием сопоставимых образов исходя из единства сходств и различий интонации, гармонично звучащих музыкальных тем. Многим это удастся опять же во взаимодействии с педагогом.

"Связь способностей, – по мнению С.Л. Рубинштейна, – с психологическими процессами – мышлением, восприятием, чувствительностью и так далее – "родовыми" свойствами, присущими всем людям, является той основой, на которой должно строиться изучение способностей как особенностей, дифференцирующих людей" [10].

Этот тезис подтверждается как учеными, так и педагогами–практиками занимающимися вопросами дифференциации, поскольку этот процесс музыкальной педагогики является одним из важнейших факторов "усвоения" учебного материала, а главное развития индивидуальных особенностей личности. Это по большому счету "штучный товар", наши "звездочки", наши Мацуевы и Нетребко.

Знакомясь с биографиями ярких звезд, невольно отмечаешь какие–то их отличия от других. У каждой – свой

стиль поведения, своеобразный нрав, особая эффективность поведения.

Это настойчивость и упорство, преодоление преград, связанных порой не только с невероятными трудностями, но и с огромнейшим желанием, идти до конца, не отставаясь. Такая предельно высокая работоспособность присуща лишь людям, охваченным страстью к любимому делу. Именно неотступная тяга к пению и музыке помогает одаренным студентам за короткий период времени стать не только лауреатами престижных конкурсов, победа на которых предопределяет карьеру юных музыкантов. Они становятся востребованными как в России, так и за рубежом.

В заключение автор считает необходимым подчеркнуть, что в процессе индивидуальной профессиональной музыкально–педагогической деятельности, как музыкантов–исполнителей, так и педагогов испытывающих значительные затруднения в разрешении профессиональных задач, особенность которых обусловлена в первую очередь авторским видением музыкальных произведений, необходимо исходить из совокупности музыкально–педагогических средств, конкретизировав научное представление об индивидуальной профессиональной подготовке музыканта–исполнителя. При этом определяя методологическую основу процесса подготовки и структуру, педагог должен апробировать систему формирования способностей к интерпретации будущих музыкантов–исполнителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А.В. Себя преодолеть! М.: ФиС, 1978.
2. Бочкарев Л.Л. Психологические аспекты формирования готовности музыкантов–исполнителей к публичному выступлению. Автореферат канд. дисс. М., 1974.
3. Дмитриев Л. "Основы вокальной методики". – Музыка, 1968
4. Гонтаренко Н. "Сольное пение. Секреты вокального мастерства". – Ростов на Дону, Феникс, 2007.
5. Д. Кабалецкий "Воспитание ума и сердца". – М., 1984.
6. Соловьев Н. Ф. Голос, в вокальной музыке // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907.
7. Сэт Риггс "Как стать звездой. Аудиошкола для вокалистов". – М., 2000.
8. Русская музыкальная литература: Учеб. пособие. Вып.3 – М.: Музыка, 2004. – 464 с.
9. Цагарелли Ю. А. Психология музыкально–исполнительской деятельности // Учебное пособие. Издательство "Композитор. Санкт–Петербург", 2008.
10. Рубинштейн С.Л. Проблема способностей и вопросы психологической теории // Вопросы психологии.– 1960. – № 3. – С. 12–23.
11. Мерлин В.С. Психология индивидуальности: Избранные психологические труды // МОДЭК. 2005. 455с.
12. Федорович Е.Н. История музыкального образования: Учеб. пособие / Урал. гос. пед. ун–т. – Екатеринбург, 2003. – 110 с.

АКТУАЛЬНОСТЬ ОБОБЩЕННОЙ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОПЫТА КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗ-а В ПРОЦЕССЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ

RELEVANCE OF THE GENERALIZED MODEL
OF FORMATION OF PROFESSIONAL
EXPERIENCE OF CADETS OF MILITARY
HIGHER EDUCATION INSTITUTION
IN THE COURSE OF PRACTICAL
PREPARATION

A. Homchenko

Annotation

Change of conditions of training and education of future officers actualizes importance of judgment of a practical component of military education, opportunities of practical preparation in ensuring successful formation of professional experience of cadets of military higher education institution in new conditions with use of modern educational technologies where the practical making is an integral part of this process.

Keywords: professional experience, the generalized model, military higher education institution, process of practical preparation.

Хомченко Антон Игоревич

*Преподаватель,
Омский автобронетанковый
инженерный институт, г. Омск*

Аннотация

Изменение условий обучения и воспитания будущих офицеров актуализирует важность осмысления практической составляющей военного образования, возможностей практической подготовки в обеспечении успешного формирования профессионального опыта курсантов военного вуза в новых условиях с использованием современных образовательных технологий, где практическая составляющая неотъемлемая часть данного процесса.

Ключевые слова:

Профессиональный опыт, обобщенная модель, военный вуз, процесс практической подготовки.

Исследование организационно-педагогических условий формирования профессионального опыта курсантов военного вуза представляет собой системный анализ этого процесса, однако для его организации на практике аналитических знаний явно недостаточно, требуется синтетическое обобщенное представление, которое может быть обеспечено методом моделирования. Моделирование, как мы считаем, даст полноту картины, в которой организационно-педагогические условия позиционируются в единой системе как минимум в трех плоскостях: в организации учебно-воспитательного процесса и управлении им, в логике педагогического взаимодействия его субъектов, а также в процессе развития личности курсанта в профессиональном военном образовании. В первой плоскости реализация организационно-педагогических условий формирования профессионального опыта курсантов военного вуза представлена через основные функции управления учебно-воспитательным процессом (целесолагание, педагогический анализ, прогнозирование, организация, мотивация и стимулирование, контроль, коррекция). Во второй они определяют особенности обучения и воспитания, формы и методы педагогического взаимодействия. В третьей – обеспечивают прогнозируемые результаты развития

личности будущего офицера, связанные с профессиональным опытом, достигаемые на протяжении его обучения в военном вузе.

Педагогическое моделирование, как оно раскрывается в исследованиях А. Н. Дахина [3], Е. А. Лодатко [4], А. А. Остапенко [5], М. В. Ядровской [6], В. А. Ясвина [7] и других авторов, позволяет не только создавать и использовать для решения исследовательских задач упрощенные и достаточно конструктивные для практического применения графические заменители, но и объединять в обобщенных моделях одновременно несколько проекций системы. Опираясь на положения, высказанные теоретиками педагогического моделирования, определим существенные и содержательные характеристики обобщенной модели формирования профессионального опыта курсантов военного вуза.

По своему характеру и отношению к полученным ранее аналитическим результатам (структура и содержание профессионального опыта курсантов военного вуза, организационно-педагогические условия формирования профессионального опыта и т. д.) моделируемая нами конструкция является обобщенной, построенной с

позиции системного синтеза. По отношению к учебно-воспитательному процессу она может считаться фрагментарной, поскольку охватывает не весь учебно-воспитательный процесс, а только практическую подготовку курсантов.

По своей природе обобщенная модель процесса формирования профессионального опыта курсантов военного вуза является структурной, т. е. отображающей в упрощенном виде состав и связи между составляющими педагогического процесса: целями, содержанием, формами, методами, средствами, способами педагогического взаимодействия и др., которые необходимы и достаточны для понимания изменений в личности курсанта.

В структуре обобщенной модели формирования профессионального опыта курсантов военного вуза в процессе практической подготовки мы выделили целевой, процессуальный, организационно-деятельностный, содержательный, результативный, оценочный и управляющий блоки (рисунок 1).

Целевой блок модели предназначен для выбора обобщенной (приемлемой для субъектного разнообразия с учетом индивидуальности процессов формирования профессионального опыта) формулировки педагогической цели – идеального представления о возможном результате обучения и воспитания личности.

При моделировании целевого компонента мы держим в уме необходимость учета и использования требований к педагогическим целям, изложенных в работах В. П. Беспалько [1], В. В. Гузеева [2] и др., а именно требования:

- ◆ объективности и проверяемости;
- ◆ простоты и конкретности;
- ◆ достижимости и пр.

Процессуальный блок модели необходим для позиционирования целенаправленного процесса формирования профессионального опыта курсантов в логике профессиональной подготовки военного специалиста, а также в графике учебно-воспитательного процесса. В условиях реального обучения и воспитания курсантов процессуальный блок позволяет осуществлять планирование обучения и воспитания курсантов, выстраивать междисциплинарные связи в едином процессе формирования профессионального опыта.

Специфические характеристики этапов и общая логика учебно-воспитательного процесса, особенности личностного развития и профессионального становления курсантов на разных курсах обучения учтены при моделировании всех остальных блоков модели и, прежде всего, – организационно-деятельностного. Организационно-деятельностный блок модели объясняет порядок

организации практической подготовки курсантов с учетом разработанных организационно-педагогических условий формирования профессионального опыта.

В реальном учебно-воспитательном процессе с учетом экспериментальных преобразований на его основе осуществляется учебно-методическое обеспечение формирования профессионального опыта курсантов, а именно:

- ◆ разработка учебных дисциплин;
- ◆ подготовка банка учебно-профессиональных ситуаций;
- ◆ выбор и уточнение форм, методов и средств контроля и диагностики.

В единстве формы и содержания как двух сущностей единого явления моделировался содержательный блок, который объединяет содержание профессионального опыта, необходимого офицеру-выпускнику для успешного выполнения обязанностей. Единицы содержания, как мы полагаем, соответствуют основной образовательной программе военного вуза, но группируются не по учебным дисциплинам, а по учебно-профессиональным задачам, требующим отдельного целостного сценария-скрипта, приспособленного для творческого применения при решении целой группы учебно-профессиональных задач в вариативной обстановке.

В таком виде скрипты по своей природе в наибольшей степени соответствуют определению профессиональной компетенции.

Результативный блок обобщенной модели формирования профессионального опыта курсантов военного вуза отражает наиболее общие, характерные для большинства курсантов личностные изменения, обусловленные практической подготовкой и связанные с профессиональным опытом. В моделируемом процессе планируемый результат сформулирован достаточно свободно, таким образом, чтобы оставалась возможность объединить широкий диапазон индивидуальных вариантов формирования профессионального опыта.

Далее дадим характеристику оценочного и управляющего блоков модели.

Оценка результатов формирования личного опыта представляется нам обязательной частью процесса, обеспечивающей его целенаправленность и управляемость. Оценочный блок обобщенной модели формирования профессионального опыта курсантов военного вуза отражает процедуры оценки динамично изменяющегося опыта в соответствии с механизмами формирования, потребностями психолого-педагогической поддержки данного процесса, а также логикой практической подготовки курсантов.

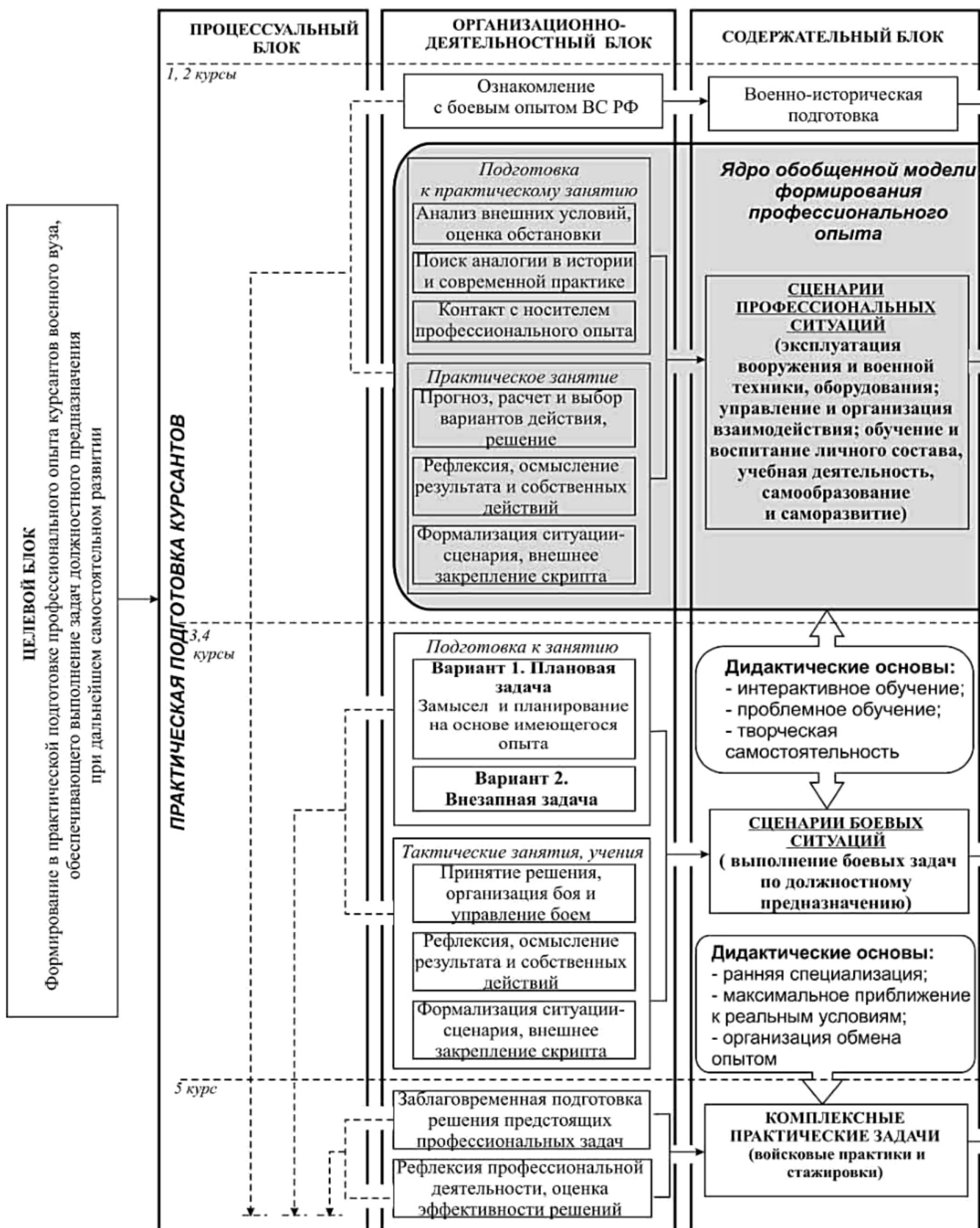

Рисунок 1/1. Обобщенная модель процесса формирования профессионального опыта курсантов военного вуза в процессе практической подготовки.

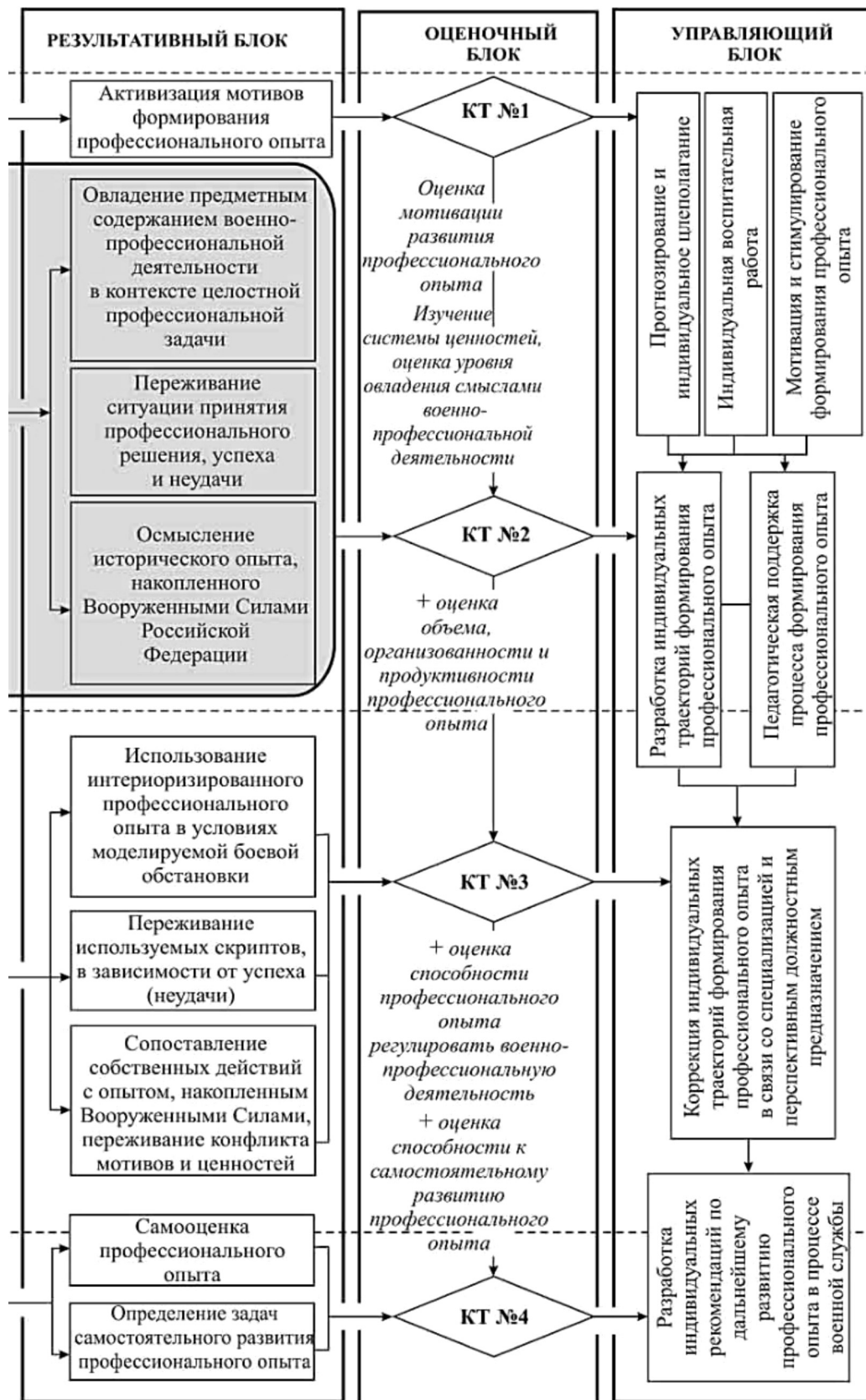

Рисунок 1/2. Обобщенная модель процесса формирования профессионального опыта курсантов военного вуза в процессе практической подготовки.

Управляющий блок дает возможность организации индивидуальных траекторий формирования профессионального опыта курсантов военного вуза на основе общего тренда, задаваемого обобщенной моделью. Поскольку управляющий блок опирается на индивидуальные характеристики процесса, его целесообразно рассматривать в единстве с оценочным.

Обязательными компонентами оценочного блока, отраженными в модели, на наш взгляд, являются:

- ◆ критерии и показатели оценки успешности формирования опыта;
- ◆ средства оценки: инструментарий, измерительные линейки, методы интерпретации данных.

Моделируемое содержание управляющего блока, по нашему мнению, могут образовывать формы психолого-педагогической поддержки, индивидуализации и управления процессом формирования профессионального опыта конкретного курсанта, выбор которых осуществляется на основе прогнозируемых результатов, связанных с изменениями в личности курсанта.

Ядром обобщенной модели профессионального

опыта курсантов военного вуза выступают сценарии профессиональных ситуаций – в полной мере соответствующие должностному предназначению, сформулированные целостные учебно-профессиональные задачи, включающие реальные или приближенные к реальным условия, требующие самостоятельного принятия решения, постановки задач (приказа), организации своей деятельности и деятельности подчиненных, управления ими при наличии фактора ответственности. Дидактическими основаниями сценария профессиональной ситуации являются: интерактивное обучение, проблемное обучение и творческая самостоятельность курсантов.

Обобщенная модель формирования профессионального опыта курсантов военного вуза, таким образом, приобретает целостность и позволяет, сделать вывод, о том, что практическая подготовка курсантов военного вуза представляет собой организованную в рамках учебно-воспитательного процесса военного вуза деятельность курсантов по решению учебно-профессиональных задач, соответствующих по уровню сложности, содержанию и условиям решения осваиваемой в настоящий момент профессиональной роли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспалько, В. П. Слагаемые педагогической технологии / В. П. Беспалько. – М.: Педагогика, 1989. – 192 с.
2. Гузеев, В. В. Планирование результатов образования и образовательная технология / В. В. Гузеев. – М.: Народное образование, 2000. – 240 с.
3. Дахин, А. Н. Моделирование в педагогике / А. Н. Дахин // Идеи и идеалы. – 2010. – № 1(3). Т. 2. – С. 10–22.
4. Лодатко, Е. А. Моделирование педагогических систем и процессов: монография / Е. А. Лодатко. – Славянск: СГПУ, 2010. – 148 с.
5. Остапенко, А. А. Моделирование многомерной педагогической реальности: теория и технологии / А. А. Остапенко. – М.: Народное образование, 2007. – 384 с.
6. Ядровская, М. В. Модели и моделирование в педагогике: монография / М. В. Ядровская. – Ростов-на/Д.: Изд. центр ДГТУ, 2014. – 358 с.
7. Ясвин, В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию / В. А. Ясвин. – М.: Смысл, 2001. – 365 с.

© А.И. Хомченко, (xomanton11@rambler.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС 2015-2017 гг. И ЕГО ЯЗЫКОВАЯ ПРОЕКЦИЯ В ИСПАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

MIGRATION CRISIS 2015-2017 AND HIS LANGUAGE PROJECTION IN THE SPANISH POLITICAL (MEDIA) DISCOURSE

R. Alimova

Annotation

This article examines the changes that have occurred in the conceptual sphere of the Spanish political and media discourse under the influence of increased migration flows in 2015–2017. Based on the materials of the Spanish newspaper and public discourse on migration issues, as well as recent events in Spain, an analysis of the political vocabulary used has been carried out. It is concluded that migration problems that remain highly relevant in the new political reality are projected onto media discourse, leading to lexical changes in the speeches of Spanish politicians and experts, which are a reflection of the transformations of cognitive ones. Given that the causes of the crisis are not eliminated, and Spain is still subject to massive migration flows, further changes should also be expected in Spanish linguistic culture.

Keywords: political discourse, vocabulary, media, migration, Spain.

Алимова Рушания Рашитовна
К.филол.н., Московский
государственный институт
международных отношений

Аннотация

В данной статье рассмотрены изменения, произошедшие в концептосфере испанского политического и медийного дискурса под влиянием увеличившегося миграционного потока в 2015–2017 гг. На основе материалов испанского газетно-публицистического дискурса, касающихся проблем миграции, а также произошедших событий в Испании за последнее время, проведен анализ используемой политической лексики. Сделан вывод о том, что проблемы миграции, остающиеся весьма актуальными в новой политической реальности, проецируются на медийный дискурс, приводя к лексическим изменениям в речи испанских политиков и экспертов, которые являются отражением трансформаций когнитивных. Учитывая, что причины кризисных явлений не устранены, а Испания по-прежнему подвержена массовым миграционным потокам, следует ожидать дальнейших изменений и в испанской лингвокультуре.

Ключевые слова:

Политический дискурс, лексика, средства массовой информации, миграция, Испания.

Исследования проблематики политического дискурса в научной отечественной и зарубежной среде представляет собой одно из актуальных направлений современной лингвистической науки и обусловлено усилением значения дискурса в актуальной испанской политической реальности и в информационном обществе.

В современных условиях политический дискурс реализуется во многом в медийной среде. Как отмечает ряд исследователей, в частности, М.В. Ларионова, "политика реализуется прежде всего в информационном пространстве. Следует помнить о том, что политическая коммуникация не только отражает политическую реальность, но и участвует в её создании, преобразовании, изменяясь вместе с ней. Феномен власти строится на отношениях господства (руководства) – подчинения, которые реализуются в ходе сложного коммуникационного процесса, включающего в себя информационный обмен, информационное взаимодействие между "управляющими" и "управляемыми". Таким образом, политическая коммуника-

ция и политический дискурс в частности, выступают своеобразным социально-информационным полем политики" [1, с. 215].

Политическая коммуникация представляет собой такой процесс создания, отправления, получения и обработки сообщений, который оказывает существенное воздействие на политику, а её важнейшим признаком и основной целью является "борьба за власть" [2, 4].

В научной среде сформировалось мнение о том, что политический дискурс представляет собой многоаспектный и многоплановый объект исследования, поскольку находится на пересечении разных научных подходов политологии, социальной психологии, лингвистики [2]. В наиболее широком смысле политический дискурс следует рассматривать в качестве совокупности различных речевых актов, используемых в процессе проведения политических дискуссий, и правил публичной политики, сформированных определёнными традициями, правилами, нормами, и проверенных опытом.

Следует особо подчеркнуть ту роль, которую играет язык, языковые средства не только в представлении и интерпретации социальной реальности, но фактически в её формировании, поскольку "главная особенность языка политической коммуникации заключается в том, что, описывая, объясняя, документируя социальные отношения, он становится действенной силой, преобразующей социальное пространство" [1, с. 215].

В условиях активно развивающейся действительности политический дискурс неизбежно сталкивается с необходимостью наименования новых реалий, возникающих практически ежедневно, которые расширяют его концептосферу и лексические возможности [3, с. 97–103].

В 2015–2017 гг. в Европе сложилась уникальная миграционная ситуация, в результате чего страны ЕС впервые в своей истории были вынуждены объединить свои усилия для поиска выхода – настолько острым и масштабным оказался кризис, затронувший множество стран, оказавшихся на пути у мигрантов. Проблема миграции вызвала глубокие разногласия между европейскими лидерами и обозначила границы, в которых они готовы сотрудничать. Она также повлияла на внутривнутриполитическую обстановку в европейских странах – на вызванных ею фобиях пытаются сыграть популистские движения.

В миграционной проблеме, стоявшей перед Европой в начале 2015 года, не было ничего необычного. Шедшие в основном из африканских стран потоки по своей природе были вполне сравнимы с волнами миграции из Западной Африки в Испанию, которые наблюдаются с 2000 года – как и прежде, эта миграция была вызвана преимущественно экономическими причинами. Вместе с тем, согласно данным мониторинга, который ведется с 2011 года, вследствие военных действий в Сирии беженцами и внутренне перемещенными лицами (ВПЛ) к началу 2015 года оказалась почти половина населения страны (т.е. около 4 млн. беженцев и почти 8 млн. ВПЛ) и большинство из этих лиц мигрировали в Европу [12].

Миграционный поток, хлынувший в Европу весной 2015 года, отличался от предыдущих как масштабами, так причинами – в основном прибывали люди, спасавшиеся от гражданской войны на Ближнем Востоке и в Афганистане. Ни с чем похожим Европа еще не сталкивалась; сирийцы и иракцы бежали от непрекращающихся в их родных странах вооруженных конфликтов – к концу 2015 года, меньше чем за 8 месяцев, в Европе оказалось больше 800 тыс. человек, т.е. границы ЕС пересекали в среднем 6000 человек в день [10].

В отличие от миграции, шедшей в Европу по Средиземному морю и обусловленной соображениями эконо-

мического характера, миграция с Ближнего Востока была по своей природе политической. Мигранты бежали от все нарастающего насилия, чтобы спасти свою жизнь. При этом у них было законное право на международную защиту – согласно Конвенции ООН о статусе беженцев (1951) каждый может рассчитывать на убежище от преследований или от опасностей войны. Это накладывало на страны – участницы ЕС обязательство принимать и давать убежище беженцам и мигрантам, нуждающимся в международной защите. Разногласия между европейскими странами усилились из-за растущей внутривнутриполитической напряженности и озабоченности населения, которое считает, что миграция ставит под угрозу его безопасность и социальную сплоченность.

Дополнительным отличием нынешней миграции от предыдущих и одновременно фактором, усложнившим ситуацию, оказалась бурная эмоциональная реакция населения европейских стран, заметно повлиявшая на политический расклад в Европе. Миграция ускорила перемены на европейской политической сцене, неожиданно добавив поддержки новым (и некоторым старым) популистским партиям и значительно сократив число сторонников правящих партий. Одновременно она обновила политическую повестку дня, выдвинув на передний план темы интеграции и безопасности.

Резкое обострение этих проблем – безопасности перед лицом террористических угроз и сохранения национальной идентичности и социальной сплоченности – не стало неожиданностью. Массовая миграция способна привести к ухудшению отношений между местным населением и беженцами. Случаями сексуального домогательства к европейским женщинам со стороны молодых мигрантов–мусульман, отмеченными в Германии и Швеции во время празднования нового, 2016 года, немедленно воспользовались движения противников миграции. А террористические акты во Франции и Бельгии в конце 2015 года и в начале 2016 года показали, что радикальные исламисты используют миграционные каналы для инфильтрации в европейские страны своих боевиков. Эти события дали почву для разговоров о террористической угрозе, связанной с мигрантами, о том, что они вредят конкуренции на рынке труда и не приемлют ценностей западного общества.

В этой ситуации интересным с позиции исследователя–филолога выглядит анализ языковых изменений в европейском политическом и медийном дискурсе, произошедших под влиянием миграционных потоков в 2015–2017 гг.

Понимая значительность проблемы миграции для всего испанского общества, большое количество различных материалов в СМИ, и не претендуя на всеобъемлемость и широко масштабность данного исследования, приведем

лишь те выступления официальных лиц, комментарии к ним, высказывания экспертов, которые были опубликованы в интернет-издании крупнейшего испанского издания EL PAIS, которые показались нам, с одной стороны, типичными для данного политического дискурса, а, с другой стороны, имеющими яркие лексические окраски.

Ситуация массовой миграции в Европу из арабских стран, многие из которых охвачены военными конфликтами, особенно обострилась в 2015–2017 годах и получила в испанском политическом дискурсе название *crisis de refugiados*. Существительные *migrantes*, *inmigrantes*, до этого активно употреблявшиеся в прессе, были заменены лексемой *refugiados*. Новый концепт *refugiado* (беженец, человек, бегущий от военных конфликтов в поисках убежища в Европу) принципиально отличается от термина "мигрант", который обозначает людей, направляющихся в Европу с целью обрести экономически более выгодные условия для жизни.

В сентябре 2016 года в интернет-версии EL PAIS была опубликована статья "El Rey lleva su preocupación por los refugiados a la cumbre de la ONU" ("Король выразил свое беспокойство о беженцах на саммите ООН") [5]. В данной статье автор Микеле Элберола (*Miquel Alberola*) провел параллели между тремя выступлениями короля Испании Филиппа VI (*ucn., Felipe VI*) о проблеме беженцев с различных политических мероприятий, прошедших в 2016 году.

Для начала автор привел слова короля Испании, сказанные с трибуны ООН на саммите по беженцам, который проходил в г. Нью-Йорке (США). Филипп VI предложил искоренять, прежде всего, причину миграционного кризиса и призвал европейские страны обеспечить необходимое сотрудничество с соседними странами "чтобы предотвратить массовые перемещения, насилие и отсутствие безопасности" (*ucn., para evitar los desplazamientos masivos, la violencia y la inseguridad*). Король Испании предложил ЕС использовать испанский опыт по сокращению волны африканских иммигрантов на основе взаимодействия с правительствами стран, откуда происходила миграция, и осуществлению инициатив по поддержке национальных общин, а также призвал к использованию "комплексного подхода" (*ucn., necesita un enfoque global*).

В этой речи Филипп VI указывал на "мучительные страдания" (*ucn., sufrimiento desgarrador*) беженцев, прибывающим в Европу и "спасающихся от насилия и фанатизма" (*ucn., huyendo de la violencia y el fanatismo*). По его мнению, для сотен тысяч беженцев ЕС является неким "проектом надежды" (*ucn., proyecto de esperanza*), в котором они видят "зону мира, процветания и справедливости" (*ucn., territorio de paz, prosperidad y justicia*). В этой ситуации, отмечал король, мы их "не можем разочаровать" (*ucn., no podemos defraudarles*).

Король Испании подчеркнул, что "эта трагедия у ворот нашего континента бросает нам вызов и требует от нас, европейцев, быть верными нашим принципам и лучшим традициям гостеприимства" (*ucn., esta tragedia, a las mismas puertas de nuestro continente, nos interpela y nos exige a los europeos ser fieles a nuestros mejores principios y tradiciones de acogida*).

Далее автор статьи приводит слова короля, сказанные ранее (в ноябре 2015 года) на 8-ом заседании испано-германского форума в Берлине. Необходимо отметить, что в это время Германию сотрясали националистические реакции на приток беженцев, что создавало чрезвычайную ситуацию в стране. Король отметил, что к людям, "бегущим от войны или преследуемым за свои идеи или за свое происхождение" (*ucn., huyen de conflictos belicos o son perseguidos por sus ideas o por su origen*), необходимо проявлять солидарность и великодушие.

Автор статьи выделил и еще одни слова короля: "оба наших государства являются ведущими партнерами в рамках общих усилий по обеспечению свободного перемещения людей, что в значительной степени зависит от нашей способности эффективно контролировать внешние границы и активно сотрудничать со странами происхождения мигрантов" (*ucn., Nuestros dos Estados son socios destacados en el empeño común de hacer posible un espacio de libre circulación, que depende en buena medida de nuestra capacidad de control eficaz de las fronteras exteriores y de la activa cooperación con los países de origen*).

Также автором статьи были отмечены слова Филиппа VI о параллели между ситуацией в Германии и Испании, большим опытом работы государств в области миграции на протяжении нескольких десятилетий, что, во многом, повлияло на "судьбу" людей с других континентов, поиск ими "безопасности и благосостояния", а нам (населению Германии и Испании) принесло удовлетворение от того, что мы – европейцы (*ucn., el bienestar que disfrutamos los europeos*).

Автор статьи отмечает, что во время визита в Вашингтон в рамках поездки по США на семинаре по вопросам трансатлантических отношений, король отметил, что прибытие беженцев из охваченной войны стран осмысливается как "насуточная проблема" не только для Европы, но и для других регионов мира, в том числе США, что подчеркивает "необходимость идти к сердцу и истокам этой проблемы" (*ucn., la necesidad de ir al corazón y origen del problema*).

Проведенный анализ интернет-публикаций EL PAIS за 2015–2017 гг. показал, что в большинстве случаев проблема мигрантов рассматривается в испанской прессе с позиции толерантности, благотворительности, гуманизма и гуманитарной помощи.

Приведем лишь некоторые названия последних публикаций и краткую аннотацию их содержания:

◆ *30.000 razones para acoger* [4] (30000 подписей за размещение – компанией Hospitalidad.es собрано более 30 тысяч подписей с требованием о размещении беженцев на территории Испании);

◆ *Que es lo que les da esperanza a los migrantes y refugiados?* [9] ("Что даёт надежду мигрантам и беженцам?" – о судьбе десятков африканцев, которые живут в "подвешенном состоянии": они не знают могут ли продолжать свое путешествие или должны вернуться в свои страны);

◆ *Para reforzar el sistema de asilo* [13] ("Улучшение системы размещения беженцев" – о проблемных вопросах предоставления убежища мигрантам, недопустимости расизма и ксенофобии в испанском обществе);

◆ *Refugiados: cinco razones para salir a la calle el 17J* [8] ("Беженцы: пять причин, чтобы выйти на демонстрацию 17 июня" – более 100 организаций призывают выйти на демонстрацию 17 июня 2017 года с целью рекомендовать правительству страны взять на себя ответственность за обустройство беженцев) и др.

Вместе с тем, несмотря на частое упоминание вопросов миграции в испанской прессе, они не являются сегодня центральными в политическом дискурсе.

Так, политический обозреватель EL PAIS Ана Карбахоса (*Ana Carbajosa*) в статье от 17 ноября 2016 года "Необходимый политический импульс для миграции" ("*Un necesario impulso político para la migración*") [6] в рубрике "Реформы необходимы Испании" (*LAS REFORMAS QUE NECESITA ESPAÑA*) указывает на то, что вопросы миграции перестали быть в центре политического внимания (*ucn., La inmigración, sin embargo, parece haberse evaporado del radar político*). Вместе с тем, по мнению автора, так было не всегда – еще 10 лет назад вопросы иммиграции в Испании занимали центральное место в политике и СМИ.

Автор статьи отмечает, что в Испании регулярно повторяются не только кровавые стычки и конфликты в центрах содержания мигрантов (CIE), но и побеги. Но это является "лишь верхушкой айсберга иммиграционной системы и предоставления убежищ" (*ucn., solo la punta de un iceberg de un sistema migratorio y de asilo que*), а сама проблема иммиграции уже ушла из центра политического внимания. По мнению автора статьи, "в политическом дискурсе иммигранты и беженцы практически отсутствуют" (*ucn., en el discurso político, los inmigrantes y refugiados apenas existen*).

Аналогичного мнения придерживается и Хемма Пиньюл (*Gemma Pinyol*), исследователь миграции из Университета Помпеу Фабра (*Universidad Pompeu Fabra*) и консультационного центра *Intestrategies*, отмечая, что "Испании не хватает общего дискурса об иммиграции" (*ucn., A España le falta un discurso compartido sobre inmigración*).

В статье приводятся слова Маркуса Гонсалеса Бейлфусса (*Markus Gonzalez Beilfuss*), эксперта по миграции из Университета Барселоны, о том, что "иммиграция является структурным явлением, которое изменило и будет дальше менять Европу. Неправильно думать, что это временное явление, потому что люди все-равно будут приезжать, в большей или меньшей степени" (*ucn., La inmigración es un fenómeno estructural que ha transformado y transformará Europa. Es irreal pensar que es coyuntural porque vengán más o menos personas*).

Здесь же автор статьи приводит и мнение Тересы Кастро-Мартин (*Teresa Castro-Martin*), научного сотрудника по вопросам миграции CSIC, о том, что низкая рождаемость в Испании не является временной, т.к. страна входит в число государств, где женщины рожают своего первого ребенка достаточно поздно. Этот возраст растет с 1970-х годов и прибытие иммигрантов в 2000–2008 гг. стабилизировало ситуацию. Но затем снова пришел демографический кризис, связанный с тем, что иностранцы тоже стали позже заводить своего первого ребенка.

Иммиграция сравнивается автором с важным элементом демографического уравнения, которое в испанском случае является разрушительным (*ucn., La inmigración es un elemento relevante de la ecuación demográfica, que en el caso español es demoleadora*). А сама демографическая ситуация в испанском обществе представлена как пирамида, имеющая форму гриба (*ucn., Nuestra pirámide de población recuerda cada vez más a una seta*) – с большой шапкой и тонким основанием.

Кармен Гонсалес Энрикес (*Carmen Gonzalez Enriquez*), исследователь из Королевского института Элькано (исп., Real Instituto Elcano), считает, что низкий уровень рождаемости является серьезной проблемой, но до сих пор ни одно правительство не подняло этот вопрос серьезно, понимая, что последствия этого имеют долгосрочную перспективу (*ucn., hasta ahora, ningún Gobierno se lo ha planteado en serio, porque los frutos son a largo plazo*). Эксперт считает, что правительство должно рассмотреть вопрос о том, как привлечь иностранную рабочую силу, создав различные механизмы мотивации, так как миграционный бум 2000–2008 гг. оказался недостаточным для поддержания пенсионной системы страны. В заключении автор статьи призывает открыть политические дебаты о том, как управлять миграционными потоками и обеспечить гибкость миграционной системы, которая сегодня весьма неповоротлива и реагирует очень медленно (букв. "со скоростью толстокожих (или слона)") (*ucn., reacciona a velocidad paquidermica*) в мире, который движется стремительно.

Проведенный анализ показывает, что в современных условиях в политическом дискурсе по вопросам миграции, отображающемся в испанских СМИ, как политические лидеры, так и журналисты, эксперты, политические

обозреватели активно используют различные способы, чтобы придать своей речи яркость и запоминаемость, используют метафоры и сравнения для комментирования событий национальной и международной жизни. Испанскому политическому дискурсу по вопросам миграции 2015–2017 гг. свойственна эмоциональность, употребление различных эпитетов, яркой риторики, терминов из различных отраслей науки, сложных синтаксических конструкций, которые отражают повышенную эмоциональность, характерную для представителей данной лингвокультуры.

Сложно говорить о появлении неологизмов в испанском языке под влиянием миграционных процессов в течение трех рассматриваемых нами лет. Так, например, за время многовекового общения с арабами испанский язык воспринял большое количество арабских слов, наличие которых заметно отличает испанский язык от других романских языков. Сегодня в испанском языке насчитывается до 10 тыс. арабских заимствований, вошедших в язык на протяжении длительного времени [7].

Достаточно оперативно изменения в испанском языке находят свое отражение в различных словарях Королевской академии испанского языка [11] (*ucn., Real Academia Espanola*) – научного института созданного в целях изучения испанского языка и литературы, а также выполнения регулятивных функций в области лингвистических и литературных норм употребления испанского языка на всех территориях его бытования.

Тем не менее, несмотря на незначительный срок в масштабе глобализационных изменений, можно утверждать, что в связи с увеличением потока мигрантов испанская речь продолжает обогащаться арабскими словами и их производными. Кроме этого политики в своем дискурсе по вопросам миграции все активнее используют различные арабские слова и выражения, что косвенным образом указывает на тенденции, которые приводят к изменениям в испанском языке.

Необходимо признать, что главные вопросы, связанные с миграцией в европейские страны, остаются до сих пор нерешенными: на Ближнем Востоке по-прежнему царит политический хаос, приведший в 2015–2017 гг. к массовому притоку мигрантов в Европу. Кроме этого продолжается и миграция из стран Африки, вызванная экономическими причинами. А, значит, политический дискурс по вопросам миграции будет продолжаться и носить долговременный характер, что может в том числе привести и к языковым изменениям в испанском политическом лексиконе и лингвокультуре в целом.

Результаты проведенного анализа имеет практическую значимость с позиции дальнейшего использования как основы для выявления языковых и экстралингвистических особенностей публичной политической речи в Испании как по вопросам миграции, так и по более широкому кругу тем, и исследования специфики отражения национального и международного политического дискурса в СМИ данной страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ларионова М.В. Язык и политика в коммуникативном пространстве испанского политического дискурса / М.В. Ларионова // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – №2. – С. 215–220.
2. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК "Гнозис", 2004.
3. Ларионова М.В. Испанский медийный дискурс: *quid novum?* / М.В. Ларионова // Ибероамериканские тетради. Вып. 1 (15) / Гл. редактор А.А. Орлов, отв. редактор выпуска М.В. Ларионова, С.М. Хенкин. – М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2017. – С. 97–103.
4. 30.000 razones para acoger. URL: http://elpais.com/elpais/2017/06/21/migrados/1498052622_848708.html.
5. Alberola M. El Rey lleva su preocupacion por los refugiados a la cumbre de la ONU. URL: http://politica.elpais.com/politica/2016/09/13/actualidad/1473762167_809509.htm.
6. Carbajosa A. Un necesario impulso politico para la migracion. URL: http://politica.elpais.com/politica/2016/11/17/actualidad/1479397908_649782.html
7. El espanol contiene cerca de 10.000 palabras arabes. URL: <https://spanishviaskype.com/es/el-espanol-contiene-cerca-de-10-000-palabras-arabes-c1>.
8. Fanjul G. Refugiados: cinco razones para salir a la calle el 17J http://elpais.com/elpais/2017/06/13/3500_millones/1497370683_997891.html.
9. Fonseca G., Contreras M. Que es lo que les da esperanza a los migrantes y refugiados? URL: http://elpais.com/elpais/2017/06/20/album/1497923834_140648.html#1497923834_140648_1497924037.
10. Parkes R. People on the Move: The New Global (Dis)order, Chaillot Paper no. 138, European Union Institute for Security Studies, June 2016. URL: http://www.iss.europa.eu/uploads/media/Chaillot_Paper_138.pdf.
11. Real Academia Espanola. URL: <http://www.rae.es>.
12. Syria Regional Refugee Response. – United Nations High Commissioner for Refugees. – Last updated August 16, 2016. URL: <http://data.unhcr.org/syrianrefugees/regional.php>.
13. Terron A. Para reforzar el sistema de asilo. URL: http://elpais.com/elpais/2017/06/19/opinion/1497866949_015437.html

ПЕРЛОКУТИВНЫЙ ЭФФЕКТ В РЕЧЕВЫХ АКТАХ-ЗАПРОСАХ

Анохина Светлана Петровна

*Д.филол.н., профессор,
Тольяттинский государственный
университет, г. Тольятти*

PERLOCUTIONARY EFFECT IN "INQUIRY" AS A SPEECH ACT

S. Anokhina

Annotation

The urgency of the present article is caused by the modern anthropocentred paradigm in linguistics, and one of its essential research domains is a problem of the successful communication. Therefore the general aim of our investigation is supposed to present language tools effecting the success of the interaction in the mentioned speech acts. The article describes question-answer structures and the types of communicative exchange on the basis of their proposition and perlocutionary goal. While describing the language patterns we use the following methods: lingua-pragmatic analysis, semantic-structural, and linguistic modeling. In the course of the analysis three types of the communicative exchange are determined by two criteria: 1) structural – the addresser and the addressee are direct interaction partners; 2) content-pragmatic – the correspondence between the proposition and the perlocutive goal in the question and in the answer. According to the above we note a symmetric communicative exchange and an asymmetric one.

Keywords: dialogue entity, proposition, illocution, perlocutionary effect, perlocutionary goal, speech act, communicative exchange.

Аннотация

Актуальность работы определяется современной антропоцентричной парадигмой лингвистики, одним из важнейших исследовательских аспектов которой является успешность коммуникации. Это обуславливает основную цель настоящего исследования – систематизировать факторы, способствующие или препятствующие успешности коммуникативного взаимодействия в одном из типов речевых актов.

В ходе анализа языкового материала были выделены типы коммуникативного обмена на основе двух критериев: 1) структурном – адресантом иницирующей реплики является 1-е лицо, адресатом – 2-е; или же адресатом/ адресантом ответной реплики является 3-е лицо; 2) содержательно-прагматическом – соответствие / несоответствие ответной реплики по своему пропозициональному содержанию и типу речевого акта пропозициональному содержанию и типу речевого акта иницирующей реплики. В соответствии с этим мы различаем симметричный коммуникативный обмен и асимметричный.

Ключевые слова:

Диалогическое единство, пропозиция, иллокуция, перлокутивный эффект, перлокутивная цель, речевой акт, коммуникативный обмен.

Одна из самых общих классификаций речевых актов содержит пять типов: декларации, репрезентативы, экспрессивы, директивы и комиссивы [1, с.53]. Классификация базовых речевых актов (далее РА) К. Kehlich мало отличается от вышеприведённой: разница состоит в том, что в ней отсутствуют декларации, место которых заполняют вердиктивы [2, с.218–219].

Как видим, ни в той, ни в другой классификации запрос как тип РА не присутствует. Выделение вопроса (в нашей терминологии запроса) как отдельного типа речевого действия (Sprechhandlungstyp), термин, который можно, по нашему мнению, считать эквивалентным термину speech act, встречаем в классификации U. Maas [3, с. 199–229]. Однако, и этот автор не всегда последователен, так как включает вопросы в одну рубрику с требованиями (директивами), так как речевое действие вопроса может быть сведено к речевому действию требования, а именно: "Скажи мне X" [3, с. 213].

Вместе с тем, указывая на необходимость соблюдения определённых правил поведения при совершении иллокутивного акта Дж. Сёрль пишет: "... такие действия как задавание вопросов или высказывание утверждений, регулируются правилами" [4, с.57].

Итак, являются ли вопросы речевыми актами? Согласно основоположнику теории речевых актов Дж.Остину, безусловно "да", так как каждое высказывание состоит из локутивного и иллокутивного акта [5].

Ещё более прояснит этот вопрос учёт не только иллокуции, но и прелокуции высказывания, а именно перлокутивной цели [6, с. 164]. Мы разделяем позицию данной коллективной монографии на то, что теорию употребления предложений, разработанную в самом общем виде Г.П.Грайсом [7], можно принять как теорию перлокутивных актов [6, с. 177]. И, как справедливо замечено там же, перлокутивные акты существовали в теории языка на правах пасынков: "Und der perlokutionaere Akt ist von den

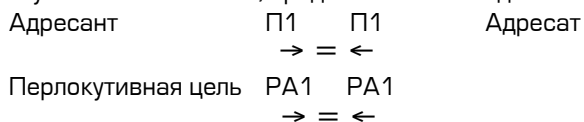
Sprechakttheoretikern bisher sehr stiefmuetterlich behandelt" [ibid]. И такое состояние дел продолжается и до настоящего времени: в своём подавляющем большинстве речевые акты исследуются в отношении их иллокутивной силы [8, 9, 10, 11, 12] и лишь некоторые авторы затрагивают в той или иной мере их перлокутивный эффект [13; 14, с. 51]. Принимая во внимание такое положение дел, мы надеемся, что данная работа внесёт определённый вклад в развитие теории перлокуции.

Объектом описания являются диалогические единства (далее ДЕ), иницирующими репликами в которых выступают речевые акты (далее РА) в форме общих и частных вопросов; предметом – перлокутивный эффект в моделях коммуникативных актов (далее КА), реализующийся в данных ДЕ.

Различие между РА и КА заключается в том, что РА ориентирован на действие, а КА – на взаимодействие; при КА имеет место обмен речевыми действиями [15, с. 14–15], что наиболее ярко проявляется именно в ДЕ, содержащих запросы, и что позволяет объективно судить о перлокутивном эффекте. Таким образом, в них имеет место коммуникативный обмен – "минимальная единица взаимодействия на интеракционном уровне, с помощью которой удаётся направить процесс интеракции к достижению общего коммуникативного намерения" [16, с.295].

Материал был отобран из произведений В.Шекспира, при описании которого использовались методы прагмалингвистического анализа, структурно-семантического анализа и лингвистического моделирования. В ходе анализа мы выделяли типы коммуникативного обмена на основе двух критериев: 1) структурном – адресантом является 1-е лицо, адресатом/адресантом – 2-е лицо; или же адресатом является 2-е лицо, а вместо него адресантом (отвечающим на иницирующую реплику) является 3-е лицо; 2) содержательно-прагматическом – соответствии/несоответствии ответной реплики по своей позиции и типу РА тому, что по Г.Хенне представляет собой "обусловленную ожидаемость" [17, с. 24], заложенную в иницирующей реплике.

В соответствии с этим мы различаем симметричный коммуникативный обмен, представленный моделью:

(Условные обозначения:

П – пропозиция, РА – речевой акт)

Данная модель реализуется в следующих ДЕ:

GRUMIO. ... is all ready, and all things neat?

NATHANIEL. All things is ready [18, p.62]

PAROLLES. Why do you think so?

HELENA. You do so much backward when you fight [19, p. 8]

DUKE. I know the well. How dost thou, my good fellow?

CLOWN. Truly, sir, the better for my foes
and the worse for my friends [20, p. 73]

DUKE. How can it be?

CLOWN. Marry, sir, they praise me
and make me an ass of me [20, p. 73].

Часть пропозиционального содержания иницирующей реплики может быть скорректирована в ответе, но это принципиально не меняет модели, напр.:

VIOLA. Dost thou live by the tabor?

CLOWN. No, sir, I live by the church [20, p. 42].

Пропозиция иницирующей реплики может быть имплицитной в ответной реплике, дополненной эксплицитными компонентами, что в структурно-грамматическом плане представляет собой эллипсис. Однако, по нашему мнению, следует различать структурный эллипсис от прагматического.

При первом пропозиция вопроса включена в компоненты ответа, который представляет собой ассертив, напр.:

GRUMIO. Where is he?

CURTIS. In her chamber [18, p.65].

DUKE. When came he to this town?

ANTONIO. Today, my lord [20, p. 76]

SIR TOBY. When did I see thee so put down?

AGUECHEEK. Never in your life, I think [20, p.76]

BAPTISTA. Who comes with him?

BIONDELLO. O, sir, his lackey ... [18, p. 52]

OLIVIA. Who has done this, Sir Andrew?

AGUECHEEK. The Count's gentleman,
one Cesario [20, p. 79].

HORTENSIO. Content. What's the wager?

LUCENTIO. Twenty crowns [18, p.92].

При прагматическом эллипсисе пропозиция иницирующей реплики, как уже было сказано, присутствует в ответно имплицитно, а эксплицитные компоненты уточняют её, представляя собой уже не ассертивы, а дескриптивы, приближающиеся в определённых случаях к вердиктивам, например:

CLOWN. Say'st thou that house is dark?

MALVOLIO. As hell, sir Topes [20, p. 68].

TRANIO. Signor Gremio, came you from the church?

GREMIO. As willingly as e'er I came from school [18, p. 55].

SIR TOBY. Art thou good at these kickshawses, knight?

AGUECHEEK. As any man in Illyria, whatsoever he be [20, p. 9].

VIOLA. What's she?

CAPTAIN. A virtuous maid, the daughter of a count [20, p. 14].

OLIVIA. How does he love me?

VIOLA. With adorations, fertile tears, with groans
that thunder love, with sighs of fire [20, p. 19].

Таким образом, при прагматическом эллипсисе в ответ на иницирующую реплику данные ДЕ реализуют следующую модель коммуникативного обмена:

Адресант	П1	П2+П1(импл.)	Адресат
	→ = ←		
Перлокутивная цель	РА1	РА1	
	→ = ←		

Иницирующие реплики – частные вопросы в последних ДЕ, обуславливают своим пропозициональным содержанием перлокутивную цель и, следовательно, в них (ДЕ) реализуется такая модель коммуникативного обмена как:

Адресант	П1	П1(косв)	Адресат
	→ ≈ ←		
Перлокутивная цель	РА1	РА1(косв.)	
	→ ≈ ←		

Перлокутивная цель может быть выражена в частных вопросах и другими элементами пропозиционального содержания, а не самим его семантическим типом – модусным, как в описанных выше случаях, например, значением глагола–сказуемого:

BAPTISTA. How likes Gremio these quichwitted folks?
 GREMIO. Believe me, sir, they butt together well [18, p. 91] или же предикативным именем:
 FIRST SOLDIER. ... and to his valour, what is his honesty?
 PAROLLES. He will steal, sir, any egg out of a cloister ... [19, p. 79].
 LUCENTIO. Mistress, what's your opinion of your sister?
 BIANCA. That, being mad herself, she's madly mated [18, p. 58].

Как видим, перлокутивная цель – вердиктив, определяется лексическим компонентом пропозиционального содержания. Соответственно, подобные коммуникативные обмены реализуют модель:

Адресант	П1	П1(импл.)	Адресат
	→ ≈ ←		
Перлокутивная цель	РА1	РА1	
	→ = ←		

Но такие элементы пропозиции как *opinion, like, think* и т.п. не всегда проецируют перлокутивную цель – вердиктивное высказывание. Здесь нам представляется уместным ввести понятия "субъект запроса" и "объект запроса": первый совпадает с адресатом, а второй – нет, т.е. от первого адресант желает получить ответ о его собственных действиях; во втором случае пропозиция запроса и ответа о реферируют к другим объектам действительности, как это наглядно иллюстрирует следующий многошаговый коммуникативный обмен:

CLOWN. What is the opinion of Pethagores concerning fowe? (объект запроса)
 MALVOLIO. That the soul of our grandma might haply inhabit a bird (ассертивное высказывание).

CLOWN. What think'st thou of his opinion?
 (субъект запроса)
 MALVOLIO. I think nobly of the soul, and no way approve his opinion (вердиктивное высказывание:
 ср. перформативный глагол для этого типа РА approve) [20, p. 69].

Понятие субъекта/объекта запроса оказывается продуктивным и при перлокутивной цели – комиссивном РА, в формировании чего основную роль играет морфологический аспект пропозиционального содержания РА запроса – будущее время. Ср.:

SIR TOBY. What will thou do?
 MARIA. I will drop in his way some obscure epistles of love [20, p. 29] и:
 BERTRAM. What shall e done to him?
 SECOND LORD. Nothing but let him thanks [19, p. 76].

Но пропозициональное содержание комиссива может представлять собой малоинформативное высказывание [21], и, таким образом, конкретная перлокутивная цель не достигается:

FIRST SOLDIER. He calls for the fortune.
 What will you say without 'em?
 PAROLLES. I will confess what I knew without constraint, if je pinch me like a pastry, I can say no more [19, p. 74]

Аналогично и при ассертивах:
 PETRUCHIO. Why, sir, what's your conceit in that?
 GREMIO. O, sir, the conceit is deeper than you think for ... [18, p. 76].

Асимметричный коммуникативный обмен может представать в нескольких разновидностях в зависимости от нарушения либо структурного, либо содержательно-прагматического соответствия иницирующей и ответной реплик. Наименьшая асимметрия вследствие содержательного несоответствия наблюдается в следующем ДЕ:

FIRST SOLDIER. But wilt thou faithfully?
 (рассказывать о своих войсках в ситуации допроса)
 PAROLLES. If I do not, damn me [19, p.67].

Модель данного коммуникативного обмена можно представить в виде:

Адресант	П1	П2+П1(импл.)	Адресат
	→ ≈ ←		
Перлокутивная цель	РА1	РА2+РА1(импл.)	
	→ ≈ ←		

Косвенность соответствия и пропозиционального содержания ответной реплики пропозициональному содержанию иницирующей реплики, и типа РА перлокутивной цели обусловлена формой условного отрицательного предложения, которое допускает трансформацию: * I will be = I promise, otherwise damn me.

Следующий коммуникативный обмен реализует модель:

Адресант	П1	П1(косв)	Адресат
	→	≈ ←	
Перлокутивная цель	РА1	РА1	
	→	= ←	

Имплицитность П1 обусловлена таким видом репрезентативного высказывания – ответной реплики, как заключение (conclusion) [1, с. 53], а не ассертив:

LUCENTIO. Hear'st thou Biondello?
 BIONDELLO. I cannot tarry [18, p. 81]

Имплицитной является не только пропозиция, но сам ожидаемый РА в ответе – комиссиве в следующем коммуникативном обмене:

AGUECHEEK. Will either of you bear me a challenge?
 SIR TOBY. Go, write it in a material hand [20, p. 48].

Следовательно, данный коммуникативный обмен реализует модель:

Адресант	П1	П2	Адресат
	→	≠ ←	
Перлокутивная цель	РА1	РА2	
	→	≠ ←	

Частичная содержательно-прагматическая асимметрия может быть обусловлена в частных вопросах несоответствием предположения адресанта о том, что адресат знает (точный) ответ [3, с. 214] действительному положению дел:

SECOND LORD. Where's your master?
 SERVANT. He met the Duke in the street, sir, of whom he hath taken a solemn leave [19, p. 73].
 OLIVIA. Where is Malvolio?
 MARIA. He's coming, madam, but in a very strange manner [20, p.52].

Модель данного коммуникативного обмена можно представить, основываясь на соответствии РА в вопросе ответе, регулируемом правилом "вопрос – ответ-репрезентатив" в виде:

Адресант	П1(опр.)	П2 (неопр.)	Адресат
	→	≠ ←	
Перлокутивная цель	РА1	РА1	
	→	= ←	

Во всех этих случаях коммуникативный обмен можно считать адекватным в той или иной мере, так как в той или иной мере налицо совпадение коммуникативного намерения и коммуникативного успеха [22, с.74], в отличие от тех, в которых коммуникативный обмен неуспешен, т.е.перлокутивная цель не достигнута, так как ответ и по пропозициональному содержанию, и по виду РА не соответствует ожидаемому репрезентативу. Таким образом, независимо от вида РА в ответной реплике, обозначим

его как РА 2 в модели, реализуемой подобными коммуникативными обменами:

Адресант	П1	П2	Адресат
	→	≠ ←	
Перлокутивная цель	РА1	РА2	
	→	≠ ←	

Представленная модель реализуется в коммуникативных обменах, где РА 2 – вопрос: COUNTESS. Love you y son?

HELENA. Do not you love him, madam? [19, p. 18]
 GREMIO. But will you woo this wild-cat?
 PETRUCHIO. Will I live? [18, p.18]
 TRANIO. Sir, what are you that offer to beat my servant?
 VINCENTIO. What am I, sir? Nay, what are you, sir? [18, p.86]
 TRANIO. Yow now ! What's the matter?
 BAPTISTA. What, I the an lunatic? [18, p.86].
 РА 2 - директив (просьба):
 PAROLLES. Will this capriccio hold in thee, art sure
 BERTRAM. Go with me to my chamber and advise me [19,p.41].
 OLIVIA. Have you ore to say?
 VIOLA. Good madam, let me see your face [20, p.18].
 РА 2 - директив (предложение):
 CLOWN. How now, my hearts! Did you never see the picture of 'wethree'?
 SIR TOBY. Welcome, ass. Now let's Have a catch [20, p.25].
 HELENA. But if I help, what do you promise me?
 KING. Make thy demand [19, p.28]
 РА 2 - директив (приказ)
 VIOLA. The honourable lady of the house, which is she?
 OLIVIA. Speak to me, I shall answer for her [18, p. 17]
 РА 2 - директив (совет):
 MARIA. Why appear you with this ridiculous boldness before my lady?
 MALVOLIO. ' Be not afraid of greatness'. 't was well writ [20, p.53]
 PETRUCHIO. But where is Kate?
 TRANIO. See not your bride in these unreverent robes. Go to my chamber, put clothes of mine [18, p.53].

Мы относим РА ответных реплик к виду советов, а не запрещений на том основании, что между ними "великое различие, такое же, какое между произволением и необходимостью" [23, с. 302], на что указывают такие компоненты пропозиции как in these unreverent robes, put clothes of mine и цитата в первом примере.

РА 2 - вердиктив.
 BAPTISTA. If you should die before him, where's her (его дочери, к которой сватаются) dower?
 TRANIO. That's but a cave: h is old, I young [18, p.45].
 РА 2 - комиссив; приказ:
 AGUECHEEK. Where shall I find you?
 SIR TOBY. We'll call thee at the cubiculo. Go [20, p. 49].

В специальном вопросе асимметрия коммуникативного обмена может основываться на пропозициональном содержании ответа, хотя тип РА и соответствует перлокутивной цели – репрезентатив в виде утверждения.

TRANIO. We said the wench, when he rose again?
GREMIO. Trembled and shock, for why he stamp'd and swore [18, p. 55].

Следовательно, модель данного коммуникативного обмена предстаёт в варианте:

Адресант	П1	П2	Адресат 1
	→	≠ ←	
Перлокутивная цель	РА1	РА1	
	→	= ←	

Единичным случаем представлен коммуникативный обмен, асимметричный и по содержанию, и по форме:

VAPTISTA [to LUCENTIO]. But do you here, sir?
Have you married my daughter Without asking my good will?
VINCENTIO. Fear not, Baptista; we will content you, so go to

[18, p.88], что можно представить моделью:

Адресант	П1	ПО	Адресат 1
	→	≠ ←	
Перлокутивная цель	РА1	РА0	
	→	≠ ←	
Адресант	П1	П2	Адресат 2
	→	≠ ←	
Перлокутивная цель	РА1	РА2	
	→	≠ ←	

Предпринятый анализ позволяет сделать следующие заключения. Перлокутивные акты достигают своей цели не всегда [5, с. 134], что позволяет различать успешный коммуникативный обмен, малоуспешный (ответ малоинформативный) и неуспешный.

Симметричный коммуникативный обмен – это не только "вопрос – репрезентатив в ответе", но и такие случаи, когда пропозиция вопроса проецирует другой РА, например, комиссив или вердиктив, т.е. перлокутивная цель определяется не только типом РА, но и его пропозициональным содержанием (в лексическом и морфологическом аспектах).

Асимметрию коммуникативного обмена при инициирующей реплике – специальном вопросе, может обуславливать пропозиция ответа при соответствии в нём типа РА перлокутивной цели; ещё одной специфической причиной асимметрии в данных ДЕ является ложная или частично ложная потенциальная пресуппозиция [1, с.27] адресанта.

Наибольшая вариативность моделей коммуникативного обмена наблюдается при частичной содержательно-прагматической асимметрии и прагматическом эллипсисе, что, по всей вероятности, отражает закономерности разговорной (хотя и стилизованной) речи Шекспировской эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Yule, G. Pragmatics. – Oxford University Press, 2004. – 138 p.
2. Ehlich, K. Sprache und sprachliches Handeln. Pragmatik und Sprachtheorie. – Berlin/New York: Walter de Gruyter, 2007. – 492 S.
3. Maas, U., Wunderlich, D. Pragmatik und sprachliches Handeln. Mit einer Kritik am Funkkolleg Sprache. – Frankfurt am Main, 1972. – 356 S.
4. Сёрль, Дж.Р. Что такое речевой акт? // Философия языка. – М.: Едиториал УРСС6 2004. – С. 35 – 55.
5. Austin, J.L. Zur Theorie der Sprechakte (Uebersetzung). – Stuttgart, 1972. – 257 S.
6. Braunroth, M. et al. Ansaetze und Aufgaben der linguistischen Pragmatik. – Frankfurt am Main: Athenaeum Verlag, 1978. – 330 S.
7. Grice, H.P. Utterer's Meaning and Intentions // Philosophical Review 78, 1969. – P. 147 – 177.
8. Вашурина Е.А. Директивные речевые акты с политически корректным смыслом в произведениях современных англоязычных авторов // Известия Самарского научного центра РАН. – Т.13. — № 2 (9). – Самара, 2011. – С. 647 – 649.
9. Эпштейн, О.В. Косвенный речевой акт угрозы в политическом дискурсе (на материале английского языка) // Известия Самарского научного центра РАН. – Т. 11. — № 4 (30) (5). – Самара, 2009. – С. 1337 – 1343.
10. Лобанова, Е.В. Моделирование семантической структуры средств выражения побудительности в английском языке, выражающих "запрет", в свете когнитивно-онтологического подхода // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — № 3. – Челябинск: ЧПГУ, 2011. – С. 261 – 270.
11. Малютин Е.А. Лексико-грамматические средства выражения огорчения // Вестник Самарского государственного экономического университета. – Вып. 5 (23). – Самара, 2006. – С. 423 – 427.
12. Kampf, Z. & Katriel, T. Political Condemnations: Public Speech Acts and the Moralization of Discourse. The Handbook of Communication in Cross-Cultural Perspective. D.Carbaugh (Ed.). – New-York: Routledge, 2016. –136 p.
13. Мартынова И.А. Страх как ассоциированная перлокуция менасивного речевого акта // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков: сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, 11 – 13 окт.2005 г. – Тольятти: ТГУ, 2005. – С. 124 – 128.
14. Старостина, Ю.С., Харьковская, А.А. Динамика негативной оценки в англоязычном драматургическом дискурсе. – Прага: Vedecko vydavatel'ske centrum "Sociosfera – CZ", 2014. – 140 с.
15. Ключев, Р.В. Речевая коммуникация. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 316 с.

16. Schegelhoff, E.A. Opening up closings / E.A.Schegelhoff, H.Sacks //Semiotica. – 1973. – 8. – P. 289 – 327.
17. Henne, H., Rehbock, H. Einfuehrung in die Gesprachsanalyse. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1982.–340 S.
18. Shakespeare, W. The Taming Of the Shrew [Электронный ресурс]/W.Shakespeare. – Режим доступа: <http://freebook.net.au./auth/Shakespeare>. — 96 p.
19. Shakespeare, W. Alls Well that Ends Well [Электронный ресурс]/W.Shakespeare.–Режим доступа: <http://freebook.net.au./auth/Shakespeare>. — 102 p.
20. Shakespeare, W. Twelfth Night; Or What You Will [Электронный ресурс]/W.Shakespeare. – Режим доступа: <http://freebook.net.au./auth/Shakespeare>. — 87 p.
21. Водоватова Т.Е. Семантика и прагматика языкового высказывания в свете инференциальной теории смысла. – Самара: Изд-во СамГПУ, 2006. – 262 с.
22. Schmidt,W. Texttheorie. – Muenchen, 1973. – 213 S.
23. Полное Собрание Творений Св. Иоанна Златоуста в двенадцати томах. – Т.1, книга первая. – М.: Православная Книга, 1991. – 400 с.

© С.П. Анохина, (anokhinasvetlana2016@efndex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

XI МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОРНО-ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Форум, Конференции, Семинары, Круглые столы,
 Мастер-классы, Выставка МИНГЕО ЭКСПО 2018,
 Инвестиционная ярмарка горных проектов

Приглашаем принять участие в работе Форума МИНГЕО СИБИРЬ 2018

В ПРОГРАММЕ ФОРУМА 2018

- Мировой горно-геологический бизнес
- Инновации в горном деле
- Разработка месторождений, Промышленная безопасность
- Люди и сообщество
- Геология, поиски и разведка, ресурсы и запасы, новые технологии и инновационные решения
- Экономика ГМК, Биржи и Инвестиционные предложения
- Экология
- Автоматизация и Машиностроение в ГМК
- Лаборатории и Оборудование
- Золото и Драгоценные металлы
- Уран и Редкие земли
- Алмазы и Драгоценные камни
- Уголь и Металлы
- Геотуризм и Геопамятники СИБИРИ

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТА "ПРОФЕССИЯ" В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF PROFESSION IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Z. Vdovina

Annotation

Profession is relevant to both individual representatives of the Russian linguistic culture, and society in General. This study has allowed to trace the development of the concept of profession, which originated in the Russian language picture of the world in the early eighteenth century, This concept, which constitutes one of language universals, today acquires the status of a concept. The material for this work was the dictionary and the official documents of XVIII – XX centuries, as well as data from the National corpus of the Russian language.

Keywords: language picture of the world, linguistics, concept, etymology, profession.

Вдовина Злата Анатольевна
Соискатель, ФГБОУ ВО
"Кубанский государственный
университет", Краснодар

Аннотация

Профессия является актуальной как для отдельных представителей русской лингвокультуры, так и для социума в целом. Данное исследование позволило проследить путь развития понятия профессия, которое зародилось в русской языковой картине мира в начале XVIII в. Данное понятие, представляющее собой одну из языковых универсалий, сегодня приобретает статус концепта.

Материалом для данной работы послужили словари и официально-деловые документы XVIII – XX вв., а также данные Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова:

Языковая картина мира, лингвистика, концепт, этимология, профессия.

Описание и изучение концептов в настоящее время вызывает у лингвистов серьезный исследовательский интерес. Это понятие настолько сложное и многомерное, что до сих пор не выработано его единой трактовки. Обобщая тенденции развития в исследовании понятия концепта, Ю. Е. Прохоров выделяет следующие направления: лингвокогнитивное (Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, В. В. Красных, И. А. Стернин), психолингвистическое (А. А. Залевская, В. Я. Мыркин), лингвокультурное (Г. Г. Слышкин, С. Г. Воркачев), культурное (С. Х. Ляпин, Ю. С. Степанов, В. И. Карасик) и лингвистическое (Л. О. Чернейко, Т. В. Матвеева) [6, с. 20].

В рамках данной работы концепт рассматривается как явление лингвистического порядка, которое имеет лексическое воплощение, то есть как "факт образа жизни, общественного сознания, теории, выраженной в языковой форме" [6, с. 28].

Концепт "профессия" подвергался исследованию в таких работах как "Концепт "профессия" и способы его репрезентации в языке (на базе лексики авиационной сферы деятельности)" (Бондарчук, Колчанова, 2009), "Особенности репрезентации концепта "профессия" в текстах региональной газетной периодики" (А. А. Черкашина, 2008), "Семантическое поле ?профессия? в картине мира носителя языка (на материале русского и английского языков)" (С. А. Чеканова, 2008), "Реализация концептосферы ?профессиональная деятельность" в со-

временном производственном романе?" (Керер, 2011). Наиболее полно обозначенная проблематика представлена в диссертационном исследовании А. А. Огановой (2015), посвященному изучению концепта "профессия" на основе русского и испанского языков. Однако автором не использованы некоторые источники, позволяющие судить о зарождении и дальнейшем развитии понятия "профессия" в русском языке, в частности "Письмовник" Н. Г. Курганова.

Понятие "профессия" складывалось в русской языковой картине мира, под которой понимается отражение в языке представлений о действительности, осуществляемое человеческим менталитетом данного языкового коллектива (З. М. Волоцкая, А. В. Головачева), на протяжении XVIII–XXI вв. Как явление социальное профессию невозможно рассматривать без развития самого общества.

Так, особенностью индустриального общества XVIII–XIX вв. являлась профессионализация. Большинство составители словарей, о которых говорится ниже, также отмечают, что слово "профессия" появилось в русском языке в это же время. Что касается более точной даты, то возникают расхождения, как и в вопросе об определении языка-источника для русского сознания.

Впервые слово "профессия" упоминается в Краткой записке о царствовании Петра I, датируемой 1725 г., автором которой является В. Н. Татищев: "Сам своею персоною не токмо быв ученых людей великий любитель и

защитник, но и паче во многих искусствах, яко строение кораблей и мореплавания, архитектуры и артиллерии, оставя токарное искусство, в котором подобного себе не имел, многих, полагающих в том профессию, превзошел" [5]. Известно, что токарное искусство являлось любимым занятием Петра I в свободное время. Таким образом, в данном контексте понятие "профессия" синонимично "хобби".

Следует обратить внимание на то, что В. Н. Татищева считают одним из зачинателей Ломоносовского периода Просвещения в России. И если брать во внимание тот факт, что, по его мнению, появление иноязычных слов в русском языке есть явление естественное и неизбежное, так как это "от приобретения наук и вещей" от других народов, то употребление им слова "профессия" является не случайным. Хотя он склонялся к тому, что без необходимости не следует употреблять заимствованные слова, но так как до XVIII в. в русском языке отсутствовала лексема, характеризующая и физический и интеллектуальный труд, то употребление слова "профессия", видимо, является намеренным.

После Татищева активное использование слова "профессия" наблюдается с 1755 г. в докладных письмах, прошениях, представлениях и других официально-деловых документах М. В. Ломоносова: "Каждому академику положено упражняться в своей профессии, а в чужую не вступаться", "Через пятнадцать лет нес я на себе четыре профессии, то есть в обоим красноречии, в истории, в физике и в химии", "Полезно, чтобы академики издавали особливо книги по своей профессии на российском языке" [5]. В приведенных фрагментах профессия представлена не как любимое занятие в свободное время, а основной вид деятельности, которая ограничивается интеллектуальной сферой: "За понесенные мною сверх моей профессии труды <...> наградить меня произведением в статские действительные советники с ежегодною пенсиою" [5].

Первая попытка толкования понятия "профессия" была предпринята в 1793 г. Н. Г. Кургановым в работе "Письмовник, содержащий в себе Науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезноразвлекательного вещесловия". Автор понимает профессию как ремесло, чин [4, с. 260]. Из чего следует, что профессией считался не только физический труд, но и гражданская государственная служба, а также представительство в военных ведомствах.

Примечательно то, что в "Толковом словаре живого великорусского языка" В. Даля, отражающего в большей степени язык XIX века, слово "профессия" не зафиксировано. В словаре встречается "ремесло", означающее "рукодельное мастерство, ручной труд, работа и умение, коим добывают хлеб; само занятие, коим человек живет, промысел его, требующий более телесного, чем умственного труда" [3]. Следует обратить внимание на то, что ремесло скорее относится к неквалифицированному физическому труду, профессия же требует получения специального образования.

Одним из первых словарей, в котором зафиксировано слово "профессия", является "Словарь иностранных слов" Н. Гавкина (1894 г.). В нем профессия понимается как "специальное занятие каким-либо ремеслом, искусством или наукой", то есть соотносится с физическим трудом и интеллектуальной деятельностью. Автор указывает на то, что первоисточником является латинский язык [2]. Таким образом, мы подходим ко второму вопросу об определении языка-источника.

Согласно этимологическому словарю А. В. Семенова лексема "профессия" пришла в русский язык в XVIII в., а лишь в конце XIX в. стали появляться ее производные. Автор склоняется к тому, что источником заимствования является французский язык, в котором данная лексема означает "публичное заявление о роде своей деятельности". Таким образом, по мнению автора, слово было заимствовано французами из латинского, а затем видоизменено до "род деятельности, занятий" [7].

Подобная информация представлена и в Этимологическом словаре русского языка Н. М. Шанского и Т. А. Бобровой. Однако авторы утверждают, что слово было заимствовано из французского языка в XIX веке.

В "Историко-этимологическом словаре современного русского языка" П. Я. Черных отмечено, что в русском языке слово "профессия" известно со второй половины XVIII в. и составители ссылаются на "Письмовник" (1777 г.) Н. Г. Курганова. В словаре также отмечается, что заимствовано оно из французского языка и означало "должность, род занятий", а позже – "профессия" (от латинского – "декларация, заявлять") [9].

В "Историко-этимологическом словаре латинских заимствований" под редакцией Т. Ю. Гуриева отмечается, что слово "профессия" заимствовано из латинского через польский или французский в начале XVIII в. (в словаре отсылка к изданию Е. Э. Биржаковой, Л. А. Войновой, Л. Л. Кутиновой "Словарь вхождений / Очерки по истории лексикологии русского языка XVIII в."). В словаре указано и то, что впервые данная лексема фиксируется в работе Н. Г. Курганова "Словарь разноязычный, или толкование Европейских, Греческих, Латинских, Французских, Немецких и прочих иноземских употребляемых в русском языке, и некоторых славянских слов" (1769 г.) [8].

Итак, большинство исследователей склоняется к мнению, что слово "профессия" имеет латинские корни, восходит к глаголу, который понимается как "открыто заявлять, прямо говорить, объявлять, признавать", он же берет начало от глагола "высказывать, показывать, указывать, обнаруживать". Затем заимствовано французским языком, где было переосмыслено и после перешло в русский.

Среди словарей и энциклопедий XX в. наиболее полное толкование понятия "профессия" дается в Большой советской энциклопедии: "Род трудовой деятельности (занятий) человека, владеющего комплексом специальных теоретических знаний и практических навыков, приобретенных в результате специальной подготовки, опыта работы. <...> обычно является основным источником дохода" [1, с. 155].

В словарях XXI в. самым частотным является следующее определение слова "профессия": "Род трудовой деятельности, занятий, требующих специальной подготовки". Наиболее полное толкование встречается в словаре П. Я. Черных: "Род общественно полезной трудовой деятельности, являющейся материальным источником существования; специальность" [9].

Семантика рассматриваемой лексемы в XVIII–XIX вв. имеет существенные отличия от современного понимания. Так, в Ломоносовский период наблюдается становление понятия "профессия", которое характеризуется отсутствием элементов зарабатывания денег, необходимостью получения специального образования и выдачи документов, классификации по производственному признаку, например: металлург, горняк, строитель и т.п., что является важным для понимания профессии русского сознания второй половины XX в. Основное, что наблюдается в Ломоносовский период, так это разграничение понятий "хобби" и "основной вид трудовой деятельности". До второй половины XX в. профессия не предполагала получения специального образования и выдачи документов, не являлась основным источником существования, а также не классифицировалась по производственному признаку, например: металлург, горняк, строитель и т.п., что является принципиальным для понимания профессии во второй половине XX в.

Таким образом, наблюдаются следующие семантические изменения понятия "профессия": XVIII век – чин, ремесло, увлечение; XIX век – звание, специальное занятие каким-либо ремеслом, искусством или наукой; XX век – основной род трудовой деятельности (занятий), требующий определенной подготовки, позволяющий квалифицированно выполнять данный вид работы, являющийся обычно источником существования, специальность; XXI век – род общественно полезной трудовой деятельности, занятий, требующих определенной подготовки; являющийся основным источником существования, специальность.

Причина столь значимых семантических изменений обусловлена социально-политическим развитием России. С одной стороны, индустриальная революция привела к замещению ремесел промышленным производством, использованию новых технологий, которые потребовали получения специального образования. С другой стороны, следует обратить внимание на различное отношение к трудовой деятельности в царский и советский периоды. Если в досоветское время можно было не работать, так как в понятие тунеядства не вкладывали особого социально значимого смысла, то в Советской России этот вопрос был принципиальным, так как не трудовое существование противоречило политике социализма.

В Конституции СССР 1939 г. (Ч. I, ст. 12) указано, что труд является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: "Кто не работает, тот не ест". Таким образом, отношение к труду в XX в. существенно изменилось, что прямо связано с переосмыслением и окончательным закреплением понятия "профессия" в русском языке.

Итак, понятие "профессия", складывавшееся в русской языковой картине мира на протяжении XVIII–XIX вв., окончательно утвердилось к середине XX в. и из первоначального "увлечение в свободное время" трансформировалось в "основной род трудовой деятельности, занятий, требующий специального образования и являющийся обычно материальным источником существования". Сегодня профессия является неотъемлемой частью в жизни человека.

Профессия является актуальной и не только социально, но и лично значимой для представителей русской лингвокультуры, так как является основной общественно полезной трудовой деятельностью, материальным источником существования, а порой и возможностью самореализации. Таким образом, понятие профессия, представляющее собой одну из языковых универсалий, получает дополнительное семантическое развитие в единицах языка и приобретает статус концепта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая Советская энциклопедия. – М., Сов. Энциклопедия, 1981. 719 с.
2. Гавкин Н. Карманный словарь иностранных слов. – Киев, Харьков : Издание книгопродавца-издателя Ф.В. Иогансона, 1894 г. – 601 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М.: Олма, 2007. – Т. 3 (П-Р). – 576 с.
4. Курганов Н. Г. Письмовник, содержащий в себе Науку российского языка о многим присовокуплением разного учебного и полезнотрагического вещесловия : в 2-х ч. – СПб, 1793. – Ч. 2. – 296.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] : сайт. – URL: www.ruscorgpora.ru (дата обращения: 15.11.2016 г.)
6. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 176 с.
7. Семенова А. В. Этимологический словарь русского языка. – М. : ЮНВЕС, 2003. – 704 с.
8. Тамерьян Т. Ю. Историко-этимологический словарь латинских заимствований: Учебное пособие. Под ред. докт. филол. наук, проф. Т. А. Гуриева; Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2009. – 152 с.
9. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. – 5-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2002. Т. 2: Панцирь – Ящур. – 560 с.

МИКРОКОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ В РЕЧИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (на примере создания эффекта иронии)

MICROCONTEXTUAL ANALYSIS
OF STILISTIC RECEPTIONS
TO ACHIEVE EXPRESSIVENESS
IN SPEECH IN ENGLISH (on the example
of creation of the ironian effect)

A. Goncharova

Annotation

This article deals with the stylistic devices. Creating the emotional emphatic effects in modern English speech. Oxymoron and Zeugma are considered to be the most popular and widely-spread stylistic devices to create an emotional effect.

This article also contains a list of most typical structures of Oxymoron and Zeugma in modern English.

Keywords: Oxymoron, Zeugma, irrational word-combinations, dominating concept-subject core, emotion-expression core, semantic connection, contextual norm.

*Гончарова Алёна Владимировна
Доцент, Российская Академия Народного
Хозяйства и Государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

Аннотация

В статье рассматриваются стилистические приемы создания экспрессии в современной английской речи. Наиболее популярными стилистическими приемами для достижения вышеупомянутой цели являются Оксиморон и Зевгма.

Исследование выявило основные ситуативные моменты. Позволяющие создать эффект иронии, а именно – нарушение лексической или синтаксической сочетаемости и алогичное восприятие норм языка.

В работе также вычленены основные схемы образования оксиморона в современной английской речи и проанализированы факты нарушения типовой сочетаемости предметно-логического и эмоционального компонентов оксиморона и зевгмы.

Ключевые слова:

Оксиморон, Зевгма, Иррациональные сочетания, Доминирующее понятийно-предметное ядро, Эмоционально-оценочное ядро, Семантическая связанность, Контекстуальная норма.

В настоящее время наблюдается все более возрастающий интерес к изучению английского языка через призму эмоционально-оценочного восприятия языкового материала.

В современной лингвистике принято разграничивать дескриптивные, описательные моменты в построении языковых единиц и экспрессивные, выразительные. Такое разграничение обычно объясняется тем, что и дескрипция и экспрессия имеют свои собственные средства реализации.

Обычное описание нейтрально с точки зрения эмфатики и указывает лишь на отношения между объектами речи или на свойства последних. Экспрессивные средства служат для выражения отношения говорящего субъекта к объекту речи, его авторской оценки, его эмоций.

В современном английском языке существуют различные приемы и средства для достижения экспрессивности речи. Наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляют стилистические приемы.

В статье рассматриваются стилистические приемы оксиморон и зевгма, в основе которых лежит алогическая

лексическая и синтаксическая связь составляющих их компонентов. Нарушение законов формальной логики, обусловленное своеобразием структурных отношений компонентов оксиморона и зевгмы, отклонения от контекстуально обусловленной нормы приводят к созданию новых эмоционально-семантических оттенков, в частности, создают эффект иронии. Ирония порождается нарушением либо лексической, либо синтаксической сочетаемости, противоречием между нормой и системой, с одной стороны, и их реализацией в речи, с другой. Значительную роль при этом играет элемент непредсказуемости компонентов зевгмы и оксиморона.

Оксиморон (греч. *οξυμορον* – букв. остроумно-глупое) – стилистический прием, "посредством которого предмету речи приписывается признак (качество, действие, состояние), противоречащий природе, сущности определяемого". И.З.Арнольд и такие британские языковеды как Клиф Оксенден, Пол Селингсон и Саймон Кент относят оксиморон к полумеченым структурам, которые характеризуются низкой предсказуемостью, и подчеркивает, что сочетание контрастных по значению слов создает

новое понятие или раскрывает противоречивость описываемого. С первого взгляда оксиморон кажется иррациональным, поражает алогичностью, но при более пристальном рассмотрении мы обнаруживаем, что он вскрывает сложность и противоречивость мира.

Логическая несовместимость противоположных по значению слов, имеющих определительную, предикативную или обстоятельственную связь в оксимороне, приводит к неожиданности на семантическом уровне, создает эффект обманутого ожидания, поражает своей необычностью. Компоненты оксиморона характеризуются антонимическими отношениями, возникающими в результате противопоставления сем. Контраст взаимоисключающих слов может порождать иронию. Противоположность компонентов оксиморонных сочетаний выявляется в микроконтексте, превалирующим является эмоциональное значение вторых компонентов.

Доминирующей понятийно-предметной семой в оксимороне является сема второго компонента (ядра), а доминирующей эмоционально-оценочной – сема первого компонента (адьюнкта). Адьюнкт влияет на ядро и приводит к изменению в семантической структуре.

Выделяются два семантических типа оксиморона – явный и стертый, в зависимости от того, насколько ярко выражена противоречивость понятийно-предметной и эмоционально-оценочной семы в его структуре.

Примерами стертшегося оксиморона являются часто употребляемые в разговорной речи сочетания типа: *You're looking frightfully well, She looks terribly smart, He is terrific clever.* Разговорные интенсификаторы *terrific, awfully, frightfully, tremendously, terribly* утратили свое предметно-логическое значение и приобрели из-за широкой употребляемости значение усилительности. Оксимороны подобного типа стали привычными.

Значительно больший интерес представляет явный оксиморон, отличающийся оригинальностью, немедленно привлекающий внимание.

It has the poorest millionaires, the littlest great men, the haughtiest baggers, the plainest beauties, the lowest skyscrapers, the dolefullest pleasures of any town I ever saw. (O. Henry, 115).

Каскад оксиморонов подчеркивает ироническое отношение автора к американцам (речь идет о Нью-Йорке). Логическая несочетаемость слов при вполне оправданной грамматической связи является основным принципом создания иронии. Предметам приписываются признаки, противоречащие их природе, сущности. Ирония усугубляется использованием превосходной степени прилагательных.

Существует несколько структурных моделей оксиморона:

- Adj. + N.
- A. + N.
- N. + Adj.
- A. + V. + Adj.
- Adj. + N1 + of N2.

В английском языке наиболее часто употребляется модель Adj+N. Она обладает большей экспрессивностью. В результате столкновения значения компонентов оксиморона выступают особенно ярко, резко ощущается их лексическая несовместимость. Как известно, атрибутивная связь является наиболее тесной в предложении, а компоненты оксиморона семантически оказываются оторванными друг от друга, находятся в антонимических отношениях. При этом нарушается типовая сочетаемость, происходит взаимодействие предметно-логического и эмоционального значений компонентов.

Oh, I love London society! I think it was immensely improved. It is entirely composed now of beautiful idiots and brilliant lunatics. (O. Wilde, 48).

Основное значение прилагательных beautiful и brilliant сопротивляется силе семантических изменений, которым оно подвергается. Определяемое и определяющее вступают в алогическую семантическую связь. Употребление вторых элементов оксиморона логически не предопределено, не подготовлено предшествующими элементами. Неожиданное восприятие взаимоисключающих слов создает иронию. Сигналом-указателем иронии является нарушение предсказуемости.

By that time the occupant of the monogamitic harem would be in dreaeland ... (O. Henry, 242).

Окказиональная антонимия, оппозиция определяемого и определяющего приводят к созданию комического эффекта.

Менее значительна оппозиция компонентов оксиморона в модели A+Adj.

Fatty was magnificently imbecile. (S. Lewis, 135).

Наречие magnificently вступает в столкновение с прилагательным imbecile. Значение наречия погашается, доминирует второй компонент. Противоречие, возникающее из-за логической несовместимости сем, позволяет автору иронически обыгрывать глупость персонажа.

Наиболее редкими моделями оксиморонных сочетаний являются

- A + V + Adj
- Adj + N1 + of N2.

They quietly went mad. Piggy needs but a word. When the girls named him, an under-serving stigma was him cast upon the noble family of swine (O. H., 21).

Для английского языка характерно употребление логически не совместимых однородных членов. Одной из возможностей стилистического использования однородных членов является зевгма, прием, основанный на неупотреблении ожидаемых компонентов речи. "Зевгма – это сочетание многозначного слова одновременно с двумя или несколькими другими в разных смысловых (а нередко и синтаксических) планах, вместо повторения его в каждом сочетании по отдельности". С точки зрения формальной структуры предложения компоненты зевгмы не нарушают синтаксической нормы, однако алогически объединяются слова, принадлежащие к разным семантическим планам.

Дж.Холландер отмечает, что стилистический эффект зевгмы возникает в результате действия эффекта обманутого ожидания, когда нарушается лингвистическая модель и появляются новые эмоционально–стилистические оттенки. Алогическое переключение с одного предмета на другой, семантический контраст элементов зевгмы легко создают иронию.

Зевгма представляет собой синтаксическую конструкцию, главный элемент (ядро) которой находится в разных отношениях с зависящими от него второстепенными элементами. Часто элементы, образующие зевгму, являются однородными членами предложения, количество их не ограничено.

In a fraternity all tennis rackets, trousers and opinions are held in common. (S.Lewis, 132).

Четыре однородных подлежащих сочетаются с одним глаголом в разных смысловых планах. Намеренное противоречие между структурно–синтаксической общностью и семантической разнородностью элементов зевгмы порождает иронию.

No! his old aunts if they never opened their minds, their eyes or very much their window. (J.Galsworthy, 74).

В данном случае ядро зевгмы – глагол является общим членом трех словосочетаний. Семантические отношения между ними, с одной стороны, буквальные, с другой – переносные.

Наиболее употребительной в английском языке является зевгма, состоящая из глагола и однородных дополнений, которые не могут одновременно сочетаться парадигматически. С одним из этих дополнений глагол образует свободное сочетание и употребляется в своем ос-

новном прямом значении, с другим дополнением глагол употребляется либо в переносном, либо в лексически связанном значении, являясь частью устойчивого или фразеологического сочетания.

Or stain her honor or her new brocade...

Or lose her heart, or necklace at the ball. (A.Pope, 38).

Каждое дополнение требует реализации иного значения глагола. Глаголы to stain и to lose употребляются в прямом и переносном значении, происходит одновременная реализация их свободного и лексически связанного значения. Ирония возникает в результате противоречия между тождественностью структур и их семантической несовместимостью.

If the country doesn't go to the dogs or Radicals, we shall, have you Prime-Minister, some day. (O.Wilde, 71).

Неожиданное алогическое переключение с одного предмета на другой, столкновение свободного и фразеологического словосочетаний, объединенных в одну синтаксическую конструкцию, функционально–стилистический контраст слов, образующих зевгму, создают иронический эффект.

Компоненты зевгмы могут располагаться дистанционно. Более широкое употребление зевгмы в английском языке по сравнению с русским связано с тем, что в английском языке чаще употребляются несовместимые однородные члены предложения.

Таким образом, очевидно, что нарушение законов семантической связанности, контекстуальное столкновение, низкая предсказуемость элементов зевгмы и оксиморона дают возможность этим стилистическим приемам выражать иронию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, изд.5, 2012.
2. Габинская О.А. Особенности мотивировки при образовании окказиональных слов некоторых тематических групп. Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 2
3. Егоров Б. Моя коллекция. – Сб.: Бородатый блондин. М.: Правда, 2010.
4. Кузнец М.Д. и Скребнев Ю.М. Стилистика английского языка. Л., изд.4, 2011.
5. Моралевич А. Доктор Паук. М., Правда, 2012.
6. Моралевич А. Судьба короля. – Вокруг света, №7 2014
7. Словарь современного русского языка. М., Л.: 2012.
8. Филин Ф.П. О лексико–семантических группах слов. – В Сб: Евикуведски исследования в чест на акад. Стефан Младенов. София, 2014.
9. From the viewpoint of Literary Criticism: Opening statement, style in Language. Ed. by H.A.Sebeok, Camb.Mass, 2011.
10. Clif Oxenden Modern British Stylistics Cambridge University Press ed/4 2015
11. Henry O. Short Stories. N.T.,Kandom House, изд. 2, 2014.
12. Wi1de O. Пауз. L.,Blackwells, изд. 3, 2011.
13. Lewis S. Arrowsmith. N.Y., Random House, изд. 4, 2015.
14. Pope A. Poems. L., изд. 4, 2014.
15. Galsworthy J. To Let. M., Progress publishers, изд. 2, 2012.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА "ГЛУПОСТЬ" В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (на материале русских народных и авторских сказок)

REPRESENTATION OF THE CONCEPT
"FOOLISHNESS" IN RUSSIAN LINGUISTIC
CONSCIOUSNESS (on the material
of russian national and author's fairy tales)

Li Yixin

Annotation

The article is devoted to the analysis of the concept of FOOLISHNESS in Russian folk tales and author's fairy-tales. Verbal representation of this concept is presented in terms of multi-level means of expression: morphological, lexical and textual. Comparison of these means makes it possible to reveal the similarity and difference in collective and individual consciousness.

Keywords: linguistic consciousness, folk tale, author's fairy tale, the concept of foolishness, language representation.

Ли Исинь

*Аспирант, Тамбовский
государственный университет
им. Г.Р. Державина*

Аннотация

Статья посвящена анализу концепта ГЛУПОСТЬ в русских народных и авторских бытовых сказках. Вербальная репрезентация данного концепта представлена в плане многоуровневых средств выражения: морфологических, лексических и текстовых. Сравнение этих средств позволяет выявить сходство и различие в сознании коллектива и индивида.

Ключевые слова:

Языковое сознание; народная сказка; авторская сказка; концепт ГЛУПОСТЬ; языковая репрезентация.

В настоящее время концепт как основное понятие современной когнитивной лингвистики оказался широко востребованным в теоретических и практических аспектах исследований, которые изучают и описывают взаимосвязь языка и мышления, выявляют систему языковых средств репрезентации концептуального содержания. С точки зрения лингвокогнитивного подхода, концепты понимаются как "идеальные, абстрагированные единицы, смыслами которых человек оперирует в процессе мышления. Они отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц, "квантов" знания. Человек мыслит концептами" [2, с. 24]. В свою очередь широкое (лингвокогнитивное) определение в рамках других направлений получают частные (аспектные) толкования. Так, по мнению Ю. С. Степанова, представителя лингвокультурного подхода, концепт – это "понятие, за которым в нашем сознании возникает давно знакомое содержание, это описание ситуации культуры" [13, с. 19]. Поэтому на современном этапе развития языкознания связь языка с концептуальным сознанием и культурой не вызывает сомнения, поскольку сознание как способность идеального воспроизведения действительности в мышлении отражается в языке. Языковое сознание – это один

из видов сознания, которое репрезентировано "с помощью языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей" [14, с. 26]. В данной статье мы рассматриваем коллективное и индивидуальное языковое сознание через анализ концептов, которые представляют собой результатом "познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества" [10, с. 24].

Объектом изучения является концепт ГЛУПОСТЬ, который, на наш взгляд, лежит в основе культуры человеческого общества и отражает мировоззрение народа.

Концепт ГЛУПОСТЬ изучают на лексикографическом материале, на материале пословиц и поговорок, паремий. Предметом данной статьи являются концепты ГЛУПОСТЬ в сказках. Выбор сказочного материала связан с тем, что сказки сохраняют национальное мировоззрение и нравственные ценности. В сказках глупость широко представлена.

Целью настоящей статьи является выявление и сопоставление языковых репрезентантов концепта ГЛУПОСТЬ в народных и авторских сказках. Разные способы репрезентации показывают различия в языковом

сознании между русским народом и автором сказок, то есть находят отражение в коллективном и индивидуальном языковом сознании. Такой сравнительно-сопоставительный анализ определяет новизну статьи.

Для достижения поставленной цели были выбраны тексты народных сказок про глупость из сборника "Русские народные сказки" под редакцией А. Н. Афанасьева и соответственно авторских сказок. Среди авторских сказок были выбраны: "Сказка о попе и о работнике его Балде" А. С. Пушкина [1, с. 48–52], "Про Иванушку–дурачка" М. Горького [Там же, с. 420–423] и "Конек–горбунок" П. П. Ершова [Там же, с. 96–155]. Народной сказкой, которая имеет похожие сюжеты со "Сказкой о попе и о работнике его Балде", является "Шабарша" из сборника А. Н. Афанасьева [5, с. 268–270]. Сюжет "Про Иванушку–дурачка" похож на сказку "Иванушка–дурачка", которая в сборнике Афанасьева представлена в двух вариантах [7, с. 126–128]. Схожим сюжетом "Конек–горбунок" обладает "Сивко–бурко" из сборника А. Н. Афанасьева [6, с. 5–10].

В исследовании концепта, на наш взгляд, в первую очередь важно осмыслить его понятийное содержание, представленное в энциклопедических и толковых словарях русского языка. В них лексема "глупость" толкуется следующим образом:

- ◆ "только ед. отвлеч. сущ. к глупый"; 2. "глупый поступок, глупое слово (разг.)" 3. "только мн., в знач. межд. употр. в реплике для выражения несогласия с чем–нибудь, возражения против чего–нибудь (разг. фам.)" [15];
- ◆ "см. глупый"; 2. "глупый поступок, глупые слова"; 3. "глупости! О чём–н. явно неразумном, неверном (разг.)" [8];
- ◆ "Свойство по прил. глупый (в 1 знач.); недостаток ума, несообразительность." 2. "Глупый поступок; глупая мысль, речь" [11];
- ◆ "Глупый, неумный, недалекий, безмозглый (разг.), пустоголовый (разг.), безмозглый (прост.). Такой, у которого недостаточно хорошо развиты мыслительные способности, который отличается слабой сообразительностью. Глупый – не обладающий достаточным, необходимым умом, чтобы правильно, в соответствии с условиями и обстоятельствами, вести себя, и т. д." [12];
- ◆ "Недостаток ума. Понятие по самой своей природе относительное. Глупость, как и ум, познается в сравнении и имеет разные степени. Это оставляет хоть какой–то шанс дуракам (всегда найдется кто–нибудь еще глупее) и гениям (всегда найдется толика глупости, которую следует преодолеть в себе). "Как же я был глуп!" – часто восклицаем мы. Это не означает, что теперь мы полностью избавились от глупости, но подразумевает, что мы стали менее глупыми" [4].

Данный словарный материал позволил нам прийти к выводу о том, что лексема "глупость" обозначает опреде-

ленный качественный признак, а также характеризующий глупые поступки или неумные слова человека. Этот признак часто противопоставляется другому качественному признаку – "умный" и поэтому воспринимается как "недостаток ума".

Субъект ГЛУПОСТЬ в бытовой жизни – глупый человек, дурак. Как отметила Е. В. Бусурина в "Антологии концептов", что есть три модели дурака, в частности, кроме бытовой модели, есть еще мифологическая модель: "дурак – добрый, нравственный человек, который награждается удачей и счастьем" [3, с. 125]. Такая модель связана с волшебными сказками ("сивко–бурко"), в которых субъектом концепта являются еще чертенок ("Шабарша") и Балда ("Сказка о попе и о работнике его Балде"). А в сказках о животных субъектом, олицетворяющим ГЛУПОСТЬ, может быть медведь ("Маша и медведь") или волк ("Волк–дурень"). В бытовых сказках – мужик, жена, Иван ("Иван–дурак") или Емеля ("Емеля–дурак").

При описании концепта необходимо учитывать его полевую структуру, которая, по мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, состоит из ядра и периферии. Ядро – это более конкретные и ярко выраженные образы, а периферия является более абстрактным понятием [9, с. 58]. Единицы ядра встречаются намного чаще, чем единицы периферии.

На морфологическом (морфемном) уровне, ядро концепта ГЛУПОСТЬ представлено словами с корнем *-глуп-* (7 раз) или *-дур-* (97 раз). Слова с корнем *-дур-* встречаются намного чаще, в том числе в проанализированных нами народных сказках 79 раз, в авторских сказках 18 раз. А слова с корнем *-глуп-* наблюдались только 7 раз (1 раз в народных и 6 раз в авторских).

На лексическом уровне репрезентанты ядра концепта ГЛУПОСТЬ в сказках представлены следующими лексемами: *дурак, дурачок, дурить, дурень, дурацкий, дурной, глупец, глупый, глупенький*. Среди них лексема *глупец* только появилась в народной сказке "Шабарша", лексемы *дурень, дурацкий, дурной, глупый и глупенький* встречаются только в авторских сказках. Иными словами, в обработанных мастерами слова тексты сказок, при описании одного и того же образа, мы обнаруживаем большие многообразие лексических средств репрезентации концепта ГЛУПОСТЬ.

Наблюдается разница и в обращении к понятию "дурак": в народных сказках: *дурак, дурачок*, Иванушка–дурачок, тогда как в авторских сказках чаще употребляются имена собственные по отношению к образам, которые в сказках характеризуются как "глупый", "неумный": *Иванушка, Балда*. В сказке "Про Иванушку–дурачка" М. Горького, *Иванушка–дурачок* только появился один раз. В тексте обращаются к нему как Иванушка. Слово "балда" в

"Толковом словаре С. И. Ожегова" обозначает бестолковый человек, дурак [8]. Однако в сказке А. С. Пушкина, глупый не тот, кого зовут Балда, а такие персонажи, как поп, чертенок и старый Бес.

В народной сказке "Иванушка-дурачок" наблюдаются фразеологизмы: "с дурака взятки гладки; никуда не годишься!", а в соответственно похожей сказке М. Горького фразеологизмов нет.

На уровне высказывания в народных и авторских сказках при описании поступков дурака обычно используются предложения с глагольными предикатами, которые передают последовательность действий: *Взял да и высыпал всю соль в воду; остался дурак один во всем доме; запер дверь, выпустил целую бочку квасу, сел в лоток, в руки взял веселку и плавает по избе да приговаривает ("Иванушка-дурачок(вариант 2)")* [7, с. 128]; *Иванушка влез на полати, разбудил детей, стащил их на пол, сам сел сзади их и говорит...; Снял дверь с петель, взвалил её себе на плечи и пошёл в лес ("Про Иванушку-дурачка")* [1, с. 420].

Интересным представляется сопоставление народных и авторских сказок в плане характеристик действий дурака. В народных сказках в его поступках иногда проявляется жестокость: *Принялся дурачок пасты: видит, что овцы разбрелись по полю, давай их ловить да глаза выдирать; всех переловил, всем глаза выдолбил, собрал стадо в одну кучу и сидит себе радехонек, словно дело сделал ("Иванушка-дурачок (вариант 1)")* [7, с. 126]; *леность: Умные-то овец в поле пасли, а дурак ничего не делал, все на печке сидел да мух ловил (там же); третий-от Иван-дурак, ничего не делал, только на печи в углу сидел да сморкался ("Сивко-бурко (вариант 1)")* [6, с. 5]. А в авторских сказках проявляется противоположенный характер дурака – трудолюбивый, заботливый, добрый и ласковый: *Живет Балда в поповом доме, спит себе на соломе, ест за четверых, работает за семерых; До света все у него пляшет. Лошадь запряжет, полосу вспашет, печь затопит, все заготовит, закупит, яичко испечет да сам и облупит ("Сказка о попе и о работнике его Балде")* [1, с. 49].

Однако такое противопоставление не является универсальным. Образ дурака характеризуется одинаково положительно, в частности, как смелый и добрый ("Сив-

ка-бурка" и "Конек-горбунок"). Эти сказки как текстовой репрезентант концепта ГЛУПОСТЬ характеризуют положительное восприятие дурака как репрезентанта данного концепта. Поэтому не случайно в конце сказки мы имеем ситуацию веселья, когда дурак женится на царевне, становится царем и превращается в красавца: *Во дворце же пир горой: вина льются там рекой; За дубовыми столами; Пьют бояре со князьями. Сердцу любо! ("Конек-горбунок")* [1, с. 155].

Но в некоторых сказках есть и отрицательные образы дураков, например, дурак в народной сказке "Иванушка-дурачок": неприятный, ленивый, равнодушный и жестокий. И поэтому конец сказки неприятный: *"Опустил их Иванушка-дурачок в прорубь и погнал домой пиво допивать да братьев поминать" ("Иванушка-дурачок (вариант 1)")* [7, с. 127].

Таким образом, оценку образа дурака в народных и авторских сказках можно проиллюстрировать следующей таблицей, где знак (+) обозначает положительную оценку, а знак (-) – отрицательную.

По отношению к проанализированным сказкам мы видим, что во всех авторских сказках образ дурака как репрезентант концепта ГЛУПОСТЬ окрашен положительным восприятием, тогда как в народных сказках наблюдается и отрицательная оценка этого образа.

Как отмечено выше, в составе периферии репрезентанты концепта встречаются реже. С этой точки зрения мы полагаем, что образ дурака с отрицательными характеристиками представляет собой периферию концепта ГЛУПОСТЬ.

Таким образом, парадокс в репрезентации концепта ГЛУПОСТЬ в сказках состоит в том, что его ядерная зона в русском языковом сознании представлена лексемой дурак. Но при этом содержание этой лексемы не совпадает с лексикографическим толкованием, поскольку в сказках дурак – вовсе не глупый человек. Поступки и слова характеризуют его как умного человека в его противопоставлении тем героям сказок, которые хотя порой и не определяются как глупые, но таковыми оказываются по содержанию.

Таблица 1.

Оценка образа дурака в народных и авторских сказках.

Народные сказки	Оценка	Авторские сказки	Оценка
"Шабарша"	+	"Сказка о попе и о работнике его Балде"	+
"Иванушка-дурачок"	-	"Про Иванушку-дурачка"	+
"Сивко-бурко"	+	"Конек-горбунок"	+

Концепт ГЛУПОСТЬ имеет оценочный характер в сказках. ГЛУПОСТЬ может быть и положительной, и отрицательной в народных сказках. А в авторских сказках дурак как основной субъект, представляющий данный концепт, является положительным образом, который обладает положительными моральными качествами.

В народных и авторских сказках языковые репрезентанты концепта ГЛУПОСТЬ в большей степени представлены на уровне высказывания и текста.

Именно текстовый уровень определяет подлинное содержание концепта ГЛУПОСТЬ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин В. П. Сказки русских писателей / Сост., вступ. ст. и ком. В. П. Аникина. М.: Правда, 1985. 672 с.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд.-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. 123 с.
3. Бусурина Е. В. Дурак // Антология концептов. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 2. 356 с.
4. Конт-Спонвиль А. Философский словарь / Пер. с фр. Е. В. Головиной. М.: Этерна, 2012. 752 с.
5. Народн. русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3-х т. / Подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков; Отв. Ред. Э.В. Померанцева, К.В. Чистов, М.: Наука, 1984. Т.1. 539 с.
6. Народн. русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3-х т. / Подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков; Отв. Ред. Э.В. Померанцева, К.В. Чистов, М.: Наука, 1984. Т. 2. 490 с.
7. Народн. русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3-х т. / Подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков; Отв. Ред. Э.В. Померанцева, К.В. Чистов, М.: Наука, 1985. Т. 3. 509 с.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. С. П. Обнорского. М., 1949.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. 191 с.
10. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2007. 250 с.
11. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957 – 1961 г.
12. Словарь синонимов русского языка: в 2-х т. / АН СССР, Институт русского языка; Под ред. А. П. Евгеньевой. Л.: Наука, Ленинградское отделение, Т. 1 (А – Н), 1970; Т. 2 (О – Я), 1971. 1385 с.
13. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.
14. Тарасов Е. Ф. Язык и сознание. М.: Институт языкознания, 1993. 174 с.
15. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935 – 1940.

© Ли Исинь, (isinli@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики».

Русская народная сказка "Конек Горбунок"

НОМИНАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ПРИЕМ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА В ПОЭМЕ В ПРОЗЕ Р.М. РИЛЬКЕ "ПЕСНЬ О ЛЮБВИ И СМЕРТИ КОРНЕТА КРИСТОФА РИЛЬКЕ"

NOMINATIVE PROPOSALS
AS THE RECEPTION OF THE EXPRESSIVE
SYNTAX IN THE POEM IN THE PROSE
OF R.M. RILKE "A SONG OF LOVE
AND DEATH OF CORNET
CHRISTOPHE RILKE"

G. Lopatina

Annotation

In the article the author considers the use of nominative proposals by R.M. Rilke in his poem "The Song of Love and Death of Cornet Christophe Rilke" in order to give the work a special poetic, imaginative and "cinematic". In the article the author also considers the issue of the status of nominative sentences in German according to their classification among domestic and foreign authors.

Keywords: R.M. Rilke, poem in prose, nominative.

Лопатина Галина Германовна
Аспирант,

*Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова*

Аннотация

В статье автор рассматривает использование номинативных предложений Р.М. Рильке в поэме в прозе "Песнь о любви и смерти корнета Кристофа Рильке" для придания произведению особой поэтичности, образности и "кинематографичности". В статье автор также рассматривает вопрос о статусе номинативных предложений в немецком языке их классификацию у отечественных и зарубежных авторов.

Ключевые слова:

Р.М. Рильке, поэма в прозе, номинативные предложения.

Стилистические ресурсы средств синтаксиса дают возможность синтаксическим конструкциям играть экспрессивно-стилистическую роль, достигая выразительного эффекта высказывания.

К экспрессивному синтаксису относятся маркированные случаи использования главных и второстепенных членов предложения, однородных членов, стилистически значимые структурно-семантические типы предложений, особые средства связи, порядок слов и т.д. Они выступают в речи как синонимические ряды, соответствующие различным языковым ситуациям.

Стилистически маркированы неполные и односоставные предложения, характерные для разговорной и художественной речи. Так же стилистически отмечены и безличные предложения, обозначающие состояния природы или человека, и обобщенно-личные предложения, выражающие суждения общего характера, а также инфинитивные конструкции и эллиптические предложения, антиэллиipsis, усечение, позиционно-лексический повтор, парцелляция придающие речи эмоциональность, оценочность, логическое усиление.

Неполные предложения (предложения допускающие, пропуск одного или нескольких компонентов, восстанавливаемых из контекста) широко применяются в разговорной речи, как монологической, так и диалогической. Такие конструкции способствуют лаконичности изложения, его оживлению, выделению некоторых моментов, актуализации.

Еще более экспрессивны неполные предложения с пропуском глагольного сказуемого. Отсутствие глагольного сказуемого в таких предложениях выражает интенсивность, стремительность действия. Эти конструкции характерны для художественной и публицистической литературы.

Большой интерес для анализа с точки зрения структуры представляют собой безличные и номинативные предложения. Как известно, основными чертами немецкого предложения являются номинативность, глагольность и двусоставность. Но совершенно очевидно, что не все предложения в немецком языке удовлетворяют этим требованиям, встречаются предложения с отсутствующим подлежащим или сказуемым.

Грамматика Duden трактует такие предложения как неполные двусоставные, когда опущенный член предложения подразумевается или восстанавливается из контекста.

Большинство же отечественных лингвистов признают наличие односоставных предложений в немецком языке (В.Г. Адмони, О.И. Москальская, К.А. Левковская, Е.И. Ризель, Е.И. Шендельс, С.А. Суркова и др.). Они выделяются как независимые разряды с собственными структурными схемами; это относится и к безличным предложениям. Но в то же время и В.Г. Адмони, и О.И. Москальская обращают внимание на то, что они находятся на периферии немецкого синтаксиса [1, С. 119].

Безличные предложения обычно выделяются исследователями в отдельную группу и оформляются как особая модель или даже группа моделей, объединенных в блок. Так, у В.Г. Адмони есть логико-грамматический тип безличных предложений и логико-грамматический тип экзистенциальных предложений. Первый содержит конструкции с безличными глаголами, а также с одночленным пассивом и так называемым "пассивом состояния" (конструкция *sein* + причастие II), а ко второму относятся конструкции с *es*, глаголом существования и существительным в именительном падеже. Е.И. Шендельс и О.И. Москальская дают целые блоки моделей безличных предложений. Основанием к такому подходу является понимание безличных предложений как формально-двусоставных. *Es* замещает структурно необходимое подлежащее. А сами предложения типа *Es regnet*; *es ist Zeit* внутренне одночленны, они "не выражают соотношенности какого-то понятия с его признаком, здесь дается только констатация наличия какого-то признака в действительности" [2, С. 37]. Видимо, именно этим объясняется понимание некоторыми исследователями безличных предложений как односоставных, что, однако, не нашло признания в лингвистике последних десятилетий. Отмечается лишь, что безличные предложения могут сближаться с односоставными при отсутствии *es*, в этом случае на первое место выносятся какой-либо второстепенный член предложения. Однако и при отсутствии *es* в безличных предложениях все же обязательно как минимум сохраняется наличие двух основных, важнейших членов (сказуемого и дополнения, сказуемого и обстоятельства), что является своеобразной аналогией к двусоставной структуре предложения [1, С. 50].

Примеры с местоимением *es* из поэмы в прозе "Песнь о любви и смерти корнета Кристофа Рильке".

"Es kann sein."

"Может быть."

"Es tu? also Herbst sein."

"Значит уже осень."

"Es kommt also ein Dorf, endlich."

"Значит рядом деревня, наконец-то."

Примеры на нулевую тему (К.Г. Крушельницкая использует термин "инверсия с *es*" [3, С. 237], в немецкой традиции это явление носит название "первое место глагола"), когда формальное *es* занимает первое место в предложении, образуя с точки зрения актуального членения предложения нерасчлененное высказывание. В этом случае все предложение становится ремой; при изменении порядка слов смысл сохраняется. На данную функцию формального *es* указывают В.Г. Адмони, О.И. Москальская, К.П. Акулова и описывают подобные предложения в рамках той модели, которая характерна для них при отсутствии *es*.

Безличные предложения распадаются на две большие группы: безличные предложения с глагольным главным членом и безличные предложения с глагольно-именным главным членом. В основу дальнейшего деления последних положен морфологический признак – природа именной части сказуемого, выраженного именем существительным или именным прилагательным.

*Сначала представляется целесообразным охарактеризовать предложения с глагольным главным членом. Сюда входит и устоявшаяся конструкция *es gibt*.*

"Es gibt keine Berge mehr, kaum einen Baum."

"Нет больше гор, исчезают деревья."

"Es kann sein."

"Может быть."

Безличные предложения с именным составным сказуемым.

"Ganz in Eisen, gro?. Dann tausend dahinter. Das Heer."

"В доспехах с ног до головы, рослые: войско."

"Endlich vor Spork."

"Наконец он предстал перед Спорком."

Вопрос о номинативных предложениях в немецком языке остается спорным до сегодняшнего дня. Как уже говорилось выше, многие зарубежные германисты придерживаются той точки зрения, что глагол занимает центральное место в предложении, и следовательно, глагольное сказуемое является необходимым компонентом всякого предложения в немецком языке, поэтому номинативные предложения считаются неполными (П. Греббе, Г. Глинц, Й. Эрбен, Г. Бринкман и др.). В отечественном языкознании они, напротив, рассматриваются как самостоятельный тип предложений. Однако сам термин варьируется. К.А. Левковская, Г.Е. Каган используют наиболее распространенный термин – "номинативное" (иначе "назывное") предложение. Е.С. Скобликова отдает предпочтение второму варианту, так как основная функция этих предложений – называние предметов и явлений. Отмечая, что главный член таких предложений выражен именем существительным, В.Г. Девкин обозначает их термином "субстантивные предложения". В.Г. Адмони обозначает термином "бытийное предложение" форму имени-

тельного падежа в функции предложения, а под назывными предложениями он понимает различного рода заголовки и надписи. Такой разницей в терминологии указывает на сложность данной проблемы. В данной статье используется термин "номинативное предложение", так как уже само название указывает на структуру данных предложений.

Номинативные предложения – это такие предложения, главным членом которых является имя существительное в форме именительного падежа и которые выражают факт существования предмета, состояния, явления. Односоставность в номинативных предложениях по мнению ученых основывается на том, что "действие (состояние), которое должно было бы быть здесь при применении двусоставной структуры обозначено сказуемым, в силу своего максимально обобщенного содержания (понятия бытия, существования как такового) не получает особого выражения, а как бы наслаивается на значение именительного падежа. Можно сказать, что номинативные предложения выражают двухкомпонентный состав мысли одним словом, то есть с точки зрения выполнения коммуникативного задания (реализации минимального коммуникативного акта) они равноправны с полными двусоставными предложениями, а значит и вполне самостоятельны.

В русском языке номинативные предложения представляют собой один из самых распространенных типов предложений. В немецком языке они гораздо менее частотны, тем не менее закономерности их использования позволяют выделить их как особый тип предложений или даже блок моделей предложений. Этот вопрос решается разными учеными по-разному. В.Г. Адмони в предложенной им системе логико-грамматических типов выделяет особый тип бытийных предложений. О.И. Москальская вводит модели номинативных предложений в блок одночленных предложений. Номинативные предложения как отдельный тип выделяли также В.Д. Девкин и К.А. Левковская. Этой проблеме посвящены многие специальные работы (С.А. Суркова, Г.Е. Каган, Л.Г. Кораблева и др.).

В исследуемом произведении были выделены как одночленные предложения, представляющие собой кон-

струкции с именем существительным в именительном падеже, так и предложения, содержащие в своем составе дополнительные члены предложения. Они могут являться членами возможного сказуемого и рассматриваются как пограничные случаи.

"Nirgends ein Turm. Und immer das gleiche Bild."

"Hugde ни башни. И постоянно одна и та же картина."

"Ein Deutscher offenbar."

"Немец, наверно."

"Wachtfeuer."

"Сторожевой костёр."

"Ebene. Abend."

"Равнина. Вечер."

Одночленные предложения-вопросы оцениваются учеными также неоднозначно. Е.С. Скобликова ставит их в один ряд с такими конструкциями как заголовки и надписи или именительный представления, однако она же отмечает, что вопросительные предложения чаще других относятся исследователями к номинативным.

"Wein? Oder Blut?"

"Вино? Или кровь?"

"Dein Gemahl?"

"Твой супруг?"

"Dein Namen?"

"Твое имя?"

Для номинативных предложений очень важен контекст. Обычно они употребляются при описании, так как они позволяют представить отдельные детали в виде ярких штрихов, сосредотачивая на них внимание.

Обозначая предметы, действия, впечатления, звуки, номинативные предложения выхватывают из общей картины жизни и показывают читателю в виде неких "кинокадров" то, что увидел и прочувствовал автор ли герой произведения, причем благодаря безглагольности создается эффект совпадения момента бытия отображаемой действительности с моментом ее отображения. Эта стилистическая особенность номинативных предложений, названная исследователями "кинематографичностью", характерна для образного, эмоционального авторского стиля Р.М. Рильке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М.: 1955.
2. Акулова К.П. Разграничение членов предложения в современном немецком языке. Л.: 1971.
3. Крушелницкая К.Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М.: 1961.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ: ВОСПРИЯТИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

ARTISTIC WORK: ITS PERCEPTION AND INTERPRETATION

*A. Murza
T. Alferova*

Annotation

The article focuses on the literary analysis of two American novels: "Sister Carrie" by Theodore Dreiser and "The Sun Also Rises" by Ernest Hemingway. The author tries to prove that the process of perception and interpretation of those writers' works seem to be in close connection with individual stylistic characteristics and artistic devices. The chosen novels appear especially illustrative in this respect as they demonstrate different, even contrasting methods of narration, descriptions, and principles of psychological implication.

Keywords: the forms of narration, stylistic devices, expressive details, documentary descriptions, indirect implied parts.

*Мурза Александра Борисовна
К.филол.н., доцент,
МГУ им. М.В. Ломоносова
Алферова Татьяна Леонидовна
Преподаватель,
МГУ им. М.В. Ломоносова*

Аннотация

В статье дается сравнительный литературный анализ двух американских романов: "Сестра Керри" Теодора Драйзера и "И восходит солнце" Эрнеста Хемингуэя. Авторы показывают, что процесс восприятия и интерпретации художественного произведения связан с индивидуальными особенностями стиля писателя и применяемыми им художественными приемами. Выбранные романы кажутся особенно выразительными в этом отношении, поскольку Т.Драйзер и Э.Хемингуэй используют разные, часто противоположные методы изложения описаний и создания подтекста.

Ключевые слова:

Формы изложения, стилистические приемы, выразительные детали, достоверность описания, способы создания подтекста.

Речь художественного произведения, в отличие от речи научного труда или делового документа, призвана не только передать его содержание, но и создать яркое образное представление о месте и времени действия, внешнем облике и характере действующих лиц, эмоционально воздействовать на читателя и вызвать у него сопереживание с героями.

Задачи художественной речи решаются путем ее особой организации, постоянной смены форм повествования, включения различных средств повышения образности: выразительных деталей, художественных сравнений и т.д. Каждый способ изображения и применяемое выразительное средство по-своему сказываются на процессе восприятия читателем художественного слова и последовательности интерпретации им отдельных мест произведения.

Восприятие художественной речи – один из видов эстетического познания мира, который имеет существенные особенности и отличия по сравнению с процессом познания окружающей действительности. "Если обычное восприятие находится на первой, чувственной ступени познания, представляя собой совокупность ощущений, дающих лишь чувственный образ предметов, то эстетическое восприятие возможно только на второй, логичес-

кой ступени познания. Ведь эстетическое восприятие – необходимый элемент эстетического отношения – является не просто чувственным, но чувственно-интеллектуальным познанием, образным мышлением" [1].

На первой ступени познания реального мира при живом его созерцании мы получаем через органы наших чувств непосредственную и разнообразную информацию о всех доступных наблюдению предметах, явлениях, живых существах. При этом сосредоточение внимания на тех или иных группах предметов, явлений, лиц и выделение определенных их признаков и качеств зависят только от внутренней нашей настройки (на поиск необходимой вещи, обнаружение источника возможной опасности и т.д.).

Воспринимая художественный текст, читатель через слово получает изначальную информацию в целенаправленно обработанном виде, так как автор упоминает лишь необходимые ему по ходу повествования детали, события, персонажей, подчеркивая при этом одни их стороны и свойства и затушевывая другие. Эмоциональная окраска информации усиливается тем, что писатель употребляет определения и эпитеты, позволяющие ему уже при первом знакомстве с объектом изображения создать у читателя положительное или отрицательное к нему отношение.

Ещё более существенные различия выступают при дальнейшей обработке в сознании читателя полученных из художественного текста сведений. В условиях действительности мы, как правило, самостоятельно производим обобщение, сопоставление, анализ, синтез и оценку накопленных данных и фактов. При восприятии художественной речи на процесс сознания и оценки решающее влияние оказывают авторские пояснения, характеристики и рассуждения, которыми писатель сопровождает свои сообщения, описания, реплики персонажей.

Художник зачастую с предельной тщательностью и глубиной раскрывает перед читателями мысли и чувства героев, их намерения и взаимоотношения – всё то, о чём в обыденной жизни мы можем только догадываться по внешним проявлениям: тону голоса, выражению лица, жесту – или же сопоставляя отдельные слова и поступки собеседников. Таким образом, автор берет на себя значительную долю работы сознания читателя и формирует у него желаемое отношение к происходящему на страницах книги, к героям повествования и заложенным в произведении идеям.

Создание художественного произведения – процесс до известной степени двусторонний. Вынашивая замысел нового произведения, автор, очевидно, думает о своем будущем читателе, старается предугадать, как он воспримет не только идеи книги, освещение в ней событий и образы их участников, но и форму, в которую это всё облечено. Работая же над страницами романа (повести, рассказа), писатель выверяет каждую строчку, каждую реплику персонажа и упоминаемую деталь с точки зрения их предполагаемого воздействия на читателя.

С другой стороны, должное восприятие и правильная интерпретация художественного текста предполагают внимательное его прочтение, известную подготовленность и способность читателя к тому, чтобы "настроиться на волну" писателя и "резонировать" в ответ на образные, смысловые и чувственные воздействия его художественного слова.

Двусторонность текста проанализирована у М.М. Бахтина следующим образом: "За каждым текстом стоит система языка...Но одновременно каждый текст (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь смысл его...Этот полюс неразрывно связан с моментом авторства". [2]. Именно это и определяет сложность взаимоотношений объекта и субъекта понимания – соответственно автора и читателя, лежащих по обе стороны от текста в классической схеме акта речевого общения, разработанной Р.Якобсоном.

Допустимо предположить, что автор интуитивно, а в некоторых случаях и преднамеренно стремится прибли-

зить восприятие его художественного слова к восприятию нами действительности. Однако каждый писатель идет к этой цели своим путем, придерживается собственного подхода к изображению сцен и событий, по своему чередует формы повествования, выстраивает диалог, применяет излюбленные выразительные средства и приемы, что всё, вместе взятое, определяет его индивидуальный литературный стиль. Надо сказать, что литературный стиль писателя на протяжении его творческой деятельности может претерпевать заметные изменения, связанные с развитием эстетических взглядов и вкусов художника, зависящие от особенностей замысла и содержания каждого нового его произведения.

Ранее, при изучении факторов, влияющих на становление и эволюцию индивидуального литературного стиля, проведенном на примере ряда произведений одного автора, было обращено внимание на изменения процесса восприятия и последовательность интерпретации художественного текста в зависимости от применяемых писателем способов словесного изображения действительности и выразительных приёмов [3]. Ниже излагаются некоторые наблюдения, сделанные путем исследования произведений различных авторов.

В процессе исследования мы пришли к ряду выводов, которые противоречат тем убеждениям, которые по сходным вопросам отстаивают западные философы-герменевты. Признавая включенность воспринимающего сознания в интерпретацию художественного текста, нельзя согласиться с их доводами в пользу чисто индивидуального, субъективного прочтения художественного произведения. Авторы ставят своей целью обнаружение объективных закономерностей, неоспоримо проявляющихся в тексте произведения, обеспечивающих его восприятие и интерпретацию в возможно более полном и точном соответствии с замыслом писателя.

В то время как представители философской герменевтики стремятся приуменьшить значение содержания, оторвать содержание от формы художественного произведения и "духа" писателя, мы в своих исследованиях неизбежно приходим к выводу о необходимости рассматривать все изменения формы как следствие ее зависимости от содержания и субъективных особенностей автора – его мировоззрения, эстетических взглядов и вкусов. При этом содержание, через которое в значительной мере проявлялись взгляды и вкусы писателя, неизменно оказывается ведущим фактором.

Стремясь осмыслить понятие "герменевтического круга", выход, прорыв из которого сами создатели этого понятия видят только в сверхъестественной интуиции и имманентном "предпонимании" сокровенных намерений и настроений автора,[4] признавая значение и необходимость восприятия каждой отдельной составной части

произведения в связи с общим его духом и замыслом, а проникновения в сущность целого романа (повести, рассказа) с помощью правильного понимания каждой отдельной его части, сцены, реплики персонажа, мы видели практическое осуществление этого взаимодействия части и целого не во внезапном "озарении" сверходаренного читателя, а в постепенном и непрерывном обогащении и углублении наших представлений по мере прочтения текста произведения и накопления необходимых сведений и впечатлений.

Решительные возражения вызывает, наконец, и "теория интерпретации", согласно которой допускается только субъективное, индивидуальное толкование текста и замыслов автора.[5] В противовес этой теории мы основное внимание уделяем закономерностям смысловой интерпретации, пониманию отдельных мест текста как основы правильного восприятия всего художественного произведения.

Для иллюстрации существования конкретных связей и зависимостей между процессом восприятия художественного произведения читателем и особенностями литературного стиля автора обратимся к рассмотрению романов двух выдающихся американских писателей: "Сестра Керри" Теодора Драйзера (1900) и "И восходит солнце", в русском переводе – "Фиеста" Эрнеста Хемингуэя (1926).[6] Общее у этих романов то, что оба они являются первыми увидевшими свет произведениями молодых авторов. По времени же создания их разделяет четверть века, вместившая такие исторические события, как Первая мировая война и Великая Октябрьская социалистическая революция в России.

За этот же период времени получили распространение новые виды искусства и средства массовой информации – звуковое кино, широкое радиовещание, возникли многие литературные течения, изменились запросы читателя. Это отчасти объясняет стремление молодого Хемингуэя к поискам своего стиля и обновлению выразительных средств, но ни в коей мере не препятствует выяснению различий процесса восприятия художественной речи, вытекающих из характерных особенностей литературного стиля двух замечательных писателей.

Особенности процессов действия нашего сознания при чтении романа Т.Драйзера определяются прежде всего тем, что автор, сообщая различные сведения о прошлом и настоящем действующих лиц, изображая их внешний облик и внутреннее состояние, предельно откровенен с читателем. Повествование романа разворачивается последовательно и прямолинейно. Мы не встречаем здесь значительных отступлений или возвратов к прошлому. Да в прошлом героев и нет ничего, что бы заметно влияло на их судьбу. О том же, что Керри выросла в бедной семье, а Друэ и Герствуд добились своего по-

ложения ценой усердия, настойчивости и изворотливости, достаточно определенно говорится в первых главах.

Описания внешности действующих лиц, в особенности их одежды, отличаются обстоятельностью. При первом появлении Друэ называются двенадцать частей его костюма (1/24, 25). Наружности Герствуда уделено тридцать слов в главе 10. Столь же тщательно изображаются улицы Чикаго и Нью-Йорка, товары на полках магазинов, убранство комнат (гл. 3, 5, 10, 44 и др.).

С помощью столь подробных описаний Драйзер как бы старается возместить читателю отсутствие возможности самому охватить всё разнообразие возникающей перед ним картины. Следуя щедрым указаниям автора, мы без усилий создаем в своем воображении весьма определенный облик персонажей и достаточно полное представление об окружающем их материальном мире. Правда, многочисленность упоминаемых один за другим предметов ведет к тому, что лишь немногие из них приобретают силу выразительных деталей и успевают сыграть заметную роль в повествовании.

Детальные, точные до документальности, описания решают в романе Драйзера также задачи приближения читателя к пониманию художественного слова и повествования в целом, поскольку вооружают его знаниями о городском пейзаже, интерьере, одежде конца прошлого века, вводят в быт и жизненные обстоятельства американцев того времени.

С большой правдивостью и глубиной постижения Драйзер раскрывает в отрывках речи повествователя и авторских ремарках к диалогу настроения и размышления героев, их взаимоотношения, движущие ими мотивы. Что касается реплик персонажей, то они не несут в романе большой смысловой нагрузки. Каждое слово прямой речи действующих лиц имеет здесь лишь своё прямое, линейное значение, не скрывая в себе ни намек, ни умолчания. Поскольку же разговор ведется чаще всего о таких обыденных, житейских делах, как поиски работы, покупка необходимых вещей и т.п., то и высказывания собеседников, как правило, малосодержательны.

Основной смысл диалогов у Драйзера перемещается в сопровождающие реплики персонажей авторские пояснения. При этом душевное состояние, мысли и намерения героев зачастую разъясняются раньше, чем "прозвучат их слова". Примеры тому мы находим в гл.12, где Герствуд соблазняет Керри призраком роскоши и богатства, в гл.14, когда недалёкий Друэ рассуждает о жалкой участи обманутого мужа, и во многих других местах романа. Подробные пояснения порой помещаются там, где смысл происходящего с достаточной очевидностью вытекает из слов или действий персонажей: когда Гансон берет на руки плачущего ребенка (2/84), Друэ произносит бестакт-

ную реплику (10/122), гордо выпрямляется несчастный Герствуд (36/401).

Постоянные, исчерпывающие пояснения облегчают процесс восприятия художественной речи писателя, исключают риск недостаточного или неверного понимания читателем слов и поступков героев, но и сводят до минимума возможности самостоятельной интерпретации авторских замыслов и указаний.

Спокойная, открытая манера повествования Т.Драйзера определяется самим содержанием его романа, в котором изображена тяжелая борьба неопытной и наивной девушки против нужды, за достойное место в жизни, то есть вещи в Америке всем известные, а для большинства и неизбежные. Задача писателя в данном случае, очевидно, заключается в том, чтобы исследовать коллизии этой борьбы путем глубокого раскрытия трагических обстоятельств и переживаний действующих лиц, вызвать сочувствие к бесчисленным ее жертвам, правдиво показать тернистый путь к успеху немногих победителей и побудить читателя к размышлениям о жестокости капиталистического общества. При решении такой задачи действительно неуместны постоянная косвенность сообщений и частые недомолвки.

Лишь там, где речь заходит о милой, доброй и талантливой Керри, её личных переживаниях, Драйзер допускает некоторую завуалированность, неопределенность, оставляя известный простор для фантазии читателя. Образ героини он создает с помощью ряда отрывочных и достаточно туманных высказываний её поклонников; сцену, где девушка уступает домоганиям Друэ, заменяет кошмарным сном её сестры, в конце которого Керри падает в пропасть (8/108), а наибольшее сочувствие читателя вызывает та часть этой главы, где автор, воздерживаясь от каких-либо пояснений, описывает жест и мимику стоящей перед решительным выбором героини: "She paused and wrung her little hands. "What's the matter?" said Drouet. "Oh, I don't know", she said, her lip trembling"(8/104).

Э. Хемингуэй избирает иные пути возможного приближения последовательности восприятия художественного текста своего романа к процессу осознания нами действительности. Он скуп на подробные описания обстановки сцен, костюмов персонажей и других материальных деталей, избегает законченных портретных характеристик, прямого раскрытия важнейших обстоятельств в жизни героев, их чувств и мыслей. В то же время Хемингуэй постоянно стремится побудить читателя к самостоятельным выводам и заключениям на основе расшифровки, суммирования и сопоставления отрывочных, незаконченных и разбросанных по различным страницам произведения, часто косвенных указаний автора. Так, о несчастье, постигшем Джейка Барнса на войне,

речь заходит двенадцать раз (гл. 3, 4, 9, 12 и др.), но мы так и не узнаем ничего определенного о его ранении. Об отдельных чертах лица и частях костюма Брет Эшли упоминается в семнадцати местах романа (гл. 3, 4, 7, 8 и др.), однако составить цельный образ героини предоставляется самому читателю.

Писатель никогда не разъясняет истинное значение реплик своих персонажей, а также их поступков и жестов. Наоборот, часто ремарки повествователя сами содержат умолчания и, взаимодействуя с прямой речью героев, лишь усиливают её скрытый смысл. Поэтому диалог в произведениях Хемингуэя служит основным носителем характерных черт его стиля – косвенности, завуалированности сообщений и играет значительную роль в создании подтекста.

Такая манера повествования вытекает из наличия трагических, тщательно скрываемых событий в жизни героев, отражает их постоянную неудовлетворенность настоящим и тревогу за свое будущее, позволяет автору передать сумбурную атмосферу веселящегося Парижа и праздничной Памплоны.

Для того чтобы активизировать восприятие повествования, добиться лучшего представления о положении действующих лиц, Хемингуэй применяет самые разнообразные приемы, проявляя при этом большую изобретательность. Он заставляет, например, читателя извлечь необходимые сведения путем несложных арифметических действий. Чтобы составить представление о материальном положении Барнса, о его ежемесячных расходах, нам приходится вычесть остаток денег из суммы, значащейся на его банковском счете (4/30); в начале главы 19 (с.123), также путем вычитания мы можем узнать, какими мизерными средствами располагает Брет после уплаты процентов по долгам, а через несколько страниц получаем возможность точно высчитать, в каком году происходит действие романа и насколько Брет старше юноши-матадора Ромеро.

Большую роль по ходу повествования у Хемингуэя играют выразительные детали, призванные с помощью одного яркого впечатления создать у читателя общее представление о характере обстановки, типе персонажа, его настроения и т.д. Испорченные зубы Жоржет, выставленный вперед подбородок Фрэнсис, мощные брюшные мышцы греческого графа – всё это лишь отдельные штрихи, задача которых не составить цельный портрет, а дать толчок и направление для фантазии читателя.

У Драйзера детали приобретают яркость и выразительность, когда он выделяет их из ряда сходных предметов. Мягкая шляпа Друэ удачно дополняет образ вкрадчивого коммивояжера (1/24), войлочные туфли Гансона хорошо передают состояние человека, вернув-

шегося домой после тяжелой работы (3/52), модный жакет с перламутровыми пуговицами в главе 7 служит предметным выражением страстного желания Керри обладать красивыми вещами и её неспособности устоять перед соблазном. Однако, появившись однажды, большинство этих предметов затем бесследно исчезают со страниц романа.

В "Фиесте" Хемингуэя ряд выразительных деталей появляется многократно, как бы участвуя в развитии действия, последовательно помогая автору высветить образы героев. Так, если головной убор Друэ только дополняет его портрет, то мужская шляпа героини "Фиесты", которую она то снимает, то надевает на глаза (4/28, 8/79 и др.) придает облику Брет Эшли динамизм, подчеркивает её независимый характер и постоянно напоминает о её лёгких связях с мужчинами, когда же в главе 16 Брет просит матадора Ромеро достать ей такую же, как у него, шляпу, возникает многозначительная параллель.

Повторяющиеся детали пейзажа и обстановки используются Хемингуэем как символ соответствующих ситуаций и ощущений действующих лиц. Одно упоминание этих деталей вызывает у читателя соответствующие представления и ассоциации. Белая пыль испанских дорог (10/93, 11/104, 19/232 и др.) всё время напоминает о ярком солнце, жаре, иссушенной почве. Удобные плетеные кресла в кафе, их замена жесткими складными стульями, а затем возвращение их на место означают начало фиесты с её шумом, неумеренными выпивками и постоянным напряжением нервов, и окончание празднеств (10/96, 13/133, 15/153, 19/227).

Стремясь усилить воздействие выразительных деталей на воображение читателя, Хемингуэй чаще, чем Драйзер и другие писатели, обращается не только к зрительным образам, но и к ощущениям, возникающим через другие органы наших чувств.

Большое место отводится в Фиесте различным звукам. В романе Драйзера мы "слышим", как шуршит новый костюм Друэ (6/84), Гансон издаёт языком звук, похожий на тот, которым понукают лошадь (8/101). Вот, пожалуй, и всё. Хемингуэй через песню негра-барабанщика передает шум и толчею в парижском кабачке (7/64), в тенистом лесу позванивают колокольчики коров (12/116), в Памплоне свистят дудки, играют оркестры, рвутся петарды (15/153), о том, что творится в цирке после пробега быков, герой судит исключительно по доносящимся оттуда крикам (15/160).

Не менее выразительны в романе запахи, вкус вина, ощущения всего тела. В мастерской пахнет горячей смолой и дубленой кожей (15/155); водка отдает лакрицей, и после нее становится тепло в желудке (15/158); выйдя из собора, герой чувствует, как сохнут на солнце мокрые

пальцы (10/97), а во время купания вода выталкивает его на поверхность (19/238).

Такое разнообразие выразительных деталей, направленных на мобилизацию наших представлений, связанных с ощущениями различных органов чувств, ведет к более рельефному и разностороннему восприятию художественной речи писателя и вызывает то впечатление присутствия при реально происходящем действии, которое отмечают многие исследователи творчества Хемингуэя. [7].

Исторический фон в романе "Фиеста" воссоздается не путем последовательного рассказа о происходящих в пору разворачивания повествования политических и иных событиях, а через краткие упоминания известных в то время имен и названий: Брайан, Примо де Ривера, республика Рифов, а также с помощью некоторых деталей и эпизодических персонажей, например, однорукого испанского солдата (19/237). Понятно, что правильная смысловая интерпретация всех этих скупых указаний возможна только при условии наличия у читателя известных знаний об эпохе 20-х годов, и чем дальше от нас время написания романа и происходящих в нем событий, тем выше становятся такие требования к читателю.

Особенности построения повествования, способов сообщения сведений и применяемых каждым из авторов художественных приемов создают совершенно иные условия восприятия, требуют различной последовательности интерпретации их произведений.

У Драйзера основной замысел романа раскрывается через судьбы двух лиц: Герствуд гибнет, Керри, испытав нужду, зависимость и унижение, добивается известности и достатка. При этом читатель с самого начала знает прошлое героев, их внешность, характер, намерения, стремления. Остается внимательно следить за развитием событий личной жизни Герствуда и Керри (судьба Друэ менее интересна), по мере развития этих событий дополняя и уточняя представление об окружающем их обществе.

Хемингуэй показывает пагубные для целого поколения последствия империалистической войны на примере ряда персонажей. Никто из них на протяжении повествования ничего не теряет, но ничего и не достигает. Каждый возвращается к тому, с чего начал. Зато накопление сведений о действующих лицах, их прошлом, внешнем облике, взаимоотношениях, преобладающем душевном состоянии не прекращается до последних глав, где Барнс окончательно убеждается в безнадежности своей любви, Брет прямо говорит о своем возрасте, Майкл признается, что он злостный банкрот и т.д. В таких условиях большинство необходимых сведений и представлений о сути происходящего на страницах романа добывается читателем

в процессе многоступенчатой смысловой интерпретации отдельных недоговоренностей и умолчаний, их суммирования между собой и с прямыми сообщениями автора, взаимного сопоставления, дополнения знаниями и представлениями из собственного опыта.

Есть в "Фиесте" уместившийся на первых страницах главы 3 горький рассказ о погубленной войной девушке Жоржет. Чтобы добыть из текста этот рассказ в законченном виде, нам приходится к прямым сообщениям о том, что Жоржет – одна из "курочек", прогуливающих по панелям Больших Бульваров, откровенному признанию, что она больна и резкой её реплике: "No, I don't like Paris", добавить сведения, полученные путем расшифровки более 12 умолчаний. При этом прошлое девушки станет понятно читателю в том случае, если он не только знает, что фламандцы живут в Бельгии, а Льеж и Брюссель – бельгийские города, но и помнит, что во время Первой мировой войны Бельгия пострадала особенно сильно и массы её населения, спасаясь от германского нашествия, принуждены были бежать из родных мест.

Далее история Жоржет сольется в сознании читателя с общим потоком судеб героев романа и вместе с ни-

ми будет содействовать формированию его глубокого подтекста.

Мы видим, что способы словесного изображения действительности, художественные приёмы и выразительные средства в двух рассмотренных романах не только различны, но часто и прямо противоположны. При этом Т.Драйзер и Э.Хемингуэй создали одинаково волнующие нас и запоминающиеся высокохудожественные творения. Очевидно, не только единство формы и содержания является обязательным условием достижения писателем совершенства его литературного произведения, но и художественная речь воспринимается читателем в неразрывной связи с заключенным в ней замыслом автора, содержанием сцен и характерами их участников.

Понятно, что в зависимости от особенностей стиля автора перестраиваются процессы восприятия его художественной речи, изменяется последовательность смысловой интерпретации делаемых им прямых и косвенных сообщений, а чем сложнее подтекст отдельных мест повествования и всего произведения, тем большая способность и подготовленность к его глубокому постижению требуются от читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Столович Л.Н. Предмет эстетики. М., 1961, с.67.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979, с.283–284.
3. Результаты такого изучения содержатся в работе: А.Б.Мурза "Эволюция стиля Э.Хемингуэя" (канд. диссертация, М., МГУ, 1978) и ряде последующих статей.
4. Schleiermacher F.D.E. Hermeneutics. Heidelberg, 1974, pp.56–78, 103–114, 137–163.
5. Gadamer H.G. Truth and Method. New York, 1975, p.261. Dilthey W. Selected Writings, London, 1976, pp.256–262.
6. Ricoeur P. Interpretation Theory: Discourse and the Surplus of Meaning. Fort Worth. Texas, 1976, pp.11,23,93.
7. Theodore Dreiser. Sister Carrie. Higher School Publishing House. Moscow, 1968. Ernest Hemingway. The Sun Also Rises. New York. Charles Scribner's Sons, 1956.
8. Олеша Ю. "Фиеста" Хемингуэя. Литературное обозрение, 1936, №1, с.29–31. См. также работы И.А.Кашкина, Я.Н.Засурского, И.Л.Финкельштейна, К.Бейкера, Ф.Янга.

© А.Б. Мурза, Т.Л. Алферова, (murzah@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики».

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В УСЛОВИЯХ АНТИКРИЗИСНОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО БРЕНДИНГА В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 2012-2016 гг.

ON THE ISSUE OF THE SPECIFICS OF COMMUNICATIVE INTERACTIONS IN CONDITIONS OF ANTI-CRISIS TERRITORIAL BRANDING IN MOSCOW REGION IN 2012-2016

A. Novikova

Annotation

The article deals with information and communication support branding. On the example of regional branding of the Moscow region the author considers theoretical approaches to such basic concepts as brand image, reputation and information policy, consistently applying them to a specific region in the aspect of development of complex of measures information policy. As a result, the author comes to the conclusion that the texts, through which is implemented the information policy of regional branding of the Moscow region, must conform to the specific requirements of the communicative situation and have impact potential.

Keywords: information policy, communication, territorial branding, brand, reputation, text, Moscow region.

Новикова Анна Игоревна
Аспирант,
Российский университет
дружбы народов, Москва

Аннотация

Статья посвящена проблеме информационно-коммуникативного сопровождения брендинга территорий. На примере территориального брендинга Московской области автор рассматривает теоретические подходы к таким основным понятиям, как бренд, имидж, репутация и информационная политика, последовательно применяя их к конкретному региону в аспекте разработки комплекса мероприятий информационной политики. В результате автор приходит к выводу о том, что тексты, через которые реализуется информационная политика территориального брендинга Московской области, должны соответствовать конкретным требованиям коммуникативной ситуации и обладать возмущающим потенциалом.

Ключевые слова:

Информационная политика, коммуникация, территориальный брендинг, бренд, репутация, текст, Московская область.

Коммуникативные взаимодействия, направленные на достижение запланированных эффективных результатов реализации какой-либо программы в одной из сфер деятельности, чаще всего объединяются и выстраиваются в определенную систему мер. На современном этапе общественного развития в условиях принципа преобладающего доминирования информации в качестве фактора, регулирующего жизнедеятельность общества, такой продуманной и взвешенной системой мер становится информационная политика как единственно возможный механизм, позволяющий добиться эффективных результатов.

Современная информационная политика строится и разрабатывается в ситуации перманентного глобального репутационного кризиса, который неизбежно актуализирует изучение особенностей репутационных активов, параметров репутационных ресурсов, критериев отбора методик и стратегий противодействия репутационному кризису и создания устойчивой корпоративной репутации. Подобные вопросы исследуются как в России (З. Айвазян, М. Борисов, А. Градов, В. Кириченко, И. Корольков,

Б. Кузин, А. Лепехин и др.), так и за рубежом (Г. Брум, С. Катлип, Г. Кристек, В. Мюллер, Д. Ньюсом, А. Сенгер, А. Скотт, Дж. Турк и др.).

Понятие современной информационной политики многостороннее. Это может быть и односторонняя деятельность государства по информированию общества в целях формирования определённого общественного мнения [12, С. 89]. С другой стороны, это и система мероприятий, определяющих интенсивность, качество процессов формирования, преобразования, хранения, передачи и использования информации [9, С.208]. Не менее важен и внутренний аспект информационной политики, направленный на поддержание корпоративных интересов развития, а именно, "информирование всех сотрудников компании о ее текущем состоянии, поддержание корпоративной лояльности, регламентация доступа различных сотрудников и подразделений к корпоративной информации (в том числе и представляющей коммерческую тайну), своевременное доведение приказов и распоряжений руководства; в том числе и внешняя информационная работа компании – связи с общественно-

стью, которые осуществляются в рамках строго регламентированной системы" [8, С. 48].

Важной особенностью современной информационной политики является ее встроенность в информационные потоки, в которых реализуется взаимодействие с другими структурами. Не менее важно формирование предпосылок, обеспечивающих эффективное управление информационными потоками, достижение поставленных целей и различные способы взаимодействия с внешними информационными потоками и ресурсами.

Таким образом, информационная политика охватывает все виды работы с различными сегментами аудитории и информационными ресурсами, а также разработанную систему мероприятий, которые обеспечивают своевременное и наиболее эффективное воздействие на целевую аудиторию. Рассматривая информационную политику предприятия, А.А.Долгушева выделяет четыре взаимосвязанных блока: делопроизводство, информационный менеджмент, маркетинговая составляющая и блок управления знаниями [6, С. 260]. В содержании информационной политики в ситуации территориального брендинга также можно выявить соответствующие компоненты, которые позволяют обеспечить всесторонний охват информационной деятельности: систематизация базы документальных источников, управление информационными потоками, мониторинг глобальных информационных потоков и формирование комплекса информационных ресурсов.

Значение информационной политики еще больше возрастает в условиях экономической, политической и общественной нестабильности, когда одной из важнейших задач становится улучшение инвестиционного имиджа с целью привлечения инвесторов, в частности строительства жилья. Так, информационная политика становится инструментом территориального брендинга, нацеленного на капитализацию территории.

Проблемы формирования имиджа и брендинга территорий стали особенно актуальны за рубежом в конце XX века, что было обусловлено нарастанием кризисных явлений в экономике и стремлением к поиску новых источников прибыли, среди которых была определена и привлекательность территорий. Особенности имиджа и брендинга территорий рассматривают С. Анхольт, Дж. Винфилд-Пфефферком, С. ван Гельдер, К. Динни, А. Инш, М. Леонард, У. Олинс, Р. Ризебос, М. Флокер, Дж. Хильдрет, Г.-Я. Хосперс и др. Дж. Акерлоф обращает внимание на укрепление зависимости экономических предпочтений от общественных идей и ценностей [1, С. 112], Р. Флорида формулирует такое новое и оригинальное свойство бизнеса как креативность [13, С. 96]. А в двухтысячных годах появляются понятия "маркетинга территорий" [7, С. 63], "брендинга мест", а также "нацио-

нального брендинга" и "концепции конкурентной идентичности" [14, С. 77] или, наконец, "4D-брендинга территорий" [4, С. 65].

В то же время была отмечена сложность и неоднозначность территориального брендинга. Так, по мнению одного из известных практикующих исследователей территориального брендинга К. Динни, 95% мирового опыта территориального брендинга являются неудачными [5, С. 45].

В России вопросами территориального брендинга заинтересовались только в начале XXI века. Отечественные исследования данной проблематики принадлежат И.А. Василенко, А.И. Кубышкину, А.Н. Льюлко, Н.А. Цветковой, Е.Ю. Цумаровой, М.В. Яковлеву и др. В частности Т.Атаева рассматривает брендинг региона как инструмент управления развитием территории, увеличения ее значимости и "узнаваемости" [3, С. 71].

Прежде всего, следует помнить, что бренд – это убеждение, а иногда и предубеждение относительно субъекта восприятия. Процесс выстраивания убеждения называется брендингом. Таким образом, брендинг – это набор инструментов для создания стойких убеждений в сознании потребителей товара/услуги с определенными целями. Ведущую роль в создании убеждения играют тексты, язык и стиль которых имеют воздействующую силу.

По своей природе бренд становится неоспоримой демонстрацией конкурентных преимуществ, соотносимых и с ростом стоимости, и с привлечением внешних ресурсов. Известный русский экономист В.И. Вернадский подчеркивал, что главная причина того различия, которое существует в хозяйственном, общественном и политическом положении, заключается в том, что "каждая местность имеет свой идеал, каждая страна – свои формы совершенства, чуждые другой, под иными условиями стоящей местности" [10, С. 22].

Ведущий зарубежный теоретик брендинга Саймон Анхольт в 2002 году разработал комплексно-дифференцированный подход к изучению бренда территории с опорой на концепцию конкурентной идентичности территории, которая связывает в единый шестиугольник все разновидности брендинга территорий, выявляя взаимодействие между имиджем территории и ее инвестиционной востребованностью:

- ◆ факторы, определяющие качество и стоимость жизни на конкретной территории, позволяют провести ее функциональное измерение;
- ◆ совокупность эмоций, вызываемых брендом территории, также может быть подвергнуто измерению, которое Анхольт называет эмоциональным;
- ◆ определенные показатели особенностей населения территории, в частности образовательный уровень,

культурные предпочтения, отношение к окружающей действительности и пр., составляют суть социально-культурного измерения;

- ◆ историческая ценность территории дает возможность измерить ее духовно-историческую ценность как культурно-исторического наследия;

- ◆ присутствие современных производств, развитость науки и образования составляет параметры инновационного измерения;

- ◆ наличие постоянно реализуемых мер по обеспечению экологической, информационной и других видов безопасности также может быть измерено и включено в комплекс параметров, с помощью которых реализуется территориальный брендинг [2, С. 128].

Данные измерения не только связаны с брендингом территорий, но и становятся ведущими факторами информационной политики.

Задача привлечения инвестиций в строительный бизнес Московской области определяет конкретные цели и задачи информационной политики, обеспечивающей все информационные потоки и векторы коммуникационного взаимодействия. Информационные мероприятия должны соответствовать следующим критериям: достоверность, охват всех целевых групп массовой аудитории, комплексность, доступность, объективность, адекватность потребностям, инновационность и др. Следовательно, и сам бренд территории создается с тем, чтобы способствовать эффективности этих информационных мероприятий, росту народонаселения в регионе, инвестиционных вложений и развития региона в целом.

Одна из главных стратегических задач Правительства Московской области на сегодняшний день – это оптимизация услуг в градостроительной деятельности. Для достижения поставленных Губернатором региона целей, органы исполнительной власти Подмосковья активно переводят в информационно-цифровой формат все процессы, связанные со строительством.

Как известно, в конце 2012 г. губернатором Московской области был назначен А.Ю. Воробьев, который инициировал перестройку деятельности Правительства в различных направлениях. Подготовка планов действия Правительства началась с мониторинга ситуации в регионе, результаты которого оказались весьма неутешительны. Отсутствие генеральных планов, масштабное, хаотичное жилищное строительство, которое фактически не было обеспечено социальной инфраструктурой, привело к тому, что появлялись целые жилые районы без детских садов, школ, поликлиник. На тот момент в Подмосковье был отмечен самый большой в стране дефицит социальных объектов. Также в регионе остро стояла проблема обманутых дольщиков, в 2012 г. Московская область фактически была лидером по их количеству – 18

тысяч человек. Отсутствовала в полном объеме и информация о механизме процедур в градостроительной сфере на территории региона, решения в этой сфере были зачастую непрозрачны. Наметилось серьезное отставание в темпах роста транспортной, инженерной и социальной инфраструктур, а также выявилось отсутствие рабочих мест. Все эти обстоятельства потребовали принятия ряда управленческих решений.

За последний период в Московской области произошел ряд кардинальных изменений. В мае 2014 г. были внесены изменения в законодательство, которые дали право субъектам перераспределять полномочия органов местного самоуправления на региональный уровень. На уровень Правительства Московской области были переданы полномочия по подготовке генеральных планов, правил землепользования и застройки, утверждения проектов планировки территории, градостроительных планов земельных участков, выдаче разрешений на строительство и на ввод объектов в эксплуатацию. Централизация полномочий не только предоставила новые возможности для развития, но и стала серьезным вызовом. На региональную власть была возложена очень большая ответственность. Одним из важнейших приоритетов стало создание благоприятных условий для инвестиционной деятельности. В первую очередь, необходимо было предоставить бизнесу все возможности для реализации проектов нежилого назначения, обеспечить прозрачность градостроительной деятельности и снять административные барьеры.

Было начато создание эффективной системы контроля и сопровождения градостроительной деятельности, тотальной автоматизации всех процессов в градостроительной сфере для обеспечения контроля за их исполнением по каждому объекту капитального строительства. Во главу угла было поставлено "качество и сроки" исполнения услуги. В интересах инвесторов Подмосковья и в целях создания благоприятного делового климата были выявлены три основные проблемы, которые как правило препятствуют началу строительства: отсутствие технических условий; сложность согласований с федеральными органами власти и низкое качество проектной документации. Решение указанных проблем связано с необходимостью реализации масштабной работы по вопросам предоставления технических условий и согласований с федеральными органами власти.

Современные приоритеты Правительства Московской области находятся в сфере повышения инвестиционной привлекательности региона и улучшения бизнес-климата. В рамках выполнения указанных задач Правительство Московской области широко рекламирует перспективность региона на всех уровнях, заявляя о "нашей" перспективности в плане привлечения инвестиций. Разрабатываются поправки в законодательство, идет актив-

ная работа по переводу всех "услуг" и процессов для бизнеса в электронный вид, создаются ассоциации проектировщиков, застройщиков, экспертных организаций. В 2016 г. на Заседании союза архитекторов субъектов РФ Подмосковье выступило "передовиком" в предложениях по оптимизации градостроительных процессов. В Правительстве Москвы регулярно проводятся пресс-конференции, официальные встречи с бизнес-сообществом, где его представители могут открыто заявить о своих проблемах в строительной сфере и найти реальную поддержку. В то же время до сих пор все еще отсутствуют объективные принципы информационно-коммуникативной деятельности, которая должна обеспечить инициативы правительства Московской области по территориальному брендингу.

Разработка территориального бренда направлена на привлечение внимания к достоинствам и уникальности региона, что позволяет иметь преимущества в конкуренции, поддерживать социальную стабильность и чувство патриотизма. В современной ситуации брендинг становится важным инструментом формирования комфортного бизнес-климата для привлечения инвестиций и развития торговли.

По мнению К.Е. Пасечникова, "процесс территориального брендинга можно аналитически разделить на четыре группы технологий: определение бренд-стратегии ("взгляд туриста", использование апробированных решений), организационные усилия (государственно-частное партнерство, сетевой подход), практические действия (сохранение аутентичного облика территории, улучшение жизненной среды, использование традиций местной культуры питания, создание интересных туристам объектов, проведение мероприятий, работа со СМИ, интернет-коммуникация) и обратная связь (коммуникация с участниками кампании и учет показателей воздействия на целевые аудитории)" [11]. Подобные технологии вполне применимы для выработки плана комплексных мер по информационной политике, в котором особенно важным становится последний компонент.

В современных условиях информатизации и медиатизации всех сфер жизни общества и власти компонент обратной связи не только усиливается, но и приобретает ключевое стратегическое значение. Именно всесторонние коммуникации обеспечивают сегодня эффективность брендинга, ставшего неотъемлемой частью комплексной информационной политики. Поэтому важным шагом губернатора Московской области А.Ю. Воробьева является активная модернизация гражданского диалога между властью, бизнесом и обществом с использованием новых информационных и компьютерных технологий. Такой диалог и должен лечь в основу комплекса мер информационной политики по территориальному брендингу Московской области.

В основе территориального брендинга Московской области заложена идея национально-культурной территориальной идентичности, сформулированная в слогане "Наше Подмосковье. Территория лидерства". В рамках комплексной модернизации была осуществлена кампания по распространению этой идеи через социальную рекламу (2013–2014 гг.), в которой напоминалось о подмосковных ценностях, выдающихся личностях, исторических достижениях региона, уникальности территории и т.д. Так, хотя и односторонне, пассивно, но была инициирована новая коммуникативная стратегия, которая способствовала повышению коллективной самооценки, настраивала на позитивное отношение к региону.

Другим приемом комплексной технологии территориального брендинга стала действительно масштабная перестройка взаимодействия между властью, бизнесом и обществом, в рамках которой были открыты порталы "Добродел", "Наше Подмосковье. Портал Московской области", "В Подмосковье", а также открыты группы Правительства Московской области в соцсетях. Это способствовало организации гражданского диалога и вовлечению населения региона в активное обсуждение важных общественно-политических и социальных вопросов, усилению доверия к власти, обеспечению широкой общественной поддержки деятельности руководства области.

Много внимания уделяется и проблемам градостроительства в Московской области. В рамках урбанистической концепции территориального брендинга в 2013–2014 гг. был реализован целый ряд мероприятий по благоустройству малых городов. В том числе было упорядочено размещение коммерческой рекламы на улицах города как важнейшего показателя медийной культуры.

Как продукт искусственно организованного общественного осмысления бренд подвержен управлению его созданием и продвижением, которое в сущности и составляет суть информационной политики. Идея донесения до бизнес-сообщества представлений об уникальности территории с точки зрения вложения инвестиций в нее в целом и в капитальное строительство в частности опирается на коммуникацию, реализующуюся через различные вербальные и вербально-визуальные форматы и жанры. Любые современные инструменты и технологии брендинга невозможны без умения работы со словом. И повышение конкурентоспособности, и завоевание внешних рынков, и привлечение инвесторов, туристов, новых жителей и квалифицированных мигрантов, – все эти задачи брендинга связаны прежде всего с умением формировать грамотные тексты, обладающие потенциалом воздействия. Именно в текстах отражаются ведущие характеристики бренда, которые одновременно являются важными содержательными тематическими текстовыми ориентирами.

Экономическая направленность дает представление о полезных возможностях экономики региона, социально-политическая – о региональной социальной политике, культурно-идеологическая – о культурно-исторических региональных достоинствах и т.д. Следовательно, информационная политика территориального брендинга – это политика формирования системы коммуникаций в вербальной форме, то есть текстов, обладающим целевым воздействием.

В тексты, реализующие цели и задачи информационной политики территориального брендинга, формируются в определенных коммуникативных ситуациях, связанных с тремя основными этапами создания бренда:

- ◆ поиск и выделение наиболее значимых отличий и конкурентных преимуществ;
- ◆ выявление смысла и содержания бренда через усиление конкурентных преимуществ;
- ◆ формирование механизмов продвижения и поддержания.

Система вербальных посланий, обеспечивающих антикризисные коммуникации в рамках мер информационной политики, основывается на деловой конкурентоспособности, продвижении территориальной индивидуальности и совокупности ее особенностей и ресурсов, имиджа Московской области, его репутации, инвестиционной привлекательности, инновационной активности, качества отношений с партнерами, социальной ответственности, финансово-экономических показателей и др.

К основным рекомендациям по проведению информационной политики территориального брендинга Московской области следует отнести следующее:

- ◆ бренд, имидж и репутация региона Московской области являются ее нематериальными активами, предметами антикризисных коммуникаций и ключевыми объектами информационной политики;
- ◆ информационная политика должна стать составной частью общей стратегии продвижения области в сочетании традиций и новаций;
- ◆ стратегия и тактика информационной политики должны быть предметом государственного регулирования, вплоть до создания специальной структуры.

Таким образом, продуманная и выстроенная комплексная информационная политика территориального брендинга, направленная на улучшение инвестиционного имиджа с целью привлечения инвесторов строительства жилья в Московской области, – единственный способ достижения эффективных результатов территориального брендинга, главным инструментом которого должно стать слово. В информационном обществе ценность слова постоянно возрастает, так как даже в наш информационный мультимедийный век именно вербально формируется информационный поток, и словесно оформленная информация начинает играть более значимую роль, чем сама реальность. Тексты, через которые реализуется информационная политика территориального брендинга Московской области, должны соответствовать конкретным требованиям коммуникативной ситуации и обладать воздействующим потенциалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акерлоф, Дж. А. Идентичность и экономика организаций/ Дж. А. Акерлоф, Р. И. Крэнтон. – // Росс. ж-л мен. – 2010. – Т. 8, № 2. – С. 107–130.
2. Анхольт Саймон, Хильдрет Джереми. Бренд Америка: мать всех брендов, М.: ООО "Издательство "Добрая книга", 2010. – 232стр.
3. Атаева Т. А. Маркетинг территорий как фактор развития инфраструктуры региона // Маркетинг – реальность и проекции в будущем: материалы конференции (Варна, 28–29 июня 2012 г.). – Варна, 2012. – С. 66–71 с.
4. Гэд Т. 4D брэндинг: взламывая корпоративный код сетевой экономики. СПб: Стокгольмская школа экономики в СПб, 2007. – 230 с.
5. Динни К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики / под ред. Кейта Динни; пер. с англ. Веры Сечной. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2006. – 336 с.
6. Долгушева А.А. О сущности информационной политики предприятия // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – №4. – 258–263)..
7. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест.– СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. – 390 с.
8. Матковский А. Информационная политика компании // Коммерческий директор. 2006. № 8. – С. 40–51.
9. Мелюхин И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. – М.: МГУ, 1999. – 308 с.
10. Панкрухин А.П. Маркетинг территорий. 2е издание. СПб: Питер, 2006. – 412 с.
11. Пасечников К.Е. Территориальный брендинг в России: особенности и проблемы [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://kpfu.ru/portal/docs/F1983064277/Pasechnikov.pdf> (дата обращения 21.05.2017)
12. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики: Учебное пособие. М.: МГУ, 1995. – 367 с.
13. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее = The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. – Классика–XXI, 2005. – 430 с.
14. Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions / S. Anholt. – 1–st edition. – Palgrave Macmillan, 2007. – 160 p.

ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИЙ ОДУШЕВЛЕННОСТИ И ГЕНДЕРА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

ANIMACY AND GENDER ASSIGNMENT IN ENGLISH TEXTS AS A TRANSLATION ISSUE

O. Tokareva

Annotation

The article aims to reveal trends in the contextual assignment of animacy and gender to inanimate nouns in English. It describes semantic groups of nouns prone to personification and analyzes means of personification. It compares original texts and their translations into Russian in order to discover similarities and differences between the two linguistic world-views and analyze means of rendering personification.

Keywords: English, animacy, gender, personification, linguistic world-view, translation issues.

*Токарева Ольга Владимировна
Аспирант, Санкт-Петербургский
государственный университет*

Аннотация

В статье выявляются закономерности контекстуальной актуализации категорий одушевленности и гендера в значении английских неодушевленных существительных. Выделяются семантические группы существительных, выступающих объектами персонификации, и анализируются средства персонификации. Производится сопоставление авторских художественных текстов и опубликованных переводов на русский язык с целью выявить сходства и различия между двумя языковыми картинами мира, а также средства передачи персонификации при переводе.

Ключевые слова:

Английский язык, одушевленность, гендер, персонификация, языковая картина мира, проблемы перевода.

Категории одушевленности и гендера представляют особый интерес в рамках изучения разных языковых картин мира. С одной стороны, данные категории отображают универсальный процесс разделения человеческим сознанием всех объектов окружающего мира по принципу дихотомии на живые и неживые с последующим разделением живых объектов на носителей мужского и женского гендера. С другой стороны, между языками наблюдаются различия в концептуализации предметов и явлений как живых или неживых, а также их разделении по гендерному признаку. В рамках нашего исследования мы изучили особенности актуализации категорий одушевленности и гендера в англоязычных текстах и проанализировали, каким образом происходит актуализация данных категорий при переводе англоязычных текстов на русский язык.

Под актуализацией традиционно понимается реализация потенциальных свойств языковых элементов в речи, приспособление их к требованиям данной речевой ситуации [13]. И.В.Арнольд описывает актуализацию как проявление импликационных сем при использовании слова в производном значении и при деривации [1]. Мы же используем данный термин для описания ситуаций, в которых контекстуальное окружение наводит окказиональные семы на слово, и рассматриваем ситуации контекстуального наведения сем одушевленности и гендера, характерного для персонификации.

Говоря о понятии персонификации, современные исследователи отмечают наличие большого количества синонимичных ему понятий (олицетворение, персонализация, прозопопея, анимализация и др.), множественность его трактовок и отсутствие единого мнения относительно его объемов [7; 10; 14]. Кроме того, остается спорным вопрос о взаимоотношениях между персонификацией, метафорой и аллегорией. В данной статье мы не ставим перед собой задачу подробно рассмотреть эти вопросы, однако отметим, что в дальнейшем мы будем использовать термин "персонификация" для обозначения ситуаций наделения предметов и явлений свойствами живых существ как в рамках авторских стилистических приемов, так и в рамках языкового узуса, поскольку считаем, что персонификация имеет много общего с метафорой, и подход, применяемый к метафоре (анализ ее механизмов как тропа в стилистике и как средства номинации в лексикологии), может быть успешно применен и к персонификации при анализе языковой картины мира.

Проведенный нами анализ ряда произведений англоязычной художественной литературы (27 наименований; 300 примеров персонификации, отобранных методом сплошной выборки) показал, что существительные, обладающие высоким потенциалом актуализации категорий одушевленности и гендера в их значении, можно разделить на несколько семантических групп. Кроме то-

го, он позволил сделать ряд выводов относительно средств персонификации.

К первой группе существительных мы отнесли предметы и явления окружающего мира, происхождение которых не обусловлено человеческой деятельностью. В этой группе из общего количества примеров (83 примера) выделяется несколько подгрупп.

Одна из подгрупп представлена обозначениями небесных тел (*Sun, Moon, star*). Рассмотрим следующий пример:

The moon grew hungry, thinner and thinner, until she was just a slice of herself, and her tips were as sharp as a knife [29].

У Луны пропал аппетит, она худела на глазах, пока от нее не осталась только тонкая долька с острыми, как нож, кончиками [12].

В данном примере представлено традиционное с точки зрения английской лингвокультуры приписывание небесному телу женского гендера с помощью соответствующих местоимений. В качестве средства персонификации также выступает прилагательное *hungry*. В переводном тексте актуализация одушевленности происходит за счет нескольких единиц контекста (*annetum; худела*). Между оригинальным и переводным текстом наблюдается гендерная эквивалентность.

Еще одну подгруппу формируют обозначения водоемов и воды (*water, river, sea, ocean*).

The river was a girl like me [24].

Эта река была девушкой, такой, как я [17].

Персонификация достигается за счет употребления существительного *girl*, актуализующего одновременно значения одушевленности и гендера, в качестве части составного именного сказуемого. Данную персонификацию мы трактуем как авторскую, поскольку в справочном материале (словарь Oxford Dictionary of English [28]) сфера употребления данного слова ограничена одушевленными денотатами. Отметим, что авторская персонификация была полностью передана при переводе.

В следующую подгруппу входят обозначения деревьев (*tree, oak, apple tree, elm, fir*).

I could imagine myself to be mistress of all the trees, they bowed their branches in obeisance, rustled their leaves in a murmur of fealty [19].

Но в лесу я воображала себя повелительницей деревьев, и они послушно склоняли предо мною ветви, и листва их шепотом приносила мне клятву верности [3].

Актуализация категории одушевленности в данном примере происходит развернутым способом. Задействованы как синкретичные единицы, получившие способность сочетаться и с одушевленными, и с неодушевлен-

ными существительными благодаря механизму метафорического переноса (глаголы *murmur, bow*), так и единицы, подразумевающие семантическую сочетаемость с одушевленными существительными (существительные *obeisance, fealty*). Авторская персонификация полностью сохранена в переводе.

Рассмотрим еще один пример в рамках подгруппы, в которую входят обозначения деревьев:

From there, they all examined the apple trees, who stood in long, twisted rows [32].

Оттуда, где стояли, шайка рассматривала яблоны, которые выстроились длинными коленчатыми рядами [9].

В нормативной грамматике английского языка сочетаемость относительного местоимения *who* жестко ограничена сферой одушевленных существительных. Использование относительного местоимения *who* для отсылки к неодушевленным сущностям является ярким примером грамматической метафоры, определяемой как употребление слов и форм в необычных для них грамматических значениях и / или с необычной предметной соотношенностью [2].

Русское относительное местоимение "который" нейтрально с точки зрения одушевленности, поэтому в данном случае можно говорить о значительном снижении экспрессивности перевода по сравнению с оригиналом.

В следующую подгруппу персонифицируемых существительных входят обозначения воздуха и его потоков (*air, wind, breeze, hurricane*).

The wind sighed over his shelled ears [20].

В ушах, как в раковинах, вздыхал ветер [6].

Как в оригинальном, так и в переводном тексте персонификация достигается за счет употребления синкретичных глаголов. Наличие схожих узуальных оборотов в двух языках свидетельствует о том, что в двух разных языковых картинах мира присутствует представление о ветре как о живом существе.

Еще одну подгруппу составляют обозначения огня (*fire, flame, flare, spark*).

The fire licked up the silk... [30]

Пламя лизнуло шелк... [15]

Анализ словарных дефиниций показал, что глаголы *lick* и "лизать", выступающие в качестве средств персонификации, являются синкретичными. Языковые картины мира двух языков демонстрируют схожую концептуализацию огня как живого существа, что можно дополнительно проиллюстрировать с помощью семантически идентичных узуальных словосочетаний *tongues of fire* и "языки пламени".

Вторая группа персонифицируемых существительных включает обозначения предметов и явлений, имеющих неразрывную связь с человеком. В данной группе (82 примера) также выделяется ряд подгрупп.

Одну из подгрупп составляют обозначения частей тела и органов человека (*head, foot, leg, hand, finger, eye, brain, bone, lung, vein*):

Mick's legs were so tired... [26]

Ногу у Мик так устали, что... [11]

Употребление прилагательного *tired* при описании части тела человека является узуальным. В русском языке существуют идентичные узуальные конструкции (глаза устали, рука устала писать и т.д.), одна из которых представлена в переводе.

Еще одна подгруппа объединяет обозначения различных эмоций, чувств и ощущений (*emotion, anger, fear, trepidation, loneliness, calmness, worry, nervousness, panic, sadness, suffering, pain, headache*):

A calm, sullen anger rose in him [26].

В его душе накопала холодная злоба [11].

Синкретичный глагол *rise* при переводе был передан с помощью глагола "накипать", который сочетается только с неодушевленными существительными. Кроме того, в качестве определения в переводе используется прилагательное, нейтральное к категории одушевленности (в отличие от прилагательного *sullen*). В данном случае при переводе произошла нейтрализация персонификации. По-видимому, механизм метафорического переноса сработал в двух языках по-разному. В английском языке эмоции интерпретируются как движущиеся сущности, а способность к самостоятельному передвижению издавна признавалась одним из характерных признаков живого. В русском языке негативные эмоции (накипать могут гнев, негодование и т.д.) уподобляются пене, скапливающейся на поверхности кипящей жидкости.

Рассмотрим еще один пример нейтрализации персонификации при переводе описаний эмоций:

Panic tightened his throat [26].

Горло у него сжалось от страха [11].

Хотя словарная дефиниция указывает на использование глагола *tighten* в сочетании со словами, обозначающими одушевленные сущности, мы склонны считать данную конструкцию узуальной, поскольку поиск по Британскому национальному корпусу позволил выявить схожие примеры с существительными, обозначающими негативные эмоции (*fear tightened my stomach; impatience tightened his face*). Мы полагаем, что переводчик интерпретировал слово *panic* как каузатив, что вызвало субъектно-объектную транспозицию при переводе и нейтрализацию персонификации.

В следующую подгруппу персонифицируемых существительных входят существительные, обозначающие умственную деятельность человека (*idea, thought*).

His thoughts had careened in several directions and he could not get control of them [26].

Мысли его разбегались в стороны, и он не мог их собрать [11].

Словосочетания *thoughts careened* и "мысли разбегались" имеют узуальный характер. Это свидетельствует о том, что в английском и русском языках существует представление о мыслях как об активных, движущихся сущностях. Для вербального выражения данного представления в обоих языках используются глаголы движения.

Третья группа персонифицируемых существительных включает существительные, обозначающие искусственно созданные человеком предметы (107 примеров). Внутри данной группы, как и в случае с предыдущими двумя группами, выделяется ряд подгрупп.

В одну из подгрупп входят существительные, обозначающие здания и их элементы (*building, house, mansion, factory, hotel, window, door, corridor, tower*).

The bleak mansions across the town ravine opened baleful dragon eyes [20].

По ту сторону оврага открыли свои драконьи глаза угрюмые особняки [6].

Значение одушевленности актуализуется в существительном *mansions* за счет употребления в позиции дополнения существительного *eyes* в сочетании с существительным *dragon*, выполняющим функцию определения. Авторский образ полностью сохранен в переводном тексте.

Еще одна подгруппа – это существительные, обозначающие различные машины и механизмы (*plane, train, car, truck, ship, bus, machine, mechanism*).

... something broke and the machine spat up a plastic spool [25].

... и тут что-то окончательно сломалось - плеер выплюнул пластмассовую бобышку [18].

Анализ словарных дефиниций показывает, что и глагол *spit*, и глагол "выплевывать" являются синкретичными. В обоих языках произошло одинаковое уподобление неправильно работающих механизмов плюющемуся живому существу.

Для подгруппы, объединяющей машины и механизмы, характерна гендерная персонификация. В нашей выборке достаточно широко представлены относящиеся к ряду узуальных примеры использования местоимения женского рода *she* при отсылке к транспортным средствам. Исследователи отмечают, что использование ген-

дерного местоимения *she* или нейтрального местоимения *it* для обозначения транспортных средств зависит от личного отношения говорящего к объекту [22; 31]. В качестве иллюстрации приведем следующий пример:

'There's only one van like that in the whole world and she's mine and I love her.'

'Don't worry,' Vida said. 'I'll love it, too.' [21]

- Хорошо, бери, только рули осторожнее. На всем белом свете это только один такой фургон - мой, и я люблю его.

- Не волнуйся, - сказала Вайда. - Я его тоже полюблю [5].

В оригинальном тексте разница между отношением участников диалога к фургону проявляется достаточно ярко. Используя местоимение с гендерной окраской, первый говорящий демонстрирует особую привязанность к фургону и его очеловечивание в своем сознании. Очевидно, что второй говорящий отстранен от объекта и не испытывает к нему никаких эмоций. В переводе на русский язык передать подобный контраст за счет употребления местоимений невозможно, поскольку русские личные и притяжательные местоимения не обладают избирательностью по признаку одушевленности / неодушевленности. В результате переводы подобных фрагментов зачастую демонстрируют сниженную степень экспрессивности по сравнению с оригиналом.

Также следует отметить наличие конфликта между актуализованным в оригинальном тексте женским гендером и мужским родом существительного "фургон".

Гендерная персонификация распространяется не только на транспортные средства. Персонифицироваться также могут различные предметы быта:

I go into the kitchen, but the Braun coffeemaker I've programmed (...) hasn't done its job. I check Eva's plug and press some of her buttons, but the whole LED display is shot [29].

Я пошла в кухню, но кофеварка, которую я запрограммировала (...) не сработала. Я проверила, включена ли Ева в сеть, нажала на все кнопки, но дисплей не загорался [12].

Рассказчица наделяет кофеварку женским именем, тем самым "одушевляя" данный предмет. В русском языке слово "кофеварка" относится к женскому роду, что сделало возможной передачу гендера при переводе.

Однако в русском тексте наблюдается некоторое ослабление одушевленности. Данная сема актуализуется лишь за счет имени собственного, в то время как в английском тексте актуализация обеспечивается также за счет местоимения *her*.

В четвертую группу персонифицируемых существительных входят слова темпоральной семантики (*time, day, night, morning, year, September*, 16 примеров).

September came with its skirts of fire [24].

Пришел сентябрь с волнами пожаров [17].

Авторский образ календарного месяца как живого существа создается за счет употребления глагола *come* и существительного *skirts*, обеспечивающего актуализацию женского гендера. При переводе произошла потеря авторской гендерной персонификации, что могло быть вызвано межъязыковым гендерным конфликтом (слово "сентябрь" относится к мужскому роду, однако слово *skirt* требует актуализации женского рода в переводе). В данном примере можно говорить о частичном сохранении персонификации, которую в переводном тексте обеспечивает употребление синкретичного глагола "приходить", сочетающегося со словами темпоральной семантики.

Отметим, что подобные слова обладают определенной особенностью в английском языке. Н.П.Федорова, А.И.Варшавская и Л.С.Бархударов фиксируют частотное употребление в английском языке существительных темпоральной, а также локальной и каузативной семантики в качестве подлежащего [4; 16] в сочетании с предикатом, характерным в первую очередь для одушевленных существительных. Рассмотрим один из таких примеров:

The twenties saw the construction of nearly all Detroit's great buildings... [23]

В двадцатых годах были возведены почти все знаменитые здания Детройта [8].

Хотя подобные персонификации являются узуальными, некоторые исследователи отмечают их метафоричность [27]. Кроме того, они представляют интерес с точки зрения перевода на русский язык, поскольку они обычно требуют использования замен при переводе, а именно вынесения темпоратива в позицию обстоятельства времени с целью придания предложению естественного для русскоязычного читателя звучания.

В пятую группу персонифицируемых существительных входят слова локативной семантики и топонимы (*place, city, country, Rome*; 12 примеров). Как было упомянуто выше, для английского предложения характерно использование подобных существительных в позиции подлежащего (например, *South America saw an increase in tourist arrivals*). Кроме того, подобные слова часто употребляются в метонимическом значении (например, *The country was in shock following the Brexit result*). Наша выборка содержит как подобные узуальные конструкции, так и примеры персонификации:

On the anvil of August, the city lay paralyzed, stunned into stupidity by the heat. The sidewalks shrank under the sun. It was a landscape of total surrender [24].

Город лежал в августовской духовке обкуранный, парализованный, отупевший от жары. Тротуары трескались под солнцем. Картина полной капитуляции [17].

Сема одушевленности актуализуется в существительном *city* развернутым способом за счет употребления прилагательных *paralyzed* и *stunned*, а также существитель-

ного *stupidity*. Мы трактуем данный пример как авторскую метафору, а не узуальное использование локальной метонимии, поскольку в последующих предложениях автор рисует картину городского пейзажа, т.е. рассматривает город в отрыве от человека. Авторская персонификация сохранена в переводном тексте.

Анализ частотности употребления различных средств персонификации в англоязычных текстах показал, что самым распространенным способом актуализации категории одушевленности в значении неодушевленного существительного является его корреляция с глаголом, в семантическую структуру которого входит сема одушевленности. Данный способ представлен в 192 из 300 примеров выборки (64%). Вероятно, это вызвано тем, что глагол в своем обобщенном грамматическом значении связан с отображением динамического признака, действия, а деятельность и активность, как известно, напрямую связаны с представлением об одушевленности.

Следующими по частотности оказались развернутая персонификация (39 примеров) и гендерная персонификация с использованием различных форм местоимений *he* и *she* (36 примеров).

В остальных примерах выборки (33 примера) в качестве средств персонификации используются существительные, прилагательные и наречия.

Сопоставление оригинальных текстов и переводов показало, что персонификация чаще всего сохраняется при переводе в тех случаях, когда переводчики имеют дело с авторскими образами. Нейтрализация авторской персонификации в нашей выборке произошла в 9% примеров. Вероятно, высокая степень передачи персонификации связана со стремлением переводчиков максимально точно передать атмосферу оригинального текста и авторский стиль письма.

Узуальная персонификация оказалась нейтрализованной примерно в 30% примеров из нашей выборки. Чаще всего нейтрализация происходила при переводе предложений, в которых фигурировали описания эмоций.

Наибольшее количество потерь при переводе приходится на случаи актуализации категории гендера. В нашей выборке лишь в 20% примеров переводчикам удалось передать и актуализованный гендер, и сопряженное с ним значение одушевленности. Задачу переводчика при работе с таким типом персонификации значительно усложняет наличие грамматической категории рода в русском языке, а также отсутствие чувствительности русских личных и притяжательных местоимений к категории одушевленности / неодушевленности, однако отметим, что ограничения, накладываемые системой переводящего языка, не являются непреодолимыми, и подбор ситуативных эквивалентов может помочь их преодолеть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей / Науч. редактор П.Е.Бухаркин. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 444 с.
2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
3. Аткинсон К. Человеческий крокет: роман // пер. с англ. Анастасии Грызуновой. СПб.: Азбука, 2013. 411 с.
4. Бархударов Л.С. Языки и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
5. Бротиган Р. В арбузном сахаре: Романы, рассказы // Пер. с англ. А. Грызуновой и др. СПб.: Азбука-классика, 2002. 384 с.
6. Брэдли Р. Вино из одуванчиков // пер. Э.Кабалевская. М.: Эксмо, 2013. 384 с.
7. Воскресенская С.Ю. Метафора и персонификация: к проблеме взаимоотношений // Вестник ТвГУ. Серия "Филология". № 4. Изд-во ТвГУ, 2016. С. 11–15.
8. Евгенидис Д. Средний пол // пер. с англ. М.Ланиной. СПб.: Амфора, 2003. 752 с.
9. Зусак М. Книжный вор // пер. Н.Мезин. М.: Эксмо, 2014. 560 стр.
10. Константинова С.К. Олицетворение в художественном тексте: семантический и грамматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 1996. 223 с.
11. Маккаллера К. Сердце – одинокий охотник // пер. Е.Голышева. М.: Молодая гвардия, 1961. 318 с.
12. Пиколт Д. Ангел для сестры // пер. с англ. О. Бершадская. Белгород: КСД, 2011. 432 с.
13. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителей. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
14. Серебрякова Е.В. Проблема определения "персонификации" в стилистике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. №2. Изд-во МГОУ, 2010. С. 64–68.
15. Стейнбек Д. Квартал Тортилья-Флэт // пер. с англ. И.Гуровой. СПб.: Азбука-классика, 2004. 256 с.
16. Федорова Н.П., Варшавская А.И. Перевод с английского языка. Повышенный уровень. Часть 2. СПб.: Невский ракурс, 2011. 192 с.
17. Фитч Д. Белый олеандр // пер. А.Веденичева. СПб.: Амфора, 2005. 560 с.
18. Франзен Д. Поправки // пер. Л.Сумм. М.: Иностранка, 2008. 672 с.
19. Atkinson K. Human Croquet: A Novel. New York: Picador, 1997. 352 p.
20. Bradbury R. Dandelion Wine. New York: Avon Books, 1999. 267 p.
21. Brautigan R. Revenge of the Lawn, The Abortion, So the Wind Won't Blow It All Away. Boston: Mariner Books, 1995. 544 p.
22. Curzan Anne. Gender Shifts in the History of English. Cambridge University Press, 2003. 223 p.

23. Eugenides J. Middlesex. New York: Picador, 2007. 544 p.
 24. Fitch J. White Oleander. Boston: Little, Brown, 1999. 390 p.
 25. Franzen J. The Corrections. New York: Picador, 2002. 576 p.
 26. McCullers C. The Heart is a Lonely Hunter. Boston: Houghton Mifflin, 2000. 359 p.
 27. Newmark P. Paragraphs on Translation. Philadelphia: Multilingual Matters, 1993. 192 p.
 28. Oxford Dictionary of English, Revised Edition. [Электронный ресурс]. ABBYY Lingvo x 3, 2008. (CD-ROM)
 29. Picoult J. My Sister's Keeper. New York: Washington Square Press, 2005. 448 p.
 30. Steinbeck J. Tortilla Flat. London: Penguin Classics, 1997. 208 p.
 31. Wagner S. Gender in English Pronouns: Myth and Reality [Электронный ресурс]. URL: <https://freidok.uni-freiburg.de/dnb/download/1412> (дата обращения: 02.09.2017).
 32. Zusak M. The Book Thief. New York: Alfred A. Knopf, 2007. 576 p.

© О.В. Токарева, (ov-tokareva@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

РЕКЛАМА

 MiningWorld
Russia

MiningWorld

22-я Международная выставка
машин и оборудования
для добычи, обогащения
и транспортировки
полезных ископаемых

17–19 апреля 2018
Москва, Крокус Экспо

Подробнее о выставке
miningworld.ru

 ufi
Approved
Event

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КИТАЙСКОГО СЛОВАРЯ "МОРЕ СЛОВ" И "РУССКОГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ" ПОД РЕДАКЦИЕЙ И.Н. БЕРЕЗИНА

COMPARATIVE ANALYSIS
OF THE CHINESE DICTIONARY "THE SEA
OF WORDS" AND "THE RUSSIAN
ENCYCLOPEDIA DICTIONARY"
EDITED BY I.N. BEREZINA

Cai Hongyan

Annotation

This article is devoted to the study of the chinese dictionary "The Sea of Words" and "The Russian Encyclopedic Dictionary" edited by I.N. Berezina from the comparative aspect. The questions of common specificity of dictionaries (thematic component, structural basis, lexical composition) as well as their functional features are observed. In particular, it is noted that each of these dictionaries is characterized by its unique specificity of its vocabulary, which is very clearly manifested by examining anthroponyms, toponyms, names of festivals, and in some measure phytonyms. The unique specificity of the vocabulary composition of these dictionaries, according to the author, is related with the peculiarities of Russian and Chinese languages, their geographical location of Russia and China, as well as the cultural and historical features.

Keywords: comparative analysis, Russian encyclopaedic dictionary, chinese dictionary "The Sea of Words", dictionary articles, lexical composition, functional features.

Цай Хунянь

Аспирант,

Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию китайского словаря "Море слов" (辞海) и "Русского энциклопедического словаря" под редакцией И.Н. Березина в сопоставительном аспекте. Рассматриваются вопросы общей специфики словарей (тематической составляющей, структурной основы, словарного состава), а также их функциональные особенности. В частности, отмечается, что для каждого из данных словарей характерна своя уникальная специфика словарного состава, это очень ярко проявляется при рассмотрении антропонимов, топонимов, наименований праздников, отчасти фитонимов. Уникальная специфика словарного состава данных словарей, по мнению автора, обуславливается особенностями русского и китайского языков, географическим положением России и Китая, а также культурными и историческими особенностями.

Ключевые слова:

Сравнительный анализ, Русский энциклопедический словарь, китайский словарь "Море слов", словарные статьи, лексический состав, функциональные особенности.

Одним из наиболее важных источников, обладающих большими информативными возможностями, а также используемых для теоретического построения и разработки целого ряда лингвистических и пр. концепций (теории мотивации, лингвосонологии и т.д. [1, С.32–38]), является словарь (представляющий собой книгу, информация в которой упорядочена за счет разбивки на небольшие статьи, отсортированные по тематике или названию [3, С.144–146]). Данные словаря могут быть использованы в качестве материала исследования, либо выступать в качестве конечного результата и практического итога научной деятельности. Исходя из этого, изучение словарей (их структуры, лексического состава, общей специфики и т.д.) носит актуальный характер и имеет определенную научную значимость.

Особую актуальность на сегодняшний день приобретают исследования, посвященные словарям в сопоставительном аспекте, так, например, М.Л. Марус проводит сравнительный анализ современных многоязычных словарей [4], А.В. Зураева исследует толковые словари французского языка (на материале словарей "Малый Робер" и "Лексис") [2], Г.Р. Чумарина приводит сравнительную характеристику электронных и бумажных словарей с функциональной точки зрения [9], А. Савина и Т. Типикина также рассматривают в сравнительном аспекте электронные и бумажные словари [6]. Ценность такого рода исследований заключается в том, что они позволяют рассмотреть словари с разных позиций, в частности, с позиции функциональности, наглядности и удобства представления материала, раскрытия языковой картины мира, общей специфики построения и структуры словаря и т.д.

В рамках данной работы будет проведен сравнительный анализ китайского словаря "Море слов" (辞海) и "Русского энциклопедического словаря" под редакцией И.Н. Березина. На наш взгляд, анализ данных словарей позволит:

1) определить их общую специфику (тематическую составляющую, структурную основу, словарный состав);

2) рассмотреть их функциональные особенности. Практическая значимость работы заключается в исследовании вопросов, связанных с основными особенностями языков разных языковых семей, в частности, русского и китайского. С одной стороны, тематика работы имеет большой интерес среди лингвистов, с другой стороны, наблюдается недостаточная проработанность многих вопросов. Определенная значимость и недостаточная научная разработанность темы определили научную новизну данной работы.

Прежде чем перейти к сравнительному анализу словарей, необходимо дать их общую характеристику. Так, китайский словарь "Море слов" [10] представляет собой наиболее известное и авторитетное издание энциклопедического характера на китайском языке. Главным редактором-составителем словаря являются – Ся Чжэн-нун, который был издан в 1999 году. Словарь содержит 122835 словарных статей, охватывает большой объем иероглифов, знаков, многосложных понятий. В энциклопедической манере словарь раскрывает понятия различных областей знаний: естественных наук, философии, истории и др.

"Русский энциклопедический словарь" под редакцией И.Н. Березина [5] представляет собой издание, содержащее обширную справочно-библиографическую информацию на русском языке: даты жизни знаменитых людей, описание важных событий, списки трудов и сочинений, и т.д. Для словаря характерна консервативная, заметно выраженная национальная тематическая направленность [8, С.144–150]. Состоит словарь из четырех отделов, которые, в свою очередь, включают в себя 16 томов (последний 16-й том словаря был издан в 1879 году). В работе над словарем принимала участие целая группа выдающихся ученых, в числе которых: А.Н. Бекетов, В.О. Ключевский, В.И. Ламанский, Д.И. Менделеев, П.П. Семенов, С.М. Соловьев и др. Соответственно, главным редактором является И.Н. Березин, востоковед, профессор Петербургского университета.

Анализ лексического состава китайского словаря "Море слов" и "Русского энциклопедического словаря" под редакцией И.Н. Березина показал, что словарные статьи словарей являются энциклопедическими (т.е. они дают энциклопедические сведения в отношении рассматриваемых слов). Часть этих статей имеет в качестве заголовочного слова имя собственное [7, С.101–138], например:

1. АНТРОПОНИМЫ:

«一宁 (1247–1317) 元僧人。号一山，本姓胡，台州临海 (今属浙江) 人。成宗大德三年 (1299年) 出使日本而留居。... 去世后追赐 “国师” 称号。...»

Инин (1247–1317), буддийский монах династии Юань, прозвище Ишань, первоначальное имя – Ху, родом из Тайчжоу, Линьхай (сегодня провинция Чжэцзян). В 1922 году он отправился с миссией в Японию и остался там жить. ... после смерти Инина ему присвоили имя звание 'наставник страны'. ...] [10];

"*Аколиты*, так назывались в первое время лица, занимавшие одну из низших ступеней в церковном клире между диаконами и иподиаконами" [5].

2. ЗООНИМЫ:

«二齿兽 (dì cǐ yòng dòng wù) 古爬行动物。... 颈短，尾短，四肢粗壮有力。陆生，以植物为食。生存于二叠纪。...»

[*Диксинодонты* (dicynodont) – древнее наземное и растительноядное пресмыкающееся, которое имело короткую шею, короткий хвост, сильные и крепкие конечности. ...] [10];

"*Акула*, семейство рыб из разряда пластинкожаберных, полуразряда поперечно-ротых, отличаются следующими признаками: жаберные отверстия по бокам шеи, тело удлиненное, хвост толстый и мясистый" [5].

3. ФИТОНИМЫ:

«一串红 (Salvia splendens) 唇形科。多年生草本。叶对生，卵形，先端渐尖，有锯齿。顶生总状花序，成串，有红、白色、紫色，通常栽培的以鲜红色较多...»

[Шалфей сверкающий – многолетнее растение семейства яснотковых. Листья овальной формы с заостренными кончиками, с зубчиками. На верхушке растения появляются кисти с цветами, образуют цепочку, бывают красные, белые и фиолетовые. Как правило, культивируют больше растения с красными цветами ...] [10];

"*Астры*, род растений из семейства сложноцветных... цветочные головки состоят из множества цветков" [5].

4. ТОПОНИМЫ:

«一江山岛在浙江省东部，... 属台州市。面积1.21平方公里。海拔130米。...»

[Остров Ицзяншань расположен на востоке провинции Чжэцзян в Восточно-Китайском море, ... принадлежит городу Тайчжоу. Его площадь – 1.21 квадратных ки-

лометров. 130 метров над уровнем моря. ...) [10];

"Березовский округ, занимает самую северную часть Тобольской губернии, общая площадь 26,758 кв. миль... простирается от Уральского хребта до Тазовской губы и границ Томской губернии, и от Северного океана до водораздела между малыми притоками Оби и системой рек Иртыша, Васюгана и Тыма" [5].

5. НАИМЕНОВАНИЕ ПРАЗДНИКОВ:

«一百六冬至后一百六日为寒食节，
故亦称寒食节为“一百六”。»

(После зимнего солнцестояния (с 21–23 декабря) сто шестой день – праздник холодной пищи, поэтому называется Ибэйлю) [10];

"Благовещение, один из главных двенадцати праздников, в память благовестия архангела Гавриила, в городе Назарете, деве Марии о рождении от нее Иисуса Христа: празднуется 25 марта" [5].

6. МИФОНИМЫ:

«二十天古印度神话中祛恶护善的
二十个天神的合称。...»

(Эршитянь – общее название для двадцати богов, которые должны уничтожить зло и защищать добро согласно древней индийской мифологии. ...) [10];

"Афродита, греческое название богини Венеры" [5].

Кроме того, в китайском словаре "Море слов" и "Русском энциклопедическом словаре" под редакцией И.Н. Березина в качестве заголовочного слова также представлены имена собственные, характеризующие собой:

- ◆ названия обществ, объединений, течений;
- ◆ названия литературных, музыкальных, скульптурных, сценических и пр. произведений;
- ◆ названия марок и сортов изделий, моделей автомобилей, образцов товара и т.д.

Однако следует отметить, что для каждого из данных словарей характерна своя уникальная специфика словарного состава, в частности, это очень ярко проявляется при рассмотрении антропонимов, топонимов, наименований праздников, отчасти фитонимов.

Например,

«冬至后一百六日为寒食节，
故亦称寒食节为“一百六”。»

(Праздник холодной пищи ... Ибэйлю) [10] характерен именно для китайской культуры. Является предшественником Поминального дня Цинмин и представляет собой трехдневный период, когда семьи воздерживались от зажигания огня (связан с аграрным циклом). Соответственно, праздник Благовещения ("...в память благовестия ... деве Марии о рождении от нее Иисуса Христа..." [5]) связан с русской православной традицией.

Таким образом, уникальная специфика словарного состава китайского словаря "Море слов" и "Русского энциклопедического словаря" под редакцией И.Н. Березина обуславливается, прежде всего, особенностями русского и китайского языков, географическим положением России и Китая, культурными и историческими особенностями и т.д. В данных словарях также содержится информация энциклопедического характера из различных областей знаний: философии, химии, религии, биологии, физики, математики, экономики, политики, истории, права, медицины. Есть также энциклопедические статьи, посвященные сфере энергоресурсов, полезных ископаемых, защиты окружающей среды.

В рассматриваемых нами словарях собственно словарные статьи систематизированы вместе с энциклопедическими статьями. В толкование отдельных слов могут включаться как лексические значения, так и энциклопедические справки. В частности, в китайском словаре "Море слов" описание лексического значения включает толкование как на древнекитайском, так и на современном китайском языке. Сначала описывается лексическое значение, затем представляется энциклопедическая справка, к примеру,

一行：

1. 独特的德行。
2. 犹一群，一伙。
3. 一面。
4. 唐僧人，天文学家。

(Исин 1. Особая добродетель; 2. Толпа, группа; 3. Встретиться один раз; 4. буддийский монах времен династии Тан (618–906 гг.), является просветленным) [10].

"Русский энциклопедический словарь" под редакцией И.Н. Березина написан на русском языке с дореформенной орфографией, словарная статья по структуре аналогична статье Китайского словаря,

например:

"Дрель 1) сверло, приводимое в движение обмотанной вокруг него струной, концы которой прикреплены к рею или лучку, служит для сверления металла; 2) небольшие тиски, употребляемые скульпторами, часовщиками и золотых дел мастерами" [5].

Если заголовочное слово включает несколько значений, то есть три способа упорядочивания этих значений [3, С.144–146]:

- ◆ исторический (хронологический) порядок (если одно значение словарной статьи появилось раньше другого, то оно занимает первое место);
- ◆ логический порядок (сначала основное значение, затем переносное значение);
- ◆ порядок по частоте использования (сначала высокочастотные слова, затем редко используемые).

Заголовок энциклопедической статьи данных словарей может содержать общеупотребительное слово, устоявшееся словосочетание, стандартное типовое короткое предложение. Для упорядочивания названий словарных статей редакторы словарей следовали трем правилам.

Во-первых, эти названия могут быть выстроены соответственно авторитетности источника.

Во-вторых, первое и полное название является названием соответствующей статьи, а другое название и сокращения приводятся в виде вспомогательной статьи.

В-третьих, выбор надлежащей передачи на китайский и русский языки иностранных имен собственных осуществляется согласно справочникам, позволяющим правильно переводить иностранные имена [8, С.144–150].

Толкования и пояснения в энциклопедических статьях в китайском словаре "Море слов" и "Русском энциклопедическом словаре" под редакцией И.Н. Березина характеризуются целым рядом особенностей, в частности, в них:

1. С самого начала раскрывается суть искомого слова: Что оно значит? Какого рода этот объект? Что случилось? Что это за человек? и т.д.

2. Объективно описываются знания, приобретенные человечеством:

- ◆ постулированные знания, приводятся по существующим постулатам;
- ◆ непостулированные знания представляются с позиции разных теорий;
- ◆ не дается субъективная оценка;

- ◆ не используются слова "должно быть", "должен";
- ◆ не употребляются предложения инструктивного характера;
- ◆ во всем тексте используется повествование от третьего лица.

3. Приводятся только самые важные значения заголовочных слов.

4. Язык в словарях прост и без витиеватой риторики; отсутствуют трафаретные выражения, излишние повторы, а также слова, не имеющие смысла. Подлежащее в предложении является толкованием (если оно является названием словарной статьи) обычно опускается.

Таким образом, сравнительный анализ китайского словаря "Море слов" и "Русского энциклопедического словаря" под редакцией И.Н. Березина показал, что для данных словарей характерна своя уникальная специфика словарного состава, в частности, это очень ярко проявляется при рассмотрении антропонимов, топонимов, наименований праздников, отчасти фитонимов. Уникальная специфика словарного состава словарей обуславливается, прежде всего, особенностями русского и китайского языков, географическим положением России и Китая, культурными и историческими особенностями и т.д. С функциональной точки зрения данные словари представляют собой достаточно удобные в использовании и содержательные (по объему предоставляемой информации) издания, имеющие четко разработанную структуру распределения словарных статей, что, в свою очередь, позволяет легко и быстро найти необходимую информацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демешкина Т.А. Лексикографическое направление в Томской диалектологической школе. Итоги и перспективы // Вестник ТГУ, 2011. – №3. – С.32–38.
2. Зураева А.В. Сравнительно-сопоставительный анализ толковых словарей французского языка (на материале словарей: "Малый Робер" 1985; "Лексис" 1979) // автореф. ...кандид. филол. наук. – М., 2005. – 12с.
3. Кузнецова Е.П., Титаренко В.И. Словарь как предмет лексикографии // Филологические науки в России и за рубежом: материалы III Междунар. научн. конфер. – СПб.: "Свое издательство", 2015. – С.144–146.
4. Марус М. Л. Сравнительный анализ современных многоязычных онлайн-словарей на примере словарей Мультитран и ABBYY Lingvo Online // Научно-методич. электрон. журн. "Концепт", 2014. – №S1. – С.51–55.
5. Русский энциклопедический словарь – РЭС (в 4-х отделах – 16-ти томах) / под ред. И.Н. Березина. – СПб.: Типография Товарищества "Общественная польза", 1873 / 1879. – 10583с.
6. Савина А., Типикина Т. Что внутри электронного словаря // Наука и жизнь, 1999. – №10. – 6с.
7. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного (Изд. 2-е, испр.). – М.: Издат. ЛКИ, 2007. – 368с.
8. Чернышев А.А. Становление системы энциклопедических изданий в дореволюционной России: исторический анализ // Вестник ТГУ, 2017. – №415. – С.144–150.
9. Чумарина Г.Р. Сравнительная характеристика электронных и бумажных словарей в функциональном аспекте // Вестник Чувашского университета, 2009. – 6с.
10. 辞海夏征农主编, 出版社: 上海辞书出版社 / 1999年, 共6155页 ("Море слов" / под ред. Ся Чжэннун).–Шанхай: "Шанхайское словарное изд.", 1999.–6155с.).

НОВЫЙ ХАРАКТЕР ТРАДИЦИЙ ДОКУМЕНТАЛИЗМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ конца XX и начала XXI веков

THE NEW CHARACTER OF THE DOCUMENTALISM IN RUSSIAN LITERATURE END OF THE TWENTIETH AND THE BEGINNING OF THE XXI CENTURIES

Z. Chukueva

Annotation

This article outlines the leading role trends of journalism in contemporary literature. Often genuine life experience modifies using the explanations of the narrator. In this work no invented figures and invented phenomenon, since the writer talks about personal existence, about the persons with whom he was personally acquainted. Related replica, tells about the creation of the works, the weights and the losses, misfortunes and disasters made by the writers, originally meant not only the timeline of events, but the chronology of the whole state. Literature tries to recover the lost, affirming diversity of ideas, as one of the core features of event-narrative prose.

Keywords: documentary, event-chronicle prose, autobiography, author-narrator, fiction.

Чукуева Зарема Нажмудиновна
К.филол.н., доцент,
Чеченский государственный
педагогический университет

Аннотация

В настоящей статье излагается ведущая роль тенденций публицистики в современной литературе. Часто подлинный жизненный опыт модифицируется с использованием пояснений рассказчика. В такой работе отсутствуют вымышленные фигуры и придуманные явления, поскольку писатель рассказывает о личном бытии, о лицах, с которыми он лично был знаком. Сопутствующие реплики, повествующие о сотворении трудов, о тягестях и потерях, несчастьях и бедствиях, вынесенных писателями, изначально подразумевают не только хронику событий, но и хронологию целого государства. Литература пытается восполнить потерянное, заявляя о разнообразии задумок, как одной из стержневых особенностей событийно-хроникальной прозы.

Ключевые слова:

Документалистика, событийно-хроникальная проза, автобиографизм, автор-повествователь, художественная проза.

Писатели 80–90-х годов создали модифицированную событийно-хроникальную автобиографическую литературу, что позволило современным исследователям в этой области представить и расширить разнообразный контингент документалистики.

Понятие "документальность" в литературе трактуется неоднозначно. К примеру, И. Некрасова не разграничивает понятия "документальность", "мемуары", "автобиография". Она поддерживает и расширяет понятие "это социально-культурное представление о документе с коммуникативными эффектами" [7; 130].

В 90-х гг. XX века автобиографическая составляющая документализма становится актуальной. Это обусловлено доминирующей мозаичностью (за исключением романов С. Гандлевского, А. Чудакова и Вл. Новикова), – художественным признаком, который неотвратимо отправляет читателя к ряду отечественных авторов: А. Розанову, С. Довлатову, В. Т. Шаламову. Другим фактором, характеризующим целостность автобиографизма, является то, что чаще всего круг героев данных произведений представлен опытными специалистами критического творчества (М. Безродный, А. Генис, М. Гаспаров, А. Жолковский, Вл. Новиков, А. Чудаков), или лица, не отде-

ляющие литературную деятельность от вызванных ею узкоспециальных реакций (Евг. Попов, Д. Галковский, А. Сергеев, С. Гандлевский, Г. Брускин) [5; 48].

Эти признаки документализма весьма своеобразны, поскольку фантазия, фиктивность функционируют не совсем рядовым способом. Они представлены в единстве событийной и эмоциональной достоверности, представляя некий синтез, психологически окрашенный, но документальный. М. Липовецкий, говоря об этой особенности пишет: "В сущности, практически во всех этих произведениях происходит ревизия традиционной (модернистской) концепции личности как некоей целостности" [6; 203].

Аналитико-синтезирующий подход в документализме позволяет познать новый запас сведений. Так, к примеру, хроникально-событийное произведение Ольги Зондберг "Отрывной календарь навсегда" (2000) – содержит синтетический подход. Основанием для подобной классификации служит то, что произведения этого рода, именуются "интенсивной прозой" оттого, что приблизительно третья часть повествования отображает конкретное путешествие героини в Восточную Европу.

Кажется, что сам участвуешь непредсказуемо в событиях, однако именно критерий отстраненности помогает ощутить контакт с разными временными промежутками и уровнями реальности. Ключевыми сюжетобразующими действиями при таком литературном подходе служит фиксация личного контакта с Прагой, с героиней, прогуливающейся по городу и ее душевное бытие. В жанровом плане отражена скрытая сущность события / явления, его внутренние движущие силы, закономерность развития.

В каждом эпизоде документального произведения выделяется хроникальный фиксатор, однако отсутствует (в противоположность научной и официально-деловой литературе) необходимость аргументировать тезис о том, относится ли документ к архивным источникам либо представляет собой копирование текста. В данной ситуации важно отметить склонность писателя придерживаться архивных бумаг и соблюдать необходимую вымышленность происходящего. Индивидуализм, источник автором, распространяется в обществе и является условным, а порой весьма действенным приемом осмысления собственного присутствия в окружающем пространстве.

Подобное утверждение можно встретить у критика Ю. Суровцева. В монографии об эстетических течениях второй половины XX века он подчеркивает обессиливание событийности в прозе: "Наше динамическое время во многих произведениях воплощается больше в разговорах" [10; 392]. Фантазийные и одновременно экспрессивно насыщенные и легко распознаваемые качества действительности служат кодом для постижения личности собственного места в обществе и для необходимой трансформации данного места.

Эстетический компонент, наблюдаемый в антропологическом моменте подлинного хроникального течения, позволяет автору художественно точно обнаружить моральные ценности времени в их разнообразии и неповторимости. Одновременно с этим, поза и расположение личности в мироздании предстают раскрытыми. Этот процесс глубоко отражен в записях и выступлениях И. Дедкова, напечатанных в журнале "Свободная мысль" (№№ 9–10 1995 год). Дневниковые тексты можно назвать печальными и утомленными, поскольку писатель уже тогда предчувствовал, что происходящие социальные преобразования направлены не в той линии, в какой ориентирована благостная дума середины века (60–е гг. XX в.): "Временные распорядители жизни" – это не только те, кого мы сегодня называем "новыми русскими", но и сама новая пресса. И литература тоже впитывает и перерабатывает эту жизнь, рефлексировав сама над своей судьбой и потерей своей "ведущей и руководящей роли" [4; 176].

Такая откровенность даже в случае пронизательного одиночества (проза С. Львовского) приобретает коммуникативную функцию, она становится действующим методом по налаживанию контакта с различными этносами, этническими группами и с окружающей средой. Автобиографизм в роли действующей субстанции присутствует в прозе И. Бражникова (повесть "Кулинар Гуров", 2002), в современных работах С. Львовского и О. Зондберг ("Отрывной календарь навсегда").

В документальных повестях С. Львовского и О. Зондберг отражены традиционные тенденции социального плана: их герои являются представителями среднего класса, молодые люди самых популярных сегодня профессий: менеджеры, журналисты, рекламные агенты, секретари. Каждый из них, как и в литературе XIX–XX веков, затерян в большом городе; эти "маленькие" люди живут на окраинах или выселках в "своем замкнутом мире", в мире, до которого никому нет дела. О. Зондберг формулирует главную идею времени – странички истории: "Неприкосновенность частной жизни подведет нас к той черте, за которой исчезают все прочие принимаемые жизнью формы, с ними я буду вымирать поодиночке" ("Отрывной календарь навсегда"). По мнению А. Урицкого ("Тонкие круги одиночества", 2003 год) героев документальной повести можно сравнить с "новогодней ёлкой", которая востребована один раз в году [11; 49].

Элемент индивидуализации предполагает расположение в фокусе текста самой фигуры творца, который информирует частные детали жизнеописания. В процессе изложения всей сути присутствуют наводящие недомолвки либо появляется личность самого писателя, его генезис, возрастные и профессиональные качества. Фиксируется аналогично тонкость личных обстоятельств: частные эмоции в различных ситуациях в контакте с персонажами, ощущение, отграничиваемое от познанного. Подобный автобиографический жанр аналитики порой обозначают как "эпос частного выживания" [9; 71].

Настоящие особенности индивидуализма чаще всего соотносят с характерными приметами однообразия и сопоставляют фигуру писателя с группой современных ему людей, в частности земляков и читателей.

Системная направленность обмолвок, к примеру, наблюдается в романе О. Павлова "В безбожных переулках" (2003). Изложение советского, чаще постсоветского времени неизменно характеризуется рядовыми качествами: отнесенность к единому поколению, к коллективу специалистов, к общей географической площади, к этнической принадлежности.

В публицистических произведениях А. Терца ("Спокойной ночи!", 1983), А. Сергеева "Альбом для марок",

1997), А. Чудакова "Ложится мгла на старые ступени", 2000) основная цель строится на собственной базе биографической субстанции своеобразного хроникально действующего лица. Однако в авторской позиции не наблюдается осязаемое различие между милитаризованными кадрами активного автора-повествователя и репортажами "с натуры" периодов чеченских походов. Героика подлинна даже в тех ситуациях, когда она подтверждает охрану безукоризненности самой личностью. Применительно к тем условиям, когда происходит ущемление возможностей человека на волю и самостоятельность (примером может служить малая эпика В.Т. Шаламова "Последний бой майора Пугачева", 1998). Взаимодействие автора с настоящим действующим лицом оказывается дорогой постижения, эстетического переустройства собственного бытия [3; 89].

Довольно часто подлинный жизненный опыт модифицируется с помощью пояснений рассказчика. В таком документальном жанре отсутствуют вымышленные фигуры и придуманные явления вследствие того, что писатель рассказывает о личном бытии, о лицах, с которыми свела его судьба. Сопутствующие реплики, которые повествуют о сотворении трудов, о бытии и участи, тягестях и потерях, несчастьях и бедствиях, пережитых писателями, изначально подразумевают не только хронику сотворения, но и хронологию целого государства. Одновременно с этим информационный материал отражает современный период "перестройки", называемую эпохальной. Данный процесс влияет на "внутреннюю" сферу публики, которая отгорожена от происходящей действительности определенным / неопределенным расстоянием.

Данный фактор (расстояние) обладает словесно обусловленным качеством, которое преподносится либо временем, либо территорией. Так, центральный персонаж писателя А. Проханова является профессиональным словесником, в частности, журналистом.

В жизненной ситуации, когда герой предстает не просто корреспондентом, а режиссером-документалистом или художником, он отправляется в путешествие с целью осознать и зафиксировать случившееся событие в собственных тезисах, комментариях или кадровых эпизодах. Доблесть такого типа характеризуется в современном обществе как отпор существующему беспределу, поднятому на вершину тотальной нормы. В пример этому, подходят суждения Г. Белля: "Следовало бы увековечить память тех, кто совершил почетное преступление неповиновения приказу и погиб потому, что не хотел убивать и разрушать" [12; 189]. Определенно имеется в виду личность, располагающая особым даром и способная рассказать об испытанном остальным окружающим, транслировать личные сведения, привлечь их к соучастию в случившемся [1; 8].

В событийно-хроникальной прозе 2000-х годов автобиографизм представлен следующими отличительными признаками: причастие к наружным подробностям и явлениям (к примеру, в "Патологии" у З. Прилепина), или внимание к личным волнениям и чувствам. В таком направлении сюжетная линия продвигается методом включения в текст своеобразных писательских упоров, которые придают экспрессивную грань изложения, а значит, – и его продуктивность при восприятии читателем. Для того, чтобы добиться желаемого эффекта писатель воздействует одновременно эпическим и лирическим способом, наделяя этим своего персонажа (к примеру, у Н.Н. Прокудина в "Постарайся вернуться живым"). Автор повествует о фронтах уже в текущем, новом веке, называя тех, "кто подставлял себя под пули ради спасения других", героями ратных достижений и наградений. Избрание писателями фронтовой проблематики отражает собственно-биографические и хроникально-событийные факторы, как исключительно вероятный, на их взгляд, путь к жизненной истине.

В каждом текстовом эпизоде подобной отечественной литературе конца XX начала XXI веков присутствует неповторимый хронологический стиль, нейтральное название протекающих явлений (независимых напрямую от военных операций). Кроме этого, содержится комментарий автора о сути нравственного понятийного аппарата: "долг", "боязнь", "покорность". Следствием таких рассуждений становятся колоритные формулировки типа: "Война – это скопление всех вселенских сил... Темных и светлых... Здесь души сшибаются с душами..." (В. Николаев "Живый в помощи...") [8; 21]. Присутствие автора-повествователя в тексте придает изложению такой признак, как возможность бытийного присутствия в нелогично трансформирующемся либо необъяснимом мироздании. Писатель не может изменить данные о своей судьбе, однако непосредственно по ее очертаниям можно выразить собственный эстетический взгляд на нее.

Хроникальная основа в записках афганца – В.Н. Николаева опирается не столько на архивные изыскания и факты, сколько на биографические размышления автора. Центральный персонаж, которым выступает непосредственно рассказчик, восстанавливает в памяти испытанное военное событие периода 70-х гг. XX века, то есть во время обучения в военном училище и трагических событий в Афганистане.

Между реально состоявшимся прошлым писателя и моментом изложения им имеющихся воспоминаний происходит осязаемый слой авторского жизненного стажа. Литературный прием, когда писатель адресует центральному герою собственное имя, приводит к тому, что у читателя возникает убежденность в том, что изложенное является правдивой и достоверной историей.

Документализм приобретает новое звучание: отечественный боец пережил военную трагедию, однако не отчаялся, а лишь душевно утвердился в жизни и достойно перенес нелегкие тяготы. "Живой в помощи" воспринимается не как сухая документалистика, а увлекательное и поучительное чтение.

В другой современной документалистике – "Кулинар Гуров" (2003) И. Бражникова имеют место подлинные события детства и отрочества. По словам автора, в тексте приведены настоящие имена тех, кто тогда был детьми, тех, с кем он посещал детский сад. Эти герои детства и совместное бытие автора с ними оказываются фактическим материалом для некой религиозно-мистической притчи. С ребятами время от времени переговаривается кулинар того же учреждения. Эти разговоры насмешливо и синхронно, достоверно и основательно отображают коммуникационную манеру, характерную для беседы таинственного старца с последователями. Случай с кулинаром и детские волнения используются в роли условной субстанции для отображения эмоций не только детской, но и совершеннолетней личности.

Новый характер традиций документализма проявляется и в произведении А. Гостевой "Travel Агнец" (2001), в котором художественное начало признается весьма модернистским, однако связанным по происхождению с западным так называемым "новым журнализмом". Возникновение образа героя-журналиста в современной отечественной прозе не случаен. "Новый журнализм" был постигнут либо основательно повторен В. Аксеновым в его повести "Круглые сутки нон-стоп". Восприятие произведений названных авторов оказывается системно аналогичное: внушительный, до компонентов выведенный образ автора представлен в роли ведущего изложения фактов, событий, исторических процессов. Надо подчеркнуть, в традиционно в документализме выведены запоминающиеся родственные лица: отец, дед, бабушка, и следом – изображение других родственников и товарищей.

В отечественной литературе XXI века в прозаических художественных произведениях часто содержится документальный фактор, который включает различные приказы, справки, отчеты, доклады. Ярким примером стали романы и повести Л. Улицкой "Даниэль Штайн, переводчик" (2006), "Священный мусор" (2012), "Лестница Якова" (2015).

В романе "Даниэль Штайн, переводчик" автор подчеркивает достоверность событий, включая фрагменты "из биографии", "надписи к фотографиям", разнообразные ремарки. Введение образа Папы Римского Иоанна Павла II придают произведению историчность и правдивость. В самом тексте романа встречаются письма Л.

Улицкой, повествующие о работе автора над созданием своего шедевра. В данном художественном произведении дана установка на подлинность событий и исторических личностей, что приводит к восприятию книги в качестве документальной.

Другое её произведение – "Священный мусор", отражает биографию самого автора. Л. Улицкая строит свой диалог с читателями с помощью художественных образов и личной семейной истории. Эта тематика расширена в романе "Лестница Якова": события охватывают большой промежуток времени – с 1905 по 2011 год – семьи Осецких, соотносимых с историей России. Новизна характера традиций документализма прослеживается в следующих тенденциях: обилие подробных описаний быта, скрупулезная детализация, введение писем, дневников в само содержание романа. Происходит процесс преобразования в одно целое мемуарной, автобиографической и документальной составляющих. На основании этого, можно сказать, что подлинные воспоминания Л. Улицкая модернизировала, её переосмысление исторических событий привело к созданию нового направления художественной прозы с элементами документализма [71; 132].

Отметим ещё одно направление в документализме отечественной литературы, так называемый "новый реализм". Внимание привлекает событийно-хроникальный сюжет А. Варламова во многих автобиографических произведениях. С использованием метода игры слов писатель пытается закрепить райские уголки детства, например в романе "Купавна" ? это белоцветное сочетание купальского огня, волшебных трав и купели. Натурально содержащий слой собственного детства автор показывает через многочисленные перечисления, упоминая все природные и садоводческие подробности: "долгие дни, измеряемые цветением и созревaniem клубники, смородины, малины и вишни, падающими яблоками, огурцами, патиссонами, кабачками, первыми клубнями молодой картошки, заготовкой варений, походами в лес за грибами и купанием"; в саду "были нарциссы, тюльпаны и анютины глазки, незабудки, колокольчики и ромашки, флоксы, пионы и ирисы, васильки, крокусы и гладиолусы, а еще георгины, астры, табак, фиалки, маргаритки, маки, ноготки, китайские гвоздики, розы, люпины, лютики и тигровые лилии"; "все лето пололи, поливали, пасынковали, окучивали, подвязывали, подкармливали, опрыскивали, боролись с вредителями и болезнями" [2; 53].

В итоге, методом постижения подобного авторского насыщенного и многогранного очерчивания подлинного бытия повествователя достигается подлинность и автобиографичность произведения. Ведущей целью такого рода публицистики оказывается оптимальное присутствие автора. Однако, подчеркнём, имеется в виду нали-

чие не писательского лица, а мобильного и душевно цельного его проявления в собственном диалоге или полилоге с окружающим миром. В настоящих, автобиографически и личностно-обусловленных качествах и состоит художественный резерв событийно-хроникального творения.

Актуальным вопросом в отечественной литературе остается установление типологии документализма, по-

скольку тематика многообразна: здесь и истории из жизни, и документы памяти, и письма-воспоминания, и автобиография, и документ событийности. Новые составляющие документальной прозы, построенные на сюжеторазличных стратегиях, наблюдаемые в литературе XXI века, способствуют формированию у читателей целостной картины окружающего мира, мира, в котором существенное место занимает точка зрения автора, его оценка истории развития страны и реальной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 2009. – 424с.
2. Варламов, А. Купавна [Текст] / А.Варламов // Новый мир. – 2000. – № 10-11. – С. 7-66; С. 31-66.
3. Гамзатов, Г. Преодоление. Становление. Обновление: На путях формирования дагест. сов. лит. [Текст] / Г. Гамзатов. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 2006. – 461 с.
4. Дедков, И. Василь Быков: Очерк творчества [Текст] / И. Дедков. – М.: Сов. писатель, 1980. – 288 с.
5. Залыгин, С. Черты документальности [Текст] / С.Залыгин // Вопр. лит. – 1970. – № 2. – С. 48.
6. Липовецкий, М. ПМС (постмодернизм сегодня) [Текст] / М. Липовецкий // Знамя. – 2002. – №5. – С. 200-211.
7. Некрасова И. Расширение границ документального в произведениях новейшей русской литературы [Текст] / И. Некрасова // Филология и культура. – 2016. – № 3 (45). – С.129-133./
8. Николаев, В. Живой в помощи [Текст] / В. Николаев // Роман-журнал XXI ВЕК. – 2000. – № 2. – С. 20-73.
9. Оляндер, Л.К. Документалистика о Великой Отечественной войне [Текст] / Л.К. Оляндер. – Львов: Свит, 1990. – 143 с.
10. Суровцев, Ю. В 70-е и сегодня: Очерки теории и практики современного литературного процесса [Текст] / Ю. Суровцев. – М.: Сов. писатель, 1985. – 574 с.
11. Урицкий А. Тонкие круги одиночества [Текст] / А. Урицкий // Дружба народов. – 2003. – № 10. – С.49-57.
12. Циплаков, Г. При чем тут маркетинг? (Средний класс как вопрос русской литературы XXI века между жанрами) [Текст] / Г. Циплаков // Знамя. – 2006. – №4. – С. 179-191.

© З.Н. Чукуева, (turkdgp@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики».

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

STRUCTURAL-SEMANTIC MEANS OF CREATING COMIC EFFECT IN RUSSIAN FOLK TALES

Lifang Chen

Annotation

The article is devoted to the analysis of grammatical, formal (structural-semantic) and lexical means of language used in Russian folk tales as a basis for creating a comic effect. The author gives vivid language examples of the means of dialogizing the monologue, nominative headings, tropes and figures to confirm the provisions put forward.

Keywords: comic effect in Russian folk tales, rhetorical attractants, dialogized monologue, irony, satirical reception.

Чэнь Лифан

Аспирант,

Санкт-Петербургский

государственный университет

Аннотация

Статья посвящена анализу грамматических, формальных (структурно-семантических) и лексических средств языка, используемых в русских народных сказках как основа создания комического эффекта. Автор приводит яркие языковые примеры средств диалогизации монолога, номинативных заголовков, тропов и фигур для подтверждения выдвинутых положений.

Ключевые слова:

Комический эффект в русских народных сказках, риторические аттрактанты, диалогизированный монолог, ирония, сатирический приём.

Общеизвестен тот факт, что наиболее привлекательными литературно-художественными произведениями являются юмористические тексты. Безусловно, истоком создания комического послужило народное творчество, в том числе и русская народная сказка. Различные языковые и семантические средства указанного жанра являются объектом научного исследования многих современных учёных (А. А. Гайназарова, Ф. Г. Фаткуллина, В. И. Карасик, Е. В. Сафонова, Г. Г. Фёфелова, И. В. Цикушева и др.). Однако малоизученным, на наш взгляд, остаётся проблема семантико-грамматической организации комического эффекта в русских народных сказках А. Н. Афанасьева. Как нам удалось выяснить, на основе языкового анализа 52 русских народных сказки основными средствами, придающими им комическое звучание, являются следующие: риторические аттрактанты, яркие номинативные заголовки, диалоговая форма повествования, различные виды связи предложений в структурно-семантическом целом. Обратимся к их характеристике.

Для выявления структурно-семантических языковых средств создания комического эффекта в жанре народного творчества нами были разработаны критерии отбора и анализа образцов русских народных сказок. Первым из них является *малый объём*: динамичность фабулы отражается в ограниченных синтаксических конструкциях.

Вторым признаком стало наличие *ёмкого номинативного заголовка*, поскольку его семантика в сжатом виде передаёт содержание всего текста, в первую очередь, юмористическое. В качестве третьей характерной черты были выбраны риторические аттрактанты (термин А. К. Михальской [3]) – языковые *средства привлечения внимания*: диалоговая форма повествования, диалогизация монолога и другие. Представим ключевые результаты анализа.

В качестве *структурных единиц*, как правило, в начале повествования, используются простые, сложные бессоюзные и сложносочиненные предложения, связанные между собой цепной и параллельной видами связей предложений в тексте. Очевидно, такая форма структурно-семантической организации сюжета способствуют передаче динамичности и алогизма фабулы. Например, в сказке "Петухан Куриханович" [5] используются сложные синтаксические конструкции лишь в завязке: "*Жила-была старуха, у нее сын Иван*" (бессоюзное сложное предложение, эллипсис, цепная связь предложений). "*Раз Иван уехал в город, а старуха одна осталась дома*" (контраст, сложносочиненное предложение). Два последних высказывания представляют собой простые предложения, осложнённые однородными сказуемыми с параллельной связью предложений в тексте: "Зашли к ней два солдата и просят чего-нибудь поесть горяченького. А старуха скупа

была и говорит" [5]. Сказитель осуществляет подготовку читателя к ожидаемым нелогичным событиям: просьбе солдат и отказу старухи. Как правило, содержательное несоответствие действительного и ожидаемого (ложь одного из героев) являются основой юмористического повествования. Концовка сказки представляет собой синтаксический параллелизм, оформленный с помощью ключевых существительных "солдаты", "старуха", "мать", а также глаголами "поели", "посидели", "пошутили", "посмеялись" (Русская народная сказка "Петухан Куриханович" [5]). Использование лексических повторов ("доставила", "достать"), рядов однородных членов–сказуемых, средств разговорной речи (слов и выражений со сниженной эмоциональной окраской) придают юмористическую окраску содержанию данного текста, поскольку представляют собой ироническое семантическое целое: старуха бегаёт по двору, скотину загоняет, а солдаты петуха из печки вынули. Кроме того, в рассматриваемой сказке нетипичным является сочетание русского имени и отчества Петухан Куриханович. Лексема "петухан", как правило, не употребляется со словом "куриханович". Прибавление к основе суффикса –ан– свидетельствует об уважительном отношении к герою в обществе: он употребляется для образования в разговорной речи слов типа "братан", "мальчуган" для придания особой эмоциональной окраски. Данная морфема свидетельствует о значимости носителя слова – существительного, обозначающего животное, его признак, указанный в исходном слове "петух". Очевидно, диалектное отчество Куриханович образовано от слова "Курихан", которое, в свою очередь, произошло от существительного женского рода "курица" [8], что нехарактерно для словообразования: отчества в русской традиции создаются с помощью прибавления к имени существительному суффиксов *мужского рода*. В основе такого словосочетания заложен комизм, морфемы формируют несоответствие в сознании адресата реалий действительности и сказочных событий.

Цепная, параллельная связи предложений, преимущественно бессоюзные сложные, сложносочиненные предложения являются основой структурирования в рассматриваемом образце. Простые предложения осложнены рядами однородных членов предложения, выраженными глаголами с семантикой движения "хватиться", "перевести", обозначения умственной деятельности человека "загадать", "понять". Диалоговая форма служит быстрой смене событий, ориентации на адресата речи. Контраст, противопоставление, ономастика создают "сказку в сказке" с помощью говорящих наименований, имен собственных (имен–отчеств), используемых героями в качестве урбанистических названий "Печинск–Горшечинск", "Сковородинск", "Сума–Запленченка": "Слушайте: в Печинске–Горшечинске, под Сковородинском, сидит Петухан Куриханович. – Эх, старая! Поздно хватилась: в Печинске–Горшечинске был Петухан Куриханович, да переведен в Суму–Запленченку, а теперь там Заплетай Расплетай. Отгадай-ка вот, бабушка,

нашу загадку" [5]. При этом каждое из словосочетаний представляет собой либо дополняющие друг друга ("печка" и "горшок", "сума", "плечи"), либо антонимичные ("заплести", "расплести") семы. Ирония сосуществует с намёком: чтобы отгадать загадку, нужно понять лексическое значение слова, однако отрицательный герой (старуха) этого сделать не может ("Но старуха не поняла солдатской загадки") (Русская народная сказка "Петухан Куриханович" [5]).

Особую роль в структурно–семантической организации языкового материала играет *диалоговая форма* повествования. Она представляет собой концентрический метод диспозиции, предполагающий постоянный возврат к предмету речи, воспроизводимый в загадках, которые герои задают друг другу. Так создаётся "юмористическая тональность общения, т.е. стремление сократить дистанцию и критически переосмыслить в мягкой форме актуальные концепты" [6, с. 170].

Заголовки, необходимые для идентификации сказки, прямо или косвенно указывают на их юмористический характер. Отбирая образцы, мы ориентировались на номинативные заголовки, которые представляют собой: во-первых, языковую игру ("Петухан Куриханович"); во-вторых, характеристику героя ("Сопливый козёл", "Беспамятный зять" – эпитеты, указывающие на отрицательные характеристики персонажей); в-третьих, однородные и неоднородные наименования ("Иванушка и домовая", "Мужик, журавли и медведь", "Барин и староста", "Безногий и слепой богатыри"); в-четвёртых, заголовки–предложения ("Афонька! Где был–побывал?", "Как Иван–Дурак дверь стерег"). Как видно из приведённых примеров, названия в юмористических сказках отражают их сатирическую природу, комическое содержание.

Еще одним распространённым приёмом композиции является контраст, основанный на речевом каламбуре "Афонька! Где был–побывал?" [4]. Основа структуры – диалог двух героев–антагонистов – барина и крестьянина. В нём используются антонимия ("был–побывал", "убежал", "лежал"), гиперболизм ("вспыхнул", "загорелся"). Комизм ситуации передаётся в шуточной краткой форме в сказке: беседует барин и Афонька – представитель крестьянства. Необычное изложение, представленное не только в содержательном (откровенность простого человека и разоблачаемые превосходство и хвастовство дворянина), но и в структурном отражении формирует шуточная рифма, подкреплённая языковым обоснованным повтором. Градация усиливает юмористическое содержание. Указанные приёмы являются определенной моделью смехового поведения, принятой в русской лингвокультуре [2, с. 252].

Повествование как структурно–смысловой тип текста является способом оформления смеховой тональности

сказки. Как известно, классическое повествование строится на основе завязки, развития действия, кульминации, спада действия и развязки. Повествование в сказке "Иванушка и домовой" [5] основано на 20 глаголах в простых нераспространенных предложениях ("ходить", "заходит", "быть", "услышать", "пыхтеть", "испугаться", "хлопнуть", "побежать", "развязаться", "прищемить", "упасть", "закричать", "спасти", "держат", "прибежать", "поднять", "разобрать", "быть") и 20 имён существительных ("Иванушка", "лапти", "изба", "мать", "дом", "двери", "оборка", "лапоть", "нога", "домовой", "соседи", "дело", "оборка", "квашня", "смех"), лишь одно слово – краткое имя прилагательное "жив". Следовательно, поэтичность речи заключается не в описательном характере, а в его народно-смеховой форме, которая представляет собой, по мнению А. А. Гайназаровой, "текст, погруженный в ситуацию смехового общения" [1, с. 137].

Прагматический анализ юмористических русских народных сказок позволяет выявить три разновидности нарушений: 1) эффект обманутого ожидания; 2) противоречие или несоответствие; 3) непредсказуемость. Рассмотрим, каким образом они выражаются на языковом уровне. В известной сказке "Как Иван-дурак дверь стерёг" [5] объединены сразу три указанных нарушения. Первое нарушение заключается в том, что Иванушка не выполняет завет братьев, нарушает запрет: он не остаётся дома стеречь дверь, а исполняет своё желание и едет в поле к родственникам вместе с охраняемым предметом. Вторая разновидность искажения традиционного смысла усилена нелогичностью речевых реплик героев: "Ты куда собираешься?", "С вами на работу", "взвалил дверь на плечи", "пришел на пашню", "есть захотел". Третья разновидность соблюдена в сказке лишь в построении диалога. Двое умных сыновей оказываются обманутыми дурачком, хотя, казалось бы, его действия вполне оправданны. Соотнесение лексических значений, представленных семантическим полем лексем "стеречь", "работа", "есть", приводит к нарушению привычных (прямых и переносных) значений слов.

Морально-нравственный эффект, представленный в легкой, комической форме, создаётся и при помощи эмоционально-окрашенных языковых средств, включает тропы и фигуры, продуктивные для достижения сатирического звучания. Например, грамматические повторы: сопливому козлу, у которого "сопли бегут", "слюни текут", бедняжка жена-красавица "то и дело платочком утирает, не брезгует" [4]; в сказке "Беспамятный мужик" [5] сочетание высокой и сниженной лексики в сравнении приводит к смеху: "кушанье" – "кисель": "Вишь как взболтал грязь-то в канаве, словно кисель!.." (Русская народная сказка "Беспамятный мужик" [5]).

Основным синтаксическим приёмом построения русской народной сказки "Барин и староста" [5] является

синтаксический параллелизм: предложения строятся по схеме: подлежащее + сказуемое + второстепенные члены предложения; дополнение + обращение + сказуемое + дополнение; повествовательное предложение – вопросительное предложение. Усилению его содержания служат лексические повторы ("загореться", "кладовая", "собрать", "прогневить Господа Бога" и др.), синонимия ("батюшка-барин", "грош", "копейка", "куль", "мешок", "письмо", "грамота").

Диалог двух героев максимально приближен к общедно-бытовому разговору:

- С вашего иноходца кожу снимали; ножничек-то мал, я его и сломал.

- Да разве мой конь помер?

- Нет, подох.

- Как же он издох?

- Не он наперед подох, а ваша матушка, батюшка-барин!

- Ужли и матушка померла?

- Да как у Фомки овин горел, она в те поры сидела в каменном доме в верхнем этажу, а форточка пола была: искорка ей на ногу скакнула, барыня упала да ногу-то и свихнула" [5].

Смех в нём вызывает отрицание предмета речи – бедседы, превращающейся в насмешку с помощью специфического образования разговорно-бытовых слов: уменьшительно-ласкательных суффиксов ("ножничек", "письмецо", "подузбочек", "Ерёмка", "Варфоломейка"), просторечий ("загорелось", "осталось", "помереть", "изломать", "скакнуть", "таковской", "така", "чугунна", "девать", "этажу", "дому"), лексем со сниженной эмоциональной окраской ("свихнуть", "дура", "подох", "издох").

Выявлению способов диалогизации монолога как дополнительного средства создания комического был посвящен анализ сказки "Зяц". Структура представляет собой монолог героя, оформленный в виде прямой речи: внутренняя речь героя вербализована, озвучена. Несобственно-прямая речь героя представляет собой гиперболу: "заживу" – "убью" – "продам" – "куплю" – "вырастут" – "принесут" – "приколю" – "накоплю" – "продам" – "заведу" – "женюсь" – "родит" – "пахать" – "сидеть" – "порядки наводит". Усилению прямой речи служат слова автора-рассказчика, передающего испуг зайца от сильного крика мужика – мечты растаяли, так как заяц убежал. В этом и заключается комизм: счастье крестьянина зависит от маленького животного. Основная фигура речи прерывается включением еще одной прямой речи того же героя, но адресованная иному слушателю: "Эй вы, ребятки, – крикну, – Васька да Ванька! Шибко людей на работе не подгоняйте, видно, сами бедно не жилали!" (Русская народная сказка "Зяц" [5]).

Диалогизация монолога как форма передачи предмета речи (фабулы сказки) используется и для создания контраста эмоционально-стилевых контекстов. В научной литературе [7] принято называть данный приём стилистическим и лексическим алогизмом. Рассмотрим, ка-

ким образом он реализуется в русской народной сказке "Мужик, журавли и медведь" [4]. Фабула проста: мужик решил проучить журавлей, повадившихся у него в огороде горох клевать. Сказка представляет собой диалоги мужика и животных, мужика и третьих лиц (людей). Интересен тот факт, что в современной коммуникации диалогизация монолога служит убедительности преимущественно действенной (судебной) речи. Структурный анализ показал, что, действительно, передача событий напоминает пересказ фабулы дела в обвинительной речи. Однако в сказке данная структура используется как приём смехотворчества народа: это одновременно и защита несчастного мужика, и порицание его злоключений. Формальная организация текста представляет собой комическое повествование (1,2,4,5,7 абзацы), в которое органично включены два диалога (3,6 абзацы) и косвенная авторская речь (концовка сказки). Первая реплика героя (мужика) является смысловым продолжением предыдущего повествования, вторая реплика (хозяина медведя) – семантическим алогизмом: *"Ага, - говорит, - попался! Вишь, ты какой бездельник, Мишка: не просто за медом пришел, на телеге приехал!"* (Русская народная сказка ""Мужик, журавли и медведь" [5]).

Сказка "Жена-спорщица" [5] является антитезой, как на семантическом уровне языка, так и на формальном.

Организация предложений проста: слова автора, прямая речь, диалог героя.

Антонимы *"бритый", "стриженный", "перекладина", "мост", "вниз", "вверх"* создают контраст целого текста.

Таким образом, выявление специфики комического эффекта в русских народных сказках, безусловно, должно быть основано на осознании лингвистической природы используемых средств, их структурно-семантической организации. Риторические аттрактанты служат в сказках выражению авторской интенции – притяжению или отталкиванию адресата, манипулированию им, вызову сильной, немедленной мыслительной и эмоционально-чувственной реакции. Они придают речи загадочность, неожиданный поворот в повествовании, непредсказуемость, усиление эффекта от употребления привычных средств в новой нетипичной речевой ситуации. Средства привлечения внимания, номинативные заголовки, диалогизация монолога, особое повествование и раскрытие фабулы являются ключевыми средствами в сложной природе смехотворчества. Следует понимать, что анализ указанных средств основан на употреблении их в конкретной речевой ситуации, благодаря которой достигается продуктивный коммуникативный эффект, прежде всего, комический.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайназарова А. А., Фаткуллина Ф. Г. Понятия "текст" и "дискурс" в современном языкознании [Текст] / А. А. Гайназарова, Ф. Г. Фаткуллина / Актуальные проблемы русской и сопоставительной филологии: теория и практика. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – С. 137–139.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик // Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
3. Михальская, А. К. Риторическая парадигматика: воздействующая сила слова-лексемы (примитивы, аттрактанты и репелленты) / А. К. Михальская // Риторика и культура речи: наука, образование, практика : материалы XIV Международной научной конференции [Электронный ресурс]. – URL: <http://l-skazki.ru/smeshnye-yumoristicheskie-narodnye-skazki.html> (дата обращения: 08.03.2017).
4. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева [Текст] / В трёх томах. Том II. Издание подготовлено Л. Г. Баран, Н. В. Новиков. – М. : Наука, 1986. – 465 с.
5. Русские народные сказки [Электронный ресурс] // Сказки. – URL: <http://l-skazki.ru/smeshnye-yumoristicheskie-narodnye-skazki.html> (Дата обращения: 08.03.2017).
6. Сафонова, Е. В. Формы, средства и приёмы создания комического в литературе [Текст] / Е. В. Сафонова // Молодой ученый. – 2013. – №5. – С. 474–478.
7. Фефелова, Г. Г. Языковые средства выражения комического в юмористическом дискурсе [Текст] / Г. Г. Фефелова / Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 9(63): в 3-х ч. – Ч. 2. – С. 170–173.
8. Черкасова, Э. В. Имя собственное в тамбовском фольклоре [Электронный ресурс] / Э. В. Черкасова // URL: <http://www.familii.ru/onomastika/antroponimi-sa/5879-cherkasova-e-v-ima-sobstvennoe-v-tambovskom-folklore-tezisy-doklada-na-xlviii-nauchnoj-studencheskoj-konferentsii-po-toponimike-2013-g> (дата обращения: 13.08.2017 г.).
9. Цикушева, И.В. Лингвистические средства создания комического эффекта в сказках / Цикушева И. В. Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение Выпуск № 10 / 2008 [Электронный ресурс]. – RL: <http://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-sredstva-sozdaniya-komicheskogo-effekta-v-skazkah#ixzz4aklrqpvW> (Дата обращения: 10.03.2017).

© Чэнь Лифан, (lifan.spb@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

**XXIX
IMPC 2018**
15-21 Сентября 2018
Москва, Россия

IMPC
INTERNATIONAL MINERAL
PROCESSING COUNCIL

www.impc2018.com
+7 (499) 705-79-25
info@impc2018.com

XXIX Международный конгресс по обогащению полезных ископаемых IMPC–EXPO2018.

Основные темы

- Технологическая минералогия.
- Измельчение и классификация.
- Физические методы обогащения – гравитационное обогащение, магнитная и электрическая сепарация.
- Химия поверхности. Фундаментальные основы флотации. Флотационные реагенты. Технология флотации.
- Переработка тонкодисперсных продуктов и шламов.
- Гидрометаллургия и технологии бактериального выщелачивания.
- Экологические проблемы и утилизация минеральных отходов.
- Моделирование технологических процессов.
- Окомкование, агломерация и спекание.
- Обезвоживание.
- Средства инструментального контроля и передовые модели интеллектуального управления.

Москва 15 – 21 сентября 2018. Центр Международной Торговли

**Международная выставка IMPC–EXPO2018
добыча и переработка минерального сырья.**

Эффективные технологии – ключ к успешному обогащению полезных ископаемых

Москва 16 – 18 сентября 2018. ЦВК «Экспоцентр», павильон 7, зал №1

Тематические направления выставки:

- Предприятия горнодобывающей и металлургической промышленности.
- Предприятия нефтяной и газовой отрасли и золотодобывающие компании.
- Производители и поставщики машин и оборудования для горной промышленности, шахт, горно-обогатительных комбинатов.
- Технологии, оборудование и приборы для обработки и обогащения полезных ископаемых.
- Геология и геофизика: оборудование, научные исследования, информационные системы.
- Научно-производственные центры, исследовательские и проектные институты.
- Экология. Охрана окружающей среды, экологический мониторинг полезных ископаемых.

Организаторы:

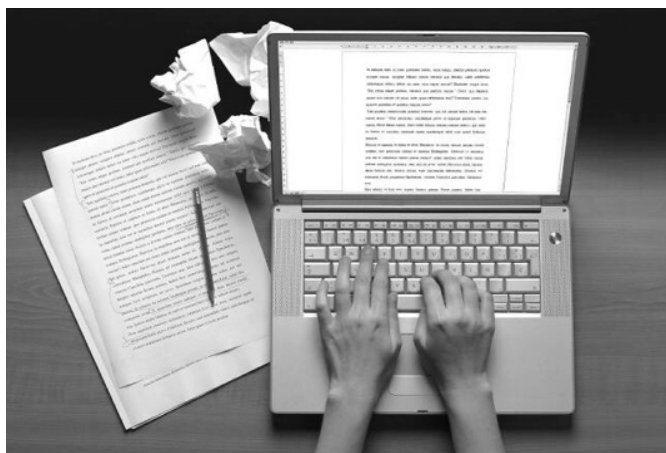
Спонсоры:

Официальный конгресс-организатор Международное Агентство Конгрессного Обслуживания МАКО

МАКО

<http://www.makongress.ru> / +7 499 705 79 25 / info@makongress.ru

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Afanasieva L. – Senior lecturer, Lomonosov Moscow State University

e-mail : afanasievalu@mail.ru

Alferova T. – Tutor, Lomonosov Moscow State University

e-mail : t.alferova@bk.ru

Alimova R. – Candidate of philological Sciences, Moscow state Institute of international relations

e-mail : ralimova@mail.ru

Anokhina S. – Dr.phil.habil. (Philology), professor, Togliatti State University, Togliatti

e-mail : anokhinasvetlana2016@efndex.ru

Belotserkovskaya N. – PhD, Assoc. Prof., North Eastern Federal University, Yakutsk

e-mail : beloc.nadezda@mail.ru

Blonsky L. – Russian open Academy of transport Russian University of transport, Moscow

e-mail : leonidas78@inbox.ru

Cai Hongyan – Graduate student, Lomonosov Moscow State University

e-mail : caihongyanangel@163.com

Chukueva Z. – Candidate of philology, assistant professor, Chechen State Pedagogical University

e-mail : turkdgpu@mail.ru

Goncharova A. – Associate Professor, The Russian Presidential Academy Of National Economy And Public Administration

e-mail : litera2306@mail.ru

Grigorieva O. – Associate Professor, Chelyabinsk state University, Chelyabinsk

e-mail : monjasova@yandex.ru

Homchenko A. – Lecturer, Omsk, Omsk Autoarmoured Engineering Institute

e-mail : xomanton11@rambler.ru

Ikonnikova A. – Senior Lecturer, North Eastern Federal University, Yakutsk

e-mail : ayelovskaya@mail.ru

Khabaleva E. – Orel State University of Economics and Trade

e-mail : katya.e2011@yandex.ru

Korosteleva M. – Senior Lecturer of the Tyumen State Institute of culture

e-mail : movarta@mail.ru

Kotov A. – Doctor of History, associate professor of St. Petersburg State University

e-mail : nilfgaard@gmail.com

Krinitssyna E. – Candidate of Pedagogic Sciences, docent, Federal State-Funded Institution of Higher Education "Chelyabinsk State Institute of Culture"

e-mail : ekrinitssyna@gmail.com

Kuzmicheva M. – Herzen State Pedagogical University, Saint-Petersburg

e-mail : kmaria2212@yandex.ru

Larionova L. – Senior Lecturer, Irkutsk National Research Technical University

e-mail : la144@mail.ru

Lifang Chen – St. Petersburg State University

e-mail : lifan.spb@yandex.ru

Lopatina G. – Postgraduate student, Moscow state University named after M.V. Lomonosov

e-mail : lopatina_gg@list.ru

Lukina A. – Siberian Federal University

e-mail : antonida_lukina@mail.ru

Murza A. – PhD in Philology, assistant professor, Lomonosov Moscow State University

e-mail : murzax@gmail.com

Novikova A. – Peoples friendship university of Russia, Moscow

e-mail : a1991n@mail.ru

Parshutina L. – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher, Center of Natural Science Education of the FBBU "ISRO RAO", Moscow

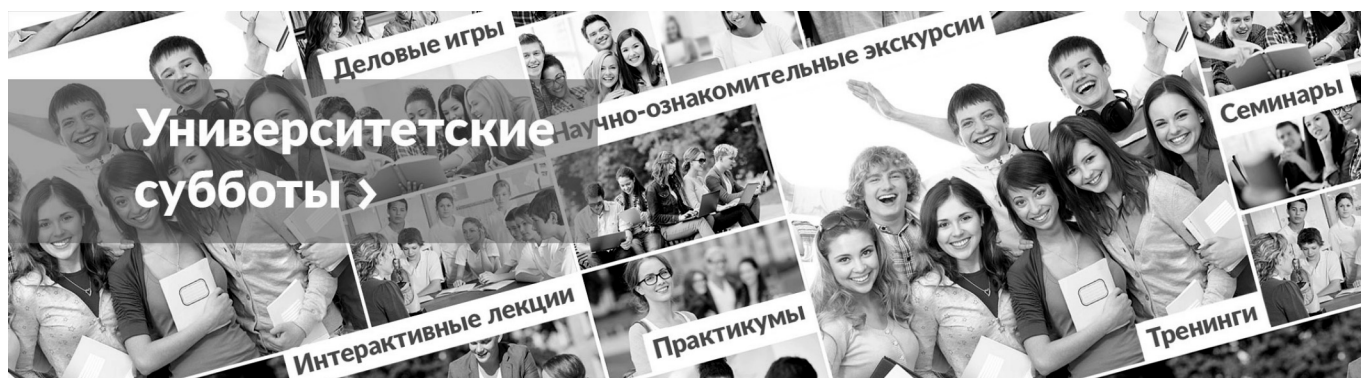
e-mail : parshutinala@mail.ru

Perebainos A. – Master of History, Assistant professor, South – Ural State Humanitarian–Pedagogical University

e-mail : nos.75@mail.ru

Permyakova T. – PhD, Assoc. Prof., North Eastern Federal University, Yakutsk

e-mail : ptuiara@mail.ru

Pinigina O. – Ph.D., Lecturer of the Arctic State Institute of Culture and Art, an active member of the National Academy of Tourism

e-mail : shangri_la99@mail.ru

Ptashko T. – Master of pedagogic, Assistant professor, South Ural State Humanitarian–Pedagogical University

e-mail : ptashko75@mail.ru

Semeshko N. – Tyumen State University culture, Tyumen

e-mail : Semeshkona@rambler.ru

Shepeleva Ju. – Siberian Federal University

e-mail : lady-bomg@yandex.ru

Smekalov S. – PhD History, Senior Researcher of the Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russia, Tula

e-mail : slsmek@mail.ru

Sopov V. – Graduate student, Lomonosov Moscow State University

e-mail : sopich2007@yandex.ru

Stepanov R. – Colonel of internal service, Academy of Federal service of execution of punishments (FSIN) of Russia

e-mail : roman28081989@mail.ru

Stepanov V. – Doctor of historical sciences, leading researcher at the Institute of Economy, Russian Academy of Sciences, Moscow

e-mail : valenij-stepanov@mail.ru

Suleymanov A. – The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk

e-mail : alexas1306@gmail.com

Tokareva O. – Saint Petersburg State University

e-mail : ov-tokareva@mail.ru

Vasileva A. – Saint–Petersburg State University

e-mail : littlegenius@yandex.ru

Vdovina Z. – Kuban state University, Krasnodar

e-mail : vdovinazlata@yandex.ru

Viktorov A. – Graduate student, Astrakhan State University Astrakhan

e-mail : amsis@inbox.ru

Voloshinova A. – Post-Graduate Student, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

e-mail : advoloshinova@gmail.com

Wang Fang – Ph.D. Assistant professor, Institute for the History of Natural Sciences, Chinese Academy of Sciences

e-mail : wangfang@ihns.ac.cn

Yartsev S. – Doctor of History, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russia, Tula

e-mail : s-yartsev@yandex.ru

Yarygin V. – Ph.D., independent researcher

e-mail : yaryginvv84@gmail.com

Yasiukevich I. – Lomonosov Moscow State University

e-mail : afanasievalu@mail.ru

Yixin Li – Tambov State University named after G..R. Derzhavin

e-mail : isinli@mail.ru

Zagranichnaya N. – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher, Center of Natural Science Education of the FBBU "ISRO RAO", Moscow

e-mail : natolzag2009@yandex.ru

Zhdanko T. – Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Irkutsk National Research Technical University

e-mail : lal44@mail.ru

Zubarev V. – Doctor of History, Professor of the Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russia, Tula

e-mail : parosta@mail.ru

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно–практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные – 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф–редактору научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" (e–mail: redaktor@nauteh.ru).